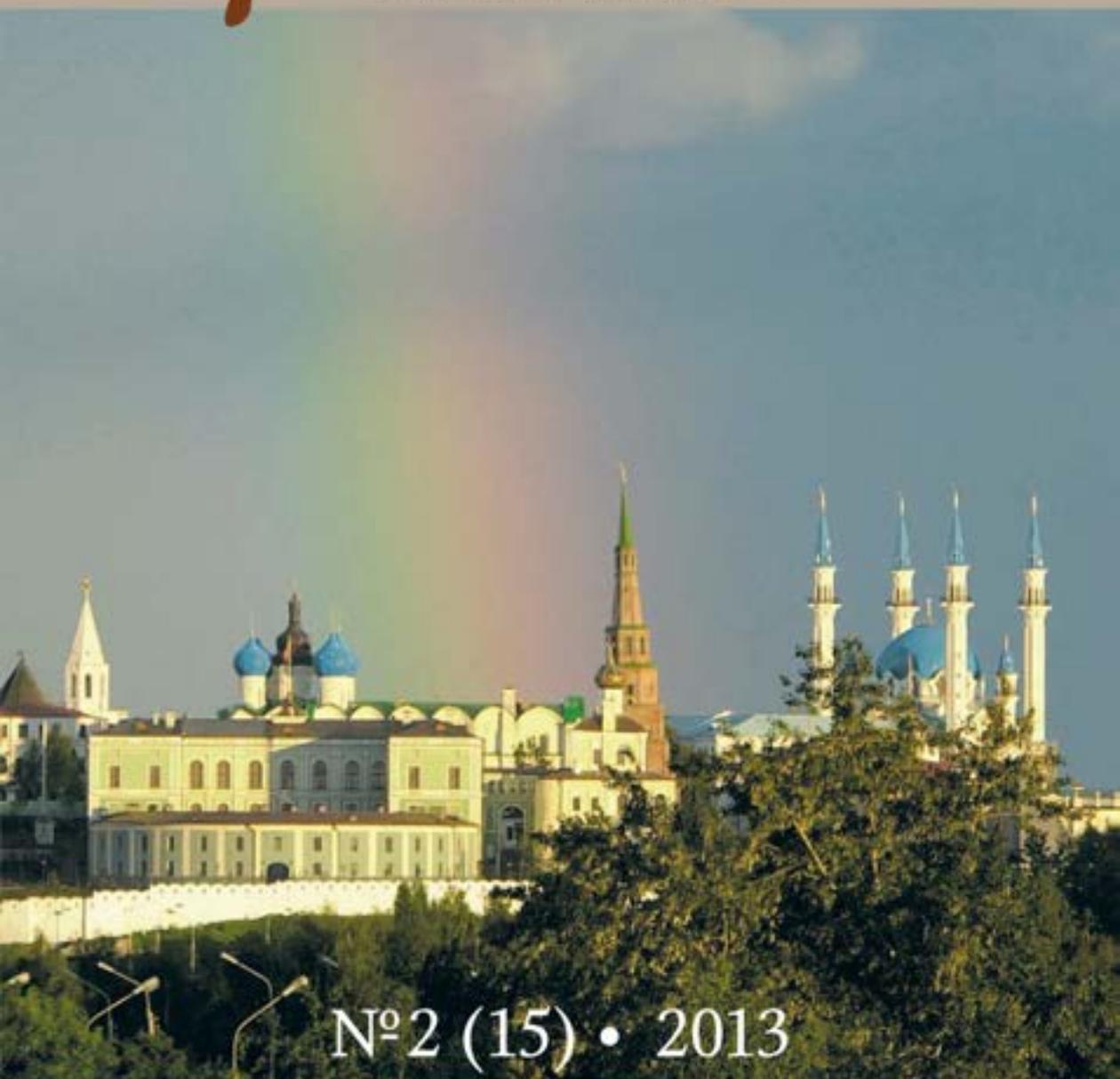

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН 12+

№2 (15) • 2013

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ. Стр. 25

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(15) • 2013

***Для меня Россия – страна простора,
страна песни, страна печали,
страна минора, страна Христа.***

Георгий СВИРИДОВ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – первый секретарь
правления Союза российских писателей;

Ибрагимов Ильфак Мирзаевич – главный редактор
журнала «Чын мирас» («Наследие»);

Ларионова Татьяна Петровна – исполнительный директор
республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Миннахметов Ирек Джаудатович – руководитель
республиканского агентства по печати
и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Переверзин Иван Иванович – председатель правления
Международного сообщества писательских союзов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев – член Союза российских писателей (Казань);

Н. М. Валеев – доктор филологических наук,
член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская – кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Елабуга);

В. Н. Гофман – протоиерей, член Союза писателей России
(Нижний Новгород);

В. А. Ермаков – заслуженный работник культуры РФ,
член Союза писателей России (Орёл);

Д. Е. Кан – член Союза писателей России (Новокуйбышевск);

В. А. Клячин – член Союза писателей СССР (Иваново);

С. Д. Кузнецихин – член Союза российских писателей (Красноярск);

О. В. Кузьмичёва-Дробышевская – член Союза российских
писателей (Набережные Челны);

С. Е. Михеенков – член Союза писателей России (Таруса);

Н. В. Переяслов – секретарь Союза писателей России (Москва);

Н. Б. Рачков – член Союза писателей России
(Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин – кандидат филологических наук,
член Союза российских писателей (Казань);

В. С. Суворов – доктор педагогических наук
(Набережные Челны);

М. А. Чванов – президент Международного
Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.

выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций по Республике Татарстан.

Заместители главного редактора – Александр Воронин,
Вера Хамидуллина

Редактор-корректор – Ксения Ларина

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке – Михаил Медведев

БУЛГАР, ВОССТАЮЩИЙ ИЗ ПЕПЛА

С незапамятных времён на земли Волжской Булгарии приходили религиозные миссионеры с Востока и Запада. У язычников этой самой северной страны, с седьмого века покорённой болгарскими, главным богом был небесный Тенгри, а нравственные законы здешних народов имели немало сходства с законами ислама. И неслучайно мусульманские дервиши, яркие сами по себе, убеждавшие мирно и очень понятно, имели среди них больший успех, чем грозящие карами своего Бога хазары-иудеи, или греческие и латинские христиане.

И вот в 310 году Хиджры (или в 922 году от Рождества Христова) после утомительного восьмимесячного путешествия в Болгар (по древнерусской транскрипции) прибыла долгожданная делегация от Багдадского халифа. Прославленных мудростью и праведностью мусульманских священников и политических послов правитель Болгар (или Булгар по местному тюркскому произношению) давно приглашал для принятия ислама в качестве государственной религии. В политическом отношении это объединяло соседствующие племена и способствовало союзу с Арабским халифатом (очень могущественной, но достаточно далёкой от Среднего Поволжья империей Евразии). К тому же официальное, по всем канонам, принятие ислама становилось весомым поводом для выхода волжских болгар из-под власти Хазарского каганата, хищно собиравшего дань с этой земли. Разноплеменный, но в основе своей тюркоязычный, с рунической письменностью (до сих пор не вполне расшифрованной), этот народ на берегах Волги и Камы издревле удачливо занимался не только охотой в окружающих лесах и рыбной ловлей в многоводных реках и озёрах, не только успешно разводил стада лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, но и умело культивировал зерновые, овощные, плодово-ягодные и лекарственные растения на земле, большую часть года покрытой снегом... Знали болгары и чёрную металлургию (на двести лет раньше европейцев), и секреты бронзы, золота, серебра (чеканя собственные серебряные монеты), и гончарное ремесло, и ювелирное, и выплавку цветного стекла, и резьбу по кости, из которой делалось немало нужных в хозяйстве инструментов... И лучше всех в мире они выделывали меха и кожу. До сих пор, в XXI веке, высший сорт обработки натуральной кожи на Востоке называют «аль булгари».

Во главе Багдадской делегации был знатный богослов-миссионер Ахмед ибн Фадлан, не скоро покинувший так понравившийся ему город на высоком берегу Волги, хорошо укрепленный со всех сторон. Его описания жизни булгар и сегодня — бесценный источник для историков. Но первое из дошедших до нас письменных упоминаний о столице Волжской Булгарии встречается в сочинении ал-Балхи, выдающегося представителя школы классической арабской географии, известного также под именами Сувар ал-экалим, Ашкал ал-билад или Таквим ал-булдан, написанном не позднее 920 года. «Булгар — имя страны, жители которой исповедуют ислам, и имя города, в котором находится главная мечеть. Недалеко от этого города лежит другой город, Сивар (Сувар), где также находится главная мечеть. Мусульманский проповедник сказал, что число жителей обоих городов более 10 000 человек. Дома деревянные и служат зимними жилищами; летом же жители расходятся по войлочным юртам. *(Да и в начале XXI века горожане охотно разъезжают по летним дачам. С.К.)* Тот же проповедник сказал о долгих летних днях и коротких ночах, и зимних коротких днях и долгих ночах».

Вполне вероятно, что к 889 году среди населения Волжской Булгарии, объединившихся соседствующих племён (угров, финнов, буртас, черемисов, мордвы и пришедших с севера за три века до булгар сувар, гуннов, алтайцев, сибирских татар), родственных по языку и культуре, было уже немало мусульман. И именно от этой даты веди и ведут свой отсчёт многие волжские мусульмане.

К 10 веку н.э. Булгар становится широко известным торговым и культурным центром на Великом Шёлковом пути, проложенном купеческими караванами из Китая через Азию в Европу. Самым быстрым и безопасным от грабителей в то время был водный путь по Волге. За изделиями булгарских мастеров уже в VIII веке по наезженным сухопутным и речным дорогам приезжали купцы из Хазарии, Вятского каганата, Киевской Руси, Армении, Персии, Хорезма, Византии, Венеции, Китая, Монголии, из Северной и Западной Европы, привозя в Поволжье одомашненных животных и товары своих умельцев.

Славился Булгар не только ремесленниками, земледельцами, скотоводами-пастухами, но и учёными. Здесь наиболее способные дети учились медицине, астро-

номии, географии, философии, поэзии. Их соответственно обучали читать и писать на разных языках. До наших дней дошли лишь поэтические фрагменты, из которых, однако же, ясно, что задолго до Коперника в Булгарии понимали, что земля отнюдь не плоская и вращается вокруг Солнца вопреки учению Птолемея.

Удивительно, как дошла до нас поэма «Кысса Юсуф», написанная Кол Гали в XI веке.

Уже в X веке гости Волжской Булгарии описывают просторные жилые дворы с амбарами и хозяйственными постройками. Деревянные дома, разделённые на две половины — мужскую и женскую, содержались в чистоте, обогревались центральным отоплением под полом. В городе наряду с артезианскими колодцами имелись водопровод и канализация, заключённые в прочные керамические или чугунные трубы, проложенные под булыжными мостовыми. Общественные бани (три из них сохранялись до XIX века) служили для мытья, отдыха и бесед — этакие клубы по интересам. Чистота и благоустроенность города, не знавшего чумы и прочих морозных язв, не переставала удивлять немало повидавших путешественников так же как и обширность городской территории и многолюдность. По территории, занимаемой городом и хорошо укреплённой валами, многослойными стенами и обрывистым высоким берегом Волги, и численности населения к началу X века Булгар во много раз превосходил средневековые европейские города, в том числе был в десять раз больше тогдашнего Парижа и Лондона, уступая лишь Багдаду.

Таким образом, к XII веку Булгар переживает экономический и духовный расцвет на зависть ближним и дальним соседям. Русские летописи называют столицу Волжской Булгарии Великим Болгаром, а тюркские и арабские источники добавляют к названию города определение «Золотой трон» («Алтунтхт»).

С принятием ислама руническая (древнетюркская) письменность всё чаще заменялась арабской вязью, которой был написан Коран. Праведникам и святым, захороненным в Булгарских мавзолеях, поклонялись и поклоняются вот уже более тысячи лет не только волжские мусульмане, но и паломники из разных частей Евразии и Африки, совершающие северный «хадж», очищающий от всех грехов. Представители разных других духовных верований и учений, приходя на эти святые места, нередко получали исцеление от многих болезней и достигали просветления души. Особенно известен в наши дни Источник Габдрахмана. По древней легенде дервиш (странствующий праведник) Габдрахман прибыл в Булгар из Арабского Халифата, прослышав о неизлечимой болезни юной княжны. Выздороветь она могла лишь в том случае, когда пришедший издали странник ударом посоха о землю пробьёт родник, а наверху его посоха расцветёт цветок. Всё это и проделал при большом числе свидетелей дервиш Габдрахман. И княжна, умытая и напоённая водой из нового чудесного источника, настоящей на лепестках того чудесного цветка, скоро выздоровела.

С 1223 года — за тринадцать лет булгары трижды отбивали набеги воинов Чингизхана, ещё до вторжения их на Русь. Однако в 1236 году Булгар был захвачен и сожжён несметным войском хана Батыея (Бату-хана) за то, что горожане посмели сопротивляться и дерзко защищаться перед лицом непобедимой орды. Жители соседнего Билляра оказались благоразумнее и сдались без боя, сохранив свой город от разрушения, а горожан от пленения.

И всё же вскоре Бату-хан не просто возрождает Булгар, но и устраивает здесь первую столицу Золотой Орды (ставку Бату-хана и Улуса Джучи). Уже в сороковые годы XIII века сюда прибывают русские, армянские и болгарские князья просить у Бату-хана «ярлыки на княжение». В этот же период здесь начинают чеканить золотоордынские монеты, и Булгар вновь становится главным экономическим, торговым,

культурным и культовым центром. Довольно скоро, к середине XIII века, отстраивается Соборная мечеть (Джами-мечеть) — первая постройка такого типа в Улусе Джучи. Известно, что при Чингиз-хане в его многоплеменной Орде не было религиозных предпочтений, даже в ставке (приближённым) дозволялось выбирать веру по своему усмотрению. Но уже при Бату-хане ислам становится главной религией. Хотя к инакомыслию здесь относились вполне терпимо. Веротерпимость, уважительное отношение к чужим храмам и сегодня характерная черта для народов Татарстана. Вслед за Джами-мечетью строится Ханский дворец. И в начале XIV века появляются минареты, мавзолеи, караван-сарай для купцов с Востока и Запада. Чингизиды Золотой Орды, в отличие от многих завоевателей, устанавливали довольно щадящую дань — «в десятину с дыма», то есть с хозяйства. При сыновьях и внуках Чингиза (до «нелегитимного» захвата власти «беспредельщиком» Мамаем) справедливый порядок защищали трое судей и хан. Чингизиды быстро искоренили разбой на дорогах. В китайских летописях говорится, что при Чингизе можно было невредимо проехать с золотым блюдом на голове от Чина до Мачина (через все монгольские степи). Ими проложены дороги с постоянными дворами (ямами) и почтой, охраняемыми быстрыми всадниками. Не потому ли Русь терпела монголо-татарское иго почти триста лет, власть которого казалась милосерднее власти местных князей?

Уже к 1361 году в Булгаре насчитывалось десять тысяч двадцать четыре дома. Причём особенно интересными в этом краю с суровыми зимами казались белокаменные трёхъярусные (трёхэтажные) дома с богатым внутренним декором. Чудом сохранилась так называемая Чёрная палата, сожжённая воинами Булак-Тимура (Хромого Тамерлана), завидовавшего богатству золотоордынского Булгара, процветавшего на Великом Шёлковом пути. Пользуясь феодальной смутой в Орде, он предпринял поход на Булгар в 1361 году. И не просто разрушил, разграбил славный город, но вывел его жителей за городские стены и приказал своим всадникам топтать людей, не щадя ни детей, ни женщин.

И всё же Булгар, превращённый в «ничто и небытие» Булат-Тимуром, вновь начал обретать духовное и материальное величие, привлекая к себе завистливое внимание сопредельных князей. В 1431 году московское войско под предводительством князя Фёдора Пёстрога, посланного великим князем Василием II (Тёмным), привело город к окончательной гибели («... воева их и всю землю отняша... и бысть Казань стольный град вместо Брягова града Болгарского»). Но и после жестокого разорения и опустошения Булгар не перестал быть местом паломничества мусульман к своим святыням.

Монументальные сооружения из светлого камня, удивительно гармоничные при всей лаконичности архитектурных форм, на протяжении веков стойчески сохраняли величие несмотря ни на что. Ни на грабительские набеги ушкуйников, ни на строительство мужского православного монастыря с 1712 года поверх мавзолеев мусульманских святых и на развалинах минаретов, чтобы отвести от этих мест паломников мусульман из ближних и дальних стран, ни на безжалостные ветры времени, ни на небрежное отношение новопоселенцев, разбиравших и растаскивавших уцелевшие от завоевателей каменные строения. И даже камни с руническими надписями с могил и мавзолеев кощунственно использовались для мощения дворов. Родства не помнившие поселенцы распахивали древнее городище, выбрасывая или продавая старинные артефакты. Но ничто не смогло до конца уничтожить бессмертный дух древних булгар.

Пётр Первый, побывавший в Булгаре перед Азовским походом, удивился необыкновенности здешней старины. Прибыв в Астрахань, он писал во 2 день июля 1722 г. казанскому губернатору А. П. Салтыкову: «Господин губернатор! В бытность нашу

в Булгаре видели мы, что у старинного болгарского строения башни (или колокольни) фундамент испортился, и оный подлежит подделать вновь. Того ради пошлите туда ныне человек двенадцать или пятнадцать каменщиков с их инструментами и несколько бочек извести...» Распоряжение Петра Великого о сохранении Болгара — один из первых документов об охране достопримечательностей в России — перестали выполнять сразу же после его смерти.

В 1734 году в центре древнего города, рядом с руинами Соборной мечети была построена для православного монастыря каменная церковь «Во имя Успения Богоматери», в фундаментах которой можно и сегодня увидеть надгробные мусульманские камни. С этого времени соседствуют на Болгарском городище памятники двух вер — ислама и христианства. Монастырь из-за обрушения колокольни был закрыт в 1764 году и переведён в Чебоксары. Это усилило и ускорило разрушение «ничейной старины» местными жителями.

К 1760 году на территории Болгарского городища оставалось 44 древних сооружения из более 70, описанных в 1712 году дьяком Михайловым. К началу XX века сохранилась лишь десятая часть строений.

Этот город привлекал не только взоры завистливых князей, но и очаровывал чужеземных путешественников, учёных и художников. Немалый вклад в изучение древних развалин и сохранившихся строений вносил Казанский Императорский Университет с самого начала своего создания в 1804 году. Благодаря описаниям, рисункам и картинам, дошедшим до наших дней, благодаря стараниям современных подвижников и первому президенту Республики Татарстан Минтимеру Шаймиеву стало возможным воссоздание образа вечного города, пусть и не в его первоизданном виде тысячелетней давности, но всё же удалось вернуть достоинство древним постройкам, запечатлённым художниками и учёными-исследователями.

При нынешнем возрождении в Булгаре бережно реставрируются, подчас буквально из руин, как мавзолеи, упокоившие мусульманских святых, так и постройки православного монастыря наряду с относительно сохранившимися древними городскими сооружениями. Кроме того, учитывая характерный для Булгара архитектурный стиль, построены речной вокзал и музей хлеба, воссоздающий труд и дух земледельцев тысячелетней давности.

Удивительна судьба этого города, вновь и вновь восстающего из пепла, словно легендарная птица Феникс, терпеливо переживавшая все невзгоды, обращавшая даже врагов-разрушителей в своих созидателей. Удивительна природа, в которую он вписан, она не нарушает, а лишь подчёркивает красоту. И удивительна энергия этой земли, вдохновляющая паломников и туристов, художников и поэтов, учёных и самых простых людей на понимание добра и человечности.

События минувшей весны

АКСАКОВСКИЕ МАРШРУТЫ ПОВОЛЖЬЯ

Стать туристом сегодня проще, чем когда-либо. Но и познавать легче другие страны, нежели свою. Внутренний туризм, к сожалению, как был, так и по сей день остаётся «диким», и мало кто готов к его прелестям.

При этом объектов, представляющих интерес, на карте Башкортостана и сопредельных с ним регионов с каждым годом становится всё больше. И это не обязательно что-то новое, созданное специально для приманивания туристов, как, скажем, динопарк в Абзелиловском районе, а хорошо забытое старое.

Прежде всего это места, связанные со знаменитым семейством писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, коих достаточно и в Башкирии, и за её пределами. Где-то они находятся в полной сохранности и имеют статус музеев или историко-культурных центров, как в Уфе и селе Надеждино Белебеевского района, где-то почти разрушились, но восстанавливаются силами неравнодушных людей, как в Самарской области. Там краеведы отыскивали предположительные места захоронения сына писателя — первого уфимского, а потом самарского гражданского губернатора Григория Сергеевича Аксакова и его дочери Ольги Григорьевны, основательницы знаменитой кумысолечебницы под Белебеем (ныне противотуберкулёзный санаторий им. С. Т. Аксакова). И таких «новых — старых» достопримечательностей, связанных с Аксаковыми и их ближним кругом, в Поволжье немало.

Желая хоть как-то объединить их, Международный Аксаковский фонд в рамках своего 20-летия предпринял нео-

бычный проект: не проехать по аксаковским местам по асфальту на автомобилях, а пройти на снегоходах по ныне заброшенным или превратившимся в просёлки дорогам, презентуя по пути литературно-кураеведческий путеводитель «Золотое кольцо аксаковского Поволжья», который создали научные сотрудники Мемориального дома-музея им. С. Т. Аксакова в Уфе. Но этот путеводитель рискует остаться только литературным, дойдёт ли дело до туристического продукта — неизвестно.

По почти 800-километровому маршруту нового «Золотого кольца» отправились члены попечительского совета Аксаковского фонда и Уфимского спортивного клуба охотников «Рада»: руководители крупных предприятий и общественных организаций, предприниматели, журналисты из Уфы, Москвы, Нефтекамска, городов Катав-Ивановска, Трёхгорного, Златоуста Челябинской области, Оренбурга, Бугуруслана. Пятидневный пробег стартовал из Аксаковского историко-культурного центра «Надеждино» в Белебеевском районе Башкортостана, оттуда путь лежал в Оренбургскую, затем в Самарскую области.

В каждом селе, так или иначе связанном с семьёй Аксаковых, «аксаковцев» встречали хлебом-солью. А в оренбургском Ново-Аксакове, где было родовое имение деда писателя, команду Аксаковского фонда неожиданно встретил губернатор Оренбургской области Юрий Александрович Берг, приехавший для этого специально за 300 километров. С ним были министр культуры области, депутаты законодательного собрания, главы Бугурусланского и Северного районов. Оказалось, что Ю. А. Берг давно вынашивал идею каким-то образом соединить воедино памятные аксаковские места. Вместе с председателем Аксаковского фонда, писателем Михаилом Чвановым он провёл круглый стол, в котором участвовали и подъехавшие представители Самарской области. Все согласились, что ни сегодня, ни завтра туристический маршрут «Золотое кольцо Аксаковского Поволжья» организовать не удастся. Реальным совместным проектом может стать ежегодный Международный Аксаковский

праздник. В заключение круглого стола Ю. А. Берг провёл экскурсию по аксаковскому музею-заповеднику и изъявил желание войти в состав попечительского совета Аксаковского фонда.

У этой встречи есть предыстория. В 2012 году к председателю Аксаковского фонда Михаилу Чванову обратилась делегация из Бугурусланского района Оренбургской области и Борского района Самарской области с просьбой включить в географию Международного Аксаковского праздника, традиционно проводимого в Башкирии, их районы, связанные с именем писателя. Ходоки объяснили, что организовать подобное торжество им самим не под силу, а оставаться «за бортом» — обидно. Первый совместный праздник прошёл с большим успехом. Затем желание присоединиться к празднику выразила Ульяновская область, есть настроение присоединиться к нему и в Казани... Инициатива с мест дошла и до российского министерства культуры, где идея создания «Золотого кольца аксаковского Поволжья» была горячо поддержана заместителем министра культуры Г. П. Ивлиевым.

Аксаковские дни, впервые проведённые за пределами Башкирии в 2012 году, получили неожиданный общественный резонанс. Самое важное, что это оказалось нужным и простым людям, и руководителям районов, и главам поселковых советов. Местные власти надеются развивать туризм, а аксаковские места могут стать привлекательными туристическими объектами, обеспечивающими занятость населения. В том же Ново-Аксаково музей-заповедник является, если можно так сказать, «градообразующим» учреждением. Некогда крепкий колхоз, который был здесь в советские времена, давно развалился, работы фактически нет и те, кто работает в музее, считаются счастливчиками.

Тут важно сделать оговорку. Аксаковский праздник с его традиционным студенческим балом, вручением премий отличившимся студентам и всероссийской литературной премии выдающимся писателям, посещением Аксаковской гимназии, и, конечно, приездом именитых гостей — лишь видимая часть огромной работы, которая проводится круглый год, причём по инициативе «снизу». С каждым годом к аксаковскому движению присоединяется всё больше людей, выстраиваются горизонтальные связи между Уфой, где базируется Аксаковский фонд, с многочисленными российскими городами и разными странами, прежде всего с Болгарией и Белоруссией.

Особое место в программах Аксаковского фонда занимает город Трёхгорный, которого до последнего времени не было даже на картах страны в силу его секретности и который никоим образом не был связан с именем писателя. Сотрудничество фонда с городом, где (теперь в этом нет секрета) куётся ядерный щит России, началось с благотворительного концерта с участием знаменитых артистов Башкортостана, которые подняли дух коллектива, почувствовавшего себя в период тотального развала «оборонки» никому не нужным.

Затем на очередной Аксаковский праздник в Уфу приехал гендиректор приборостроительного завода Михаил Похлебаев и попросил фонд взять культурное шефство над Трёхгорным. Благодаря этому жители города познакомились с народными артистами России Александром Михайловым и Николаем Бурляевым, заслуженной артисткой России Татьяной Петровой, лётчиком-космонавтом Виктором Савиных, целым рядом уникальных выставок. Не остался в стороне и литературный журнал «Аргамак. Татарстан», главный редактор которого Николай Алешков и автор-исполнитель из Набережных Челнов Александр Тарасов вместе с делегацией Аксаковского фонда также побывали в Трёхгорном и даже написали песню об этом удивительном городе. После их визита (2011 год) детская библиотека Трёхгорного стала регулярно получать все свежие выпуски литературного журнала. По инициа-

тиве общественности Трёхгорного Центральная детская библиотека города стала носить имя С. Т. Аксакова. Фонд опекает библиотеку, создал там Аксаковскую комнату, местные ребята два года подряд участвуют в Международном Аксаковском празднике в Уфе не просто как гости. Юные артисты театра «Открытая книга», работающего при библиотеке, показали свой спектакль «Аленький цветочек» в уфимской Аксаковской гимназии.

Имя Аксакова удивительным образом соединяет самых разных людей. Как когда-то оно «притянуло» директоров оборонных предприятий Урала и крупных предпринимателей, для которых культурное возрождение России — не пустой звук, так привлекло на свою магическую орбиту даже исследователей Арктики, в частности, участников поисковой полярной экспедиции по следам бывшего гимназиста уфимской Аксаковской гимназии штурмана Валериана Альбанова. В прошлом году они специально прибыли в Уфу на церемонию присвоения имени славного уфимца учебному судну Уфимского филиала Московской государственной академии водного транспорта. Имя начало «работать» незамедлительно. В первом же рейсе «Штурман Альбанов» пришёл на помощь потерпевшему катастрофу судну. Да и сами будущие речники, по словам директора филиала Николая Бричкина, стали строже относиться к себе, как будто повзрослели.

Как бы ни сложилась судьба «Золотого кольца аксаковского Поволжья» в качестве туристического продукта, как явление межрегионального взаимодействия оно уже состоялось. Готовится к изданию значительным тиражом расширенный вариант путеводителя, заполучить его уже выстроилась большая очередь.

А экскурсионный туристический маршрут по аксаковской Уфе практически уже создан творческими связями администрации Уфы и Аксаковского фонда. И если его маршрут соединить с нестеровской Уфой, то два великих уфимца, близкие по духу, как бы продолжают друг друга...

Гульназ ДАНИЛОВА, Уфа

ПРИКАМЬЕ ПОМНИТ ПАСТЕРНАКА

Вживую увидели Бориса Пастернака и удивились его сходству с великим дедом участники I Всероссийской конференции «Пастернаковские чтения», открывшейся 20 марта в РДК «Юность», города Менделеевска (Республика Татарстан).

В ней приняли участие сотрудники музеев, учебных и научных заведений Татарстана, Москвы, Перми, Ижевска и Казани. Конференция открылась кадрами художественного фильма «Фурцева», рассказывающими о самом знаковом и одновременно трагическом периоде жизни Бориса Леонидовича — присуждении ему Нобелевской премии и реакции на это событие руководства страны.

Символично, что Всероссийская научная конференция прошла в год 55-летия присуждения поэту Нобелевской премии — на бондюжской земле (Бондюга — прежнее название Менделеевска), где бережно хранится память о его недолгом пребывании.

Приветствуя участников, глава района Игорь Привалов отметил:

— Это особое событие для района, так как бондюжский период в жизни Бориса Пастернака стал отправной точкой великого пути. Именно здесь он принял решение посвятить себя литературе.

Литературную композицию в исполнении учащихся Менделеевской школы № 3 зрители восприняли на одном дыхании — проникновенно прозвучали стихи поэта,

отрывки из его писем и воспоминаний. Школа является ведущим учреждением образования района по изучению и пропаганде наследия великого поэта. Песню на стихи Пастернака «Зимняя ночь» («Свеча горела на столе...») исполнил поэт и бард Радик Ахунзянов.

В ходе пленарного заседания выступили директор музея «Дом Б. Пастернака» посёлка Всеволодо-Вильва Пермского края Марина

Артёмова, доцент Елабужского института КФУ Светлана Грахова, научный сотрудник Чистопольского мемориального музея им. Пастернака Лидия Волкова и другие. Они рассказали о периодах жизни поэта, связанных со Всеволодо-Вильвой, Елабугой и Чистополем.

С интересом было принято выступление заместителя председателя Менделеевского городского Совета народных депутатов Ильсияр Губайдуллиной «Бондюга — первый шаг к созданию романа «Доктор Живаго». Как известно, с октября 1915 по март 1916 года 25-летний Борис Леонидович работал на бондюжских химических заводах купцов Ушковых в военном столе. В его обязанности входило освобождение военнообязанных от призыва на Первую мировую. Благодаря ему спасены жизни сотен рабочих химзавода. Неожиданным моментом стало появление на сцене представителей рода Минибаевых, чей дед оказался тогда в числе избежавших призыва.

— Вашему деду спасибо за нашего деда, — сказали они и преподнесли Борису Евгеньевичу Пастернаку чак-чак.

— Я очень благодарен организаторам, жителям района за добрую память, неподдельный интерес к жизни и творчеству Бориса Пастернака, — сказал внук поэта, — особенно отрадно видеть молодёжь. Движение вперёд невозможно без духовного воспитания, без незабываемых ценностей подлинной русской культуры.

В рамках конференции состоялся Всероссийский конкурс творческих работ школьников. Победителям были вручены дипломы и сертификаты.

Продолжились Пастернаковские чтения работой секций «Гражданская война в России 1918–20 годов», «Библиейские мотивы в произведениях Пастернака» и других.

Мы попросили участников конференции поделиться впечатлениями.

— Я в восторге от масштаба мероприятия и содержательности. На мой взгляд, Борис Пастернак — самый глубокий поэт Серебряного века. Его стихи можно читать бесконечно и каждый раз открывать что-то новое, — сказала член Союза российских писателей Вера Хамидуллина из Набережных Челнов.

— Впечатлений, конечно же, много. Особенно поразила встреча с внуком поэта. Было бы интересно услышать, как он читает стихи Пастернака, — говорит учитель литературы школы № 1 Ирина Вольнова.

— Моя воспитанница Алия Гайнетдинова стала дипломантом Всероссийского конкурса творческих работ, — рассказывает педагог из Атнинского района Фарида Гайнетдинова, — это событие вдохновило нас к дальнейшей работе.

Организаторами конференции выступили Министерство культуры Республики Татарстан, Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, Национальный музей РТ, муниципалитет Менделеевского района, краеведческий музей Менделеевска.

Ольга СМОЛЬКОВА

ГАЛАКТИКА ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

В пятнадцатый раз в Казани прошёл фестиваль поэзии и музыки «Галактика любви». Его ежегодно проводит литературная студия «Белая ворона», а бессменным председателем жюри является член Союза российских писателей Борис Вайнер.

Создатель и демиург «галактики» Наиля Ахунова раньше проводила финалы фестиваля 14 февраля — в День влюблённых. Но последние три года дата проведения перенесена на день рождения Вероники Тушновой. Кроме того, у казанской «Белой вороны» появился филиал в Альметьевске — литературная студия «Белое перо» под руководством Екатерины Аничкиной, и вот второй год фестиваль «Галактика любви» проводится также в нефтяной столице РТ.

Первый этап фестиваля прошёл 23 марта в вечерней школе № 1 Альметьевска, где жюри отметило произведения Валентина Ларионова, Ксении Багаутдиновой, Роланды Нафиковой, Гульнары Мирановой, Полины Гвоздовской, Марии Селиховой, Рубена Саркисяна, Рустама Тухватуллина, Гульнары Закировой и других. А через три дня альметьевцы приехали в Казань, где прошла заключительная часть «Галактики любви». Основные конкурсные номинации для авторов — поэзия, короткая проза, авторская песня; дополнительные — фото и графика, декоративно-прикладное искусство. Для исполнителей — стихи и песни Вероники Тушновой, имя которой теперь носит фестиваль.

За годы существования он открыл много новых имён на поэтическом небосклоне — это Альбина Абсалямова, Дина Садыкова, Саша Кашина, Ольга Овчинникова, Юлия Сандлер, Филипп Пираев, Владимир Гаранин, Эдуард Учаров, Алексей Комлев, Олеся Бондаревская, Галина Булатова, Энже Алимова, Арина Журавлёва, Дина Мухаметзянова и многие другие. В Доме Аксёнова звучали стихи и песни Вероники Тушновой в исполнении Юлии Сандлер, Бориса Вайнера, Любви Букатовой, Александра Тарвердяна, Дины Мухаметзяновой, Рустема Аубакирова, Танзили Валиахметовой, Александра Малова, а также стихи участников-конкурсантов. В этот раз произведения на конкурс прислали не только жители Казани, Альметьевска, Чистополя и других районов Татарстана, но и Москвы, Подмосковья, Беларуси.

Приз зрительских симпатий завоевали стихи Ольги Зайтц (Москва), Людмилы Скребневой (Казань), Екатерины Аничкиной (Альметьевск) и Юлии Волковой (Казань). Публика также смогла познакомиться с новой книгой прозы Гульнары Мирановой «Я тебя никогда не забуду», творчеством Рины Богомоловой, студентки КГМУ; выставкой фоторабот Марины Сагатовой, Ирины Фардиевой и Рустама Тух-

ватуллина из Альметьевска, которые отметило жюри. Почётным гостем праздника стала Елена Кильдюшева из Альметьевска, член оргкомитета фестиваля «Галактика любви», преподаватель литературы вечерней школы № 1.

Добавим, что в день рождения Вероники Тушновой 27 марта отмечался юбилей известного русского поэта Александра Яшина (1913–1968), которому в этом году исполнилось бы сто лет. Именно ему обязаны своим становлением в литературе выдающийся русский поэт Николай Рубцов и не менее выдающийся прозаик Василий Белов, недавно ушедший из жизни. Особое место в жизни Александра Яковлевича занимала Вероника Тушнова (1911–1965), которая всем говорила, что родилась в 1915 году, дабы быть моложе любимого... Напомним, известная советская поэтесса родилась в самом центре Казани, на улице Большой Красной (неподалёку от Дома Аксёнова), в семье профессора медицины Михаила Тушнова и его жены Александры — урождённой Постниковой, выпускницы Высших женских Бестужевских курсов в Москве. Переехав в Ленинград, Вероника закончила учёбу в медицинском институте, начатую ещё в Казани, вышла замуж за известного врача Юрия Розинского и родила в 1939 году дочь Наталью. В годы войны работала в Казанском эвакогоспитале. Второй муж Тушновой — физик Юрий Тимофеев. Александр Яшин к тому времени тоже был женат третьим браком, у него было семеро детей. Близкие друзья шутили называли семью Александра Яковлевича «яшинским колхозом».

Они встречались тайно: в других городах, в гостиницах, ездили в лес, ночевали в охотничьих домиках. А когда возвращались на электричке в Москву, Яшин просил Веронику выходить за две-три остановки, чтобы их не видели вместе. Сохранить отношения в тайне не получилось: знакомые осудили поэта, в семье началась трагедия... Когда Вероника умирала, она запретила Яшину приходить к ней в онкологическую больницу, чтобы любимый запомнил её молодой и красивой. Она посвятила ему стихи, вошедшие в её последний сборник «Сто часов счастья». Спустя три года Александр Яшин тоже умер от рака. В 1972 году был издан двухтомник избранных его сочинений, а после более сорока лет поэта в России не переиздавали...

Вот такая вышла «Галактика любви».

На снимке — лауреат одного из предыдущих фестивалей Юлия Сандлер читает стихи Вероники Тушновой. Фото Р. Тухватуллина

Казанский обозреватель

И В ПОЭЗИИ ЕСТЬ ИГРА

Наступление весны ознаменовалось в культурной жизни Казани ярким поэтическим событием: в Доме Аксёнова состоялся вечер поэзии нонсенса и абсурда.

Организовал мероприятие известный казанский поэт, переводчик, драматург, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат литературной премии им. М. Горького, член Союза российских писателей Борис Вайнер.

Лейтмотивом вечера была история поэзии нонсенса и абсурда, ёмко и увлекательно поданная остроумным ведущим Борисом Вайнером. В Доме Аксёнова царил поистине солнечная атмосфера: зал то и дело взрывался аплодисментами и дружным смехом. Ведущий читал собственные стихи-лимерики и переводы классиков жанра, исполнял авторские песни, приводил интересные факты из жизни поэтов-абсурдистов и поэтов-лимериков.

В чём же притягательность этих жанров литературы?

Литература абсурда имеет вневременной характер. Как правило, к данной категории обращаются в разные эпохи как к некому противодействию «застоя» в культуре. Писатели-абсурдисты в своих произведениях стремятся опровергнуть, развенчать какую-то, по их мнению, изначально ложную идею, продемонстрировав в игровой форме бессмысленность, парадоксальность, нелепость и даже комизм привычных жизненных условностей, правил и законов.

Нонсенс — родственное абсурду явление. Но отличается от абсурда тем, что не стремится исправить или образумить мир, делая акцент на форму, а не на содержание. Наиболее ярко поэзия нонсенса представлена в культуре Великобритании. В частности, в поэзии Эдварда Лира (1812–1888), стихи которого на вечере исполнил Борис Вайнер.

Для жанра лимериков, существовавшего в фольклоре задолго до XIX века, характерна ориентация на детство. По сути, этот жанр представляет собой языковую игру, благодаря которой легко находить путь к читателю-ребёнку. Как пример этому, в духе Эдварда Лира прозвучали замечательные «Стихи о самом себе» Бориса Вайнера:

Мистер Вайнер — чудное творенье:
Он в краю парадоксов возрос.
Он дитя озорное Сомненья
И скорее Курьёз, чем Серьёз.
Жизнь свою посвятил он всецело
Сочиненью смешной чепухи.
Никогда не бывал на Сейшелах,
Но сейшельские пишет стихи.
Ранним утром, в кромешных потёмках,
Не спешит он покинуть кровать.
Вайнер сердится редко, но громко,
И тогда его трудно унять.
Если он восклицает: «Идея!» —
Наступает вокруг тишина.
Временами он сильно худеет.
Но проходят — увы! — времена.
Он не любит июльского зноя.
Холодов не выносит вдвойне.
Но при этом вполне жаростоек
И морозоустойчив вполне.
Он охотно гуляет на рынке
Средь хурмы, винограда и роз.
Не умеет играть на волынке,
Но волынить — большой виртуоз.
Гости в доме у Вайнера редки,
И судачат соседки тишком,
Что не примет он даже таблетки,
Если мало с таблеткой знаком.

Впрочем, он не бирюк и не бука
И порой выбирается в свет.

Посему изучает наука
 И его среди прочих примет.
 Тут сокрыта глубокая тайна
 И возможен крутой поворот:
 Стоит Вайнера встретить случайно —
 И когда-нибудь вам повезёт!

Благодаря артистизму Бориса Вайнера виртуально на вечере присутствовали Эдвард Лир, Гилберт Кийт Честертон, Даниил Хармс, Борис Поплавский и Николай Олейников. Стихи ушедших поэтов чередовались с поэзией приглашённых авторов: Лоренца Блинова, Вадима Гершанова, Айрата Бик-Булатова, Людмилы Улановой, Юлии Сандлер, Рената Маннана.

Автор вышедших в столичных издательствах детских книг Людмила Уланова выступила перед казанской публикой впервые. Её стихи, ориентированные на «детей» от трёх до восьмидесяти отличала виртуозная игра слов:

ЧТО ЕДЯТ ГРИБЫ

Хвоя, ветки вперемешку,
 Хруст и шелест под ногой...
 Мы поймали сыроежку,
 Привели её домой.

Мы решили: сыроежка —
 Значит, сыр любить должна.
 Дали сыру — ну-ка, ешь-ка!
 Ка-ак зачавкала она!

Мы глазам своим не верим —
 Полкило умяла враз!
 А маслята лезут в двери,
 Масла требуют у нас!

Член Союза российских писателей, поэт Ринат Маннан представил свои лимерики на татарском и русском языках. Свои стишки-малышки, вышедшие в новом номере журнала «Казань», прочёл Айрат Бик-Булатов, недавно презентовавший во Франции книгу поэм, посвящённых Ван Гогу. Известный казанский композитор, философ и поэт зауми Лоренц Блинов поделился с публикой стихами, опубликованными в столичном журнале «ПОэтов». Примечательно, что главный в России абсурдистский журнал издаёт выпускник Казанского университета, преподаватель Литинститута Константин Кедров.

В завершение вечера выступил представитель казанской комбинаторной поэзии Вадим Гершанов — автор недавнего экспериментального перформанса «Я не мил? Шли меня!», где под аккомпанемент экзотических инструментов (диджериду, варгана, дарбуки, калимбы, джембе), а также человеческого голоса он читал омограммы и палиндромы собственного сочинения. Несмотря на то, что комбинаторную поэзию, основанную на комбинации (перестановке, выделении, определённом порядке, отсутствии) тех или иных элементов текста, следует воспринимать визуально, палиндромы

и омограммы Вадима Гершанова доказали, что поэзия нонсенса не лишена смысла, а живёт по особым законам реальности, творимой внутри поэзии.

Стоит отметить, что удачным дополнением мероприятия в Доме Аксёнова стала открывшаяся накануне выставка казанского художника-авангардиста Виктора Тимофеева «Мартовский кот».

Вечер поэзии абсурда и нонсенса, организованный и проведённый Борисом Вайнером, наглядно доказал актуальность и широкий интерес публики к этим жанрам в наши дни. И, как обещал ведущий, последует целый ряд вечеров, посвящённых игровой поэзии.

Дина САДЫКОВА

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

* * *

Уважаемый Николай Петрович!

Мой старинный друг Виктор Гладков из Елабуги прислал мне по почте в Ставрополь три номера литературного журнала «Аргамак. Татарстан», и я ознакомился не только с его очерком «Первые дублёнки», опубликованном в № 3 (12) · 2012, но и получил общее представление в целом об издании. Хотя я уже был знаком с его очерком в рукописном варианте, но что из этого могло получиться в печатном варианте — это, конечно, другое дело. Получилось хорошо, в чём вижу заслугу не только автора, но в определённой степени и редактора, который, по-моему, со всей ответственностью отнёсся к рукописи при подготовке её к публикации. Говорю с пониманием, потому что моя основная трудовая деятельность, кстати, как и Ваша, связана с журналистикой. Я работал в районной, краевой печати, на телевидении, был руководителем краевой журналистской организации. Ныне на пенсии.

Но отнюдь не поэтому я решил написать Вам. Желание высказать благодарность появилось и крепло всё сильнее, чем больше я знакомился с публикациями в «Аргамаке». Читая журнал, я всё больше и больше убеждался, извините за «высокий штиль», в непреклонной последовательности той линии, о которой было заявлено как в Вашей вступительной статье «С любовью из Татарстана», так подтверждено и публикациями с первого же номера (2009).

Мне показалось, что всё прочитанное мной в общем строю номеров альманаха со всей глубиной, широтой и актуальностью утверждает благородную идею издания «не местечкового (челнинского или республиканского), а рассчитанного на всю российскую провинцию», как и было задумано при личной поддержке первого президента Республики Татарстан Минтимера Шариповича Шаймиева и позитивном отношении учредителей — руководства ОАО «Татмедиа». В письме я не стану перечислять прочитанные в альманахе повести и рассказы, поэтические подборки и документальные материалы, но скажу, что, когда восторгался тем или иным произведением, невольно ещё и ещё раз вспоминал строчки из Вашей вступительной статьи о том, что «Аргамак» будет следовать той традиции, которая начата журналом «День и ночь» (Красноярск), «пытаясь собрать вместе те позитивные творческие силы, которые после развала Союза разбежались по углам». Это дорогого стоит.

Я не случайно выше заметил по поводу СМИ — «не благодаря, а вопреки». Поясню на конкретном примере. Кажется, в конце 70-х годов прошлого века я был ошеломлён и очарован, увидев впервые репродукции картин Константина Васильева. С тех пор долгие годы, к сожалению, я ни разу не видел, не слышал и не читал в СМИ об этом удивительно талантливом художнике. И вот, взяв в руки литературный альманах «Аргамак. Татарстан», я узнаю из статьи Камиля Хайрулина «Пребывание в вечности», опубликованной к 70-летию со дня рождения Константина Васильева (1942–1976), что «о Васильеве уже написано немало работ искусствоведческого, эстетического, мемуарного и другого характера». Здесь же «с разрешения сестры художника Валентины Алексеевны Васильевой» предоставлены репродукции картин. Спасибо им.

Возможно, в СМИ где-то, что-то и было сказано, но наследие такого художника, безвременно ушедшего из жизни, наверное, заслуживает большего внимания. Да, сегодня, спустя десятилетия, в Интернете, наконец-то, можно познакомиться с необыкновенной творческой биографией Константина Васильева и узнать даже о мутных «действиях рейдеров» вокруг музея и клуба К. Васильева, которым пытаются противостоять группа общественников, творческой интеллигенции ... Но это ведь надо ещё знать, что и где искать во всемирной паутине! А на что тогда у нас СМИ?

В статье «С любовью из Татарстана» Вы отметили один важнейших факторов жизни республики: «Явлением подлинной, а не декларированной демократии мы считаем и то, что в нашей национальной республике два государственных языка. Один из них, русский, как и несколько столетий назад, остаётся языком межнационального общения». И это ни у кого не вызывает сомнений, а «народы Поволжья и Прикамья сопротивляются сегодня не русификации, а другой тенденции — они не хотят оказаться подстриженными под одну англо-американскую гребёнку, которую несут с собой идеи глобализации».

Каково же это, к примеру, слышать русскоязычному населению на Украине, где русский язык не является вторым государственным? Давая интервью в Литературной газете № 10–11 (6407) (2013–03–13), поэт, выпускающий редактор литературного журнала «Южное сияние» Сергей Главацкий из Одессы сказал: «Главное для нас — единство русского литературного пространства, потому естественным представляется сотрудничество с «исторической родиной», с цивилизацией, частью которой мы являемся. Здесь даже слово «сотрудничество» фальшиво звучит...» — и, вместе с тем, с сожалением он доложил, что «действительность состоит в том, что русский язык на Украине не является вторым государственным. Власти ошибочно думают, что введение второго государственного языка критично для территориальной целостности страны. О положительном опыте Беларуси никто почему-то не заикается ...» (Мог бы одессит привести пример и Татарстана, правда, Николай Петрович? Но продолжаю цитировать коллегу.) «... Равно как и о том, что потеря культурных и языковых корней для человека — это потеря своей идентичности... При этом страдают люди, которые живут вроде бы и у себя, в своём родном городе, где жили их предки, а вроде бы и в чуждом, искажённом пространстве. В русскоязычном регионе, где 91% населения хочет говорить по-русски, количество часов изучения украинского языка в школе в неделю — 10, а русского — 1. Дети постепенно забывают родной язык, а Пушкина читают в переводе на украинский».

Разве это, мягко говоря, не абсурд? 14-летняя Вера Князева из Набережных Челнов вряд ли открыла бы на другом языке «чудо» Пушкина, о котором повествует эта восьмиклассница в своём сочинении «Встреча с Пушкиным», помещённом в альманахе «Аргамак. Татарстан» № 2 (11) среди материалов, посвящённых пушкинским

дням. Впрочем, Вера, наверняка, прекрасно понимает, почему она читает Пушкина не в переводе и, конечно же, даже не представляет такую, простите, «жесть». Поэтому она и заканчивает своё признание великому поэту словами, что у неё «ещё вся жизнь впереди. Жизнь ... и Пушкин!»

Желаю журналу и в дальнейшем удачи, а Вам, Николай Петрович, к тому же и доброго здоровья!

Александр Васильевич БЕРЕЩЕВ, Ставрополь

* * *

Хочу вернуться к теме «Дюжина Аргамаков», заданной вами в четвёртом номере за 2012 год. Начатый обмен мнениями, так или иначе, возникает у любого журнала, альманаха, периодически выходящих читателю. Не зря есть пословицы и поговорки: «Что ни человек — то характер», «На чужой роток не накинешь платок» и т.д. Действительно угодить всем сразу невозможно. «Аргамак» ныне знает вся Россия, и не только. Он, как прекрасный скакун (что и означает в переводе название журнала), олицетворяет в это трудное время культуру наших народов, представляет новые имена, муссирует ту или иную злободневную тему.

Несомненно, обложка «Аргамака» должна оставаться неизменной. Это — лицо журнала. Зачем его менять? Любое литературное издание должно дорожить своим лицом. При встрече с ним в магазине, в библиотеке или в иных местах ты узнаёшь его сразу: «Вот он, родной...» А обратную сторону обложки, конечно, можно менять, что вы уже и начали делать.

К основе престижа любого литературного издания относится и его «начинка». Дорожа репутацией, журналы, как правило, публикуют произведения авторов, достойные представления на обозрение читателей. Не обязательно зацикливаться на одних и тех же писателях. Необходимо шире представлять читателю писательский мир нашей необъятной Родины. В этом направлении «Аргамак» упрекнуть нельзя. В нём действительно представляются достойные новые имена, чаще всего ранее неизвестные всероссийскому читателю.

Отрадно отметить, что в «Аргамаке» представлены рубрики, отражающие историю, культурный слой (живопись), события, читательскую почту, полемику, новости и т.д. Читательский интерес представлен здесь в полном объёме современной литературы.

Прекрасно и то, что «Аргамак», по сути, — журнал российской провинции. Я полностью согласен с Ольгой Журавлёвой из Кирова — именно провинция сегодня спасает Россию!

Анатолий МОЛОКАНОВ, г. Великий Новгород

* * *

Передо мной литературный альманах «Аргамак. Татарстан» № 4 (13) 2012. Воспринимаю его сначала по «одежке», а потом по содержанию. Лицо, что на первой странице обложки, родное и узнаваемое. Менять его или подвергать пластической операции не следует. Это — достойная визитная карточка альманаха. Изобразительное содержание четвёртой страницы обложки, думаю, можно разнообразить. И Казань многообразна, и связи её с окружающим миром тоже.

Начинаю читать, как обычно, с поэзии. Её представляют следующие авторы: Лилия Юсупова, Евгений Семичев, Зиннур Мансуров, Вера Хамидуллина, Ксения Ла-

рина, Галина Сидорова. Поэзия искренняя, лично-оригинальная. Настоящая. Прочитав её, не скажешь: «Когда же стихи будут?» Чувствуется, белиберда через редакцию в «Аргамак» не проходит.

Не все авторы живут в Татарстане. И это естественно. Как не представить татарстанскую литературу всем россиянам, а всероссийскую татарстанцам.

Как хорошо, что многих поэтов представляют читателям Наталья Вердеревская, Юрий Перминов, Рамиль Сарчин. Они помогают глубже понять суть поэтическую. Авторскую душу и жизнь.

И история поэзии в альманахе присутствует. Да ещё как неравнодушно. Именно так представили нам Людмила Пахомова Марину Цветаеву, Пётр Ткаченко Ярослава Смелякова, Валерий Черкесов Николая Старшинова.

Александр Ольшанский в памфлете «Литинститут: ЕГЭнахом всех побивахом» пишет об опасности закрытия Литературного института, дебилизации образования вообще. О нежелании власти что-то делать для развития литературы, равнодушии её к писательскому сообществу пишет в этом номере Николай Алешков. Литературный альманах «Аргамак. Татарстан» вместе с другими подобными изданиями уже играет роль Литературного института, общественной трибуны для тех, кто хочет сохранить духовную культуру России, её нравственность.

Замечательно представили нам Светлана Колина творчество художника Геннадия Архиреева, Ксения Ларина ансамбль народных инструментов «Наигрыш», Карина Фёдорова мастеров, делающих русские народные инструменты. Иллюстрации прекрасные.

Повесть Валерия Клячина из Иваново — поэтично-трагическая проза в лучших традициях русской литературы.

Интересно пройти по Бродвею рядом с Юрием Манусовым, и с Татьяной Окоменюк кое-где побывать. С грустинкой поулыбался я в «Смехотерапии», побывав в Курочкино у Роберта Копосова. Эту рубрику следовало бы и расширить, и углубить.

Хорошо, что в конце альманаха есть сведения об авторах. Всегда хочется о них что-то знать.

Благодарен организаторам и творцам альманаха «Аргамак. Татарстан», ставшего, кстати говоря, с первого номера 2013 года журналом, желаю вам новых поисков и находок.

Александр БОЧКАРЁВ, Алексеевское, Республика Татарстан

* * *

Елабуга встретила нас дождём. Говорят, весенний дождь — на счастье.

Город был окутан серебристой завесой и от этого казался нереальным, словно видение или сон. До моего выступления в библиотеке Серебряного века оставалось полтора часа — небольшое время, чтобы осмотреть такой богатый в историко-культурном плане город.

Первое, на что обращаешь внимание — это чистота елабужских улиц и любовно-вдохновенное отношение горожан к старине. Каждый домик неповторим, хранит свою историю. На асфальте — ни плевка, ни окурка. Как поведала нам Венера Носырева, подарившая нам незабываемую экскурсию, каждое утро по местному телевидению звучит гимн города и в течение суток ведутся онлайн-трансляции примечательных мест Елабуги. Мы посетили улицу Казанскую и Чёртово городище, а потом помчались в библиотеку. Собравшаяся публика — местная интеллигенция и гости из Нижнекамска и Набережных Челнов поразили меня своей душевной

открытостью и доброжелательностью. Женщины и мужчины были в вечерней одежде, словно пришли на праздник. И, как мне показалось, праздник удался.

Вечер был многоплановым: под аккомпанемент Евгении Еремеевой (фортепиано) и Николая Пиля (гитара) я прочла новые стихи и вошедшие в книгу «Маленькая тайна», поделилась избранными отрывками прозы из книги «Новая жизнь. Дневник Виты». В зале была представлена моя фотовыставка «Зримое и незримое».

Во второй части вечера состоялась душевная беседа, где мне задали очень много интересных вопросов. За лучший вопрос я подарила свою книгу и подписала активным участникам беседы три апрельских номера журнала «Аргатак», куда вошла моя подборка. Завершением мероприятия был музыкальный подарок от Евгении Еремеевой, покорившей публику своим красивым голосом.

Люди долго не расходились. И нам не хотелось уезжать. Елабуги не хватило! Мы решили, что непременно вернёмся туда, чтобы прикоснутся к Шишкинским и Цветаевским местам, окунуться в мир прекрасной заповедной природы, когда на озёрах зацветут кувшинки, а холмы Чёртова городища покроются густой дикой зеленью. Манящая тайна древнего города и невероятное человеческое тепло живущих в нём покорили моё сердце раз и навсегда!..

Р. S. Отдельная благодарность Николаю Петровичу Алешкову, Венере Носыревой, моим друзьям и любимым близким, поддержавшим меня в поездке.

Дина САДЫКОВА

P.S. К ЮБИЛЕЮ

ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ДРУГУ

Вот и ты подступил к рубежу, который я преодолел почти восемь лет назад. Не забуду, как ты помогал мне провести юбилей. На него были приглашены довольно известные люди из Казани, мой однокурсник по Литинституту и дальний родственник из-под Киева. В самый последний момент (так чаще всего и бывает у поэтов) я сообразил, что одной вазовской «пятнашки», имевшейся у меня в собственности, для достойной встречи гостей, пожалуй, мало-вато будет. Звоню тебе — не можешь ли выручить автомобилем. Ты советуюшь выглянуть в окно. Я выглядываю с пятого этажа и вижу, что твоя служебная «Волга» уже припаркована к дому, в котором я тогда жил. «Писателей из Казани, — продолжаешь ты говорить по телефону, — я встречу сам на микроавтобусе». И встретил, и разместил в гостинице, и накормил, а наутро после юбилея проводил до вокзала.

О тебе, как о друге, можно было бы ничего больше не рассказывать — эпизод из жизни сам за себя говорит. Но сколько было таких эпизодов за тридцать лет нашего знакомства и за четверть века «дружбы домами»? Сколько раз ты выручал меня в самых невероятных ситуациях, связанных, в том числе, с возрастными болезнями, операциями? Именно на тебе, как на несомненном лидере, держится довольно узкий, но надёжный круг друзей, в котором мы вместе с нашими любимыми жёнами делим радости и беды. Именно у тебя мы учимся родительскому подвигу, который ты совершаешь ради самого святого в жизни человека — ради семьи, ради детей. Однажды я не удержался и сказал, что ты относишься ко мне по-братски. Думаю, не обидятся на меня за это три твоих родных брата, да и две сестры, потому что и они знают, насколько проникнут ты православным сознанием, в котором все мы — братья и сестры во Христе...

Отдельная тема — моё литературное ремесло, к которому ты почему-то пристрастен. И дело не только в том, что ты знаешь мои стихи и с давних пор следишь за их публикациями. Жизнь показала, что мы во многом близки мировоззренчески. А раз так — ты и тут подставляешь плечо. Город мне отказал в предоставлении помещения под редакцию литературного журнала «Аргамак. Татарстан», а ты в своём институте нашёл такую возможность, заручившись при этом письменным согласием мэра и других вышестоящих, дабы не было ни к кому претензий. Кто-то назовёт это оправданным, но ненужным риском, а для меня это проявление мудрости. Я не однажды поражался твоему умению находить простой выход из самой сложной ситуации, никого не обижая при этом, сохраняя разумный баланс интересов.

Таким образом, ты стал одним из тех немногих людей, без которых «Аргамак» бы просто не состоялся. С 2010 года ты — член редколлегии нашего издания, помогающий мне тянуть этот воз, не сомневающийся, что вместе мы, продолжая отечественную традицию, сеем «разумное, доброе, вечное» вопреки тем, кто пропагандирует и продвигает «другую литературу» — тусовочную, замешанную не на любви, а на ненависти к родным осинам. Как ёмко и глубоко ты умеешь сказать доброе слово об «Аргамаке» на наших презентациях! Ты настаиваешь, чтобы в стенах руководимого тобой вуза мы рассказывали студентам и сотрудникам о современном литературном процессе, о его плюсах и минусах. В актовом зале института стали обязательными литературно-музыкальные рождественские вечера, в библиотеке студенты и преподаватели собираются, чтобы послушать наши лекции о поэзии Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, встретиться с приехавшими и местными писателями.

Некоторые из твоих коллег удивляются — зачем тебе это нужно, особенно в нынешнее далеко нелитературное время, когда власти предрержающие отвернулись от поэтов и повернулись к футболистам, когда реформаторы образования превращают его в сферу услуг, и не более того.

Но ты воспитан по-другому. Ты, с детства любящий Пушкина и Есенина, считаешь, что литература — дело государственной важности, ибо она даёт нравственные ориентиры всему гражданскому обществу, особенно молодёжи...

У нас действительно общие истоки. Оба выросли в больших деревенских семьях, на речных и луговых просторах. У меня это Челнинка и Кама, у тебя Шешма и Кама. Значит, мы земляки. Как, впрочем, и наши жёны Таня и Катя — обе из Ярославской области, из-под Рыбинска, обе тоже деревенские (не зря говорят, что случайность — дополнение необходимости). Есть между нами и существенная разница. Я, в отличие от тебя, не знал безотцовщины. Мой отец, Пётр Фёдорович, после двух ранений вернулся с фронта в 1943 году и дожил до 74 лет. Твой отец, Семён Васильевич, вернулся с фронта в 1945 с орденами, медалями и... с незаживающими ранами. Его не стало в 1954-м, когда тебе исполнилось один год и три месяца. Конечно, ты не помнишь отца. Мужское начало

в тебе воспитывали старшие братья Геннадий, Иван, Александр. Воспитывали жёстко: хочешь плавать — лезь в воду. И ещё помни, что «Бог тебе подвесил руки не только сопли вытирать». И ты не плакал, не ныл, научился косить траву, колоть дрова, запрягать лошадь, пасти домашний скот, убирать навоз в хлеву, освоил кирпичную кладку и плотницкое дело. Случилось так, что тебе рано пришлось стать первым помощником мамы, потому что старшие братья из-за нехваток в доме вынуждены были уезжать на заработки в далёкие шахтёрские края. На тебе оставалась вся мужская работа по дому и по двору. Крестьянским трудом, любовью мамы Екатерины Фёдоровны и дорогих сестёр Нины и Любы преодолевалась твоей душой тоска по отцу. Не все из нашего поколения достойно преодолевали эту «точку сиротства». Одни уходили в обиду (весь мир виноват, что мне плохо), другие искали любую ниточку родства, любви и добра, держались за них. В тебе рано обнаружились лидерские качества, они были направлены на защиту и обеспечение всем необходимым родных, близких и друзей. Ты отслужил два года в России и Германии, получил диплом историка в Свердловском университете, там, на Урале встретил свою Танюшу, вы вместе вернулись на твою родину и оказались в Набережных Челнах, где ты состоялся как личность. У вас появились три дочери, три русских красавицы Юля, Аня и Надя, вы воспитываете внука Никиту и внучку Настю.

Ты, выросший без отца, стал таким отцом и дедом, что мне, например, сравнивать тебя не с кем, остаётся только брать пример, хоть я и старше тебя. А дети и внуки платят вам с Татьяной Васильевной горячей взаимностью. В то же время они не маменькины и не папёнкины дочки-капризули, они очень надёжные, самостоятельные и добрые люди. Это о Вашей семье знаменитые рубцовские строки:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

Товарищество, бескорыстная дружба — это в тебе тоже от православных предков, от отца-фронтовика, от матери-колхозницы, от солдатских вдов, угощавших тебя парным молоком летними вечерами, когда ты встречал за околицей коров с пастьбы. На этом чувстве уважения к старшим, на чувстве надёжного дружеского плеча всё ещё держится, слава Богу, наше послевоенное поколение.

Как его, это чувство — выстраданное, незамутнённое — передать детям и внукам? Дело-то в том, что ты, доктор педагогических наук, именно этим и занимаешься почти всю свою сознательную жизнь. В Набережных Челнах, в Татарстане тебя знают именно с этой стороны. Одно из учебных заведений нашего города за 25 лет работы в нём ты сумел поднять от ПТУ до института, имеющего статус государственного. Сейчас это один из лучших вузов республики и всей России. Уникальность его — в чистоте и порядке, которые царят не только в стенах здания, но, кажется, и в душах студентов и сотрудников. Уникальность его — в многоступенчатости учебного процесса, в сочетании теории с практикой. Твой выпускник — конкурентоспособный специалист, востребованный на современном рынке труда. Твой выпускник — глубоко порядочный молодой человек, имеющий понятие о чести и достоинстве, знающий, что такое чувство Родины, ориентирующийся в её культурном пространстве. Я не сомневаюсь, что ставка на это пришла к тебе из советского прошлого, как бы его ни чернили сегодня наши враги. Отецеская забота о молодом поколении — это забота о будущем России. Вот главное, что ведёт тебя в твоём призвании учителя.

Не так давно ты не без гордости показал мне материал об истории родного села. Оказывается, Новошешминск образовался в Закамье в самом начале семнадцатого века как военная крепость для защиты границ государства Российского от набегов ко-

чевников. Твои дальние предки были не крепостными, а служивыми людьми. В их число входили стрельцы, казаки, отставные солдаты. Они знали, что такое дисциплина (гарнизонная жизнь, описанная, например, Пушкиным в «Капитанской дочке»), и что такое воля к победе, которой не может быть без ясного и быстрого ума, без твёрдого и независимого характера. Так что фамилия Суворов для тебя не случайна. Есть предположение, что твой род генетически связан с русским генералиссимусом Александром Васильевичем.

С шестидесятилетием тебя, Виктор Семёнович, всеми уважаемый ректор Набережно-челнинского государственного торгово-технологического института, мой дорогой и надёжный друг. Будь, пожалуйста, здоров и счастлив! Знаю, читая это, на слове «счастлив» ты усмехнёшься и вспомнишь опять же пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой

и воля!..» Понимаю тебя. Чувствовать себя всецело счастливым в нашем возрасте мешают горькие и невосполнимые утраты, которые тебе пришлось пережить в полной мере. Но и горе тебя не сломало. Я горжусь дружбой с тобой! Храни Господь тебя и твою семью, которую ты любишь больше всего на свете.

Николай АЛЕШКОВ

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

ХХVII ВСЕМИРНЫЕ ЛЕТНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ИГРЫ

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

ХХVII ВСЕМИРНЫЕ ЛЕТНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ИГРЫ

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

XXVII ВСЕМИРНЫЕ ЛЕТНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ИГРЫ

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

ХХVII ВСЕМИРНЫЕ ЛЕТНИЕ СТУДЕНЧЕСКИЕ ИГРЫ

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ К НАМ!

6 июля в Казани откроются XXVII Всемирные летние Студенческие Игры 2013 года.

Сама идея провести всемирные студенческие игры в столице Татарстана исходила от первого президента республики Минтимера Шариповича Шаймиева, который в 2005 году отдыхал в Турции, где в то время проходила Универсиада в Измире. Напомним, в том году Казань отпраздновала своё 1000-летие, значительно преобразилась к юбилею, однако городу нужно было достроить первую ветку метрополитена, автомобильные развязки, начатые, но незавершённые, а значит снова нужны были инвестиции. Предложение поддержали на федеральном уровне. Борьбу за право проведения Универсиады-2011 казанцы тогда проиграли китайцам, однако уже стало ясно, что заявка Казани имеет все шансы выиграть в следующем заходе. Так и случилось.

И вот в апреле нынешнего года в Казани прошла встреча глав зарубежных спортивных делегаций XXVII Всемирной летней Универсиады с руководством Международной федерации студенческого спорта и организаторами Игр 2013 года. Главным событием апрельской сессии FISU стала жеребьёвка команд игровых видов спорта по расстановке в группах на соревнованиях по футболу и хоккею на траве, баскетболу и волейболу, водному поло и регби-7.

Представителям стран-участниц из США, Канады, Китая, стран Латинской Америки, Африки, Азии, Евросоюза и СНГ показали Баскет-холл, Центральный стадион и крытый легкоатлетический манеж, центры гребных видов спорта и гимнастики, а также Академию тенниса. Гости посетили Казанский Кремль и прогулялись по студенческому кампусу — Деревне Универсиады. Своими впечатлениями о Казани, как будущей столице Универсиады-2013, с журналистами поделился глава делегации турецкой университетской спортивной федерации Пулур Атилла: «Знаете, Турция уже провела две универсиады — одну летнюю, другую — зимнюю. Но мне кажется, что Игры, к которым готовится Казань, способны удивить мир. Мне нравится ваш город, в котором дружно живут люди разных религий и национальностей. Особенно хорошо, что вышел указ российского президента о безвизовом режиме на время

проведения Универсиады — это прекрасный стимул для приезда спортсменов, роста туризма, беспроблемный въезд — большой плюс для развития Казани».

Действительно, Казань установит рекорд: впервые в истории игр в спортивную программу 27-й Универсиады 2013 года вошли сразу 27 видов спорта (на первой Универсиаде в Турине в 1959 году студенты соревновались лишь в семи видах). Среди обязательных — лёгкая атлетика, баскетбол, фехтование, футбол, спортивная гимнастика, художественная гимнастика, дзюдо, плавание, прыжки в воду, водное поло, настольный теннис, теннис и волейбол. Казань предложила для включения в спортивную программу 14 дополнительных видов спорта: бокс, стрельбу, синхронное плавание, академическую греблю, греблю на байдарках и каноэ, самбо, спортивную борьбу, борьбу на поясах, шахматы, тяжёлую атлетику, регби-7, хоккей на траве, бадминтон, пляжный волейбол. Пять видов спорта впервые в истории Универсиады включены в спортивную программу: борьба на поясах, регби-7, самбо, синхронное плавание, бокс.

Для проведения XXVII Всемирной летней Универсиады 2013 года в Казани задействован целый ряд объектов спортивного и неспортивного назначения. Соревнования и тренировки спортсменов пройдут на 64 объектах, почти половину из них пришлось специально построить. Неспортивные объекты — это Деревня Универсиады, место проживания спортсменов и руководителей делегаций, Международный информационный центр и Стадион церемоний открытия и закрытия Игр.

Надо ли пояснять, что после церемонии закрытия всё построенное останется в Казани и будет ещё долго служить горожанам? Так, медиа-центр Универсиады возле издательства «Идел-Пресс» на берегу Казанки в виде золотого тюльпана станет городским Дворцом бракосочетания, которого так не хватало в столице! Ведь на тесной улице Джалиля по пятницам свадебным кортежам трудно было разминуться. Дело доходило до того, что брачующиеся пары предпочитали доехать до загса... на метро!

Кстати, к Универсиаде казанские метростроевцы получили из федерального центра необходимые капиталовложения для строительства сразу трёх станций метро, которые завершили первую ветку, соединив весь город с Северным вокзалом. Станции открыли в срок — и поток пассажиров в казанской подземке сразу увеличился чуть ли не вдвое. Будем надеяться, что к чемпионату мира по футболу 2018 года в Казани удастся также построить две-три станции второй ветки метро, которая пройдёт от станции «Яшьлек» к футбольному стадиону на Кварталах, где проживает свыше 200 тысяч казанцев.

А ещё благодаря Универсиаде Казань приобрела новый железнодорожный вокзал, новый современный терминал в аэропорту, куда теперь можно добраться из центра всего за 20 минут — теперь в столице Татарстана тоже есть свой аэроэкспресс. РЖД также обещает запустить кольцевую электричку, которая свяжет центр города с крупными посёлками — Юдино, Левченко и Дербышки.

Впервые в истории Всемирных студенческих игр в столице Татарстана реализуется проект «Культурная Универсиада», в рамках которого пройдут уникальные международные фестивали в области театра, кино, изобразительного искусства, классической и современной музыки. Главным событием Культурной Универсиады станет национальный праздник Сабантуй, который в этом году в Казани специально перенесли с традиционного времени проведения — конца июня — на более поздний срок, 13 июля.

Исторический центр древнего города к Универсиаде значительно преобразился. И во многих случаях дело не закончилось лишь реставрацией фасадов. Впервые за многие годы были выделены средства на капитальный ремонт ряда казанских му-

зеев — прежде всего Дома-музея В. И. Ленина, Мемориального музея М. Горького, усадьбы Боратынских. Особенно серьёзно восстановительные работы затронули Старо-Татарскую слободу, которую в своё время обошли преобразования, связанные с празднованием 1000-летия Казани. Гостям и участникам Универсиады будет что показать в столице Татарстана.

Главной достопримечательностью Казани, безусловно, является белокаменный Кремль, который к 1000-летию города был включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. На территории архитектурного заповедника гости Казани увидят такие объекты, как «падающая» башня Сююмбике, Спасская башня, Благовещенский собор, одна из крупнейших мечетей в мире — Кул Шариф.

В ходе подготовки к проведению Всемирных студенческих Игр в республике проделана огромная работа по возрождению древнего города Болгар и острова-града Свияжск, куда повезут на экскурсию гостей и участников Универсиады. И эта идея также исходила от Минтимера Шариповича Шаймиева, который три года назад оставил президентский пост, заявив, что решил сосредоточиться на восстановлении памятников истории и культуры Татарстана. Мало кто сомневался, что у «Бабая» получится, однако результаты больше похожи на чудо! На очередной 37-й сессии Комитета Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО, которая состоится в Камбодже, в Пномпене, 17–27 июня 2013 года, в числе других объектов будут рассмотрены материалы для представления номинаций Болгарского историко-археологического комплекса и Свияжского историко-архитектурного и природно-ландшафтного комплекса в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Kazan2013.ru

1941–1945: ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИКТОР ПОЛИТОВ

«Я, МОЖЕТ БЫТЬ, ЖИВУ НА СВЕТЕ С ДУШОЙ, РАССТРЕЛЯННОЙ С ТЕХ ПОР...»

От редакции. Виктор Иванович Политов (1935–2004), член Союза писателей СССР, в семилетнем возрасте волею судеб оказался в эпицентре Сталинградской битвы, ибо 17 июня 1942 года немцы вошли в хутор Горбатовский Серафимовичского района, где жили его родители. В августе районный центр переходил из рук в руки. 2 августа Вите Политову довелось видеть расстрел местных жителей, затем мальчик был ранен случайным осколком. Всё это не могло не сказаться на его дальнейшей судьбе. Великих наших писателей Виктора Астафьева и Евгения Носова, активно переписывавшихся с В.И. Политовым, скорее всего, привлекало в нём кроме несомненного таланта ещё и то, что они сочли его своим в кругу фронтовиков.

Произведения В.И. Политова в редакцию журнала «Аргмак» прислала его вдова Галина Сергеевна. С её любезного согласия мы публикуем в этом номере три стихотворения Виктора Ивановича, а в будущем собираемся опубликовать его повесть о детстве и о войне «Река и звёзды».

ВОЙНА

А я ни разу не был на войне,
Война лишь только раз прошла по мне,
Оставила на память боль увечья,
Чтоб знал, как надо жить по-человечьи.
Кто б ни хитрил,
Ни мудрствовал в стране,
А я ни разу не был на войне.
Я осознать не мог её вполне,
Когда наш старый сад сминали танки,
Когда сжимали нас в тиски атаки,
Когда казалось, что весь мир в огне,
А я ни разу не был на войне.
Но обмирал я в жуткой тишине,
Когда вдруг умолкал обвальный грохот,
Когда не знал, что это ведь оглох я,
Когда всё безразлично стало мне.
А я ни разу не был на войне.

С тех пор я плохо слышу, зорче вижу,
С тех пор насилье, подлость ненавижу,
С тех пор, от этой жизни в стороне,
Я понимаю — был я на войне.

* * *

А мы недавно так столкнулись
В большую силу и размах,
Когда в людей впивались пули,
Когда был страх в людских глазах.

Донская степь плыла снегами,
Кроваво небосвод горел,
Детей и женщин — всех согнали
Они в то утро на расстрел...

«Расстрелян будет каждый третий!..»
И автомат глядит в упор.
Я, может быть, живу на свете
С душой, расстрелянной с тех пор...

Не зная, что война не вечна,
На «их» и «наших» мир деля,
Какой судьбой твой курс намечен,
Не понимали мы, Земля.

Мы объясняли мамам: «Рама»,
Мы говорили мамам: «Тигр»,
Мы знали, сколько в пуле граммов,
Не зная, что такое мир.

А вот когда их чёрной лентой
По снегу гнали чуть живых,
Мы просто так вот, незаметно,
Зачем-то вдруг жалели их.

Рождались мира в нас зачатки,
В нас, еле помнящих отцов,
И кукурузные початки
Кидали мы войне в лицо...

РОССИЯ

Дожди, холодные и злые.
Россия в пасмурной грязи.
И низко тучи грозовые,
А там хоть мёртвых вывози.

Уже обобрана до нитки,
С душой, надломленной от слёз,
Тебя вели вожди на пытки
Босую в гибельный мороз.
По лагерям, по зыбким топям
Всходила, Русь, на плаху ты,
И снежные кружились хлопья —
Твои надгробные черты.
Но ты воскреснешь,
Ты воскреснешь.
Ты воскресала столько раз!
Не будет лжи и лживых песен,
Пропетых кем-то на заказ.

РАИСА ВАЛЕЕВА

Не поле перейти...

Необходимое предисловие

Это я надумил написать нижеприведённые заметки свою маму, Валееву (в девичестве Гатину) Раису Каримовну. С детства помню, как она, не сдерживая слёз, частенько рассказывала нам, своим детям, о том, сколько ей пришлось вынести во время коллективизации, войны, в послевоенное время. Сама она родом из Татарии, из деревни Старая Амзя Октябрьского (ныне — Нурлатского) района, где и происходили основные события её воспоминаний.

Как-то я приехал к маме на юбилей в Хабаровский край, где она в то время жила в семье моей сестры Розы. Маме исполнилось 80, и хотя болячек к тому времени нахватала предостаточно, но по-прежнему была бодра, жизнерадостна. Однако как только дело коснулось воспоминаний — всё, опять слёзы, пожелания «никому не пережить такого». Вот тогда я и сказал: «Мама, а ты запиши свои воспоминания и пришли их мне. А я подумаю, что с ними можно сделать». И мама согласилась.

За два неполных года она исписала и прислала мне 29 общих школьных тетрадей. Я представляю, как непросто далась ей эта работа. Во-первых, образование у моей мамы — четыре класса татарской школы (больше закончить не успела — в 1938 году вся мамина семья бежала из своей деревни от страшного голода в Баку, а там уже было не до учёбы, надо было работать, и русскую грамоту она освоила самостоятельно). А во-вторых — всё же возраст...

Вот тут ей было плохо, видно по тому, как почерк изменился. Вот здесь она всплакнула, и строчки расплылись под её слезами.

Но она сделала это — написала свои воспоминания, и заново пережила всю свою жизнь в этих 29 тетрадках. А я потом переработал их, и получилась самиздатовская книжка с немудрёным, но ёмким названием «Не поле перейти», в которую уместилась вся её бесхитростная и в то же время очень непростая жизнь.

Она не героиня, моя мама. Она простая женщина, на долю которой, как и на долю миллионов её сверстниц, выпало много тягот и лишений. А в «награду» ей долго не хотели засчитывать в пенсионный стаж колхозный период, тяжкий труд на мобилизационных работах. Но справедливость всё же восторжествовала, и моя мама официально была признана ветераном ВОВ, была награждена рядом медалей.

Она немного не дождала до 65-летия Великой Победы и до своего 85-летия, скончавшись 20 апреля 2010 года...

*Марат Валеев,
член Союза российских писателей
г. Красноярск*

БУРАН СКРЫЛ ВСЕ СЛЕДЫ

Я начинаю свои воспоминания с 1930 года. Мы жили в деревне Старая Амзя Тельманского района (потом — Октябрьского). Нас, детей, у мамы с папой было пятеро, и мама ходила ещё и с шестым ребёнком. Я часто слышала, как родители разговаривали шёпотом, что скоро у всех всё будут забирать. Тогда я впервые услышала это трудное слово «коллективизация». Папа у нас был очень работающим и хозяйственным, и потому мы никогда не знали, что такое нужда. У нас дома было четыре лошади и два жеребёнка, три дойных коровы, два больших уже телёнка и здоровенный племенной бык, много овец (я даже не знаю, сколько), полный двор гусей, уток и кур, были и ульи с пчёлами. У нас было два дома, один старый, в котором была папина мастерская, где он столярничал, и большой пятистенок, в котором мы и жили, а также два двора с хозяйственными постройками. Под навесом у нас, кроме рабочей телеги и саней, стоял выездной лакированный фаэтон, который ещё с французской войны привёз мой прапрадед, и когда папа выезжал куда-то по делам, то на дуге фаэтона весело звенели медные колокольчики.

И вот мы как-то сели ужинать, и тут в дверь начали стучать. Залаяла собака, четверо людей с оружием приказали убрать её, а то, сказали, застрелим. Папа закрыл собаку в сарае. В дом вошли трое русских милиционеров или солдат, и с ними татарин-переводчик. Папу стали расспрашивать, как его зовут, сколько у него всего скота в хозяйстве. Папа ответил, что зовут его Карим Мухамметгатин, назвал, сколько у нас есть лошадей, коров и всего остального.

Ему наказали никуда ничего не девать, сказали, что всё забирать не будут, так как у нас семья большая (к тому времени народился ещё и братик Анварчик). Ещё сказали, что поручат работать на колхоз, потому что он мужчина крепкий, хозяйственный.

Потом все вместе пошли во двор. Папа вернулся со словами, что записали и посчитали все всё. Переводчик шепнул ему, чтобы папа за ночь прибрал для себя птицы и баранов столько, сколько надо, только чтобы следов не было. И папа той же ночью тайком зарезал пять овец, а также несколько уток и гусей, чтобы нам было что зимой покушать. Как раз начался сильный буран, отец обрадовался, потому что снег повалил очень густой. Он запряг лошадей, мы все — мама, моя старшая сестра и я — по-

могли отцу загрузить забитую живность в плетёную кошёвку. Было уже два часа ночи (мама посмотрела на большие часы с кукушкой, которые у нас висели в гостиной), когда папа выехал со двора. Мы тихо проехали через переулки к речке, а там по заснеженному льду — к водяной мельнице. Там работали и жили папины знакомые, бедные люди, у них было всего несколько коз. Папа их разбудил, поговорил с ними, и мы все вместе перетаскали бараньи туши и мешки с забитой птицей на мельницу, и спрятали там, чтобы они замёрзли. В эту ночь папа ещё раз съездил на мельницу, увёз туда и спрятал ещё и семь мешков зерна. А буран занёс все следы от саней. Так папа обеспечил свою большую семью на зиму.

А скоро у нас сильно заболел маленький Анварчик, грудь у мамы он не брал, всё захлёбывался. Он умер за одну ночь, ему не было и восьми месяцев. Когда папа быстро запряг коня и хотел ехать за помощью, его остановили на улице военные и заставили вернуться домой (оказывается, от них сбежал переводчик, которому папа дал на всякий случай адрес своего брата в Джелалабаде, вот, может, он туда и уехал). Анварчика завернули в одеяльце, над ним прокричали азат, все поцеловали его по очереди в последний раз, и папа с дядей Закиром и племянником отнесли его на кладбище и похоронили по мусульманскому обычаю. И пока хоронили, над ними стояли военные, смотрели, в самом ли деле они хоронят ребёнка или что-то прячут в могилу.

ШАГОМ МАРШ В КОЛХОЗ!

Скоро папа и старшая сестра стали ходить на работу в колхоз. Они и другие, кого записали в колхоз, строили ферму для дойных коров и загоны для лошадей. А для кошар и птичника материала у них не было, и потому овец и птицу пока под отчёт оставляли у хозяев. И так незаметно наступил новый 1931 год.

Ближе к весне в одно из воскресений в мечети назначили общее собрание. На него пошли папа с мамой и старшая сестра Асия. Их не было до самого вечера. Первой пришла мама, вся измученная и заплаканная, затем и папа. И мы узнали, что в этот день из нашей деревни в район увезли 47 человек — тех, кто отказался записаться в колхоз. Мама нам ещё рассказала, что папу предложили в бригады строителей, и за него все голосовали. Потому что все знали, какой он грамотный и спокойный человек, и на все руки мастер. Папа знал русскую грамоту, ещё до революции учился у одной русской семьи. Во время революции и гражданской войны он служил с 1917 по 1921 год, строил в Сарапуле бетонный мост через реку. Как он рассказывал, всего их занято на этом мосту было 27 солдат, а однажды их очень сильно обстреляли из пулемёта белые, и тогда 18 человек из них убили, а папе прострелили шапку. Мост этот они сдали за год и восемь месяцев — в два раза быстрее, чем планировалось, за что папу даже наградили какой-то медалью. И потому папа наш был уважаемым человеком. Сделали колхозными начальниками и двух маминых братьев — Сахибуддина и Сайфетдина Сагдиевых.

Маме и другим женщинам деревни дали задание стричь своих овец и сдавать в колхоз шерсть. Её принимала и взвешивала на весах одна девочка. Мама спросила, откуда она. Та ответила, что из деревни Курняле. Мама сказала, что они знали оттуда одного татарина-переводчика. Та девочка сказала, что это её двоюродный брат. Он вернулся из армии, и его заставили быть переводчиком и наводить советскую власть в деревнях. Люди его невзлюбили и сожгли всё хозяйство его семьи. Он куда-то исчез, а маму его с горя парализовало.

Мы помогли маме остричь 13 овец, а когда к нам приехали за шерстью — получилось почти три полных мешка, — нам один неполный мешок оставили. Сказали, что семья у нас большая, самим пригодится. Папа вечером вернулся с работы и сказал, что им, бригадирам, разрешили на работу ездить на своих лошадях, оставят по одной под расписку, а остальные заберут в колхоз. Папа же между делом ещё успел зарезать и спрятать в разных местах (опять на мельнице, а также у своей бедной двоюродной сестры Хадичи) 12 баранов, так как боялся за семью, что всем придётся голодом сидеть. И не зря боялся, потому что по всей деревне рыскали милиционеры и искали, где люди могли припрятать мясо или зерно. Даже подозрительные сугробы раскапывали или протыкали штыками. Но так ничего и не нашли. А когда мама начинала плакать, дескать, что же это такое, своё добро приходится прятать, а ещё грозятся скоро все мечети закрыть и запретить молиться, папа ей говорил: «Хватит, вся Россия в таком положении. Для того и делали революцию, чтобы не было баев да купцов, чтобы все жили одинаково. Надо привыкать, раз такой закон пошёл. А кто будет честно работать на колхоз, на семью будут давать 25 соток земли, а у кого 5 и больше детей, ещё 10 соток добавят. За каждый отработанный день будут записывать на человека 1 трудодень, и на каждый трудодень будут давать по одному килограмму зерна. Кто будет хорошо работать, проживёт. А кто против колхоза пойдёт, того в Сибирь отправят, потому что города в России голодают, надо кормить рабочих. Я в Сибирь не хочу, так что буду работать на колхоз».

Сестра Асия, которой скоро надо было пойти работать на ферму дояркой, заплакала и сказала, что не хочет работать на городских. Надо было уехать в тёплые края, сказала она, как трое наших дядей (а они ещё в двадцатые годы уехали в Джелалабад и Баку за хорошей жизнью). Мама отругала её и наказала, чтобы она ничего такого не говорила на работе, а сама на всякий случай спрятала подальше Коран и молитвенные книги, так как до неё дошло, что новые власти грозили наказывать верующих.

КАК НАС РАСКУЛАЧИВАЛИ

Снова пришла весна. Уже закапало с крыш, на улицах стало грязно. Как-то папа приехал с работы и сказал, что ферма построена, и для неё вот-вот должны забрать скот у тех, у кого всё описали, в том числе, и у нас. Вскоре к нам поздно вечером пришли четверо военных и двое наших деревенских, братья из самой бедной семьи, в которой было 9 детей. Они жили на самом отшибе, у них дома не было даже забора, они всегда пасли чужой скот. А сейчас пришли забирать наше.

Один из братьев, его звали Муксин, потянул на себя с нас, маленьких, одеяло (мы спали все вместе на деревянных полатях). Папа спросил, зачем он это делает. Муксин сказал, что теперь у них праздник, потому что они первыми записались в колхоз, и спросил, почему его дети должны спать почти голыми. А его брат, у него в руках было ружьё со штыком, увидел на вешалке папину каракулеву папаху — её папе прислали из Джелалабада в 1930 году братья. Он подцепил штыком эту папаху, снял с себя старую дырявую шапку, бросил её под ноги и надел папаху. Кроме того, у нас забрали из дома часы с кукушкой, один из трёх самоваров, две перьевые подушки, фетровые «чёсанки» с лакированными головками и галошами, пальто с каракулевым воротником. Всё это связали в узлы, папа запряг лошадей, и они повезли наше добро в колхозную контору. Когда папа вернулся, то сообщил: завтра будут забирать в колхоз коров и лошадей, а маленьких телят и баранов оставят до лета, потому что для них пока нет места. И я случайно увидела, как папа, когда вечером вышел управлять-

ся по двору, обнял Звёздочку за шею и молча плакал. Потом он пошёл на колхозное собрание, с которого вернулся поздно вечером. После ужина он рассказал, что ему поручили отвечать за кузницу и две мельницы — водяную и ветряную. Мама испугалась: «Как же ты один будешь на трёх работах?» — «Да ничего страшного, — сказал папа. — Как-нибудь справлюсь». А Асия рассказала мне потом, что за папу голосовала вся деревня, а председатели колхоза и райисполкома поздравили его.

Папа объявил, что земли у нас теперь тоже нет, и надо сдать в колхоз вместе с лошадьми, кроме его любимой Звёздочки, всю сбрую, фаэтон, телегу, кошёвку и сани. И когда к нам пришли за лошадьми и уводили их со двора, а я закрыла за ними ворота, Звёздочка словно сдурела, стала бросаться на закрытые ворота, на всех, кого видела во дворе, меня загнала на крыльцо. Когда мама протянула ей кусок хлеба, чтобы успокоить её, Звёздочка со злостью кинула хлеб через себя назад. Вот так тяжело перенесла она расставание с другими лошадьми. Все дома плакали, даже папа не смог удержать слёз. Звёздочка же скоро успокоилась, потому что с ней в деннике оставался её жеребёнок.

Потом началась работа в колхозе, папа и сыновья тёти Васили Исхак и Ильяз пропадали там целыми днями. Даже мы, маленькие дети, пилили дома доски для коровника. А скоро к нам в Амзю приехала учительница из соседней деревни Альметьево с трёхлетней дочерью. В мечети открыли татарскую школу на четыре класса. В начале мая у меня появилась ещё одна сестрёнка, её называли Разия. Все были рады, кроме моей старшей сестры Асии. Она сказала: «О, Аллах, зачем же столько детей в наше время? Землю забрали, скот забрали, мама работать не сможет, придётся нам вдвоём с отцом кормить целых восемь душ».

В ПОГОНЮ ЗА БАНДИТАМИ

Мы готовились отпраздновать сороковую день с момента рождения моей младшей сестрёнки Разии (это день, когда по мусульманскому обычаю можно впервые постричь волосы у новорождённого ребёнка и его уже можно показывать не только родным, но и посторонним людям) и по этому поводу истопили баню, назвали гостей, наварили, напекли и нажарили много вкусных вещей. Приехавшие к нам в гости Сайфуддин-абый и Сахиб мылись в бане, и вдруг во дворе залаяла собака. Оказывается, это пришёл колхозный бригадир. Он был очень взволнованный и спросил, где наши мужчины. Бригадир сообщил, что цыгане убили двоих сторожей и угнали колхозных коней и сейчас надо взять в конторе оружие и ехать за ними в погоню. Папа с мокрыми ещё после бани дядьями взнуздали лошадей и поехали в контору. Мы все перепугались, заплакали, мама и бабушка стали молиться, чтобы все вернулись живыми и здоровыми. На улице стало уже совсем темно. Мы накормили всех маленьких и уложили спать. Потом и сами попили чаю. А папы всё не было. Но вот от ворот послышался его голос. Он весело кричал, чтобы мы открыли ворота. И папа вместе с со своими братьями въехал во двор. Папа сказал, что воров догнали уже в 15 километрах от деревни, глубоко в лесу. Одного он ранил в ногу, потому что тот хотел стрелять в него. И это были вовсе не цыгане, а шестеро мужчин лет 30–35 из чувашской деревни Селенгуш, все с привязанными бородами.

Воров закрыли в подвале у Амирхановых до приезда милиционеров из Нурлата. Утром за папой опять пришли из конторы, потому что приехала милиция на машине, и его там расспрашивали, как они ловили воров. В тот же день нам и дяде Закиру пришли извещения на посылку из Джелалабада от троих папиных братьев — папа

им написал, что нас раскулачили, вот они, наверное, и прислали нам помощь. За посылками они поехали в Нурлат на милицейской машине — воров повезли туда, и папа попросился доехать на почту. Посылка была очень большая, и чего там только не было: сладости всякие, лимоны, много коробок с чаем, сушёные фрукты, одеяла, одежда, обувь, платья, платки. Потом папа рассказал, что, когда они проезжали через эту чувашскую деревню Селенгуш, у них на дороге стали человек 30, все с кольями, кирпичами, а у двоих даже ружья были. Они хотели отбить своих односельчан, милиционеры начали стрелять в воздух из винтовок, и все разбежались.

Скоро бригадир прислал нам печника с помощником, и они выложили в папиной мастерской большую печь для выпечки хлеба в колхозную столовую. Ещё через несколько дней в конторе провели колхозное собрание, на котором был и районный прокурор. Папе дали премию сто рублей, бумагу на корову с телёнком и ещё наградили часами. Мама не очень обрадовалась этому. Она заплакала и сказала папе, что теперь он у председателя и районного начальства будет как бы свой человек, а это в деревне не всем понравится. Папа успокоил её и сказал, что он жил и будет жить честно, а кому это не нравится — их дело. Скоро нам привезли для выпечки хлеба два мешка муки, соль и дрожжи, трёхлитровую банку с подсолнечным маслом. Папа смастерил одиннадцать круглых форм для хлеба, и мы с мамой начали его выпекать.

ПЕРВЫЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС

А колхоз уже всю работу. Доили коров, папа как бригадир принимал молоко и отправлял на сепаратор. Каждое утро специально выделенная машина с вооружённым охранником ездил по всем окрестным деревням — Альметьево, Новая Амзя, Русская Амзя, забирала сливки во флягах и увозила на маслозавод в Селенгуш. Там делали масло, творог и отправляли в Чистополь. Всех собранных у людей птиц — уток, гусей, кур — отвезли в чувашскую деревню Турдалуф, там есть озёра, вот там и построили птицеферму. А все, кто смотрел за птицей (и моя 14-летняя сестра Асия), жили там же, в специально построенном общежитии. Всего там работали 37 человек из нашей деревни. Мама для всего колхоза дома пекла хлеб, я ей помогала — смазывала формы, растапливала печь. За день мы делали по две выпечки хлеба. И нам в день на двоих выписывали 5,5 трудодней — полтора на меня, остальные на маму. Папа молот муку, дробил зерно на корм скоту.

Первого сентября 1932 года я пошла в школу (24 июля мне исполнилось шесть лет). У меня был красивый ранец, который мне прислали из Джелалабада наши родственники, на мне было красивое платье, в косах — красная лента, голову я повязала шёлковой косынкой. Школа была в бывшем байском доме. На первом этаже — детский сад, куда я отвела наших троих малышек, а классы — на втором этаже. Там стояли большие столы, скамейки, на них сидело много детей, некоторым было по 10–12 лет. Дети стали смеяться, когда меня увидели, такую маленькую. Рассмеялась и учительница. Это была двоюродная сестра моей мамы Марфуга-апа, она приехала из Казани.

«Как тебя зовут?» — спросила она, не переставая улыбаться. «Вы что, меня не помните? — обиделась я. — Вы в прошлом году гостили у нас, у вас ещё две девочки-двойняшки, и я с ними нянчилась, когда вы ходили по гостям. Я помню, как их зовут — Рева и Людия».

«Конечно, я тебя помню, ты же моя племянница, — сказала учительница. — Но дело в том, что тебе ещё рано в школу. Вот сколько тебе лет?» Я ответила: «6 лет».

«Ну вот, ты ещё совсем маленькая, иди домой». «Но я умею считать, писать и читать, меня папа научил», — продолжала я настаивать. «Нет, тебе ещё рано», — сказала она и отвернулась к доске и что-то стала писать мелом.

Я вернулась домой вся в слезах. Папа как раз приехал с работы на обед. Он выслушал меня и даже не стал кушать, а сел на лошадь и поехал к директору школы Юнисубый, который был его двоюродным братом. Его не было долго. Вернулся папа довольным. И пока мыл руки, сказал мне, что завтра я могу идти в школу — директор и учительница согласились принять не только меня, но и других моих сверстниц, которым не исполнилось ещё семи лет — Гаршию, Минжамал, Гульжамал и Запару. Нас посадят за самую первую парту. Я от радости стала прыгать и смеяться.

Тетрадок у нас в первый год не было, и учительница на каждый урок давала всем по одному чистому листку бумаги: на первой странице мы писали то, что проходили в школе, на второй выполняли домашнее задание, а потом все эти страницы сшивали. Нас было восемнадцать учеников в этой новой советской школе, и учились мы на татарском языке, писали латинским шрифтом. А до этого дети учились в мечети, у муллы.

КТО НЕ РАБОТАЕТ — ТОТ НЕ ЕСТ

Дома я также продолжала помогать маме во всём. Отводила и приводила детей из садика, смазывала маслом формы для хлеба, пригоняла с пастбищ гусей и уток, встречала корову с телёнком и овец, которых нам оставил колхоз, готовила и накрывала на стол. Начинались холода, и я вязала вместе с мамой тёплые вещи: кофты, носки, варежки. Овощи с огорода начали снимать только в октябре, до этого они продолжали зреть, накрытые соломой. А в колхозе тоже созрел урожай, но он мог пропасть, потому что многие женщины не хотели идти работать ни в поле, ни в огород. Сахибутдин-абый жаловался, что добросовестно работает только несколько человек, никто не думает, как колхоз будет зимовать без хлеба, сена, соломы. Многие доярки по вечерам стали по полведра молока домой таскать, и бригадир стал караулить таких и урезать им трудодни. А вот все, кто был в колхозе от нашей семьи, трудились хорошо, нормы перевыполняли.

Потом мы первый раз в жизни отметили Октябрьский праздник. Учительница дала нам всем переписать слова песни, которую мы будем петь 7 ноября. Мы выучили эти слова (уже не помню, какие), а в праздничный день с флажками, распевая выученную песню, прошли мимо правления колхоза, где собрались взрослые и выступали с трибуны, и мы вместе с ними кричали «Ура!» Потом мы пошли опять в школу, и у нас там был праздничный обед — в столовой давали пирожки с мясом, по 4 конфетки и по 4 печенки. Я с чаем съела только одну конфету, все остальные отнесла домой, маленьким.

Потом наступили и новогодние праздники. Я и все школьники, а также те, кто ходил в детский сад-ясли, в первый раз в жизни увидели ёлку, обвешанную красивыми игрушками. Для концерта мы учили стихи, песни, репетировали танцы. И папа утром отвёз нас всех на ёлку. Там было весело, мы все выступали, потом нам раздали подарки, и мы ушли на каникулы. Так мы встретили 1932 год. Задули сильные ветры, и папа стал шутками пропадать на ветряной мельнице. Там ему помогли два брата-близнеца Петька и Митька, русские, но по-татарски говорили чисто.

В колхозе подсчитали, кто сколько заработал. Оказалось, что на троих работников в нашей семье на заработанные трудодни начислили почти тридцать центнеров

пшеницы, ржи, гороха, овса, подсолнечных семян, проса, а ещё капусту, лук, конопляное семя. Бригадир Сахибутдин-абый сказал также, что тем, кто особенно хорошо работал, дадут ещё и подарки, список уже отправили в район. «А это тебе, Райса, за то, что хорошо учишься и маме во всём помогаешь». Он протянул мне пакет и ещё дал деньги, 10 рублей. Деньги я сразу отдала маме. А в пакете были красивые туфли и чулки. Скоро всё, что мы заработали, к нам привезли домой на двух санях и разгрузили в амбар.

Папа был очень доволен. «Те, кто ленился, не верил, что в колхозе заплатят за работу, даже центнера не заработали, — сказал он. — А нам всего этого добра хватит до следующего нового урожая».

Этой же зимой в нашей школе стали учить и взрослых. Потому что в деревне у нас было ещё много неграмотных, или таких, кто умел писать только по-арабски. По колхозу был приказ, чтобы для взрослых каждый день в школе было по два получасовых урока. Маме тоже надо было идти в школу. Она расстроилась: «Куда я пойду, у меня же грудной ребёнок». И на семейном совете решили, что маму учить буду я, дома. А в школу нам после зимних каникул привезли из Чистополя уже настоящие парты. Сидели мы за ними по четыре ученика. Со мной за партиой сидели Гаршия Сайфутдинова, близняшки Минжамал Габдулова и Гульжамал Габдулова.

Папа перестал молотить зерно на ветряной мельнице, потому что ветры стихли, и перешёл работать на водяную мельницу. А мы в школе стали готовиться к другому празднику — Дню Красной Армии. Учили стихи и песни — по два куплета на шесть учеников.

В эти дни пришло письмо от папиного брата Габдуллы из Баку с фотокарточками. Когда папа прочитал его, оказалось, что Габдулла-абый зовёт нас всех жить в Азербайджан. Папа заикнулся было, что он один поедет туда на заработки. Но мама сказала, пусть он сначала сразу нас всех похоронит, а потом едет — хоть в Баку, хоть за Баку. И она это так сказала, что папа тут же порвал письмо и бросил его в печку — она как раз топилась — и сказал, что проживём и так: зерна до нового урожая хватит, картошки много, овец зимой на мясо пустим, а бычка продадим и к весне детям обувь купим. А мама вздохнула и сказала: «А сами так и будем всё лето в лаптях ходить». Папа же сказал, что братья пришлют скоро посылки из Азербайджана, и там будет всё, что нужно.

ГОТОВИМСЯ К ГОЛОДУ

Кончились каникулы, мы снова пошли в школу, правда, пока в старую, новая ещё достраивалась в прежней мечети. Началась зима 1932–1933 года, какая-то малоснежная и ветреная. Школьная повариха Хадича-апа говорила, что это недобрая зима, земля вся чёрная лежит и потрескавшаяся от мороза, и потому лето тоже будет нехорошее.

Папа получил задание вместе со своими племянниками изготовить ткацкий станок, чтобы на нём делать рогожу из лыка и шить мешки для колхоза, бригадир оставил ему и чертежи. Я продолжала с охотой учиться, мне это давалось легко. Приближался новый 1933 год. А в деревне продолжали говорить, что лето будет плохое, жаркое, дождей не будет, все речки пересохнут, на полях ничего не вырастет и повторится голод 1921 года, когда у нас много народа умерло. В школу привезли большую ёлку, стали её наряжать, а также готовить концерт. Когда я один раз пришла из школы, папа сказал, что надо будет пойти в лес, собирать жёлуди. «Зачем?» — удивилась

я. Папа сказал, что надо готовиться к голоду. Вон уже скоро Новый год, а снег ещё ни разу не выпал. Такая же зима была в 1921 году, и тогда у нас вымерло полсела. А наша семья, спасаясь от голода (когда все припасы уже были съедены — и сушёное мясо, и мука из желудей), и ещё две такие семьи заколотили свои дома, погрузились на телеги и отправилась на Урал. Ехали в Пермскую область. Как в какую деревню заезжали, мама брала на руки грудного братишку, рядом шла маленькая Асия, они стучались в каждый двор, плакали и просили милостыню. Кто-то давал, а кому-то и самим есть было нечего. Так на 12-й день наша семья добралась до Перми. Но в город их не пустила милиция, там была холера. И тогда наши потихоньку вернулись обратно. Как они тогда выжили, только одному Аллаху известно.

На следующий день папа, я и брат Акрам пошли в лес, с собой взяли тачку, грабли и четыре мешка. В лесу снега не было, и под большими дубами толстым слоем лежали жёлуди. Мы спугнули диких кабанов, которые их с хрустом и чавканьем ели, и стали набивать мешки. Я раскусила один жёлудь, начала жевать, но мне не понравилось. А папа сказал, что жёлуди так не едят. Их сначала прожаривают в горячей печке, потом, когда они полопаются, шелушат и толкут в ступе. Потом прокаливают в горячей печке ещё раз и мелют на жерновах, смешивая с семенами лебеды, льна, конопля — у кого что есть, а можно ещё добавлять сушёные семена конского щавеля, крапивы, лопуха и ревеня. Вот из этой муки потом и пекут лепёшки. Молодую дубовую кору тоже сушат, перемальвают, смешивают с молотыми желудями и из этой крупы варят кашу на молоке. Пока папа рассказывал всё это, мы набили желудями все четыре мешка. Папа даже снял с себя брюки, а сам остался в домотканых подштанниках, и брюки его мы тоже заполнили желудями. А всего в тот день мы за два раза привезли домой восемь мешков желудей и надрали много коры. И следующие несколько дней тоже ходили в лес и ещё несколько мешков желудей и коры заготовили и насушили. Но не только мы одни такие умные оказались — вся деревня подчистила леса вокруг. Так же делали жители и соседних деревень, потому что люди боялись неурожая и голода.

НА ПОДНОЖНОМ РАЦИОНЕ

Снег пошёл только в январе 1933 года. Шёл он всего часа полтора, но так и не накрыл чёрную землю — подул резкий ветер и унёс весь снег. Потом снег выпадал за всю зиму только два раза, и его также уносило ветрами. Пришла весна, она была сухая, дождь накрапывал всего пару раз. В мае начали пахать сухие колхозные поля, но из-за поднимавшейся пыли тракторов не было видно. Когда сажали колхозную картошку, люди на лошадях в бочках привозили воду и поливали каждую лунку, также сажали её с поливом и на домашнем огороде. А дождей всё нет и нет, страшная жара. Пришлось картошку раз в неделю поливать. Когда она, наконец, взошла, поливали её уже через день, по полковшику на лунку. Речка наша начала сохнуть. Но по берегам её ещё зеленели камыши, а так как в полях и на лугах вся трава выгорела, бедные колхозные коровы толпились у речки и ели камыш. Он был грубый, с плоскими острыми листьями, и от этого коровы возвращались домой с окровавленными губами. Все, кто был свободен, выходили на полив колхозных бахчей. Скоро они зазеленели. Первый сильный дождь в том году пошёл только в ночь перед моим днём рождения, 25 июля. Мне исполнилось уже восемь лет.

Мы за лето связали дома очень много кулей из рогожи, сколько — точно не помню, но запомнила, что один раз сдали сразу 82 куля, и наша семья заняла

первое место в колхозе. Но жили по-прежнему тяжело, голодно, сена для скота не было, все луга выгорели под солнцем. Корову кормили запаренным камышом, сдобренным комбикормом (папе удавалось принести его с мельницы), уже начали снимать с крыш солому. Всех колхозных овец оправили в Казань на мясокомбинат, потому что кормить их было нечем. Люди подъели все свои колхозные припасы и начали бедствовать. Помню, когда по весне и в начале лета всё ещё было зелёное, мы, дети, вместе с мамой рвали на огороде крапиву, ревень, лопухи, мама всю эту траву промывала, потом, ошпарив, мелко крошила, клала в казанок и варила, добавив туда молотые орехи или какую-нибудь крупу. Ну, ещё молоко наливали в такой «суп».

Мы, школьники, с нетерпением ждали, когда начнётся учёба, потому что в школе два раза в день кормили — утром и в обед. У нас была корова, куры, да что толку — с нас исправно начали брать сельхозналоги. Обычно утром мы сдавали всё вечернее молоко, по деревне ездили специальные сборщики. За лето также надо было сдать с каждого двора по 100 яиц, по 3 килограмма шерсти. Мы ждали, что нас должны проавансировать на зиму зерном за сданные рогожные кули. Подошло время ехать в Нурлат (65 километров от нашей деревни) за зерном. Собрались папа, с ним ещё мужчины и четверо прикомандированных милиционеров, всего 15 человек на 5 подводах, все с ружьями, с собаками, потому что боялись нападения лихих людей, а их тогда много бродило по лесам. Вернулись они через пять дней, с зерном, все живы и здоровы. А ведь всякое могло случиться. До них мужики из Новоальметьево также с милицией ездили за хлебом, и когда возвращались, в Каргаринском лесу на их обоз напали бандиты, убили одного возницу, ещё двоих возниц и милиционера ранили и угнали 2 воза с хлебом и 4 лошади. Из Казани на поиски бандитов выехали около сотни милиционеров и солдат на машинах, и они долго прочёсывали леса в нашем районе.

Папа сообщил, что к новому году из Астраханской области для нашего района должен прийти, как помощь голодающим, эшелон с хлебом, это 40 или 50 вагонов. Тогда зерна хватит и на помол, и на посев. Но уже сейчас из того хлеба, что папа привёз из Нурлата с другими мужчинами, было решено выдать колхозникам по 300 граммов на каждый трудодень. У нашей семьи к этому времени было заработано больше 1300 трудодней, это несколько центнеров хлеба. До нового года должно хватить, а там ещё помощь должна подоспеть.

РЕШЕНО: ЕДЕМ В БАКУ!

В эту зиму в колхозе на мясо пустили 30 коров — потому что их нечем было кормить, да и колхозникам нечего было есть. Нас в школе, правда, продолжали кормить: на завтрак каша, чай с молоком, кусок хлеба с повидлом, в обед мясной суп, на второе какая-нибудь каша. Пошёл в первый класс и мой младший братишка Акрам (его уже учили на русском языке, а я училась на татарском). Приближался новый 1934 год, снега почти не было. На ферме делили мясо среди колхозников: разложили по кучкам, один человек повернулся к ним спиной, председатель указывал пальцем на одну из кучек и спрашивал у стоящего спиной: «Кому?», тот называл любое имя. Папе нашему досталось 10 килограммов от задней коровьей ляжки, а ещё сбой — желудок, печень, лёгкие на пирожки. Мы в школе готовились к очередному новогоднему празднику, но уже без постоянного гармониста Закира — его, а также ещё троих парней (Исхака, Исмагила и Хакима) забрали в Красную армию.

Папа вернулся работать на мельницу — началась ветреная погода. Мы продолжали ткать рогожу и шить кули. Через сутки папа привёз домой два мешка муки — ржаной и пшеничной. Но всё равно мы жили впроголодь. Ни того, что нам давали на трудодни, ни своих продуктов на семью из пятерых детей и троих взрослых (да ещё родители делились с родственниками, жившими беднее нас) никак не хватало.

Летом пришло ещё одно письмо от папиного двоюродного брата Габдуллы из Баку (там жили ещё три семьи из нашей деревни), он снова звал нас в Азербайджан. Писал, что здесь много работы, хоть на заводах, хоть на овощных и фруктовых базах. Родители всё чаще говорили на эту тему. Они понимали, что впереди нашу деревню опять ждал голод, работа за «палки» (так называли трудодни) и беспросветная нужда. Люди потихоньку начали разъезжаться кто куда. Половина соседей деревни уехала в Самарскую область.

Как-то я пришла из школы, мама и сестра Асия в это время в мастерской ткали кули из рогожи. Я переоделась и только хотела им помочь, как пришёл папа. Он взял серп, сказал нам: «Бросайте работать!», и как полоснёт лезвием по уже почти сотканному рогожному полотну... А потом разломал станок (он же был очень простым и деревянным), и порубил его на дрова. Сестра с мамой закричали: «Ты что, с ума сошёл?» А папа говорит: «Всё, хватит, на днях уедем в Баку. Иначе все перемерём с голоду, ещё и половины зимы не прошло, а у нас уже ни картошки, ни зерна...» Мама говорит: «На что же мы уедем, у нас ведь нет денег». Папа ответил: «Продадим корову с телёнком — это будет нам на билеты, а двух баранов отдадим за справки (из колхоза тогда никуда без расчётной справки из сельсовета выехать было нельзя — только во второй половине шестидесятых годов по этим же справкам взрослым выписывали паспорта, детям метрики). В дорогу возьмём несколько копчёных гусей и куриц, хватит на восьмерых. А за мамой (моей бабушкой) и домом будет сестра присматривать».

Как сказал, так и сделали. Продали корову с телёнком, ещё 210 рублей собрали нам родственники. Это было зимой 1934 года. Собрались и поехали на станцию Нурлат на двух кошёвках, везли нас папины братья Сахабутдин и Сайфутдин, 65 километров ехали полтора дня. На улице был сильный мороз, но нас, детей, накрыли тулупами и мы не мёрзли. В Нурлате мы всей большой семьёй в 11 часов утра погрузились на поезд. Ехали мы, как мне показалось, очень долго, а когда в окно вагона увидели много воды без противоположного берега, папа сказал, что это Каспийское море, что мы подъезжаем к Баку. Поезд проехал через длинный мост, и мы оказались в городе. На вокзале было много людей, они мне все показались чёрными, не такими, как мы, и женщины были одеты в длинные одежды, и их лица были закрыты чёрными же масками (потом я узнала, что это паранджа).

ХАШИРАЗАХ-ЭФЕНДИ И ДРУГИЕ

Нас встречали дядя Габдулла и папин троюродный брат Хади. Вышли с багажом на остановку, сели в большой автобус и поехали за город. Он довёз нас до самого места, где жили наши родственники — в посёлок Бильбия, в сорока километрах. Посёлок был большой, здесь до 30 года, говорят, было четыре мечети. Потом минареты разломали, две мечети отдали под школы, а из третьей и четвёртой (они были рядом) сделали ткацкую фабрику. Там ткали марлю, белую бязь, иногда махровые полотенца, всё это продавали в своих же киосках. Там, куда нас привезли, стояло несколько одноэтажных домов за высоким забором с большими воротами. Дядя Хади постучал в ворота, залаяли собаки, ворота со скрипом открылись, и со двора на улицу

высыпала куча детей в сопровождении старого седого человека. Когда папа с ним поздоровался и заговорил, а старик начал ему отвечать, оказалось, что я его понимаю. У этого деда, звали его Хажиразах-эфенди (мы, дети, звали его Хажи-бабай), приехавшего сюда из Башкирии уже давно, оказалось четыре жены, от них — четыре дочери и семеро сыновей и три внука. Они все работали в торговле, а ещё у них был огромный сад, фрукты из которого эта семья выращивала для продажи за границу, и сами же вывозили — по морю в Иран и дальше.

Он и дядя Габдулла с дядей Хади показали, где нам жить. Это оказался отдельный дом во дворе рядом с несколькими другими, где жили семьи саратовских татар (как я потом узнала, всего Хажи-бабай держал 11 семей-квартирантов), с большой комнатой и кухней, с печами для отопления и приготовления еды. Хозяин сказал папе, чтобы он пошёл в сарай, там есть два старых дивана, которые можно обшить, железные койки, взрослые и детские, старые столы и стулья, и если папа такой мастер, как про него говорили его братья, он всё это может отремонтировать и использовать. Папа поблагодарил и сказал, что так и сделает. Во дворе ещё была большая баня, водопроводные краны. Печи были и простые, топились дровами, и газовые, одна большая газовая печь стояла прямо во дворе, там же был тандыр для выпечки пресных лепешёк — чурека. Хозяева ещё подарили нам разную посуду, чтобы было в чём готовить. Мама прослезилась и сказала, что когда мы обживёмся и начнём зарабатывать, то отблагодарим. Конечно, мои родители должны были платить за проживание в доме, и они платили, когда начали зарабатывать, но сколько — не помню.

Настало время обеда, в большой комнате сдвинули два стола и все вместе после намаза сели кушать. Дядя Габдулла сказал папе, что завтра надо пойти прописываться, а послезавтра папе уже можно будет выходить на работу, он уже говорил насчёт него с мастером. Папа также решил начать строить свой дом. «Если будем уезжать отсюда когда-нибудь, продадим, деньги лишними не будут, — сказал он. — Нашему-то дому в деревне уже 35 лет. Вот на эти деньги и построим новый дом».

Вокруг посёлка Бильбия были сопки из камня-плиточника. Он лежит слоями, добывать его можно с помощью простого топора и лопаты. Мы (я, Асия, Акрам) подносили эти камни, а когда папа приходил с работы, он складывал из них стены, скрепляя их цементным раствором. Построили уже почти половину дома, когда папе на работе на ногу упало бревно. Он почти два месяца лежал в больнице, а мы за это время наносили большую кучу каменных плиток, из которых и достроили потом свой дом.

Стояла страшная жара, мы спасались тем, что пили без конца прохладный виноградный, яблочный и айвовый соки, которые хранились в трёхлитровых банках в подвале у хозяина. Там же хранилось много пересыпанных песком фруктов: яблоки, инжир, и нам разрешали их брать сколько угодно. Питались обычно большим количеством молочных продуктов: брынзой, творогом, варили бешбармак, пекли чуреки, жарили баурсаки, так же как дома лакомились чак-чаком, пили чай с мёдом. Здесь я впервые попробовала бананы — их в Баку привозили по Каспию. А ещё мы ели осетров, их тогда продавали много, и недорого. Вообще здесь так всё перемешалось, что непонятно было, где татарская, а где азербайджанская кухня. Ведь татар в Баку тогда жило очень много — из самой Татарии, из Саратовской и из других областей. И здесь мы уже не голодали. У папы и у мамы была работа, за которую они получали деньги — папа ездил в Баку на трамвае на какой-то мебельный комбинат, сестра Асия работала на сажевом заводе, мама на фруктовом-овощной базе.

УДАР ЗА УДАРОМ

Но горе достало нас и здесь. Заболела чёрной оспой и умерла моя восьмилетняя сестрёнка Разия. Наверное, заразилась в озере, где купались все поселковые дети. Когда её привезли из больницы, у неё на теле были чёрные пятна, и я её вообще не узнала, а она ведь только четыре дня проболела. Похоронили Разию, соблюдая все мусульманские обычаи. Маме было очень плохо, её поддерживали уколами и таблетками, да и все мы без конца плакали, так было жалко Разию. У нас объявили карантин, всем давали какие-то лекарства, делали уколы, и никто больше не заразился.

Из деревни пришло сразу три письма — от бабушки, тёти Васили и от дяди Закира. Новости были такие. В 1935 году уродился хороший урожай ячменя, ржи, гречихи, гороха (писали, что в стручках было даже по 20–22 горошины). Колхоз выполнил два с половиной плана, все амбары заполнили зерном, и на каждый трудодень выдавали по 3 килограмма. Но зато в ту зиму, когда мы уехали, был, оказывается, страшный голод. В нашей деревне умерло около ста человек, их складывали в амбары и весной хоронили в общих могилах по 20–25 человек, при этом почти у всех были срезаны куски мяса с рук, ягодиц, ног — кто-то это мясо варил и ел. Четверть села разбегалась, как и мы, кто куда. Лишь к маю стало полегче, когда откуда-то прислали зерно — по 1 килограмму на трудодень. Потом отсеялись, потом задожило и травы пошли в рост, людям, у кого не осталось коров, дали по телёнку на семью, во дворах опять появилась птица... Почитали эти письма, порадовались за земляков.

А у нас всё шло своим манером. Мы помогали семье Хажи-бабая убирать сад. Он был такой огромный, что в нём можно было заблудиться как в лесу, и охраняли его люди с ружьями! Мы только до обеда три машины загрузили яблоками, после обеда ещё две, всего 160 больших ящиков. В саду была беседка для отдыха, дом для ночлега, была даже баня, а ещё прохладный каменный подвал с большими бутылками с соком (я насчитала 9 видов), 12 больших деревянных бочек с вином, и на каждой написано, в каком году поставили. И ведь не у одного Хажи-бабая был такой сад — у многих живущих в Бильбия были большие сады. Мы в саду работали тем летом четыре раза по четыре дня подряд, и я уже перестала считать ящики с фруктами, которые мы, дети, рвали с деревьев и раскладывали в ящики, а взрослые грузили их в машины. Тем же летом над Баку часто стали летать самолёты — шли учения со стрельбой, по улицам маршировали военные и милиционеры с противогазами на лицах, и люди говорили, что это не к добру, скоро должна начаться война.

И тут на нас сваливается ещё одно горе — не проходит сорока дней после похорон Разии, как умирает другая моя сестра, Охра, от солнечного удара. Я не могу найти таких слов, как мы все переживали, плакали. Особенно тяжело было маме, снова пришлось вызывать скорую помощь, делать ей уколы, отпаивать таблетками. Похоронили Охру рядом с Разией. Папа сказал, что ещё год побудем в Баку, заработаем немного денег и уедем обратно в Татарию. Всё здесь было хорошо, и работа была, и еды вдоволь, фруктов, но страшно от того, что часто умирают маленькие дети. У того же Хажи-бабая, как бы он ни жил богато, умерло трое детей от первой жены, у второй его жены умерли близнецы.

... И ОН СХВАТИЛСЯ ЗА КИНЖАЛ

Шёл февраль 1939 года, мы прожили в Баку уже шесть лет. В школу я не ходила — я ведь дома училась по-татарски, а здесь татарских школ не было, учили только

на азербайджанском языке, а в русскую мне идти было уже поздно, надо ведь было начинать с первого класса. Акрам же учился в русской школе. Мы все мечтали поскорее вернуться в Татарию — хоть и хорошо нам было здесь, но тянуло в родные края. Папа говорил, что скоро у нас хватит денег, чтобы дома построиться на новом месте, купить скот и зажить на славу. Мы потихоньку начали готовиться к отъезду. Домой решили плыть по Каспийскому морю на корабле. Папа сколачивал багажные ящики, привёз с работы деревянные бочки, в них решили посолить осетров, чтобы увезти с собой.

Пошли слухи, что скоро в Баку начнут раскулачивать зажиточных людей, не пройдёт это и мимо Хажи-бабая. Он стал втихомолку забивать скот, раздавать мясо по знакомым. Дал и нам несколько бараньих туш, и папа засолил их в бочки и спрятал в погреб, туда же спрятал посолённых осетров. Как-то ночью мы проснулись от выстрелов. Оказывается, к Хажи-бабаю приехали милиционеры. Они искали его сыновей (как оказалось, у них был свой пароход, и они на нём плавали в Иран за контрабандой). Усадьбу Хажи-бабая охраняли четыре большие собаки. Одна из них сорвалась с цепи и кинулась на чужаков, и один милиционер застрелил её. А Хажи-бабай не стерпел и одним ударом большого, как сабля, кинжала (у него он всегда висел на поясе) снёс этому милиционеру голову.

Хажи-бабая повалили на землю, избili, а затем надели на него наручники и увезли на машине. А в доме у него устроили большой обыск, папу и других квартирантов, живущих во дворе Хажи-бабая, допросили, где можно найти его сыновей. Никто, конечно, ничего не знал. Потом милиционеры объявили, что теперь у Хажи-бабая ничего своего нет, всё государственное: и сад, и дома, и бани, и скот. Они уехали, но в доме оставили засаду, все ждали сыновей Хажи-бабая — видать, сильно они навредили советской власти.

Ещё через несколько дней прямо во двор Хажи-бабая заехали 4 грузовика, милиционеры загружали их добром, которое выносили из дома (ковры, сундуки, мебель, посуду. Во дворе в это время варилось на газовой плите мясо в двух больших кастрюлях — их тоже забрали, вместе с мясом). Младшая жена Хажи-бабая (она была азербайджанка) Эмина-апа очень громко плакала. Потом милиционеры сказали, чтобы она собиралась и поехала с ними к мужу. «Возьми харчи для него», — сказали они. «А что такое харчи?» — спросила Эмина-апа, плохо понимающая по-русски. Ей сказали, что это еда. Я стояла рядом и всё слушала. Эмина-апа дала мне денег, сумку и попросила быстренько сбежать в магазин, купить мягких чуреков, пряников, чего-то там ещё. Я всё это купила, и когда уже подходила к воротам, увидела, что к дому едут на своей машине старшие сыновья Хажи-бабая Исламбек и Каирбек. Я закричала им что есть силы, чтобы они уезжали. Они услышали меня и остановились. Я всё рассказала, что случилось. Исламбек поблагодарил меня, и они быстро уехали. И больше их никто не видел, как и других пятерых сыновей Хажи-бабая, они как сквозь землю провалились. Скорее всего, они уехали за границу, потому что так же исчезли их суда, на которых они возили на продажу фрукты.

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ЭМИНЫ-АПЫ

Эмина-апа вернулась из милиции и сказала, что её не пустили к мужу и не взяли передачу. Сказали, что увидеть она его теперь сможет только во время суда. Я рассказала ей, как предупредила сыновей Хажи-бабая. Эмина-Апа очень благо-

дарила меня, а старшие жены Хажи-бабая (уже пожилые бабушки), их было три, надарили мне всяких платков, конфет, даже денег дали. На другой день, когда мои родители и Асия уехали на работу в Баку, а Акрам — в школу, я осталась дома одна, Эмина-апа пригласила меня в дом Хажи-бабая попить чаю. Мы пили у них дома чай, разговаривали (азербайджанский и татарский языки похожи, примерно как русский и украинский, и я его быстро освоила), когда на веранде послышался топот. Это приехали два милиционера. Они опять стали допытываться, где сыновья Хажи-бабая. Потом они связали руки Эмине-апе и стали хлестать её по спине плетью, пинать, но она только плакала и кричала, что ничего не знает. К ней на помощь спустились старшие три жены Хажи-бабая — Айгул-апа, Саймя-апа и Василя-апа. Милиционеры разозлились и стали бить даже этих старух, пинать их сапогами. На шум из своего дома вышла русская тётя Шура (тоже квартировала у Хажи-бабая), она работала районным врачом. Тётя Шура напустилась на милиционеров, стала их стыдить, пригрозила, что напишет на них жалобу. В это время за воротами послышалась сирена. Оказывается, тётя Шура, прежде чем выйти во двор, позвонила как врач по телефону и вызвала скорую помощь, а заодно и милиционеров. Почти вместе со скорой помощью приехали и другие милиционеры. Они надели наручники на тех, которые били бабушек, и увезли их на своей машине. Избитых, всех в крови и пыли бабушек тоже погрузили в машину скорой помощи — их специально не стали мыть, чтобы видно было, как с ними обошлись милиционеры.

Прежде чем уехать, Эмина-апа отдала мне ключи от дома и попросила — если они не скоро вернуться, то оставшихся дома двоих младших детей Хажи-бабая (ему их родила Эмина-апа) забрать на время к нам, и дом запереть. Я спросила, почему они не скажут это домработнице. Но она, оказывается, от них ушла, как только арестовали Хажи-бабая. Я так и сделала. Мальчики не видели, что случилось во дворе, потому что играли в дальней комнате. Они спрашивали, где их мама. Я как могла успокаивала их, говорила, что к вечеру она обязательно вернётся. Стала готовить обед во дворе на газовой плите, и услышала гудок машины у ворот. Побежала, открыла, и во двор заехала «скорая помощь». Из неё на носилках вынесли Эмину-апу. Она была неживой. Врач сказала, что её даже до больницы не довезли, у неё сильно кровь изо рта пошла, и она умерла. Милиционеры отбили ей всё внутри. Дети в это время играли в беседке. Эмину-апу потихоньку занесли в дом, чтобы они не видели. Им так ничего до самого позднего вечера не сказали и уложили спать. Меня послали за нашими соседями, саратовскими татарками, чтобы они пришли обмыть Эмину-апу и подготовить её к похоронам.

Эмину-апу было очень жалко. Рассказывали, что ей было всего четыре года, когда её отца, который работал пастухом у какого-то бая, убили бандиты и угнали лошадей. Когда Эмина подросла, стала ходить вместе с мамой работать по разным дворам. Несколько раз были у Хажи-бабая, понравились ему, и он оставил их жить у себя. Построили для них в углу большого двора маленький домик, Хажи-бабай выделил им коровку, дал несколько овец, уток, куриц. А когда мама Эмины умерла, он, с согласия девочки и с согласия старших жён, женился на ней. Эмине было тогда 13 лет. Рассказывали, что свадьба была очень пышная. И гости надарили молодым много всякого добра: 15 лошадей, 25 коров, больше 50 овец и много птицы. Первые роды у Эмины были неудачными. У неё родились два мёртвых сына-близнеца. А когда мы приехали в Баку, у Эмины-апы росли уже двое других сыновей-близнецов, Худайберген и Ермек. И вот эта богатая счастливая семья была разрушена и ограблена, а Эмину-апу забили до смерти.

ПОРА ДОМОЙ!

Папа подал на расчёт, и ему оставалось работать месяц. Родители закупили подарки, чтобы увезти с собой в Татарию и порадовать родственников. Асие, мне и Акраму купили зимнее пальто, зимние сапожки. Папа с мамой тоже хорошо оделись. Папе купили пальто с каракулевым воротником и каракулевою же шапку, хромовые сапоги. На ногах мамы были мягкие, расшитые узорами кожаные сапожки с галошами (в Баку все женщины ходили в таких). «Не зря мы здесь трудились шесть лет, всё у нас теперь будет, слава Аллаху, — сказал папа. — Вот только очень жалко, что оставляем здесь наших дорогих девочек Разию и Охру».

А путь предстоял долгий: на корабле из Баку до Астрахани, потом на пароходе по Волге до Самары, оттуда поездом до Нурлата, а там уже рукой подать, всего 65 километров... Мне так не терпелось скорее отправиться в путешествие, что я однажды сразу оторвала от календаря два листочка. Папа меня поругал, сказал, чтобы я больше не трогала, и так осталось недолго до отъезда — всего 11 дней. Был уже июнь. И тут с мамой случилось несчастье. Она утром торопилась на трамвай, чтобы на работу поехать. А из-за угла выехала машина и ударила маму. Мама упала и потеряла сознание. Это видел милиционер, он заставил водителя погрузить маму в машину, и увезли её в больницу. Оказывается, мама была беременной уже два месяца, а из-за этого удара машиной и испуга у неё случился выкидыш. Это были двойняшки, мальчик и девочка.

Папа, когда узнал, что случилось, чуть не задушил того шофёра — он стоял в коридоре в наручниках. Милиционер удержал папу. А шофёр плакал и просил, чтобы его не отдавали под суд: у него было семеро детей, и один из них безнадежный калека, передвигается только на инвалидной коляске. Маму оставили на несколько дней в больнице, а папа привёз крохотных мёртвых мальчика и девочку в коробке домой, обмыл их с моей сестрой Асийей в бане и похоронил рядом с Разией и Охрой. Так на кладбище в Бильбия навсегда поселились уже четверо членов нашей семьи.

В октябре мы окончательно собрались и поехали на пристань, грузиться на корабль. Он был очень большой, трёхпалубный, я таких сроду не видела. Народу на пристани собралось очень много, наверное, тысячи людей. Все с вещами, багажом. Посадка шла очень долго, у всех проверяли билеты, документы. Когда мы, наконец, оказались в своей каюте, на второй палубе, мама очень сильно расплакалась. Папа спросил, в чём дело. А мама сказала, что плачет по всем детям, которые навсегда остались в бакинской земле. Потом корабль дал сильный гудок и потихоньку отчалил от берега. И те, кто уплывал, и те, кто оставался, махали друг другу платочками. А корабль отплывал от берега всё дальше и дальше. Кругом было уже одно море и виднелись то там, то тут шхуны рыбаков. Акрам вернулся с палубы и сказал, что в два часа будет концерт, билет стоит 2,5 рубля. Мы решили, что после обеда пойдём на этот концерт. Наши две семьи (с нами плыла ещё одна татарская семья) заняли почти весь первый ряд деревянных диванов. В концерте артисты пели и по-русски и по-азербайджански, танцевали парами и группами, даже с саблями, играла музыка. Всё было очень здорово. А после концерта зрителям объявили, что на следующий день здесь будет выступать цирк с обезьянами и медведями, змеями, будут клоуны и фокусники. Билет уже стоил 3 рубля. Но мы пошли и на следующий концерт, и на третий, и на четвёртый — так нам всё это понравилось, потому что мы ничего подобного в своей жизни не видели. И так до самой Астрахани. Мне это путешествие запомнилось на всю жизнь.

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

В Астрахани мы пересели на речной пароход и на нём по Волге доплыли до Самары, а там погрузились на поезд и доехали до своей станции Нурлат. Сколько всего времени у нас ушло на переезд из Баку я не запомнила, но мне показалось, что очень долго. В Нурлате нас уже ждали два маминых брата, Сайфутдин и Сахибутдин, они приехали на двух пароконных повозках. Когда стали переносить багаж в повозки, братья удивились: «О, как много у вас сундуков, чемоданов, бочек, мешков, ящиков. Видать, хорошо разжились в Баку?» Мы привезли с собой, наверное, полтонны груза. Это были два центнеровых сундука со всяким добром, три чемодана, три бочонка с солёной осетриной и мясом, два мешка с сушёными осётрами, два больших ящика, в которых были 14 трёхлитровых банок с разными вареньями, две десятилитровых оплетённых бутылки с виноградным вином.

На вторые сутки пути, после ночёвки в Мамыково, показалась, наконец, окраина нашей родной Амзи, мост деревянный через речку, дома знакомые, старики сидят на завалинках, все нас узнают, здороваются. А вот и наш дом. Из калитки с криками и плачем выбежала Василя-апа, папина сестра, она все эти шесть лет жила в нашем доме. Всё, приехали! Это было 5 ноября 1939 года.

А вечером к нам потянулись гости — всем было интересно посмотреть на нас, послушать, как мы жили в далёкой стороне. Пришла и моя двоюродная сестрёнка Гаршия, с которой мы так дружили, пришли пять моих одноклассниц и сказали, что завтра вечером будут репетировать концерт к празднику, и наша учительница, Марфуга-апа, передала, чтобы я тоже приходила.

Мама, папа и тётя Василя стали обсуждать, как будут праздновать свой приезд и 7 ноября. Посчитали, что будет 26 гостей. Гаршия переночевала у нас, а утром мы с ней побежали в школу. Все сказали, что я очень изменилась, повзрослела. Учительница спросила, училась ли я в Азербайджане. Я сказала, что нет. А вот Акрам учился в Баку с первого класса в русской школе, и сейчас может продолжать учиться в седьмом классе в Альметьево. А чтобы мне продолжить учиться, надо было садиться за парту со второклассниками. Мне было уже четырнадцать лет, и потому вовсе не хотелось сидеть вместе с малолетками. Я так и сказала учителям: «Писать, читать, считать умею — мне этого хватит». Но поучаствовать в концерте не отказалась. В тот же день выучила стихотворение, которое мне задали, и прочитала его на праздничном концерте.

Я была одета во всё новое, «городское», сильно отличилась от своих сверстниц, выглядела взрослой, и мне хлопали особенно дружно. Ну а когда мы с братом Акрамом ещё и станцевали азербайджанский танец «Кыз куву» (догони невесту), в зале все не просто хлопали, а кричали и свистели, так мы им понравились. Потом я одна станцевала азербайджанский танец, и опять мне все сильно хлопали. На другой день был праздничный обед по случаю нашего возвращения, после которого папа раздал всем родственникам богатые подарки. Все гости остались довольны.

Но вот праздники кончились. Папу опять пригласили работать на колхозные мельницы, водяную и ветряную. Ветряная в деревне Курнали уже год не работала — как-то налетел сильный ураган и переломал лопасти. Папа принялся за ремонт. А ещё он решил заняться строительством нового дома — нам не нравился старый участок, весь глинистый, всегда на нём после дождей мокро и грязно, на огороде всё плохо растёт. А новый участок был на берегу речки, земля там была плодородная. Папе разрешили взять участок в 18 соток, он хотел весь его обсадить деревьями, чтобы корни держали землю и во время дождей не размывало бы огород. Папе дали трактор, что-

бы вспахать участок, и ещё шестерых парней в помощь — копать траншеи под фундамент для нового дома и лунки под посадку деревьев. Земля к тому времени была ещё не мёрзлая. Машины братья привели нам во двор двух коров, чтобы у нас снова было своё хозяйство. Папа хотел дать им денег, но они обиделись, сказали: разве вы нам не родня? А сколько вы нам посылок посылали из Баку, разве вы это за деньги делали?

ЗА МНОЙ УХАЖИВАЮТ!

9 ноября утром к нам приехали на двух лошадях семь человек папе в помощь, подъехал и трактор (они тогда были с железными колёсами). К обеду участок на новом месте был уже вспахан. По краям огород обложили дёрном и утоптали. Огород также обсадили тальником, из леса привезли спиленные стволы деревьев под сваи. Поставили срубы под дом, амбар, баню. Тут тракторист Харис, совсем молодой ещё парень (он сразу начал на меня поглядывать, когда мы вернулись из Баку), говорит мне такие слова у речки, где он умывался после работы с другими мужчинами, и когда я подала ему полотенце: «Райса, я весной уйду в армию. Можно, я тебе писать буду?»

Мне тогда ещё пятнадцать не было, и я ни о чём таком и думать не думала. Хотя Харис мне нравился: и симпатичный, и тракторист, а тогда трактористов в деревне очень уважали, как вот в наши дни уважают лётчиков. Я ему ответила, что мне ещё рано об этом думать. Может, и напишу. Харис очень обрадовался, поцеловал свою ладонь и махнул в мою сторону. Я тогда ещё не знала, что это был воздушный поцелуй. Он ушёл обедать, а я стала поливать только что высаженные вокруг огорода деревья. Смотрю, Харис обратно возвращается, говорит, буду помогать тебе поливать. Я ему сказала, чтобы он шёл поливать с другого конца огорода, а то скоро папа подъедет из леса, нельзя, чтобы он нас вдвоём увидел. А Харис и говорит, что это не беда, что он уже намекнул Кариму-абый, то есть моему папе, что я ему нравлюсь, и после армии хотел бы на мне жениться. Я даже ведро уронила, и спрашиваю: а что папа ответил? А папа ответил: «Ты сначала отслужи, а там посмотрим».

Уже наступил декабрь. Дом нам строили очень быстро и дружно. Сруб ставили сразу 16 человек, уже подвели его под крышу. Пришла Василя-апа, принесла телеграмму: из Красной Армии в отпуск едет домой Исхак. Папа сказал, что вечером ходит к председателю колхоза и попросит лошадь, чтобы встретить Исхака в Нурлате. И тут пришёл Ильяз. Он был не в себе и сказал папе, что началась война с финнами и что Исхак может домой не попасть: он закончил офицерские курсы и стал младшим лейтенантом. Папа сказал, чтобы Ильяз не боялся сам и не пугал других. Подумаешь, какие-то финны повоевать захотели. Вот и получают, что просят. Они с Ильязом через день поехали в Нурлат за Исхаком. А на другой день к вечеру со стороны Альметьева налетел сильный снежный буран. Всё сразу покрылось снегом. Мы испугались: как же доедут домой наши мужчины из Нурлата, они же на колёсной повозке? И тут с улицы послышался лай — это подал голос наш пёс Пират. Приехали папа с Ильязом и Исхаком! Они сказали, что еле добрались, их буран накрыл в Селенгуше. Все стали обнимать, целовать Исхака. Я его даже не узнала. Он стал такой взрослый, ему было уже 26 лет, плечистый, с усами, очень похож на своего отца Амирхана-абый. Форма ему очень шла. Исхак сказал, что у него есть и пистолет, который на время отпуска пришлось оставить под расписку в военкомате. А мне он сказал, что я очень выросла и стала настоящей невестой. Я даже покраснела.

И никто тогда ещё не знал, что наша мирная жизнь, которая только начала налаживаться, рухнет — всего через полтора года начнётся страшная война, и на ней

погибнут и Харис, и Исхак, и многие другие мои односельчане; и опять будут голод, холод, новые тяжкие испытания...

ПЕРВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

23 июня из райцентра Мамыково к нам в Старую Амзю приехал военкоматовский офицер, они вместе с председателем провели общее собрание, на котором и рассказали, что началась война. Офицер привёз с собой повестки, мужчины с 18 до 45 лет будут мобилизованы в армию. А кроме того, зачитал приказ, что из нашей деревни мобилизуют на оборонные работы 21 парня и девочек с 16 лет — строить вторую железнодорожную линию от Ульяновска в двух направлениях — до Москвы и на Урал. Это нужно, чтобы везти на фронт технику и войска, а с фронта раненых, чтобы железная дорога работала безостановочно, чтобы поезда не ждали, когда проедут встречные составы. Мобилизовали также взрослых в возрасте от 45 до 50 лет. Стали зачитывать списки мобилизованных: Майра Амирханова, Асылбикя Баталова, Райса Гатина... Когда зачитали моё имя, мама и папа сразу крикнули: «Как Райса, она же совсем девчонка, ей же ещё нет 16». «Через месяц исполнится, — сказал военный начальник. — Так что тоже попадает на оборонные работы. А кто будет уклоняться или захочет скрыться, будет считаться дезертиром, и того посадят на 5–7 лет». На колхозной площади, где проходило собрание, поднялся крик, плач. Да, по годам я была ещё совсем девчонкой, но прекрасно понимала, что с наступлением войны детство моё закончилось, как и у моих подруг.

После собрания все разошлись по домам, многие, чтобы готовиться в дальнюю дорогу. Папа сказал, что надо разобрать старый дом на дрова, пока он дома, а то, не дай Бог, его тоже мобилизуют. А этих дров года на три может хватить. Мама испугалась: «Неужели война так долго будет идти?» — и заплакала. Папа, как мог, успокаивал её. А 27 июня 1941 года бригадир принёс мне повестку и сказал, что завтра до обеда надо быть уже в Мамыково, на военной комиссии. В этот же день повестки получили и мои сёстры Гаршия, Гульжамал, Минжамал... Мама собрала меня в дорогу, я только чай попила, как у нашего дома остановилась машина с крытым кузовом. Я простилась с родными (папы дома не было, он в тот день был на мельнице), взяла сумку с продуктами, которую мне в дорогу приготовила мама, села в кузов, и машина поехала к конторе. А там уже полно народу, и папа на велосипеде подъехал с мельницы, чтобы успеть проводить меня. Все, кто должен был ехать на комиссию, поднялись в кузов, и машина тронулась... Комиссию проходили в районной больнице, всех признали годными. Сопровождающий нас офицер сказал, что сегодня же нас отвезут домой, дадут два дня на сборы и проводы, и снова в путь, теперь уже в Нурлат, на поезд, который повезёт нас в Ульяновск.

СТРОИМ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ

И вот нас на поезде привезли в Ульяновск, здесь пересадили на большие военные машины (было много девочек и парней из других районов), по 50 человек в каждую, и привезли куда-то в безлюдное место. Высадили прямо на краю ржаного поля, а вокруг стояло много больших палаток, в каждой по 35 деревянных коек с соломенными матрасами и ватными подушками, с синими одеялами. Мы заняли каждый

свою койку, нас познакомили с нашими начальниками. Начальником той группы, в которой была я (в основном все девчонки-татарки из двух деревень), был мужчина лет сорока, он зачитал наши фамилии по списку — так познакомился со всеми. Себя он назвал Иваном Григорьевичем. Поскольку в нашей группе по-русски хорошо говорила только я, то была у него как переводчик. Он отдавал все распоряжения через меня.

В первый же день после обеда нас повезли от нашего лагеря за 10 километров. Здесь нам дали лопаты и показали, как готовить насыпь под железнодорожное полотно — становились с обеих сторон отведённой линии, рыли кювет и землю бросали в середину, а потом разравнивали ручным катком. Затем на эту насыпь ещё сыпали щебень и утрамбовывали катками. А затем укладывали шпалы — по двое становились на каждый конец тяжёлого и вонючего, чем-то пропитанного бруса, от запаха которого кружилась голова, и несли на верёвках на путь и укладывали на строго отмеренном расстоянии. Григорий Иванович назначил меня звеньевой. Я записывала в тетрадь, сколько за день делалось работы. Вечером, перед отъездом на ужин Григорий Иванович переписал себе для наряда, сколько мы проложили пути. Получилось, что за один рабочий день наше звено из 37 человек (28 девчат и 9 парнишек) подготовило под прокладку шпал 21 метр полотна. А таких звеньев было много, всего в них было около 800 человек, это и с нашей, и с московской стороны. От Ульяновска дорогу при этом строили татары, от Москвы — русские.

Григорий Иванович похвалил нас за хорошую работу. Но за этот день мы очень устали, просто валились с ног. Нас привезли к палаткам, мы поужинали в столовой и отправились спать. Некоторые девчонки стали жаловаться, что это настоящая каторга, лучше убежать. Я напомнила, что за это могут и посадить. И всё же через три дня мы недосчитались пятерых девчонок из нашей и соседней деревень. Одной было 19, другой 17 лет, ещё троим по 16. Григорий Иванович за завтраком заметил, что мы сидим за столами не полным составом, стал интересоваться, кого не хватает, почему. Девчонок тут же объявили в розыск. Прошло два месяца, за это время в сторону Москвы было построено 200 километров железной дороги, и к тому же времени мы узнали, что сбежавших девчонок поймали где-то за Ульяновском, судили и дали по одному году. Но в тюрьме они только ночевали, а весь день работали под конвоем, причём на самых тяжёлых работах. Григорий Иванович узнавал про них и рассказывал, что они всё время плачут и просят обратно к нам. Я сама расплакалась, когда узнала, в какое положение попали наши девчонки. Григорий Иванович сказал, что можно попробовать им помочь, если написать заявление с просьбой отпустить их в нашу бригаду на поруки. Так и получилось, девчонок под конвоем привезли из Ульяновска к нам. Мы их обнимали, целовали, плакали от счастья. А потом снова включились в работу, и очень старались, чтобы всё это скорее кончилось.

24 августа 1941 года я запомнила на всю жизнь — в этот день оба конца железной дороги соединились, а нашему звену дали красный флажок как передовому. Мы не только первыми закончили свой участок, но ещё помогли уложить шпалы на участке в полтора километра тем, кто тянул линию со стороны Москвы. А всего наше звено сделало больше плана 13,5 километров железнодорожного полотна. Вечером было торжественное собрание, лучших наградили премиями и подарками и вручили дорожные билеты. Вызывали звеньевых по алфавиту: сначала назвали Асылханову, потом Булатову, Валиулину, а потом назвали моё имя: «Гатина Райса Каримовна». Я получила конверт — там были 100 рублей, платок и шоколадка.

ДОМОЙ, НО НЕНАДОЛГО

В 12 часов ночи за нами пришли машины, мы собрали свои пожитки (а палатки оставались на месте — говорили, что после нас здесь будет военный лагерь, будут обучать молодых солдат перед отправкой на фронт) и поехали в Ульяновск. Ехали почти 200 километров, потом пересели на поезд, и он повёз нас в Нурлат. В Нурлате нас уже встречали родственники и родители. За мной приехал папа. Мы пересели в машины и поехали в родную деревню. Когда стали подъезжать к Старой Амзе, все от радости закричали и запели, так соскучились по дому. Мама уже истопила баньку, я помылась, уселась за стол, родители стали расспрашивать, как там было да что. Ну, я всё рассказала, они только удивлялись, как это мы, совсем ещё дети, выполняли такую тяжёлую работу. А я сказала, что колхозная жизнь приучила не бояться никакой тяжёлой работы. Тем более, грех было не стараться — наша работа нужна была для поддержки фронта.

Отдохнула всего два дня, тут бригадир приходит, говорит: «Надо картошку полоть. Пока вас, молодых, не было, полоть было некому, вся заросла, потом выкапывать её невозможно будет». Я собрала своих девчат, и мы пошли в поле. А трава уже вся старая, стебли как деревянные, и тяпки тупились очень быстро, приходилось точить их очень часто. Этим занимался мой младший братишка Акрам, за это ему каждый день писали по два трудодня. Только пропололи картошку, нас тут же направили на уборку сахарной свёклы. Две недели дёргали свёклу, там подошла пора убирать картошку, а после первого морозца — капусту; после капусты на складах перелопачивали зерно, чтобы не сгорело, за телятами ухаживали... Мужчин в деревне почти не осталось, и приходилось работать за двоих-троих. Папа работал и на мельнице, и нам помогал на ферме, корма привозил, навоз вывозил. Про все новости на войне узнавали по радио (эти тарелки поставили бесплатно в каждом доме, как только война началась) и на собраниях. Однажды приехал из конторы дядя Паша, который тоже с нами работал на ферме, и сказал, что, наверное, девчатам надо опять готовиться в дорогу. Оказывается, из Казани пришёл приказ: мобилизовать на копку окопов и траншей женщин от 16 и до 40 лет, по 35 человек от каждой деревни. Вот как только Волга замёрзнет, так и отправят нас за 300 километров от Казани на оборонительные работы. Опять дома крик, плач: «Да что же это такое, да кто же зимой окопы копает?»

На следующий день мне снова пришла повестка. Такие повестки получили ещё 25 человек из Старой Амзи. Через день за нами пришла машина, и 5 ноября 1941 года мы опять были в дороге.

ОКОПЫ, ТРАНШЕИ, ДЗОТЫ...

Привезли нас в город Чистополь, дальше ехать было нельзя — лёд был ещё тонкий. Нам сказали, что будем переправляться через Волгу пешком. Никогда не забуду этот день 6 ноября 1941 года, так было страшно. Нам всем дали по длинной палке, чтобы пробовать перед собой лёд. А все бояться идти — Кама показалась нам страшно широкой. Вперёд пошёл сопровождающий нас солдат, потом уж потихоньку за ним и мы, с расстоянием в 5–6 метров. Шли и молились, чтобы лёд не провалился. Но, слава Аллаху, всё обошлось, никто не провалился. Да и какой вес был у нас тогда, недоедавших и ещё совсем не взрослых? На той стороне нас уже ждали машины. И, когда мы перешли Каму, все закричали «Ура!» Когда погрузились и поехали в сто-

рону Казани, я стала расспрашивать сопровождающего нас военного, надолго ли нас задержат на земляных работах, почему надо копать зимой и что именно мы будем копать — нам ведь толком так ничего и не объяснили. Этот военный рассказал, что копают окопы, траншеи, блиндажи, дзоты уже с лета, москвичи копают. А мы едем им в помощь, и будем копать им навстречу со стороны Татарии. А почему зимой копать... Да потому что летом всё не успели сделать. Копать окопы надо для того, чтобы, если немцы прорвутся со стороны Москвы, задержать их перед Казанью.

В Казани нас пересадили на военные машины и повезли дальше на запад, 8 ноября мы были уже на месте работ. Это было поле, кругом стояли скирды соломы, некоторые горели. Тут же учили стрелять из винтовок, пулемётов и пушек солдат. Многие из них были ещё в гражданской одежде. Вот так, под выстрелы, мы и копали эти окопы и траншеи. До сих пор помню размеры блиндажа: три метра в глубину, четыре в ширину и восемь в длину.

Жили мы в двойных брезентовых палатках на 50 человек, они отапливались двумя железными буржуйками. В нашей палатке буржуйки круглые сутки топил один старик. На протянутых верёвках сушили после работы свою одежду, лапти. Да, я забыла сказать — почти все мы были в лаптях, так тогда ходили во всех татарских деревнях. Правда, потом нам привезли какую-то обувь, не знаю, как её назвать — калоши не калоши, сшитые из лошадиных шкур. Эта обувь была всё же получше лаптей. Ещё лучше было, если получалось надеть сразу и лапти, и вот эти «следики», как я их называла.

Поднимали нас в шесть, рабочий день начинался в семь утра и заканчивался в семь вечера. Долбить мёрзлую землю было страшно тяжело, у нас у всех руки были в полопавшихся мозолях. Медсёстры каждый день делали нам перевязки, лопнувшие мозоли смазывали какой-то жёлтой мазью. От работы освобождали только сильно заболевших или умерших. Но болели мало и не умирали, а копали и копали. Кормили нас, правда, очень хорошо. Так же, как солдатам, варили еду в полевых котлах на колёсах и привозили прямо к месту работы. Вот так мы встретили в окопах новый 1942 год, и продолжали копать их до 27 марта. В этот день мы соединились с московскими колхозниками, которые тянули траншеи в нашу сторону. Но их-то всех отпустили домой, а татарстанцев заставили ещё заготавливать еловые брёвна для блиндажей. Мы чуть с ума не сошли от горя — ведь нам обещали, что отпустят, когда соединимся с москвичами, мы и домой писали, чтобы ждали нас ранней весной. А оно вон как повернулось.

НА ЛЕСОПОВАЛЕ

Ездили в лес за 100 километров и там пилили деревья. Помню, что лес был очень красивый, заснеженные ели стояли прямо как в сказке, и очень жалко было такой лес губить. Вот уже апрель кончился, май пошёл, а мы всё пилим. Девчата плачут, домой хотят. Ну, я не выдержала и пошла к нашему военному начальнику спросить, когда же нас отпустят домой. А начальник меня пристыдил. Дескать, там такая страшная война идёт, всё разбомбили, столько людей убили, а над нами самолёты не летают, бомбы и снаряды на нас падают. Ну, конечно, тяжело, но ведь все живы-здоровы и домой все вернётесь. Надо ещё потерпеть немного, ваша работа очень нужна, фашистская армия очень сильная и всё может случиться, поэтому то, что вы делаете — это на тот самый случай. Я вернулась в свою палатку и всё передала нашим. Никто и слова не сказал. Я ещё пожаловалась начальнику, что в лесу всё растаяло, а мы в лаптях,

и ноги у всех мокрые, нам бы обувь какую-нибудь. А начальник отвечает: «Что же вы раньше молчали? Ладно, что-нибудь придумаем. Скажи, сколько в твоём звене человек, и какого размера обувь нужна?» Господи, да у нас почти никто не знал, что такое размер обуви — с детства все ходили в лаптях. Правда, я-то свой размер уже знала — в Баку носила заводские туфли. В общем, на другой день мы делегацией в девять человек пошли в стоящую рядом воинскую часть, и там со склада нам выдали 70 пар ботинок самого разного размера. Мы их принесли в свою палатку, и здесь уже каждый выбирал, что подходит по размеру, а лишние ботинки вернули обратно. Девчата опять в слёзы: «Значит, нас ещё надолго оставят здесь». И точно, через какое-то время нас отправили на новое место, на 80 километров ближе к Москве. Там мы жили не в палатках, а в деревянных бараках, даже с радиоприёмниками. Там мы впервые за последние месяцы услышали, что передаёт Москва про войну. Слушать было страшно — рассказывали, как наши били немцев, и как немцы бомбили поезда с эвакуированными мирными людьми. Особенно запомнилось, когда диктор рассказывал, как 5 немецких самолётов разбомбили поезд, в котором ехали 800 женщин, стариков и детей, и что многие из них погибли. Я переводила с русского нашим татарочкам. Девчонки опять в слёзы — когда же эта страшная война кончится, когда же мы вернёмся домой?..

Нам дали неделю отдыха, чтобы мы привели себя в порядок, в бане помылись, домой письма написали. И снова — за работу. Лес пилить нас возили недалеко от лагеря, всего километров за пять. А скоро и помощь подоспела — сначала на трёх машинах привезли 112 русских молодых парней и девчат, всем лет по 16, не больше, а следом ещё 170 человек, уже постарше. За нами закрепили семь машин, которые отвозили напиленный лес на железнодорожную станцию. Вот уже апрель кончился, май пошёл, а мы всё пилим и пилим... Наконец, где-то в конце мая нас всех созвали на собрание, поблагодарили за хорошую работу от имени Москвы и сказали, что завтра-послезавтра отправят домой. Как мы все обрадовались, как плакали, как хлопали — будто война кончилась. Но война ещё только набирала силы, а мы уже очень устали от тяжёлой работы. Нам после бани устроили прощальный ужин и концерт, всем дали благодарности на открытке и по 50 рублей денег, а 29 мая за нами пришли машины из Казани. 30 мая мы уже были дома.

ПЕЧАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

Деревня нас ждала. Машина остановилась возле школы. Пока мы вылезали из кузова, школьники выстроились в ряд и забили в барабан, задудели в горн. Подошли взрослые, председатели колхоза и сельсовета объявили митинг в честь нашего возвращения. Мы никак не ожидали таких торжеств и были очень взволнованы. Председатель зачитал похвальный лист, высланный военным комиссаром района в нашу деревню ещё полтора месяца назад. В этой важной бумаге писалось, как хорошо работает на оборонных работах молодёжь из Старой Амзи, какие мы все дисциплинированные и трудолюбивые. И отдельно называлось моё имя как лучшей звеньевой. И это было ещё не всё. Вечером состоялся концерт в клубе в нашу честь, и там нам вручили подарки — девушкам по пять метров разноцветного сатина, по косынке и по 25 рублей премии, а ребятам — рубашки, носки, кепки и также по 25 рублей. И ещё председатель колхоза дал мне газету, в которой про нас написали. Правда, газета была русской, но я же умела читать по-русски, и перевела всем, что про нас напечатали.

Дома за это время накопилось много новостей, больше печальных. Сестру мою Асию тоже забрали куда-то рыть окопы. От неё было всего одно письмо, потом она замолчала. Позже пришло письмо от амзинских девчонок, с которыми она работала. Они сообщали, что Асия простудилась в окопах (дело было зимой), сильно заболела. Сейчас она ещё лежит в больнице, и девчонки часто ходят её навещать. Бог даст, она вернётся живой-здоровой, мама молилась за неё каждый день. Погиб на войне мой двоюродный брат Ильяз, его документы и личные вещи привёз Исмагил из соседней деревни Новая Амзя. Они вместе воевали. Самому Исмагилу оторвало ногу по колену. Он рассказал, как погиб Ильяз. В него попало три пули, одна в лёгкое, две в голову. Бой шёл возле какого-то завода, и вместе с Ильязом там похоронили 57 солдат. Моя тётя Василя-апа очень плакала и говорила, что ей снятся плохие сны про Исхака, другого моего двоюродного брата, и она очень за него боится.

Я снова пошла работать в колхоз, выхаживала маленьких ягнят. Но совсем недолго. Как-то мы все дома ужинали, и тут залаяла собака во дворе. Папа пошёл посмотреть, кто там, и вернулся с бригадиром. Тот протянул мне повестку: «Райса, тебе завтра надо ехать в Мамыково, на комиссию». Папа спрашивает: «И куда потом из Мамыково?» — «Там скажут». Мама заплакала: «Господи, когда же это кончится!» Папа пошёл в контору узнать, куда меня могут отправить. Я же пошла протопить баню, чтобы помыться перед дорогой. Папа вернулся и сказал, что из нашей деревни 13 человек отправят в Бутайху, это 40 километров от Нурлата. Туда откуда-то военный завод эвакуировали, уже три месяца на нём винтовки делают. В далёкую дорогу собрались 9 девчонок и ещё четыре пожилых мужчины, кому было по 50 лет и больше: Гирфан, Мубаракша, Нургали и Фатих... На комиссии, это было 10 октября 1942 года, одну из девчонок забраковали, осталось нас восемь. Нам в колхозе дали быков с телегами (лошадей в колхозе не осталось, всех забрали на фронт), вот на них мы и поехали в Бутайху. А война становилась всё страшнее. Нам рассказывали, что у солдат не хватает винтовок, что немцы издеваются над ранеными и убитыми, истязают их штыками, что много 18-летних парнишек и девчонок уходят на фронт добровольно, чтобы мстить немцам, и гибнут тысячами. А вы, говорили нам, счастливы, хоть и выполняете тяжёлую работу, но в вас не стреляют, вас не убивают. Да мы и сами понимали, что надо терпеть и работать, куда бы нас ни посылали.

ЗАЧЕМ БЫКАМ КРУТЯТ ХВОСТЫ?

На тех же быках, на которых приехали, мы и работали: возили на повозках из Бутайхи готовые приклады к винтовкам в Нурлат. Уже шёл ноябрь, земля была стылая, кочки и ухабы замёрзли, и колёса телег прыгали на них, увязанные в пачки приклады время от времени рассыпались и падали на дорогу. Соберёшь их, увяжешь, и снова в дорогу. Быки оказались очень настырными, мало того, что они еле тащили телеги, так ещё всё время старались лечь отдохнуть. Только один уляжется на дорогу, глядя на него тут же валятся с ног и остальные. И хоть ты их убей! Девчонки от отчаяния плакали, мужики ругались. Дорога наша лежала через большой тёмный лес, и нам вообще не хотелось в нём ночевать. Правда, мужчины всё же умели заставить быков подныться на ноги: хватали их за хвосты и начинали выкручивать. Бедные животные от боли вскакивали и снова трогались в путь. И всё равно дорога в 80 километров (в оба конца) занимала у нас целых два дня, приходилось ночевать в Каргаре. Так мы мучились целый месяц. А однажды, когда мы в очередной раз привезли на станцию приклады для отправки на фронт, знакомый голос позвал меня от стоящего на соседнем

пути длинного воинского эшелона: «Райса, Райса!» Смотрю, а ко мне бежит Шакир с гармошкой через плечо (мы с ним перед войной успели подружиться три месяца, но даже ни разу не поцеловались — уж так я была строго воспитана), а с ним ещё двое парней из нашей деревни. Шакир мне очень обрадовался. Оказалось, что эшелон стоял здесь уже вторые сутки. Он рассказал мне, что их отправляют в Куйбышев на учёбу, а оттуда на фронт. И пока мы разговаривали, послышалась команда на посадку. Тут Шакир и говорит: «Давай простимся, может, никогда больше не увидимся». Мы обнялись, вот тогда Шакир и поцеловал меня первый раз. И последний. Уже когда нас отпустили домой из Бутайхи, пришла похоронка на Шакира. Он погиб во время второго своего боя, его убили четыре пули. Погиб и другой парень, который был тогда с ним на станции, а третий вернулся с оторванной ногой. Но это я забежала вперёд.

В эти же дни, когда мы работали на заводе в Бутайхе, случилась страшная история. Одна женщина возила из Каргары на Нурлатский молокозавод молоко с фермы, обычно 6–7 фляг. Как-то она вовремя не вернулась. Но на другой день сторож увидел возле фермы её повозку. Лошадь вернулась в деревню без хозяйки. А на телеге стояли две фляги. Сторож открыл их и закричал от страха: женщина была порублена на куски и уложена во фляги. Тут же вызвали милиционеров из Нурлата, их приехало 12 человек с собаками, и они начали прочёсывать лес. Собаки взяли след и скоро милиционеры нашли в лесу землянку, а в ней — восемь человек без документов, обросших, в обносках военной формы. Это оказались дезертиры, сбжавшие с фронта. Они жили здесь ещё с 1941 года. А недалеко от их логова нашли три захороненных трупа. Это были женщины, среди них двенадцатилетняя девочка. Они ушли в лес за грибами и попали в лапы этих дезертиров, которые их изнасиловали и убили. А потом вот убили возчицу молока и забрали молоко, потому что им в лесу нечего было есть. Вот через этот страшный лес нам приходилось ездить в Нурлат.

Как-то Мубаракша-абый говорит: «Райса, ты по-русски хорошо знаешь, и язычок у тебя острый. Иди к директору завода, проси машины. На быках много не наработаешь». И девчонки тоже его поддержали. Когда я решила и пошла к директору, доброму пожилому дяденьке, он сказал: «Хорошо, Райса, что ты сама пришла, на вас вот повестки прислали, надо ехать в Мамыково. А зачем — я не знаю, здесь не написано. На месте скажут». Вот с такой новостью я вернулась в наш барак. Было это 16 декабря 1942 года. Все приуныли, даже стали говорить, что, наверное, на этот раз нас отправят на фронт. С вечера собрали свои вещи, улеглись спать. Утром погрузились на машину и поехали в Мамыково. Там прошли военную врачебную комиссию, всех нас признали годными и повезли домой в деревню, чтобы можно было попрощаться с родителями и ехать на новое место. Военком в Мамыково сказал, что нас направляют на секретный военный завод в Свердловской области, всего на полгода, а затем нас заменят другие.

А ТЕПЕРЬ — НА УРАЛ!

Дома все обрадовались, что я, наконец, вернулась. Но когда я сказала, что уже 20 декабря надо быть в Нурлате на вокзале, родители очень расстроились. Я их «успокоила», сказала, что я не одна такая, а нас 180 человек мобилизуют из трёх районов. Как нам объяснили, за Свердловском, в голом лесу стоит какой-то эвакуированный из Белоруссии военный завод со своими рабочими, мастерами. А вот разнорабочих, чтобы достроить этот завод, не хватает. Вот нас, колхозников, туда и забирают. Я знала, что старшая моя сестра Асия должна была вернуться домой с окоп-

ных работ, но дома её не увидела, спросила, где она. Мама заплакала и рассказала. Да, Асия вернулась, но долго дома не пробыла. Её и ещё 12 человек из деревни забрали пилить лес в Буинский район, в 70 километрах от Казани. Она была к тому времени замужем и уже беременной, но от тяжёлой работы у неё случился выкидыш. Но даже после этого её домой не отпустили, оставили работать в столовой. А брат мой Акрам (он был 1927 года рождения и учился в соседнем Альметьево в девятом классе, домой приходил только по субботам), и с ним ещё восемь учеников из Амзи и Альметьево написали заявление в военкомат, чтобы их направили на учёбу в офицерскую школу и ждали, когда их вызовут.

19 декабря за нами пришла машина. Меня уже собрали в дорогу: на ноги мне дали женские ботинки, которые привезла с собой Асия и оставила дома, мне они на тёплые носки с тёплыми чулками оказались впору. С собой родители дали мне также жареную утку, двухлитровую банку топлёного масла, чак-чак, 25 рублей денег и записанную на бумагу специальную оберегающую молитву на арабском языке. Легли пораньше спать (машина должна была заехать за мной в семь часов утра), я долго не могла заснуть, даже всплакнула, что вот опять надо куда-то ехать. Мама тоже со мной поплакала, потом помолилась за меня, и я заснула уже во втором часу ночи. Утром мама меня разбудила пораньше, чтобы я успела позавтракать перед дорогой. И тут за окном послышался шум машины, залаяла собака. Папа решил, что это уже за мной приехали, и пошёл открывать ворота. А это, оказывается, с оборонных работ вернулась моя сестра Асия. Ещё десять минут — и мы бы разминулись. Я повисла у неё на тонкой шее (Асия сильно похудела, всё время кашляла). Мы успели поговорить, поплакать. Асия рассказала, что получила от своего мужа Карима два письма, он лежит сильно израненный в госпитале. Он воевал в Сталинграде, 15 декабря у тракторного завода его ранило осколками снаряда в спину, а когда он падал, ему ещё и руку пулей пробило. Из его лёгких уже вытащили 11 осколков, но в теле есть ещё немецкое железо и его ждёт очередная операция.

Выпили по чашке чая, и тут приехала машина уже за мной. В дом вошёл сопровождающий машину солдат, поздоровался по-татарски, посмотрел на меня, покраснел, и потом всё время старался поймать мой взгляд. Я поняла, что нравлюсь ему, но меня это как-то не задело. Я думала совсем о другом — чтобы скорее война кончилась, чтобы можно было больше никуда из дома не уезжать, а жить с родителями, помогать им. Нас всех, кто отправлялся в дальнюю дорогу, собрали в правлении колхоза. Выступил председатель сельсовета. Он просил прощения за то, что нам опять приходится ехать на работы далеко от дома, говорил, что иначе никак нельзя, очень уж война тяжёлая, и все должны помогать фронту как только можно. Мы это уже и без него знали.

Нам всем в дорогу дали по 100 рублей, пожелали счастливого пути и чтобы мы вернулись к весенней пахоте. Мы погрузились в машину и отправились в путь. Заехали ещё в Альметьево, взяли и там мобилизованных девчат (получилось с двух деревень 28 человек), а оттуда напрямик — в Нурлат. Сели в свой вагон (он стоял отдельно на первом пути), там уже были другие девчата, нас подцепили к поезду, и когда мы уже должны были вот-вот тронуться, ко мне подошёл тот самый солдатик (он был из Чишмы) и сказал, что теперь он должен вернуться в свою часть, и попросил меня написать ему. Я ничего ему обещать не стала — у меня ведь вроде уже был парень, Шакир, гармонист, и он очень просил дождаться его с войны. Правда, я и ему тоже ничего не обещала, сама ещё была совсем девчонкой, просто мне было приятно внимание парней. Паровоз засвистел, тронулся с места и солдат спрыгнул из вагона прямо на ходу. И мы поехали... Опять вагон, опять стучат колеса, мы едем всё дальше

от дома. А за окном редко увидишь деревню какую, тем более город, тогда Урал был ещё не так сильно заселён, как в наши дни.

Уже шёл четвёртый день, как мы находились в дороге. Утром проснулись, за окном солнышко светит, а мимо нашего поезда едет товарняк, на открытых платформах стоят пушки, танки, накрытые брезентом. А вдалеке видны высокие заводские трубы. Похоже было, что мы уже подъезжаем. Мы ещё успели позавтракать, когда поезд, наконец, остановился, и нам объявили, что надо выходить. Это была станция Полевская. Здесь стоял металлургический завод с четырьмя большими трубами. Нас поселили в общежитии.

ПУШКИ И СНАРЯДЫ — ФРОНТУ!

В тот же день за нами пришли две женщины и мужчина. Мужчина оказался начальником цеха, а женщины назвались — одна Галиной Михайловной, мастером, а вторая Сарой Абрамовной, бригадиром. Нас привели к новому месту работы, и мы испугались. Это была большая территория, огороженная двумя рядами колючей проволоки, а внутри 4 большие мартеновские печи, где варился металл. Жара, огонь, искры во все стороны. Нашей обязанностью оказалось загружать в мутьды — такие вагончики, их было по три на каждом монорельсе — руду, потом эти мутьды опрокидывались в мартены. На заводе делали снаряды, пулемёты и пушки. Мы разбирали руками и ломом кучи металлолома, которые привозил на специальную эстакаду магнитный кран, и тоже грузили их в мутьды для отправки в печи. На металлолом сюда привозили даже немецкие подбитые танки, разорванные пушки, были и наши танки, они были меньше немецких, пустые гильзы от снарядов, неразорвавшиеся бомбы, ещё какое-то разорванное и погнутое железо. Всё это разрезали бензорезами и отправляли в мартены на переплавку. А в соседнем цехе отливали новые снаряды и пушки...

Прошло три месяца, и в начале марта 1943 года мы проснулись в два часа ночи оттого, что гудят заводские трубы, паровозы, воют сирены, а над заводом стоит пламя. Мы оделись и побежали туда. Случилась страшная авария: оказывается, в печь попал то ли целый большой снаряд, то ли бомба, случился сильный взрыв, всю мартеновскую печь разворотило, оттуда полился расплавленный металл, и в нём погибла почти вся ночная смена — 25 человек. Потом этот металл, когда он застыл, разрезали на куски и похоронили вместе со сгоревшими в нём людьми, с оркестром, цветами и венками. Приехали их родственники, был траурный митинг, на котором говорили, что эти 25 девчат и парней погибли на войне, а не где-нибудь. Шли разговоры, что это была диверсия, нас всех собрали и потребовали, чтобы мы очень внимательно следили за тем, что грузим в мутьды, чтобы ни один патрон, ни один целый снаряд больше не попадал в печь.

В марте же руководство послало нас выкладывать вокруг завода большой кирпичный забор высотой два метра, нельзя было такой секретный объект держать без ограждения. Забор этот мы строили каждый день после смены, работали по два часа. В барак возвращались совсем уставшие, даже ноги не шли. Засыпали как убитые, а затем снова в цех, к мартеновским печам, загружать мутьды металлоломом. А после работы — снова строить забор. Это была настоящая каторга. Нам обещали, что скоро на подмогу привезут ещё 250 мобилизованных колхозников, а ещё сообщили, что везут сюда эвакуированный самолётный завод.

Кормили нас не то чтобы жирно, но сытно — у нас были продуктовые карточки, и еды хватало. И однажды нас всех собрал директор завода, помню, что звали его Иван Иванович Рыжов или Рыжий. Он стал рассказывать, как тяжело сейчас приходится всем людям, но особенно тяжело ленинградцам, они в блокаде, мрут от голода... Тянул, тянул, а ему кричат: «Да говори толком, чего от нас надо?» Оказалось, надо оторвать от себя по 300 граммов хлеба, начиная с апреля 1943 года. И мы все согласились, что надо помочь ленинградцам, и решили отдавать из своего пайка не только по 300 граммов хлеба, но и по 500 граммов макарон. Такое решение приняли и рабочие Челябинска, Златоуста, многих других уральских городов.

Мы продолжали работать в своём копровом цеху, также загружали мартеновские печи (уже все четыре, так как взорванные печи восстановили) металлоромом. Территорию будущего авиационного завода огородили, стали завозить тысячи тонн дроблёного камня, выравнивать его бульдозерами и утаптывать катками под полы для цехов, на глазах у нас стали расти стены, а внутрь завозили огромные станки, и к концу ноября 1943 года завод уже накрыли крышей.

КРАТКОСРОЧНЫЙ ОТПУСК

Прошло больше полугодика со времени нашей последней мобилизации, уже вышел срок ехать домой, а начальство всё молчит, как будто так и надо. Девчата начали ворчать: «Райса, сходи да сходи, узнай, когда нас отпустят домой, сил уже нет». Я решила и пошла после работы к директору завода Ивану Ивановичу. Он принял меня и спросил, по какому вопросу. Ну я и объяснила, что прошёл уже срок нашей полугодичной мобилизации, очень домой хочется, мы здесь уже восемь с половиной месяцев вместо шести, очень устали. Директор спросил, какая это у нас по счёту мобилизация. Я ответила, что уже третья. Директор послушал меня и сказал, что нам вот-вот должна прийти смена из Казани и Удмуртии, а пока он даёт нам неделю отгула. Вот с такими вестями я пришла к девчатам. Они бросились меня обнимать, целовать. И мы ушли на отдых. Не прошло и недели, как стала прибывать замена, надо было освобождать общежитие. И нас срочно отвезли на станцию и посадили на казанский поезд. А в Казани нас должны были встретить машины уже из района. Меня в Казани встречал папа. Он рассказал, что молодых парней в деревне не осталось, на фронт забирают уже 42–43-летних мужчин, ну и объявили о мобилизации ребят уже 1925 года, то есть моих сверстников. Пятеро фронтовиков из нашей деревни погибли, трое вернулись ранеными.

А мы всё ближе и ближе к дому. Вот уже и Курняле видать, а там через полтора километра Новая Амзя, и рукой подать до моей родной деревни Старая Амзя. Нас здесь ждали у конторы. Председатель сельсовета поздравил с возвращением, похвалил за хорошую работу на заводе и сказал, чтобы мы все вечером пришли в клуб — из Альметьево к нам должны приехать казанские артисты. Дома я увидела в детской, где я всегда спала, маленького ребёночка — это был сыночек сестры Асии. Все сказали, что я повзрослела, только похудела очень, и пообещали на домашней еде откормить меня. А я подумала: если только дадут мне пожить дома. Уже шли разговоры, что нас ждёт очередная мобилизация, на этот раз в Казань, на авиационный завод.

Мама и плакала, и сама себя успокаивала: Казань — это совсем близко, можно будет меня проведывать, да и родственники у нас там есть.

Всё так и вышло: я отдохнула дома всего два дня, как из военкомата снова принесли повестку, я и ещё 14 человек должны были поехать в райцентр на комиссию.

Папа сказал, что поедет в райцентр вместе со мной, чтобы похлопотать насчёт пенсии для тётки Васили из-за гибели сына-фронтовика Ильяза, — она сама ничего не сделает, так как по-русски говорить не может. Я зашла в комнату к бабушке, а она и Василя-апа молились, чтобы комиссия признала меня негодной, и чтобы меня больше не забирала на работы далеко от дома. Помолились и стали учить, что мне говорить на комиссии: дескать, не могу нагнуться, внутри болит, всё время голова кружится. Я пообещала, но сама-то знала, что ничего такого говорить не буду, стыдно. Да и посадить могли за обман. Вон двух из Нового Альметьево посадили на 5 лет, когда они сбежали с окопных работ из Ульяновской области. Когда их судили, даже родителей не пустили на суд, так и увезли, не дав попрощаться. Да и как это — убегать или притворяться больной, когда столько народу гибнет на войне, а нам всего лишь надо было работать там, куда пошлют, хотя и тяжело это было очень.

НА КАЗАНСКОМ АВИАЦИОННОМ

Из нашего района должны были забрать на Казанский авиационный завод сразу 82 человека. Ну вот, стали мы собираться у конторы, чтобы ехать на комиссию, уже сели в машину, стали всех проверять по спискам, а двоих парней не хватает — помню, что одного звали Муслим. Пошли к его родителям, и выяснилось, что Муслим и с ним ещё один парнишка вечером, как только получили на руки повестки, собрали котомки и ушли из деревни. Сказали: «Хватит, уже три года бесплатно ишачим, мы пошли на заработки, мир большой, где-нибудь пристроимся». Председатель сельсовета сказал, что они себе срок заработают, а не деньги.

Мы погрузились и поехали. Когда ехали через турдалюфский лес, машина вдруг остановилась, наш шофёр несколько раз выстрелил и закричал: «А ну ложитесь!» Мы смотрим, сбоку от дороги трое парней лежат лицом вниз. Нас ещё сопровождал военный по имени Аскар, вот они вдвоём с шофёром связали этих троих парней (двое из них были наши, что сбежали вечером, а третий из Новой Амзи), посадили их в кузов. Один из парней начал угрожать Аскару: дескать, нам много не дадут, а когда выйдем, мы тебя найдём и подвесим за ноги. Аскар заматерился и нашлапал его по губам. Тебе, кричал он, воевать надо, а ты по лесу бегаешь, как заяц. И всех троих в Мамыкове сдали в милицию...

В Казани на вокзале нас ждали несколько автобусов и строгие мужчины в гражданской одежде. Сопровождающие нас военные передали им все документы. Нас привезли в общежитие, поселили по 5 человек в комнате, показали, где будем работать. Оказалось, что это авиационный завод, эвакуированный из двух городов. Меня и здесь поставили звеньевой. Нам дали бирки-пропуска для вахты, их надо было вешать на специальное место против своей фамилии, а ещё взяли с нас расписки, что мы никому не напишем и не будем говорить, где работаем и что делаем, потому что это военная тайна. И даже обратного адреса для писем у нас не было — только номер, как у полевой почты.

Мы работали в цеху, где отливались корпуса моторов. Для нас провели инструктаж, как вести себя рядом с плавильными печами, выдали специальную робу — ватные брюки и толстый суконный костюм, а сверху ещё плотный фартук, на ногах у нас были валенки с резиновыми подошвами. Первый месяц мы были учениками. А потом уже стали работать самостоятельно. Мы черпали кипящий дюралюминий ковшом и заливали его в формы, было жарко и страшно поначалу, потом привыкли. Из отливки получались картеры, на них привинчивали шурупами по два блока, они были

дюралевыми и тяжёлыми, а вот поршни в цилиндрах (их было 12 на каждом картере) были из чистого алюминия, лёгкие и блестящие. С обеих сторон картера также шурупами крепилось много разных медных трубочек.

В этом цеху мы работали месяц, а потом нас направили на шлифовку, грунтовку и покраску моторов. Собранные моторы отправляли на испытания. Если не всё было в порядке, мотор привозили обратно, и на нём красной краской было помечено место брака. Мотор снова разбирали, исправляли брак, собирали и отправляли опять на испытания. Случалось, что после смены сидели в цеху всю ночь, пока нам не сообщали, что всё в порядке и можно идти спать. Обычно наша бригада, в которой было 22 человека, собирала за смену по 8 моторов. Мы работали на 16-м заводе, а рядом был 21-й завод, где делали корпуса для самолётов, там же после сборки проводили безвзлётные испытания. А на настоящие лётные испытания самолёты увозили за 35 километров от Казани, где был специальный аэродром, там наши самолёты и обкатывались военными лётчиками-испытателями.

В Казани я впервые увидела пленных немцев. Они были в тоненьких шинелях, ботинках, лица у всех чёрные, обмороженные (был декабрь 1943 года). Они работали на расчистке трамвайной линии от снега, а их охраняли солдаты с автоматами и собаками. Над немцами издевались дети, они подбегали к ним с криком: «Фрицы, фашисты!», плевали в них. Не знаю почему, но мне их стало жалко. Я-то их представляла злыми зверями со страшным оружием, а видела жалких, худых и напуганных людей, в большинстве своём молодых.

Из дома приходили нерадостные письма. В колхозе не осталось ни одного здорового мужчины, многие погибли, многие вернулись калеками. Мусин Гарай пришёл с фронта без руки, Мухитдинов Карим остался без кисти руки и без глаза, Салихжан и Миннихмет — оба без одной ноги до колена, Мингани — вообще без обеих ног. А всего к весне 1944 года из 83 человек, которых дала фронту наша маленькая Старая Амзя, погибли 7 и вернулись покалеченными 11 мужчин. Говорили, что в иных деревнях погибло ещё больше.

ДОЛГОЖДАННАЯ ПОБЕДА

На Казанском авиационном заводе я проработала больше двух лет. О том, что кончилась война, мы узнали по радио. Так, как мы тогда радовались, мы не радовались больше никогда. В тот день, когда объявили о Победе, нам дали выходной. Был митинг, а потом преподнесли и подарок: всех, кто желал, повезли на автобусах на городской аэродром покататься на самолёте. Но когда один за другим приземлились три самолёта с первыми пассажирами, они выходили из них зелёными, заплаканными, почти всех девчат тошнило. И тогда многие девчата, в том числе и я, отказались от полёта. А с аэродрома нас повезли в Казань на обед, в разные рестораны и кафе. Так мы отпраздновали Победу.

Но работа на заводе продолжалась, мы также строили самолёты. Правда, рабочий день был уже восьмичасовой и трёхсменный, подъём у нас теперь был не в шесть, а в семь часов утра. Мы продолжали собирать самолётные двигатели. 12 октября 1945 года директор завода выступил по радио и сообщил, что нам начнут выплачивать зарплату — по 50 процентов деньгами, остальное будет идти на продуктовую карточку. Первая в моей жизни получка была 125 рублей и ещё 25 рублей премии. Мы не знали, что делать с этими деньгами. Потом решили послать родителям в деревню по 50 рублей. С 1 декабря нам начали выплачивать заработную плату полностью.

И начали давать отпуска — по 18 дней! Составили списки, из нашего звена первыми в отпуск уходили три девчонки, в том числе и я. А всего в отпуск разрешили уехать сразу 100 девчонкам. Я перед тем, как уехать домой, побывала у казанских родственников (дяди и тётки), они насовали мне гостинцев для всей родни. Потом я получила свои первые отпускные и 3 декабря 1945 года на заводских машинах меня и ещё 52 девчонки повезли по домам (кому было дальше, те поехали на поезде). Дома меня не ждали, поэтому надо ли говорить, сколько было радости, слёз при встрече с родителями, родными, знакомыми? Эта радость пришла на смену печали, вызванной письмом из далёкого китайского города Чан-чунь. Там лежал в госпитале мой брат Акрам. С 18 лет его взяли в Красную Армию, и, хотя война с немцами кончилась, он продолжал воевать в Корее с японцами, был пулемётчиком на мотоцикле, и его ранили в руку и ногу. Сам он писать не мог, писал по его просьбе хирург. Он сообщал, что нашему Акраму сделали операцию и скоро он выздоровеет.

Вечером все сидели за столом, меня расспрашивали, как живётся в Казани, все удивлялись, какая я стала взрослая и серьёзная (будешь тут взрослой, если с 16 лет вкальваешь на таких работах, что иному мужику не под силу). Колхоз на семьи всех отпускников с Казанского авиационного завода выделил по 10 килограммов муки, по 5 килограммов баранины и по 3 килограмма сметаны — чтобы мы хорошо отдохнули, отъелись дома и с новыми силами вернулись на завод. И 21 декабря мы все уже были на заводской проходной — без опозданий. И снова — заливка, полировка и покраска моторов. Но так было до нового года. С января 1946 года наш цех начал осваивать выпуск мирной продукции: наряду с моторами мы стали отливать из алюминия и дюралюминия кастрюли, сковородки, кружки, 1–2–3-литровые бидоны. Стране не хватало посуды, и мы её делали.

Весной 1946 года тяжело заболела моя мама, и мне разрешили уволиться с завода. Я помогала папе по хозяйству, да и колхоз меня тут же «прибрал к рукам». Я возила на паре быков солому для подстилки телятам, а потом семенное зерно с Нурлатского элеватора — вот-вот должна была начаться посевная. В дороге до Нурлата и обратно нас сопровождали трое военных с оружием, потому что в лесах всё ещё бродили дезертиры. Я думала, что с мобилизацией покончено, ведь в стране шла хоть и тяжёлая, но мирная жизнь. Но ошиблась: 11 мая 1946 года была снова мобилизована, на этот раз в Архангельскую область. Там мы выкорчёвывали пни на огромных лесных участках, деревья с которых были спилены ещё до нас. Потом с этих пней спиливали корни, и они, уже ровненькие, вывозились в порт и грузились на баржи. Нас, мобилизованных со многих концов страны, было очень много, и мы копошились на платформах, на которых привозили эти пни, на баржах, куда их перегружали, как муравьи. Говорили, что эти пни отправляют в Америку. Здесь я проработала всё лето и вернулась домой только в конце сентября 1946 года. Это и была моя окончательная демобилизация.

**2006–2007 гг.,
пос. Новый Ургал,
Хабаровский край**

ГЛУХАРЬ

рассказ

В последнюю военную зиму из-за метелей почту в Мокеевку доставляли нечасто. Глухая деревенька, до ближайшего жилья двенадцать вёрст с лишком, да ещё зимой, по целику... Но когда доставляли, бабы, расхватыв письма, газеты, всей деревней, с ребятишками набивались к старикам Зяблых в избу послушать, что вычитал из газет дед Агафон, старый служивый. Как он сам говорил, ещё восемьсот девяносто седьмого года призыва.

Стоя подле окна, дед Агафон всякий раз важно и долго водил по затрёпанной карте толстым корявым пальцем, то и дело сверялся в газетке с данными Совинформбюро. Так что иная бабёнка, не выдерживая подчас затянувшегося молчания, жалобно вздыхала:

— Ой, да чё это будет-то? Сказывай уж... не томи, Агафонище. Не железные, чай.

Но с того дня, когда старики Зяблых получили последнюю, третью по счёту похоронку, старый солдат занемог и почти не вставал. Старуха, хоть и сильно сдала за это время, все ж таки пересилила себя и вновь принялась хлопотать по хозяйству. Уже зима пошла на убыль, солнце на дворе веселей глядело, а Агафон всё лежал в тёмном углу на кровати сырой, бесформенной глыбой, дышал хрипло, со свистами, и не жаловался, как обычно.

Весну он заметил, когда возле трубы потекло, и мокрое пятно на побелённом потолке начало разрастаться. Агафон долго не мог уразуметь, в чём дело. Глаза его, бесцветные и уже не от мира сего, бессмысленно пялились на сырое пятно, которое подбиралось к той стенке, где висели фотографии всех троих, мёртвых теперь сыновей. Однажды Агафон поднялся-таки на дрожащие от слабости ноги, постоял, привыкая, и с превеликими трудностями, отступаясь, хватаясь за косяки и перильца, выбрался наружу. Там и встал, опёршись на старухино плечо, надсадно откашливался.

Зябловская избёнка, обращённая ликом к солнцу, уже успела обнажить верхнюю часть завалинки, а нижние венцы сруба подёрнулись нежной изумрудной моховицей. Агафон долго разглядывал коварную зелень, потом со скрипом и стоном кой-как нагнулся, поскрёб зелёное окаменелым ногтем.

— Сопрела, окаянная, — пробормотал он. — Вконец сопрела.

Агафонов указательный палец легко, словно в хлебный мякиш, ушёл в торец бревна, пошевелил там вбитый для бельевой верёвки гвоздь. Впрочем, старик скоро потерял интерес к избе и к тому, что творилось вокруг. Тихо стоял, понурив голову, и не слышал, как лепечут под снегом весенние ручейки, сливаются, журчат и устремляются вниз, в Таволжанку, подымают на себе лёд.

Но под вечер, когда Агафон опять лежал в своём углу под лоскутным одеялом, весна-таки явилась к нему. Явилась задним числом, из молодости, как воспоминание...

... В алом свете зари, едва, бывало, слиняют ночные звёзды, взрывалась по весне деревня петушиными разбойными воплями. А с другого берега, из-за Таволжанки, с утренних сосняков и вырубков, уже гудят навстречу им мощные тетеревиные хоры. Потом на деревне подымаются бабы. Звон подойников, скрип колодезных журавлей, мычание, потревоженный гогот... А в предрассветном тумане где-то под берегом тяжело бултыхнётся лещ и, сверкнув боком, уйдёт отвесно в чёрную воду. Оба они — он и старший, Миколка, придерживая ружья, едва не бегом спускаются к реке, садятся в дощаник. В деревне топят печи, и весенний ветерок разносит окрест ядрёные мясные запахи: жареной, пареной, тушёной дичины...

Дед Агафон застонал, завозился на постели и сел. Старуха опрометью кинулась к нему.

— Господи, спаси-помилуй! Стряслось чего, отец родимый? Или болит где? А? Грелочку надо ли, излажу... Сейчас я, мигом...

Агафон замотал плешивой головой, тоскливо вздохнул.

— Супчику бы мясного, — тяжело ворочая языком, захрипел он, — тарелочку. А там и помереть...

Поначалу старуха оторопела, потому как уже третью неделю старик, кроме воды, в рот ничего не брал — «душа не принимает». А потом обрадовалась: «Дай-то Бог, супчику похлебают, глядишь, оживёт». Она засуетилась, захлопотала, наострилась было бежать к соседкам... Да так и села на лавку. Вот тебе на, совсем сдурела, старая. Куда бежать, ежели последнего петуха на деревне ещё осенью прошлого года срубили? На картошке вся деревня, считай, полгода сидит. И варят, и парят, и пекут... Да мало ли? А всё одно мяса из картошки не слепишь.

— Какое теперь мясо, касатик ты мой, — вздохнула старуха, стягивая с головы шаль. — Кошки и те перевелись.

Но дед Агафон уже не обращал на старуху внимания. Он сидел на кровати оживлённый, глаза блестели, и несколько раз даже принимался чего-то рассказывать. Говорить начинал тихо, ласковым голосом, широко поводя руками и подмигивая.

— По весне это как талым-то потянет, да почка на вербе набухать зачнёт, — вкрадчиво повествовал Агафон, — так оне и заиграют, и заиграют... Хвосты раскинут, фу-ты ну-ты! И фырчат... Налево-направо, налево-направо, и эдак повёртываются важнецки, и топорщатся, топорщатся на снегу друг против дружки, даром что без лампасов. А потом грудь в грудь прыгают, ажно косточки трещат-пощёлкивают. Бородой трясёт важный, страшает...

Перепуганная старуха не тотчас сообразила, что Агафон не вовсе рехнулся, а рассказывает кому-то, и довольно складно, про глухариные свадьбы. Видно, недаром с утра выползал старый из избы. Она тихонько всплакнула, перекрестилась и старательно взялась слушать. А Агафон уже говорил строго, словно бы кого поучая:

— И где оне кормятся, засветло норови попасть. Да не вверх, не на вершины смотри-то, а под ноги. Они наброды днём делают, следы всякие оставляют, ровно кто пятернёй по снегу начеркал. Это самое он и есть, глухарь натоптал, крылом намазал. А уж коль нашёл, Миколка, токовище, далеко не отходи. Жди зорьку...

«Вона ты с кем говоришь-то, касатик!» — охнула про себя старуха.

Дойдя до зорьки, Агафон распалился пуще прежнего. Он то озирался, сидя на постели, и чего-то выслушивал, приставляя ладонь к уху, то пытался изобразить вдруг

три прыжка и замирал до нового колена в глухариной песне, зло шипел на старуху, когда та, наскучив ждать, начинала ёрзать, скрипеть на лавке. Потом Агафон вдруг с досадой хлопал себя по ляжкам, и лицо его вытягивалось, будто он провожал птицу глазами... «Ии-эх, улетел чертяка, так-распротак!» И всё начиналось заново. В конце концов старик решил воспроизвести и самоё песню. Он долго прикладывался, как начать, потом вдруг надул щёки и смешно отклячил нижнюю губу... Тихий звериный шип, затяжной, похожий скорее на шорох листвы, пополз было по горенке. И оборвался. С налитыми кровью глазами, давясь воздухом, дед Агафон повалился на подушки и долго судорожно дёргался, надсадно хрипя и откашливаясь. Перепуганная вконец Агафониха не знала, что и делать.

Кашель унялся сам собой. Дед Агафон лежал тихий, просветлённый, виновато глядя на старуху. Дескать, видишь, старая, духу не хватило, не вывел. Через полчаса, отлежавшись, он потребовал снять со стены старый дробовик, перехваченный в двух местах медной проволокой, и подать ему. Перечить старая не посмела. Ещё через полчаса дед Агафон начал подыматься с постели.

— А ну, старая... собирай котомку.

— Да ты что? Ум-то где у тебя, козёл дохлый?! — заголосила было старуха.

— Цыц! — просипел дед и сердито шагнул к бабе. Но изба качнулась вдруг, поплыла из-под ног, и дед Агафон со стоном, тяжело повалился на пол, подминая сунувшуюся было к нему старушонку...

Оказался Агафон Зяблых на редкость тяжёл, словно вытаявшая из-под снега осинная колодина. Пришлось старой бежать за соседками, но и втроём насилу взгромоздили его, едва живого, на кровать.

К ночи сильно подморозило. Проводив соседок, старуха постояла, тоскливо глядя на конопатое в звёздах небо, набрала из поленницы беремья дров и унесла в избу.

Печь запылала жарко и весело. Красноватые отблески разбежались по стенам и потолку, заплясали на лоскутном одеяле, высвечивая то дедов нос с отвислой щекой и голым черепом, то изуродованную венами, плетью повисшую руку. Старуха подоткнула Агафону подушки повыше, чтоб не задыхался, не хрипел, и присела на кровать подле. Пригорюнилась: «Господи, Господи, помрёт дед — и вовсе одна останусь».

И где там теперь младшенький, Ванятка? Может, не прибранный лежит вовсе. Эдакие метели до самого Рождества держались, поди-ка сыщи.

Наутро она обегала все до единой избы, спрашивала мясного. Предлагали кто крупы, кто мучицы, кто масла подсолнечного к картошке, а Анна Воронина, добрая душа, сунула ей тайком от дитёнок полдесятка окаменевших с мороза яиц. Постояла старая, постояла, глянула на жёлтые от недоедания прозрачные мордочки — и трясутимися руками, торопясь, выложила на стол и яйца, и крупы, и масло подсолнечное. И, не слушая хозяйку, вышла вон.

Домой добиралась кой-как, едва переступала ногами. Раза два крепко спотыкнулась на ровном месте, набила о наст шишку, да так, что в голове загудело. И осталась сидеть, тупо глядя в схваченный морозом сугроб.

Рассвет быстро набирал силу. Уже алел восток над речкой, топились печи, гремела какая-то баба ведром по обмёрзшему срубу, и откуда-то издалека вдоль крутых берегов, чуть слышное, несло теревиное бормотанье. Небо с той стороны было весёлое, розовое, а запад по-прежнему был пугающе чёрным.

Заслышав бормотанье, старуха насторожилась, откинула со лба шаль. Вишь ты, и впрямь теревер! Она резво поднялась на ноги и засеменила к обрыву. Здесь, над речкой, бормотанье раздавалось ещё слышнее. Оно то усиливалось до булькающих,

хмельных переливов, то снова глохло где-то далеко, в поросших ольшаником сизых делянках...

Дома, не успев ни отдышаться, ни перекрестить лба, старуха перво-наперво взгромозилась на лавку, сняла с гвоздя дробовик. Жидкие седые косички, выбиваясь из-под платка, липли к лицу, лезли в рот. Держа дробовик, как ухват, поволокла к деду.

— Агафон... Агафоса?! Бормочет тетерев-то, окаянный, — едва не плача от радости, запричитала она в поросшее седым волосом ухо. — На Манефинских вырубках бормочет. Слышь-ко? Да пробудись ты, протри глаза-то скорее! Глянь... косачина рядом бормочет. Манефа-то где кривая сгибла, смекаешь? Версты две ходу.

Пока спросонья дед Агафон соображал, что к чему, старуха кинулась в чулан, приволокла в избу патронташ. Патронташ оказался пустой. Старуха шмякнула его под лавку, принялась шарить по поллицам. Там, в пыли, хорошенько повозив по углам рукой, нащупала три латунных патрона, позеленевших от старости.

Дед Агафон оживился и с помощью старухи сел. Один патрон он забраковал сразу: то ли воск подтаял, то ли ещё что, но пуля из него выкатилась. «Да и на кой она ляд, пуля-то...» Два других дед долго с сомнением изучал, бормотал чего-то, скрёб зелёные капсюли ногтем. Старуха в нетерпении всё совала деду под нос ружьё:

— Лешего тебе в их, в патронах-то? Ты сюды вот, сюды глянь. Где тут чего? — наконец не выдержала. — Дурень ты старый, ведь улетит, улетит окаянный! Давно уж бормочет.

Агафон даже головы не повернул. Он долго обмозговывал что-то, прикидывал про себя и уж потом, когда старой и вовсе стало невмоготу ждать, шевельнул седой бровью, глянул в её сторону.

— Блиновские Починки помнишь? Где лога-то крестом легли? Ну да, Ванька там, Дёмин, покос держал. Вёрст пять, больше не будет. А теперь мотай на ус... Ещё при Ваньке там ток был. Глухариков, почитай, десятка два. Выбить их Ванька не выбил, потому как мужик с мозгой. Самку ни одну не трогал, заглавного токовика тоже не шевелил. Стало быть, ток сохранился. Их теперя там штук с полста наплодилось. Так-то вот. А ближе, считай, ничего и не сыщешь. Блиновские Починки — самое подходящее место.

Мало-помалу Агафон распалился вновь, а распалившись, изобразил опять в лицах глухариную охоту, растолковал каждый шаг и едва ли не заставил старую скакать по горнице с ружьём, скрадывая воображаемого глухаря. А за того косачика, что бормотал с Манефинских вырубков, Агафон выбрал бабку с головы до пят: ты, дескать, такая-сякая, седьмой десяток в лесу живёшь и никак в толк взять не можешь, что косач с дерева, да ещё зимой, на белом, за пять вёрст всё насквозь видит. Он, дескать, тебя заметил, когда ты ещё от Анны Ворониной за ружьём бежала... Глупая, тьфу!

На том и порешили.

На следующее утро, затемно, старуха, засветив лучину, стала собираться на Блиновские Починки. Оба патрона, аккуратно завёрнутые в тряпицу, положила в один карман, а в другой — две варёные картофелины и кусок хлеба с солью.

Дед Агафон, скосив глаза, с беспокойством наблюдал за её сборами. Потом повозился, приподнялся на локте, вглядываясь в суетливую бабкину тень, и прохрипел:

— Однако, неладно делаем... чую, неладно.

И зашёл в кашле. Напуганная его голосом, старуха остановилась, недоумённо глядя на него, но в разговор вступать не стала. Поправила лучину, пододвинула на столе к Агафону чугунок с картошкой поближе.

— Ты вот что, — виновато пробубнил дед. — Ты хоть галифе мои поддень, что ли?

— Да тьфу на тебя, — осердилась было старуха. Но, подумав, напялила всё ж таки Агафоновы галифе.

Было уже светло, когда она тронулась, наконец, со двора. Из опустевшей избы в окошко Агафон долго следил, как его бабка, маленькая, в чёрной до пят юбке, часто подпираясь бадожком, засемила к обрыву. Наст под ней не провалился, шла, как посуху, и охотничьи лыжи, вдетые одна в одну, с уложенным поверх дробовиком, волочились на верёвочке сзади. Агафону словно кто на горло наступил: такая была она жалконькая.

После её ухода в пустой избе остались у порожка стоптанные домашние бродни, носками чуть внутрь, один впереди другого, так что виднелось деду за тем, как они стояли, вся её поникшая с годами, скособоченная фигурка.

... С противоположного берега Таволжанки в сторону Блиновских Починков начиналась неширокая дорожка, по которой встарь вывозили на телегах железную руду. Вот по этой дорожке, которую в Мокеевке почему-то называли Хорошавинской, и ударилась Агафониha, намереваясь достичь Починков до того, как наст под ногами начнёт оседать. Поначалу приходилось тяжёленько, всё в гору да в гору. А потом по-обыкля и за какой-то час отмахала километра три с гаком. И когда остановилась на полянке дух перевести да подняла глаза кверху — так и обомлела. Небо над полянкой разалелось, да по алому полю берёзки пушистые тонким серебром вытканы. Веточка не дрогнет. А как иней с какой осыплется, радуга в инистом облачке падает, мерцает до самого низу и словно бы в снег у комля уходит.

Много ли мало ли проторчала старая под берёзами, как вдруг спохватилась — уже и небо голубым стало — охнула и побежала дальше.

На Блиновские Починки добралась только к полудню. Снежная корка на открытых местах сильно размякла, начала проваливаться, и старуха насилу доволокла по сугробам отяжелевшие в непривычных мужских штанах ноги. Но потачки себе не дала, малость посидела на лыжах, передохнула и поднялась, пошла глухарей искать. Медленно двигалась она по гребню оврага в негустом еловом подросте. И чем глубже в овраг, тем сосняк становился реже, корявей, а подрост мало-помалу переходил в ельник, тоже, впрочем, негустой, с проплешинами и полянами. На другой стороне оврага, далёкой, залитой солнцем, ярко рдели в хвойнике медные стволы сосен, разворачиваясь по гребню весёлым жёлтым частоколом.

На одной из таких полян старуха заприметила полусгнившее остожье, обнесённое едва заметной из-под снега изгородью, и, сама не зная зачем, начала сползать по крутому склону вниз, то хватаясь за колючие ветки, торчащие из снега, то упираясь ногами в корявые тугие стволы. Здесь, на теновом склоне, наст держал крепко, но, потеряв опору, она заскользила вдруг на спине, да так, что не чаяла уже и костей собрать. Наконец, вся измятая, исцарапанная, провалилась в какую-то заснеженную впадину и осталась лежать.

Лыжи с привязанным поверх дробовиком катились далеко внизу, звонко ударясь о стволы. Кой-как оправившись, разговоривая сама собой, старуха покорно полезла следом.

— Господи, Господи! Да куда хоть, куда идти-то? Овраги эти окаянные, пока их обогнёшь, версты три крюку дашь, не меньше. По солнцепёку-то, по колено в снегу... Поди-ка отыщи, где у них нахожено. Это легко сказать — найти. А поди попробуй. Да и есть ли они тут, может, перелетели куда ино? Сам же, помнится, сказывал, с сосняка на сосняк кочуют, ежели почка местами помёрзла или ещё чего... О, Господи!

И вдруг старая споткнулась на полуслове. Да так с разинутым ртом и встала. Встала, как вкопанная, боясь двинуться и даже шевельнуть рукой. Откуда-то сзади... сбо-

ку, она сама не знала почему, но сразу так решила, кто-то упорно и тяжело смотрит ей в спину. От этого взгляда кожа на спине съежилась, словно бы её коснулись потными, ледяными пальцами...

Старая только сейчас заметила, что стоит на неширокой, в пятнах солнца, пропелшине. Кругом ельник вперемежку с горькой осинной, и осинник помельче снизу начисто обглодан зайцами. Тут же, меж стволов, жёлтый заячий помёт.

Дрожа каждой жилкой, готовая вот-вот закричать, старуха медленно повернула голову и... ничего не увидела. А взгляд чей-то был, но теперь уже в лицо и, как ей показалось, шёл из кустов, с дальнего угла полянки. Однако никого вокруг не было, разве лишь из-под снега перед кустами торчала как-то непонятно вывороченная коряга с бурым, в руку толщиной, обрубленным корнем. Старуха шевельнулась уже, хотела спятиться и задом-задом убраться с окаянной поляны. И так бы, наверное, и сделала, но обрубок вдруг дрогнул и как бы слегка вытянулся чуть-чуть вверх... Мелко задрожавшей рукой, не решаясь поднять её выше, ко лбу, старуха трижды перекрестила себе живот. «Лешак знает, может, и почудилось чего с перепугу-то», — с тоскливой надеждой подумала она, уже не сводя с коряги напряжённых глаз. Но как только коряга утвердилась в поле её зрения, бурая кора на ней, словно бы выступая из тумана, покрылась вдруг пером, а корявый обрубок, который она вначале приняла за корень, стал шейей с бородатым куриным утолщением на конце. Метрах в двадцати перед старухой сидел на снегу здоровенный, кряжистый глухарина. И наблюдал. Вытянутая вполборота мощная шея, глаз-бусинка — всё дышало насторожённым, внимательным любопытством...

Старая так и обомлела: «Вот уж воистину сказывают — не глазами, а головой человек видит. Сколько разов глазами натыкалась, разглядывала, а поди ж ты... Коряга и коряга. Тьфу! Пропади ты пропадом, как напугал, окаянный! Вишь, сидит, думает, поди: что, мол, за чуда такая тут объявилась».

Спотыкаясь, проваливаясь на залитой солнцем полянке, старуха направились прямо к глухарю. Ей почему-то казалось, что она сейчас вот подойдёт к нему, возьмёт, как курицу, под мышку и понесёт домой. Она даже представила себе, как появится с таким-то добром дома. То-то старик обрадуется. Вишь, здоровущий какой, пожалуй, и не донести будет.

Глухарь краем глаза внимательно следил за старухой и, чем ближе она подходила, совсем по-куриному то втягивал, то вновь вытягивал шею. Когда же расстояние между ними сократилось до десяти шагов, он вдруг ворохнулся и, забавно переваливаясь на снегу, заковылял в сторону.

— Бусый... бусый... бусый... — встревожилась старая, всё ещё не веря, что глухарь может вот просто так взять и уйти. И заметно надала ходу. Однако, с виду неуклюжий, глухарина передвигался довольно быстро. Его широкая спина уже замелькала в реденьких кустиках за полянкой.

— Буся... буся... буся... — старая проворно продиралась сквозь кусты следом.

Глухарю наконец надоела эта глупая игра вдогонки, он присел, подпрыгнул и, тяжёлый, каждым взмахом словно выстреливая из-под крыла, поднялся и низко полетел вдоль оврага в сторону. Старуха так и села в снег, едва не плача от обиды. Впрочем, глухарь не улетел далеко. Он сел шагах примерно в семидесяти, с треском и грохотом забрался в самую густерню. И только сейчас старая спохватилась, что её ружьё вместе с лыжами въехало куда-то в сугроб, да там и осталось. Выбравив себя на чём свет стоит, кой-как поднялась и пошла к ружью. Но перед тем оглянулась ещё раз и хорошенько заприметила место, куда сел глухарь.

Дробовик свой вместе с лыжами она отыскала не сразу, а когда отыскала, оказалось, что ствол его до самого бойка забит снегом. Пришлось выламывать прут и выковыривать из ствола снежную пробку. Пока разыскивала, ковырялась да пока возвращалась по размякшему снегу на старое место, времени прошло немало. И уж сколь ни лазила потом по этой проклятой густерне, волоча за собой ружьё, сколь ни таранилась, ни озиралась, увидеть ничего не смогла. Глухарина словно в воду канул. То ли улетел, окаянный, ещё дальше в лог, то ли затаился где, да так, что пока не наступишь на хвост, не выгонишь.

После этого лазанья у старой только-только хватило сил выбраться на солнышко да наломать поперек лыж пихтового лапника. Тут и прикорнула, свернувшись калачиком, задремала от усталости, едва приклонив на пихту седую голову. И уже сквозь дрему, не в силах ни разлепить глаз, ни пошевелиться, почувствовала, как ожил без неё огромный лес: какие-то отовсюду послышались шорохи, писк, чья-то перебежка, странное гуденье и в порывах ветра однообразный стон и скрип умершего на корню дерева. Тем временем солнышко успело откатиться на запад, запунцовело, и в его красноватых лучах сугробы окрасились в утомительный для глаза тревожный оттенок. Даже хвойники из ярких, почти изумрудных, стали тёмно-рыжими и отбрасывали на восток длинные тени. Вдобавок ко всему сильно похолодало, и с запада порывами начал дуть стылый, пронзительный ветер.

Сон сразу как рукой сняло, и только сейчас старая поняла, почему ещё днём её потянуло к остожью: там, возле остожья, хоть немного человеческим духом пахнет, как будто и не совсем одна.

Завозилась старая, со скрипом в костях подымаясь с лежанки, снарядилась, куда бы бежать, да так и села. И слёзы из глаз посыпались.

«Куда бежать-то, куда?! Без толку всё, ноги только мять понапрасну. Да и Агафонушко не раз и не два сказывал, коли наброды глухаринные где сыскала, сиди себе и жди зорьку. И с места чтобы не двигаться. Как темнеть зачнёт, так они сами себя объявят. Тут уж ухо остро держи, не прокарауль песню».

Посидела старая ещё с полчаса, картофелину варёную сжевала, пососала хлебную корочку и, притомившись без дела, собралась идти. К тому же сидеть на одном месте стало больше нелегко. Так намёрзлась, что на железное ружьё, воткнутое прикладом в снег, и глянуть холодно.

Мороз и в самом деле разыгрался не на шутку, зорька уже в полнеба, и из глубины оврага по склонам поползли вверх тяжёлые ночные сумерки. А глухарей всё нет и нет. Да ещё слова Агафоновы вспомнились: глухарь, дескать, утром поёт на восток, а к ночи на запад, да не при всякой погоде ещё поёт. Если зорька сухая, морозная, да ветер навстречу дует, он так и просидит молчком, голоса не услышишь... Затосковала старая, окончательно потеряв веру в глупую свою затею, и уже в который раз выбрала себя за того глухаря, которого днём так бестолково выпустила из рук.

«Вот теперь и сиди тут, грызи локти-то. А то бы уж возле дома была. Ох, Господи, дура набитая!»

Да тут ещё с осины, сверху откуда-то, капать начало. И без того знобко, зуб на зуб, кажись, не попадает. Утёрлась старая рукавичкой, отодвинулась, подумала про себя: «Может, хоть успею на дорогу выбраться, пока совсем не стемнело. А то ведь как отсюда, из оврага этого, выберешься, так и дух вон. Не молоденькая, чай, по горкам-то лазать...»

И вдруг опять капнуло.

«Вот те на. Это откуда бы тут воде быть? Наст эвон какой схватился, конно пройдёшь, не обломится».

Глянула старуха вверх — и действительно, по осине, по стволу водичка струится. С нижней ветки капля по капле на неё падает. Потом перестало. Только было голову опустила, задумалась, мимо носа мелькнуло что-то и в снег шлёпнулось. Старуха даже вздрогнула. Посмотрела опасливо, нагнулась, рукой пощупала. Помяла... Тёплое... Понюхала — помёт!

«Батюшки-светы! — задрала старая голову к небу и давай глазами меж сучьев шарить. — Не иначе сидит кто? Откуда бы помёту взяться?»

Осина, под которую старуха ткнулась, когда надоело бродить по лесу, оказалась вплотную к ёлке, как бы в обнимку. Обе высокие и проросли ветками одна в другую. Чёрта лысого в такой густерне увидишь. Старая уж и так и этак ладилась, и шею-то вытянет, и обнаружить-то себя боится, прямо в жар всю бросает. Потом спохватилась, как бы про ружьё опять не забыть, в карман полезла, тряпицу из кармана выудила. Патрон, который посветлее и вроде бы понадёжнее, достала. И за ружьё... А ружьё — ствол ледяной, пальцы липнут. Осторожно, стараясь не клацать, переломила и в ствол кой-как с трудом закличила патрон окаянный... Не лезет. А как закрыть стала, лязгнул дробовик — прямо потом всю до пят прошибло... Затаилась старая, вздрогнуть боится, не скоро в себя пришла. Наконец, волоча ружьё, на карачках, тихо-тихо, как только можно, стала пятиться от осины, чтобы на красном небе, на зорьке, сучья резче просматривались. Отпятилась сажен десять за кустики, замерла.

Тишина-а... Ёлка с осиной как на ладони, и ни-че-го! Ничегошеньки не видать. Уже глаза на лоб выкатились. Вроде каждый сучок, каждую веточку взглядом ощупала... Господи, Господи, да откуда бы помёту-то взяться?

Старая буквально в пень обратилась и так, дрожа всем телом от холода и напряжения, просидела в кустах около часу, ловя каждый шорох, движение, любой подозрительный звук.

И дождалась...

В чёрных ветках вверху что-то ворохнулось с глухим коротким стуком и замерло. Зашуршала, падая, подпрыгивая на ветках, сухая еловая шишка, покатила по насту вниз. И снова что-то сильно ворохнулось. И снова замерло... Минут через пять из чёрного кружева ветвей, из-за стволов выдвинулось на зарю расплывчатое тёмное пятно и медленно начало продвигаться по осиновому суку вправо. Полетели вниз обломанные сухие веточки... Больше старая ждать не стала. Как только чёрное пятно и чёрный сук отпечатались на красном небе, она подняла ружьё и грохнула, не целясь, прямо в закат. Гром, пламя, страшный удар в плечо, и старуха, выронив ружьё, растянулась на твёрдом снегу. И тотчас на коленках, почти вслепую, сквозь кусты, напролом поползла к осине. Разноголосое, как отдалённый гром, эхо перекатывалось у самого горизонта.

Сквозь густое облако дыма она не видела, как, тяжело путаясь в ветках, цепляясь за них, ломая, падал глухарь, скатывался вниз. Как, скатившись, грянул оземь и забился бородатой головой о твёрдый наст, мелко-мелко дрожа лохматыми лапами. И затих, вытянувшись.

Увидев пустой сук, без пятна, старая вначале испугалась — куда подевался? Потом опомнилась, обежала вокруг осины... Её дичь, её добыча лежала тут на снегу, неловко подломив крыло, огромная и неподвижная, взятая с бою. Какой-то звериный, древний звук родился у старой в животе, в утробе и, помимо её воли, вырвался из гортани клекочущим, торжествующим смехом.

Несколько успокоившись, старуха вспомнила, что стреляла старым патроном, не целясь, и тщательно осмотрела добычу. Ни пятен крови, ни видимых следов дробы, кажется, не было. Чувствуя, как у самой всё ещё звенит в ушах, лопаются что-то,

усмехнулась, стягивая глухарю лапы гасником: «Контуженной, поди? Эдак-то грохнуло». И, стараясь больше не терять ни минуты, не мешкая, принялась укладываться в дорогу.

Наконец всё было готово, и, подхватив батожок, засемила старая по скрипучему насту вдоль оврага, держа закат постоянно с левой стороны. Но, сторяча пробежав шагов полтора, почувяла, как глухарь, вздетый, словно котомка, через плечо, наливается непомерной тяжестью и до боли оттягивает ляжку. К тому же бородатая голова, как ни пыталась она подтянуть глухарину выше, волочится, стучаясь о пятки, а из клюва пузырится, мажется по снегу чёрная кровь. Пришлось остановиться и сделать из лыж какое-то подобие салазок, а добычу приторочить сверху на дробовик.

Пока старая возилась с лыжами, а потом выбиралась из оврага, путаясь в кустах, да пока отыскивала дорогу, по которой добиралась сюда утром, закат превратился в узенькую жёлтую полоску, едва сквозившую меж стволов. Подгоняемая темнотой, страхом, пробежала она в гору не меньше версты и, притомившись, наконец, встала, с трудом переводя дыхание и озираясь. Постояла, поправила выбившийся из-под шали мокрый платок и уже медленнее тронулась дальше. Здесь было совсем темно, и только чёрный лес по обеим сторонам да белая расплывчатая дорожка кой-как ещё угадывались глазом. Так и шла, пугаясь то куста на дороге, то поворота, за которым непременно что-то таилось и должно случиться.

И вдруг, словно в подтверждение тоскливым мыслям, из-за спины в полуверсте, а может и дальше, прорезался истошный собачий вой, и звук, словно бы истончаясь до комариного писка, иглой вошёл в череп. Старуху так с головы и до пят продрало морозом...

Встала, как вкопанная. И не сразу поворотилась. А когда поворотилась, всё было тихо. Глянула вверх: на тёмном небе чёрные вершины раскачиваются, кивают. Выдохнула из груди спёртый воздух... Хрип, вой. Да что же это, в горле, что ли, воет? Ещё раз вздохнула-выдохнула... Воет. Откашлялась хорошенько и успокоилась. Почудилось, не иначе. Да и откуда бы тут собаке быть? Вой-то собачий? Да вовсе не собачий, а волчий вой... Волчий? Неуж волки?.. Да ведь почудилось же, в горле выло. Глаза у страха...

И уж одно к одному, вспомнилось старой, как в прошлый год последнего кобелька на деревне, лохматого, дурашливого Шарика, среди бела дня выгнали у них из подворотни волки. Сама же потом, обливаясь слезами, рассказывала бабам:

— Глянула я в окошко, а оне уж тащат. Один в голову вцепился, другой в зад, рвут друг у дружки, только лапы у Шарика моего болтаются. Старика кричу, прямо сердце заходится. А он, босый, с поленом на снег выскочил, сам Шарика-то щенком у Фаддея брал... Да куда там, разодрали. Только кишочки собачьи по снегу разматываются.

Вспомнила старая и опять перекрестилась: «Господи, Господи, только бы на угор взойти, а там... Там уж и дома». Успокаивая себя, уговаривая, она шла всё быстрее и быстрее, порой едва не бежала, и хотя, действительно, дышала хрипло, со свистами, воем, а всё не могла отделаться от тошнотворного страха: а вдруг?

Вскоре из леса и в самом деле показался угор, большая белая поляна с одинокой берёзой в центре, от которой хотя и отлого, но дорога шла уже вниз до самой Таволжанки. Поравнявшись с берёзой, старая было остановилась поправить одежду, вздохнуть... и вдруг опять, но явственнее и ярче, ближе, и почему-то справа от дороги, а не сзади, точь-в-точь так же прорезался вой. И опять мороз продрал старую с головы до пят. Но уже не остановилась осмотреться, прислушаться, а что было сил, часто-часто подпираясь батожком, засемила с поляны прочь по узкой, едва заметной просеке

в чёрную громаду леса. И всё равно не была ещё уверена вполне — вой или не вой? Ну, а если вой, то почему справа, а не слева, не с дороги? И почему так близко?

И вдруг старуху поразила страшная догадка: ведь дорога-то на угор даёт сильного крюку, а они разделились... Одни сзади следом, а другие правее вдоль дороги и наперерез... Перекликаются. Да они же через пять минут будут здесь!

Вмиг старуха отяжелела, ноги стали ватными, и уже, как в кошмарном сне, казалось ей, что едва ползёт она по бесконечной равнине — вся на виду, медленно двигая

пудовыми ногами, а сзади огромными прыжками приближается, настигает, наваливается смрадное, зловонное... С клыками! Не смея ни обернуться, ни поднять глаз, старая остановилась, нагнулась над лыжами, деревянными пальцами отвязала глухаря, ружьё. Глухаря за спину, встала на лыжи и толкнулась, пошла, поехала под гору всё быстрее, быстрее, быстрее. Она вспомнила вдруг, что метров через триста-четырееста дорога должна резко свернуть влево и ещё круче пойдёт вниз, а это значит, те, которые справа идут наперерез, останутся в стороне, далеко сзади.

Широко расставив лыжи, вглядываясь изо всех сил в стремительно выворачивающиеся кусты, зигзаги, старуха тенью скользила по мрачному лесу и сквозь шорох и скрежет лыж чутко ловила лесные звуки. Ветер сбил на затылок шаль, платок и, обжигая лоб, хлестал седые волосы.

И в третий раз, но теперь уже слева и много впереди в ушах всё тот же раздался вой...

Они, теперь стало ясно, шли цепью: справа, сзади и слева, и после поворота тотчас старуха выезжала на левое крыло цепи. Ещё минута, и...

На миг, только на миг отвлеклась старая на вой, слегка поворотила голову, и тот же час случайная рытвина, перепад, и она, теряя равновесие, с треском раздирая на ленты zipун, вломилась в кусты и свалилась далеко за обочиной. Сверху зашуршало, посыпались на голову какие-то палки, сучья, сухой лист. И, ещё не успев вскочить, старуха догадалась: повалила навес от дождя. До войны тут, помнится, драли корьё. Под ногой с сухим, звонким треском хряпнула ветка. Кол, попавший под руку, тоже оказался сухим и лёгким. Исцарапав руки, лицо, старая мигом сгребла всё в кучу и со спичками в руках припала возле. В висках тяжело, часто бухала кровь. Старуха сжалась, ожидая вдруг прыжка, страшного удара в спину, смерти... А деревянные пальцы, словно и не её, медленно-медленно крутили коробок, поворачивая его картинкой кверху, чтобы не рассыпать спички, выдвинули, задвинули, выдвинули во второй раз, долго-долго цепляли спичку и, когда зацепили и чиркнули, головка отломилась и отскочила далеко на снег, зашипела... Вторая спичка обломилась и даже не вспыхнула. Третья, четвёртая...

Весь день с утра Агафон проворочался с боку на бок, так и не сомкнул глаз. А к ночи, когда и углов в избе не видать стало, ему вовсе сделалось не до сна. Агафон уж и так и сяк прикидывал. Заплутать в тех местах, куда ушла утром старая, вроде и не мудрено, но ведь не раз и не два по Хорошавинской дороге вместе бывали. Да мало ли что может приключиться в лесу с человеком? Наконец встревожился не на шутку.

И вдруг... выстрел. Чуть слышный.

Агафон охнул и сел, наставил в окно седое огромное ухо. По звуку версты полторы-две, не меньше того будет. Темень эдакая, по кому бы это?.. Ах ты! Да ведь знак подаёт старая. Никак стряслось чего? Повредилась, поди, не иначе...

Дед сполз с постели и, придерживая подштаники, на непослушных ногах проковылял к окну: «Не выпалит ли вдругорядь?» Нет, тихо всё. Слышно даже, как шебаршится в подполе мышь. Со стонами, скрипом старик начал собираться, отыскивая впотьмах, на ощупь, чего бы такое надеть. Наконец, кой-как обулся-оделся и поковылял в сени — взять фонарь и, была не была, идти за Таволжанку, искать старуху. Но пока, скрючившись, разыскивал этот распроклятый фонарь да начал заправлять его остатками керосина, вдруг снаружи послышался скрип наста, и через мгновение в окошке мелькнула и исчезла быстрая тень. Заскрипели ступеньки...

Агафон чиркнул спичкой, засветил фонарь и обернулся к двери. На пороге стояла старуха. Простоволосая, ни платка, ни шали, без рукавиц, вся в снегу. И глухарь...

Она прижимала глухаря к груди, как ребёночка, крепко придерживала за стянутые гасником лапы.

Агафон вскинул фонарь над головой, шагнул к старухе. Она вдруг шатнулась в сторону, прижимая теснее птицу, выставила руку... Агафон стоял, озадаченный.

— Да ты никак не в себе, а, мать?

С глухим мёрзлым стуком глухарь упал на пол.

— Тсс!!!

Старуха хлопнула дверью, быстро накинула крючок. Постояла, озираясь, и мимо Агафона, крадучись, засеменила к окну. Влипла носом в стекло.

— Тсс... Волки...

На старухиной спине, на боках из зипуна ключьями торчала вата, свисали лоскутья. Наконец, она села, задёрнув занавески, обессиленно упала на лавку. Заплакала.

— Эко ведь запугала себя старая. Всё не в уме будто, — пробормотал Агафон, начиная понемногу соображать, в чём тут дело. — Да кабы волки, не сидеть бы теперь здесь...

И полез в шкафчик за самогонкой, что-то роняя там, гремя посудой. «Не надо... не надо одну-то пущать было. В одиночку человек легко разум теряет». Агафон засопел, захлюпал и подозрительно долго возился и шарил в ненужном ему шкафчике.

«Старому, вишь, дурню мясца захотелось. Ох, жаль моя... голубка. Далась же тебе эти волки».

... На другой день, глядя, как старуха ощипывает перед жаркой печью ошпаренного кипятком глухаря, он в который уже раз слушал про её приключения, хмыкал, крутил головой. Приходили весь день соседки, охали, вздыхали, уносили кто кусок ножки, кто крылышко. А ввечеру, обсасывая наконец-то глухариные косточки, Агафон глянул на широко разведённые бабкины руки, на азартно вытарашенные глаза, румяные щёки и поневоле усмехнулся. «А уж и врёт, поди-ко, старая, е-ей... В глаза врёт».

Тяжёлая Агафонова рука ласково опустилась на старухино плечо.

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

ПЕСНИ РУССКОЙ ОКРАИНЫ

* * *

В ночь сырую, глухую – народную песню запели
так, что выплыл из хлябей луны золотой апельсин,
не бичи заплутавшие – наши родные кудели,
тот же самый народ прииртышских моих палестин.

Пойте, если поётся, родные Васёк да Ванятка,
или как вас...

Никто, никакой басурманин-злодей
не посмеет насрать на сердешных ни стражей порядка,
ни проклятие!
Пойте – порадуите вечным людей!

... И под песню легко просыпается, тихо алая,
поселковый рассвет – прямо с Божьей ладошки рассвет!
В центре мира живём: здесь – направо от нас – Галилея,
здесь – налево от нас, если к свету лицом, – Назарет.

В центре мира живём – иногда засыпая под песню,
иногда просыпаясь. К примеру, сегодня, когда
дышит вечное небо над нашей несуетной вельсю,
как над люлькой – теплом.
И от ночи сырой – ни следа...

* * *

Хотя не праздник, в кои веки
гармошку – в руки,
и – пою!
... Квартирьесъёмщики-абреки
заводят музыку свою –
они мои соседи снизу.

Играю с чувством, но без нот
так, что ворона по карнизу
царевной-лебедью плывёт!

Без горячительной микстуры
поём.
Пока – на первый взгляд –
живут две песенных культуры –
душеспасительные – в лад.

Поём. Становимся добрее.
Алаверды, вечерний звон!

... И целый день по батарее
стучит провизор Шниперсон.

* * *

Несусветно темно, как в мешке у Солохи,
ни на проблеск не видно небесный испод.
Протрезвлённая жизнь под забором эпохи
(чья – не ведаю) песню душевно поёт.

Что за песня! – Таковую не слышал я сроду! –
Или... тихо забылась, как детские сны.

Поселковый народ просветлел в непогоду
погружённой в беспамятный сумрак страны.

И – подхвачена песня! Наверное, вскоре
кто-нибудь –

испарись, вековая тоска! –
непреренно отыщет то место в заборе,
где непрочно сидит гробовая доска!

* * *

Не сумели в оборот мою
черти душу взять...
Спою
песню – русскую народную –
«Светит месяц...», как свою.

Месяц в небе – словно печево.
Снова песню затяну...
Мне делить с народом нечего –
что со мной делить ему?

Спел, как мог.

И — тихо в комнате.

И в посёлке. В общем, тут —
дома...

В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

* * *

В масле фасованном сыром совковым катаясь,
ладно живём — коротаем безадресный век:
аборигены, а также — местный китаец,
тутошний скинхед и здешний семейный узбек.

Утром просторным — на лавочке бабушки в сборе
все до единой, кто пережил зиму: домком
вечности местной!

И светится в их разговоре
каждое слово, не важно — о чём и о ком.
Ну, например, о моей беззаветной любимой,
мол, хороша! — И поэтому быть начеку
надобно с ней — долгожданной...
Быстрее лети, мой
ангел, к родному, надеюсь, уже очагу.

Снова под окнами вырастут лук да редиска,
снова придёт понимание сущего: под
прессом тревог и житейского буднего риска
сердцу не надо
дарованных сверху свобод.

* * *

Так и жил бы до смерти, как нынче, — дыша
миром наших окраин, когда надо мною —
как Всевышнего длань — небосвод...
С Иртыша
сквозняки наплывают — волна за волною.

Незабытым, несуетным прошлым богат
мир окраин моих, словно вечным — планета...
Одинокая память родительский сад
опахнула неслышимой бабочкой света,
и вернула меня — на мгновение лишь! —
в мир окраин страны без вражды и лукавства,
но, напомнив о том, что бессмертный Иртыш
двадцать лет из другого течёт государства,
и века — из того, где в далёком году

свет мой – бабушка деду «Соловушку» пела,
 родилась моя мама,
 а с яблонь в саду
 навсегда в сорок первом листва облетела...

* * *

Просёлком пыльным, кладбищем, потом
 околком, где легко дышать с устатку...

Церквушка. Дом...
 Для престарелых – дом,
 живущий по скупому распорядку,
 где жизнь во веки медленных веков
 пьёт белый свет из солнечной кадушки,
 где влюблены в забытых стариков
 такие же забытые старушки.
 В больных глазах – ни страха, ни тщеты:
 чем ближе тьма, тем к солнышку – добрее...
 И хочется угадывать черты
 родных кровинок в здешнем иерее...

* * *

Снег апрельский – остатный – темнее свинца,
 тают в небе охлопки тумана...
 Мама сердцем больным вспоминает отца –
 незабвенного деда Ивана.

К маю время земное плывёт,
веково
 серебрятся небесные стяги...

Дед погиб в сорок первом году – за него
 расписались братья на рейхстаге.

Вместе с ними – тогда и сейчас! – ни на миг
 нас, в беспамятстве нашем, не бросив,
 Михаил – их небесный Архистратиг,
 и земной полководец – Иосиф.

... День Победы встречает большая страна
 (как сердечная рана – большая).
 С горних высей родные звучат имена,
 нас, живущих, к Любви воскрешая.

* * *

Молчат о чём в автобусе вечернем –
 о том, что ждёт, не ждёт ли, впереди? –

девица с парнем, бабушка с печеньем,
кондуктор с тощей сумкой на груди,
хмельной мужик, партиец чей-то с пачкой
листовок (он протестами пропах)?
Молчит гражданка с комнатной собачкой,
молчащей у гражданки на руках.
Молчит абрек суровый – губы в жире
от шашлыка... Молчит юнец, жуя
резину...

Нынче в каждом пассажире
родного человека вижу я.
Пусть век наш громкий сжалится над ними,
вдохнёт в молчащих бодрости заряд...

Надеюсь, что останутся родными
они потом. Когда заговорят.

* * *

Сшитые мамой из ситца
шторки раздвину...

Пора
доброе света – гнездится,
тихий, в посёлке с утра.
Нынче не хмуро ни здесь, ни
в городе – тоже родном...
В окна рассветные песни
птицы вдыхают – потом
хватит их, чтобы согреться
в самую скорбную стынь...

... Так проступает на сердце
лик Иисуса. Аминь.

* * *

Ночью – всё на сердце ладно! –
у мамы,
тихо и отрадно
закончив день – тяжёлый, как
с плеча чужого лапсердак,
душевным – с мамой – разговором.

Мой сон – как вечность – невесом...

Сплю на диване, на котором
заснул отец мой – вечным сном...

А день, как всё родное в мире,
так светел,

если я с утра
вот здесь – в родительской квартире –
встаю с отцовского одра...

* * *

В доме – хлебушек есть, ни один мой выносливый чёбот
нынче каши не просит, поскольку и маслица нет:
значит, смерти моей не дождутся вражины, о чём бы
не вещал из дупла телящика их меламед,
или как там его... Да какая мне разница! – Худо
жить, кого-то боясь, кроме Господа: не на века
злая сила...

Моя – в малой степени в том, что покуда
в доме хлебушек есть,
в том, что чёботы целы пока.

* * *

Немного отъехал, и смута – владычица сердца...
Да я же вернусь – не пройдёт и недели! – домой.
Кавказец небритый горюет без единоверца,
косится в тревоге на сидор потрёпанный мой.

А помнишь, товарищ... А может быть, нам подкрепиться? –
Мне мама в дорогу таких пирожков напекла,
что пальцы оближешь!..

Приносит бельё проводница –
печальная тётя... Свистит заоконная мгла...

А будешь, товарищ, огурчик сибирский? – Ножа не
найдётся, попутчик – таинственный, словно бабай?
Моя ли твоя понимать разучилась, южанин?
Твоя ли моя ничегошеньки не понимай?

А помнишь, товарищ...

Мы люди, товарищ, не волки!
Никто никому в этом поезде вовсе не «ху»...
Здесь нижние полки не хуже, чем верхние полки, –
напрасно об этом не ведают там, наверху.

КЛАДБИЩЕНСКИЙ БОМЖ

Он знает здесь каждую тропку,
он знает о том, что всегда
найдёт поминальную стопку
и хлебца. И даже орда
ворон – помешать бедолаге
не сможет...

Сквозит веково
вчерашее время в овраге
души горемычной его.

И знает, болезный, что тут он
обрящет и смерть, потому
что кладбище стало приютом
последним – при жизни! – ему.

Живёт он – печальник – не зная,
найдётся ли место в раю
за то, что он жил, поминая
чужую родню, как свою...

ПОСЕЛКОВЫЙ БЛАЖЕННЫЙ

Рассвет – как друг – нащёптывает, дескать,
тряхни печаль, о суетном – молчок...

«Христос воскрес!» – солнечно, по-детски
приветствует посёлок дурачок:
в глазах – восторг, щебечет сердце птичкой
непуганой... Воистину воскрес!

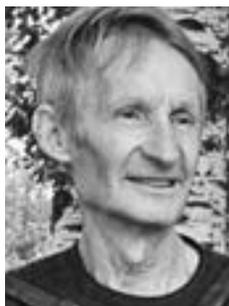
Блаженный Ваня – крашеным яичком
любуется, как чудом из чудес.

Никто не знает – кто он и откуда,
но прижилась у нас не с кондачка
примета незатейливая: худа
не будет,
если встретить дурачка, –
ни днём, ни ночью горя не случится...

Нет у него ни страха, ни «идей»...
Кого он ищет, всматриваясь в лица
любимых им, затюканных людей?..
И ничего ему не надо, кроме
Любви!..

Раскрыл, блаженствуя, суму,
и, преломив горбушку хлеба, кормит
небесных птиц,
слетающих к нему...

ГЕННАДИЙ ЧИСТЯКОВ

НЕ ГЛУМИТЕСЬ, ИДУЩИЕ ВСЛЕД...

К читателю:

Стихи Геннадия Чистякова о Родине, о селе, о земле, о любви, о жизни настолько же просты, естественны, насколько и оригинальны, как, впрочем, оригинальна вся традиционная русская поэзия.

Он знает, чего стоит кружка молока и кусок хлеба. И он с таким же трепетом оценивает каждое сказанное им слово. Поэт немало повидал в жизни, пережил и перечувствовал, и его лирические стихи окрашены философскими раздумьями, спокойными, глубокими и чистыми, какой бывает вода в сельских колодцах.

Николай РАЧКОВ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Повернулся – и год отщёлкало,
Словно в горлышке соловья.
Где ты, молодость краснощёкая,
Бестолковая ты моя?

Уж не ты ли как привидение
Из глухого того села
Мне в подарок на день рождения
Что-то вспомнила и пришла?

Я могу ещё не сутулиться,
Так давай-ка же мы с тобой
Подчепуримся, да по улице
Как бывалоча – хвост трубой!

Помнишь, пелось как и любилось как!
Всё вертелось как в колесе!
А гармошка моя «Кирилловка»
Не рассохлась ещё совсем.

От души озорных припевочек
На гулянице попоём,
Пофорсим и красивых девочек
У кого-нибудь отобьём!

Но спохватишься — сколько стукнуло!
Но оглянешься — пыль винтом!
Просвистела жизнь и профукнула —
Что теперь говорить о том...

СТИХИ О МАЛОЙ РОДИНЕ

Катится, катится прожитых лет колесница,
Прожитым, прошлым уставшая память больна —
Только прилягу, забудусь — она и приснится,
Малая родина, лучшая в мире страна.

Низенький домик, сирени, герань на окошке —
Очень знаком этот вид и, конечно, не нов.
Там на завалинке мальчик играл на гармошке
Вальсы, фокстроты и танго, да всё про любовь.

Милый мой отрок, играй, я смеяться не стану.
Дай посижу и восчувствую вместе с тобой,
И никому не скажу я про девочку Таню,
Ведь для неё это крутится шар голубой.

Мальчик, играй и прости мои глупые слёзы —
Старому дедушке можно всплакнуть иногда.
Слышишь: на станции снова кричат паровозы —
Те, что из детства тебя увезут навсегда.

Мальчик, играй, я пройдусь, никому не мешая.
Скоро и ты всё поймёшь и познаешь сполна:
Малая родина — это такая большая,
Самая лучшая, парень, на свете страна.

КРУГОВОРОТ

Мы были уже — мы забыли.
Мы жили, страдали, любили
В зелёном земном хлорофилле,
В деревьях и в мелком зерне.
Друг другу друзья ли, враги ли —
Из праха вставали, из гнили,
Цветами росли на могиле
В какой-то другой стороне...

И также нас ливни хлестали,
И молнии стрелы метали,
И смерти никто не хотел.
Но души легко отлетали –
На небо, в иные места ли
От наших растительных тел.

О прошлом забывшие прочно,
Мы – влага в трубе водосточной,
Мы – облако пыли цветочной,
Мы – вечности верный завет.
Я знаю – когда-нибудь ночью
Поставлю в строке многоточье
И крикну: «Да здравствует почва!»
И «Здравствуй!» услышу в ответ.

В бессмертие веря, приемлю
Надёжное это жильё.
Вода возвращается в землю,
Зерно возвращается в землю,
И мы возвращаемся в землю,
Чтоб снова взойти из неё.

ЧТО ЗА ОСЕНЬ!

Что за осень стоит, что за осень!
Наша речка – ну, впрямь, чудеса –
Словно брошена в жёлтом прокосе
Нержавеющей стали коса.

От верховья до ближних излучин –
Будто рыжие рдеют костры!
Ничего не придумаешь лучше
Этой пламенной, щедрой поры.

И не верится, честное слово,
Что однажды заплачут леса –
Золотым, огненным и лиловым
Истекут, и растает краса.

КРАСНОЕ ЯБЛОЧКО

Вот и отмучилась,
Вот и не стало соседки.
Окна крест-накрест
Забиты простым горбылём.
Только в саду облетевшем
На тоненькой ветке
Красное яблочко
Светится жарким углём.

Красное яблочко,
Сколько же лет миновало!
Сколько же вёсен,
И сколько прошло осеней!
Красное яблочко,
Помню, ни много ни мало:
Я после армии
Чуть не женился на ней.

Я призывался,
Была она – гадкий утёнок.
А возвратился, увидел –
Хоть падай, хоть стой:
Белая лебедь!
Она всех в округе девчонок,
Как говорится,
Затмила своей красотой.

В прежние годы
Мы были воспитаны строго,
Время растреления
Нас не накрыло ещё.
Но, тем не менее,
Так и хотелось потрогать
Милые ямочки
Спелых, как яблочки, щёк.

Но вот не вышло –
Чего-то там не получилось.
Так мы и прожили
Каждый судьбою своей,
Просто соседями были.
И вот – опочила.
Мир её праху,
И Царство Небесное ей.

Ах, эта старость,
Ах, эта проклятая старость!
Выйду на улицу,
Молча гулять побреду.
И не замечу,
Как с тоненькой ветки сорвалось
Красное яблочко
Там, у соседки в саду.

НЕ УСПЕТЬ

Жил да был, мельтешил, суетился,
Оглянулся – под окнами Смерть.

Заполóшился, спохватился,
Что уже ничего не успеть.

Не успеть добежать и доехать,
По счетам заплатить – не успеть,
Не успеть, ошалев от успеха,
Дописать, доплясать и допеть.

Не успеть все грехи и пороки
Замолить, победить, одолеть.
Не успеть – в мудрецы и пророки,
И не стоит об этом жалеть.

Только, сроки земные отбывши,
Мне успеть бы до смертного дня
Возлюбить всех меня не любивших
И простить не простивших меня.

МЫ С ТОБОЙ

По зелёной травушке,
Да под ясным солнышком,
Да под тёплым дождичком
В дымке голубой
Бегали счастливые
Девочка с мальчоночком,
Девочка с мальчоночком –
Это мы с тобой.

А потом – оркестрами
Стороной окрестною
Соловьи – без устали
Да наперебой.
А от дальней росстани
Шли жених с невестою,
А жених с невестою –
Это мы с тобой.

Застелило молодость
Непроглядной вьюгою,
Стало всё до капельки
Общею судьбой.
Складно ли, нескладно ли
Жили муж с супругою,
Жили муж с супругою –
Это мы с тобой.

Осень запечалится,
И дожди забулькают,

А дымок курчавится,
Вьётся над трубой.
Божьи одуванчики –
Старичок с бабушкой,
Старичок с бабушкой –
Это мы с тобой.

Над зарёй закатною,
Над водою глубокою,
Над травой примятою
Да над городьбой
Пролетят два голубя,
Голубок с голубкою.
Голубок с голубкою –
Это мы с тобой.

РЕКВИЕМ

МИХАИЛ ЧВАНОВ

Серебристые облака

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие». (Деян.14,22)

«Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды». (Апостол Павел)

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Я уже неделю жил в Париже...

Говорят: «Увидеть Париж — и умереть!» В другое время я, может, был бы счастлив, что, раньше даже не мечтая о нём, вдруг оказался в Париже. Но сейчас я не испытывал ни капли радости от того, что нахожусь в Париже. Я не чувствовал с Парижем никакого родства, его красота не трогала мою душу, она была для меня чужой, холодной, даже мёртвой. В своих прежних дорогах по другим странам, если не сразу, то через какое-то время я чувствовал если не родство, то какую-то душевную близость с Софией, Римом, Варшавой, Краковом. О Белграде особый разговор... Разумеется, с красавицей Прагой, хотя Прага в моём сознании, вопреки разуму, существует как бы отдельно от братьев-чехов. Я знаю, что не прав, нельзя судить прямолинейно-односторонне, но я не могу простить их неоднократного предательства, начиная с нашей Гражданской войны, которую они практически спровоцирова-

ли, когда пленными солдатами кайзеровской Германии, оказавшись в России, где к ним относились как к братьям-славянам, повели себя в поверженной революцией стране практически как оккупанты, ничем, пожалуй, не уступая в мародёрстве немцам в Великую Отечественную войну. Я не могу им простить, что за возможность втихую вывезти российский золотой запас они сдали большевикам Колчака и потом безбедно на это золото жили до самой Второй мировой войны, не очень-то сопротивлялись гитлеровской аннексии, и две трети танковых армий, брошенных Гитлером на Россию, были изготовлены на чешских заводах. Ещё много чего я не могу им простить. Так что прекрасная Прага существовала для меня как бы сама по себе, а чехи, словно тараканы в ней, сами по себе. Конечно, я не прав, потому что и мы по отношению к ним не всегда вели себя по-родственному, достойно, но ничего не могу с собой поделать. Не найдя в Праге путеводителя на русском, я купил на немецком, в списке достопримечательностей прежде всего почему-то перечислялись многочисленные синагоги. Я находил родство даже с мусульманско-арабским Дамаском, в котором оказался в разгар американских бомбардировок Ирака: в стремительно сгущающихся сумерках, вглядываясь в силуэты минаретов на закатном небе, я совсем не как в чужие вслушивался в перекликающиеся голоса муэдзинов. Но с Парижем я не чувствовал никакого душевного родства.

И с самими французами, например, в отличие от итальянцев, я не почувствовал никакого душевного родства, впрочем, французов в Париже я почти и не видел. По крайней мере, в районе, в котором я жил, настоящих французов было меньше, чем негров и арабов, которых несколько разбавляли туристы да редкие странники вроде меня, мечущиеся по Земле и не находящие себе на ней места. А если встать пораньше, то вообще можно подумать, что ты не в Париже, а где-нибудь в Африке или на Ближнем Востоке.

Спал я плохо, если не сказать, что вообще не спал, потому что измученной душой был далеко от Парижа, и потому вставал очень рано и выходил в город, в котором, как я уже говорил, в эти часы сновали, словно муравьи, одни только негры и арабы: рабочие коммунальных служб, ночных кафе и ресторанов, мусорщики... Я смотрел на ещё сонный, только что просыпающийся город со знаменитого Монмартра, недалеко от которого жил, и даже начинал чувствовать нечто вроде родства с Парижем, пока не вылезала из тумана эта самая Эйфелева башня, являющая собой яркий пример того, как с помощью назойливого пошлого пиара можно всего лишь за несколько десятилетий изменить понятие о красоте у целого народа, если не сказать у всего мира, когда символом древнего, наверное, на самом деле прекрасного города становится нелепое подобие нефтяной вышки или гигантской высоковольтной опоры электропередач...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Давно живущий в Париже — нет, не как потомок несчастных русских беженцев в Гражданскую войну, а как международный сотрудник ЮНЕСКО — и, разумеется, влюблённый в Париж, любезнейший Владимир Николаевич Сергеев вызвался показать мне ночной Париж. Полагаю, он специально готовился к этой поездке, и, как только мы въехали в старый город, нетерпеливо спросил меня:

— Вы не будете против, если я включу Джо Дассена?

— Конечно, — сказал я, внутренне вздрогнув и напрягшись.

Разумеется, он включил «Если б не было тебя...» Он включил не что иное, как то, что сейчас особенно могло рвать мою душу, но откуда ему было знать об этом. Да ещё взялся переводить мне на русский, а я из деликатности вынужден был промолчать, что знаю слова песни, и что каждая строчка больно режет меня по сердцу: «Если б не

было тебя, зачем, скажи, тогда б я жил? По Земле я бродил бы, скорбя, без надежды и без крыл...» Эта песня всегда трогала мою душу, но до последнего времени я воспринимал её отвлечённо, не применительно к себе.

А милейший Владимир Николаевич включал её снова и снова, стараясь доставить мне удовольствие. Откуда ему было знать, что эта песня Джо Дассена сейчас имела ко мне самое прямое отношение, самый прямой и жестокий смысл: я здесь, в Париже, наверное, если не в самом красивом, то, несомненно, одном из красивейших городов мира, а дома у меня осталась, доживая последние месяцы, умирая от рака, жена, и я остаюсь один в этом, ещё более непонятном для меня, по мере того, как я живу, мире со ставшими ещё более тупиковыми вопросами: зачем существует он сам, этот мир, и зачем существую в нём я, зачем в нём существовала ты, когда всё вдруг разом обрывается... И остаюсь я не просто один, я знаю, что оставшаяся жизнь будет для меня постоянным ощущением неискупной вины перед тобой, хотя, наверное, я виноват перед тобой не больше, чем ты передо мной. Но зачем Бог из нас двоих оставляет на этом свете меня? В наказание? Впрочем, может, у него на этот счёт ещё не всё решено...

«Если б не было тебя, то для кого тогда б я жил?.. Я жив, пока ты есть...» — пел уже ушедший в мир иной Джо Дассен, которого в России знают и любят больше, чем во Франции. Для французов это необъяснимая загадка, а объяснение этому, может, простое: в его песнях, о чём, скорее, он сам не подозревал, подспудно выразилось если не русское, то хотя бы российское происхождение его предков. Я видел, что Владимир Николаевич, наблюдая сбоку за моим бесстрастным лицом, если не обиделся на меня, то был, мягко говоря, удивлён. Он ожидал от меня если не бурного восторга, то хотя бы какой-то реакции, какого-то слова, хотя бы молчаливой улыбки, а я, то и дело сглатывая спазмы, которые перехватывали горло, каменно молчал, тупо уставившись в лобовое стекло автомобиля, скорее, в асфальт перед ним, и совершенно не обращал внимания на окружающие дома, площади, соборы, фонтаны, я почти не слышал его... Да, своим поведением я, конечно же, обижал его, но в то же время я почему-то не мог ему сказать, что эта песня Джо Дассена, которую он включал снова и снова, имеет ко мне самое прямое и страшное отношение, что за тысячи километров отсюда медленно, но неотвратно умираешь ты, что ты ещё у меня есть, но в то же время тебя уже нет. Но я не хотел, точнее, не имел права сейчас ему об этом сказать, чтобы не испортить его романтически-возвышенного настроения и чтобы мне не пришлось объяснять, почему в такую жуткую для себя пору я оказался здесь, в Париже, а не рядом с тобой. А он кружил и кружил по ночному прекрасно-холодному Парижу, снова и снова включая Джо Дассена...

Всё было бы, может, не столь жутко, если мы были бы счастливы друг с другом, если бы у нас были дети, внуки, если бы ты оставила продолжение себя на Земле. А ты уходишь из этой жизни безродной, не испытав счастья и горя материнства, и в этом была моя главная и страшная вина перед тобой, которой, я знаю, нет прощения...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Мой друг, лётчик-космонавт Виктор Петрович Савиных однажды подарил мне свою сугубо научную книгу «Серебристые облака» с подзаголовком «Взгляд из космоса». Принимая книгу, я еле сдержал своё волнение, сам факт дарения показался мне не случайным, даже мистическим, потому что название книги разбудило во мне дремлющие, но время от времени ярко и томительно вспыхивающие смутные воспоминания-ассоциации, даже душевные потрясения детства, связанные с этими самыми серебристыми облаками.

У меня даже защипало в глазах и зачастил сердечный пульс. Придя домой, я сразу же раскрыл книжку, отбросив в сторону все свои дела: «Серебристые облака были обнаружены в 1885 году почти одновременно Т. Бакгаузом в Киссингене 8 июня, В. Лаской в Праге 10 июня и московским астрономом В. К. Цераским 12 июня. Летней ночью 12 июня 1885 г. В. К. Цераский, возвращаясь домой из обсерватории, по привычке посматривал на небо и вдруг заметил над Пресней, там, где только что были звёзды, яркие, с голубым отливом, призрачные облака. Они были настолько яркими, что блеск от них ложился на мостовую. В. К. Цераский назвал обнаруженное им явление ночными светящимися облаками. Впоследствии немецкий учёный О. Иессе дал им более поэтичное и, может быть, потому прижившееся название — «серебристые облака». В. К. Цераский очень образно описал увиденное им: «Это настолько блестящее явление, что совершенно невозможно составить о нём представление без рисунков и подробного описания. Некоторые длинные, ослепительно серебристые полосы, перекрещивающиеся или параллельные горизонту, изменяются довольно медленно и столь резко, что их можно удерживать в поле зрения телескопа... Отличаясь видом от прочих облаков, они бросались в глаза, прежде всего, своим блеском. Облака эти ярко блистали в ночном небе чистыми, белыми, серебристыми лучами, иногда с лёгким голубым отливом... Бывали случаи, что от них становилось светло, стены зданий весьма заметно озарялись и неясно видимые предметы резко выступали...»

Далее в книге Виктора Петровича Савиных следовало перечисление различных гипотез, пытающихся объяснить происхождение серебристых облаков, временами зависающих над Землёй на высоте примерно 80 километров.

В первый раз я увидел серебристые облака или обратил на них внимание, кажется, после смерти деда, которого любил, как мне казалось, больше отца и матери. Правда, тогда я не знал, что у этих облаков есть своё название, как и не знал того, что они являются в своём роде необыкновенными. В неизбыточном детском горе своём, при живых отце и матери, когда у всех моих сверстников отцы не вернулись с войны, я слыл среди них счастливчиком, и потому они меня недолюбливали. Поздним вечером, съедаемый отчаянием и одиночеством, я вышел за околицу на обрыв реки к притягивающей к себе, словно магнит, воде, и вдруг они засветились над горизонтом, ещё больше тревожа и в то же время успокаивая душу, и почему-то я знал, что они засветились именно для меня. Может, они светились и раньше, а я, убитый горем, только сейчас поднял глаза? Или как раз они заставили оторвать от воды глаза?

После этого случая мне не однажды в детстве приходилось видеть серебристые облака, почему-то всегда, когда мне было особенно горько, когда я особенно страдал от одиночества, тоскуя по чему-то или по кому-то неведомому. Я по-прежнему не знал,

что у них есть название, что они своей необычностью волнуют не только меня, тем более, что они волнуют учёных, но они всегда странно беспокоили и в то же время успокаивали мою душу. Со временем, повзрослев и переехав жить в миллионный город, я не то чтобы совершенно забыл о них, но практически больше не видел. Или они исчезли совсем, или исчезли для меня, больше не нужные моей душе, может быть, я мог жить уже без них, а скорее, теперь их глушил искусственный электрический свет, отрывающий людей по ночам от неба, от звёзд.

И вдруг эта книга Виктора Петровича Савиных! Я всё вспомнил: как они волновали меня в детстве, как спасали от одиночества и, может, от опрометчивого неправомогого шага. Я вспомнил и то, о чём даже не хотел вспоминать, что специально старался забыть. Я несколько дней ходил взволнованный воспоминаниями и благодарностью к серебристым облакам, и чувством вины перед ними, что я так легко их забыл. И в то же время родилась тревога: Виктор Петрович мог и не догадываться, что подарил мне свою тоненькую книжицу не случайно, может, это своего рода напоминание облаков о своём существовании в преддверии каких-то важных и печальных для меня событий, когда мне, как в детстве, никто и ничто не сможет помочь, кроме серебристых облаков... Лётчик-космонавт Севастьянов, слетавший в космос раньше Виктора Петровича, ещё в 1970 году записал в корабельном боржурнале: «Что меня поразило при наблюдении серебристых облаков, кроме того, что они не только восхищают, но и притягивают наблюдателя своей необычной картиной? Меня поразили их блеск (матовый, но очень сильный, я назвал его «перламутровый»), их протяжённость (мы наблюдали их над Камчаткой, а на следующем витке от Урала до Камчатки, а затем в эти же сутки над Канадой), их тонкая лазурная структура, похожая на блеск перьев лебедя, когда серебристые облака наблюдаются в фасад». А Алексей Леонов, летавший в космос ещё раньше, в марте 1965 года, назвал серебристые облака голубым поясом Земли и позже не однажды рисовал их на своих картинах, так задели они его душу.

Почему серебристые облака были обнаружены только в 1885 году? Неужели до того времени они вообще не существовали? Как бы в подтверждение этому предположению: они были обнаружены в разных точках планеты практически в одно время: в июне 1885 года... Или к этому времени в атмосфере Земли произошло накопление своего рода критической массы? Не может же быть, что до этого на них просто не обращали внимания?

Я залпом, ища ответа, прочитал книжку Виктора Петровича Савиных, но ответа не нашёл. Сугубо научная, сухая, наполовину состоящая из схем и диаграмм, она снимала с серебристых облаков покров таинственности и приводила к выводу, что они ни что иное, как всего лишь «спорадический плазменный слой в летней полярной мезопаузе», и что они «образуются в результате конденсации водяного пара на мельчайших пылинках в области самого глубокого минимума температуры во всей толще атмосферы». Правда, вывод этот был с некоторой оговоркой, что «до последнего времени остаётся нерешённым вопрос об источниках паров воды и о ядрах конденсации, хотя можно предположить, что проблему генезиса СО (серебристых облаков) можно решить на основе притока в атмосферу Земли огромного количества (порядка 20 в одну минуту) снежных ядер мини-комет» и что «для подтверждения и уточнения этих представлений необходима организация комплексных экспериментов».

И хотя книга Виктора Петровича Савиных вроде бы ясно и убедительно с точки зрения физики и метеорологии объясняла происхождение серебристых облаков, её выводы не то чтобы вызвали у меня сомнение, но было ощущение, что они лишь поверхностно объясняют глубинную суть серебристых облаков. Более того, было такое

чувство, что эти выводы как бы специально кем-то подсказаны учёным на уровне нынешнего развития науки, чтобы они, якобы докопавшись до их сути, успокоились, чтобы по какой-то причине, может, до поры до времени скрыть от нашего несовершенного ума, а главное от несовершенной души, их истинную сущность. Но, тем не менее, книга гвоздём застряла у меня в голове. Если умом я с некоторым разочарованием согласился с её выводами, то моя душа чувствовала, что они объясняют только внешнюю суть явления, скрывающую, как яичная скорлупа, зародыш внутри неё. Но я был благодарен этой книге — она разбудила в моей очерствевшей душе детские воспоминания о встречах с необыкновенными облаками, которые спасали меня в минуты самого беспросветного детского и юношеского одиночества и сиротства при живых родителях и, может, даже однажды спасли от самоубийства. Что касается учёных, они любят ясность, если её нет, они её придумывают. Со странным чувством я поставил тоненькую книжицу на полку, зажав её другими книгами, но неясная тревога осталась жить во мне.

Я пытался объяснить причину воздействия серебристых облаков на мою детскую, тогда ещё не очерствевшую душу, пытался вспомнить заспанный к утру, печальный, но светлый сон, но мысль моя, вроде бы уцепившись за краешек объяснения, тут же наткалась на подобие кодового замка и срывалась, словно кто-то отсекал её от того, что по каким-то причинам мне ещё не дано или уже не дано знать. Книга Виктора Петровича как бы вернула меня в детство, и я не знал, быть ему за это благодарным или нет. Я даже намеревался позвонить Виктору Петровичу или спросить при случае: почему он, учёный-картограф и оптик, вдруг занялся серебристыми облаками? Какие он испытывал при встрече с ними чувства, которые остались за пределами его учёной книги?

Через какое-то время после этого я ехал поздней ночью через Уральские горы. Влетел-въехал на большой скорости на очередной хребет — и вдруг они повисли передо мной над близким окоёмом. А потом как бы даже резко приблизились — и висели теперь уже чуть ли не надо мной: то впереди, то слева, то справа, в зависимости от поворота дороги. Душа замирала в какой-то мучительно-сладкой и в то же время мучительно-тревожной истоме, серебристые облака, мягко переливаясь изнутри всеми оттенками перламутра, словно что-то говорили мне, о чём-то предупреждали, но я не понимал — что говорили и о чём предупреждали. Тужился понять, вот-вот вроде пойму, но всё равно не понимал, и от этой натуги даже звенело в ушах, и от этого непонимания почему-то хотелось закричать или заплакать, и в то же время засмеяться сквозь слёзы. Свернув на первый грунтовый перекрёсток, я остановил машину, мне ничуть не было страшно ночью одному среди глухих гор под повисшими надо мной странными, словно живыми и молча говорящими облаками, я чувствовал, я был уверен, что сейчас они, как тогда, в детстве, что-то говорят — именно мне и что-то очень важное для меня. Мне казалось, что за десятки, а может, за сотни километров в этой странной ночи больше, кроме меня и кроме них, никого нет. Нет, это был не лунный свет, хотя Луна в полдиска тоже висела над хребтами, её томительный свет тоже по-своему беспокоил душу, но это было совсем другое, и тревожно было оттого, что я не понимаю языка серебристых облаков. Мгновением мелькнула простая и ясная мысль, не то чтобы объясняющая природу серебристых облаков, но приближающая к их объяснению, но тут же, не удержавшись, унеслась вверх. И я вдруг вспомнил (не приснилось же мне во сне и не придумал же я всё это?!), как однажды в детстве я разговаривал с ними, а потом как бы заспал этот разговор, или кто-то заставил забыть его. Точнее, они, как сейчас, молча разговаривали со мной, но тогда мне был понятен их язык. Мучающийся от разлада родителей, я часто уходил за деревню на

берег текущей (я уже тогда понимал) из Вечности в Вечность реки, и они как бы специально для меня повисали над горизонтом, странно освещая ночную Землю и берега мою детскую и в то же время много перенёвшую душу, словно пытались успокоить меня, или давали знать о другой жизни, может, даже не земной. И хотелось плакать неизвестно отчего, и я уже не чувствовал себя одиноким в ночи. И однажды, когда текущая из Вечности в Вечность вода властно и бесповоротно потянула меня в себя, убедив, что в ней разом разрешатся все мои горести и печали, и я уже почти по плечи вошёл в реку по стремительному перекаату, который в следующую минуту был готов, сделав меня невесомым, поднять и унести в крутящийся воронкой ниже переката под скалой омут, как они вдруг, каждую секунду изменяя идущий изнутри свет, тревожно мерцали в вышине, бросая отблески на воду, на которую я замороженно смотрел. Тревожное мерцание серебристых облаков заставило меня поднять глаза, и в этот момент я услышал как бы исходящий из них немой, но удивительно понятный мне ласковый голос: «Остановись, ты не одинок, мы с тобой!»

И сейчас вот в глухих ночных горах мне показалось, что я снова услышал исходящий из серебристых облаков тот же ласковый голос. Я не различал слов, но смысл выражался не в словах, было в нём тревожное предупреждение и в то же время знак, что меня не оставят одного. Именно тот голос, из детства, нет, не может быть, что я его придумал, просто я его вдруг вспомнил. Я не был абсолютно уверен, что голос был женским, но, скорее, он всё-таки был женским, только точно, что он был не мужским, хотя никакого звукового выражения у этого голоса не было, как и не было самого голоса, но, тем не менее, я его явственно слышал, раз мне, хоть и смутно, как тогда в детстве, был понятен смысл сказанного.

Взять ручку и записать! Мне показалось, что открылась тайна серебристых облаков, что она связана с тайной моего неясного мне бытия. Я сунулся во внутренний карман пиджака, в бардачок автомобиля, но нигде ручки не оказалось. Ладно, запишу, когда доеду до дома или утром, успокоил я себя. И, когда серебристые облака через какое-то время немного померкли, как бы замолчали, я завёл мотор и осторожно выехал на большую дорогу с чувством, что я не один в этой глухой ночи...

Но утром я, как ни старался, ничего не мог вспомнить: вот-вот вроде начинаю вспоминать, но нет, не получалось, словно срабатывала какая-то запретная шторка. Брал в руки ручку, но записывать было нечего...

— Ты знаешь, мне приснился сон, что мы с тобой расстанемся, — перебив мои потуги, сказала ты. — Я уезжаю куда-то далеко-далеко, как мне кто-то сказал, навсегда, и я прошу тебя заботиться о собаках. Чтобы ты, когда Динка станет совсем старой, забрал её в город... Сон сном, а на самом деле, если что случится, ты заберёшь её потом в город?

— Ну, ты что?! — пытался я тебя успокоить, хотя глухая тревога обдала меня студёным ветром. Я почему-то связал твой сон с появлением серебристых облаков, которые неожиданно повисли надо мной прошлой ночью. Что они мне хотели сказать?

— Я вполне серьёзно, — не унималась ты. — Обещаешь?

— Ну что у тебя за мысли?!

— Нет, ты скажи: обещаешь?

— Ну, разумеется!

— Сон какой-то странный, нехороший... Всю ночь у меня снова ныло колено. Видимо, всё-таки придётся оперировать. А я уж надеялась, что обойдётся.

— Я тебе уже несколько раз говорил: не тяни с операцией. Давай вот прямо завтра позвоним в клинику.

— Сейчас не самое лучшее время для операций: лето, жара. Да и в саду самая работа: огурцы, помидоры поспевают, подходит самое любимое моё время: август, сентябрь. Дождёмся поздней осени, когда слякоть, дождь, снег. Тогда не так тоскливо будет в больнице.

Спорить я с тобой не стал, да и бесполезно было спорить с твоим упёртым характером, из-за которого, я считал, во многом и были наши беды. К тому же я считал себя отчасти виноватым в твоей беде с коленом: мениск ты надорвала ранней весной при обрезке яблонь, сорвалась с поставленной мною в снегу вместо стремянки перевернутой бочки, я потом проклинал себя, что, возможно, ненадёжно поставил её. А теперь думаю, что, может быть, моей вины в том не было, бочку, я помню, ставил прочно, несколько раз проверил, а, скорее всего, уже тогда у тебя из-за уже зародившейся в мозгу опухоли была нарушена координация движений и, может, надрыв мениска был предупреждением свыше: пока не поздно, обратиться к врачам, когда, может, твою судьбу решал не только каждый день, но и даже час. Надо было силой везти тебя в больницу, но я, стараясь избежать очередного конфликта, не стал настаивать. Ты дотянула до декабря, а в декабре ты пришла из поликлиники, где проходила обследование перед операцией на колено, с потухшим потусторонним взглядом.

— Что? — замерев от дурного предчувствия, спросил я. За тридцать лет совместной жизни я привык к тому, что ты впадала в панику по любому, даже самому мелкому поводу, но таких безнадежных и потухших глаз я у тебя ещё никогда не видел.

Ты молчала, не в силах что-нибудь выговорить.

Я помог тебе снять шубу, ты, казалось, даже не заметила этого: как стояла, так и стояла, гуттаперчиво-послушная. Я не мог смотреть на твои безвольно опущенные плечи, в такие минуты я как никогда испытывал перед тобой великую и неискупимую вину:

— Ну, говори...

— У меня подозревают рак лёгких...

У меня гулко застучало в голове: «Вот он, пришёл тот час, час расплаты... Не могло так без конца продолжаться, у всех вокруг та или иная беда, а нас всё обносило...»

— Насколько это точно? — наконец спросил я.

— Направили для установления окончательного диагноза в тубдиспансер. Ты сможешь завтра утром отвезти меня туда?

— Конечно.

Мы так и стояли в прихожей, я — с твоей шубой в руках.

— Что будем делать, если подтвердится? — подняла ты на меня глаза. Дело в том, что всего неделю назад ты снова заводила разговор о нашем разводе. Ты была убеждена, что моё плохое настроение оттого, что у меня есть другая женщина, которую я по-настоящему люблю и от которой хочу иметь ребёнка, а время уходит. А моё плохое настроение было оттого, что наше с тобой время уходит, а мы так и не нашли пути друг к другу.

— Будем бороться до конца! — сказал я и обнял тебя, после чего ты, кажется, немного посветлела. А меня резанул твой вопрос, и сейчас, если ты слышишь меня оттуда, из неведомого далёка, я спрашиваю тебя: неужели ты могла ожидать от меня другого ответа? Неужели ты все годы так и не верила в меня до конца? Что я, каким бы ни был плохим мужем, могу повести себя как-то иначе в такую минуту или вообще оставить тебя? Это, может, самое горькое в памяти о тебе...

Наутро в предрабачном морозном промозглом смоге-тумане я повёз тебя в противотуберкулёзный диспансер.

— Хорошо бы туберкулёз, — говорила ты. — Я бросила бы работу и целиком занялась бы домом, тобой. Я собрала бы в альбомы все твои экспедиционные фотографии, я стала бы перепечатывать твои рукописи. Ты всегда был недоволен, что я тебе не помогаю. Я бы подолгу, чтобы тебе не мешать, жила на даче с собаками... Жила бы себе ниже травы, тише воды, никому не мешая...

Мне хотелось тебя обнять и заплакать, но я был за рулём...

Но из тубдиспансера нас выпроводили, как воровски позарившихся на чужое счастье, направили в раковый центр, и я понял, что самое большое горе, до сих пор обходившее нас стороной (а я почему-то всегда знал, что оно рано или поздно должно было к нам, грешным, виноватым как перед Богом, так и друг перед другом, прийти), тихо, но в то же время оглушительно и страшно обрушилось на нас. Было 29 декабря. На обратном пути я думал, что подарить тебе на Новый год, хотя всего неделю назад я знал, что подарю, но теперь в этом подарке не только не было смысла, но он был бы кошунственным. Заехав в магазин за хлебом (жить-то, сколько ещё отмерено, всё равно было надо) и наткнувшись на цветочный киоск, я решил купить тебе в подарок кипарис в цветочном горшке. В прилагаемой фотографии-инструкции по уходу показывалось, каким большим и красивым деревом он будет через несколько лет. Это как бы укрепляло мою и должно было укрепить твою, если не уверенность, то надежду, что ты увидишь через несколько лет, каким чудо-деревом станет твой кипарис. Ты только печально улыбнулась на это, но не стала спорить. Собравшись расплатиться за кипарис, я обнаружил, что потерял, скорее всего, на бензозаправке, куда заехал, не зная, куда себя деть, в ожидании окончательного приговора в раковом центре, все документы, в том числе паспорт, водительские права... В тот день у меня что-то случилось с памятью, словно в ней что-то отрубил, раньше казавшееся нужным, а теперь лишь мешающее жить во вдруг сузившемся жизненном круге. Кроме того я вдруг понял, что моя жизнь стремительно покатила под гору, что я больше не властен над ней, как самонадеянно считал до сих пор, более того — кто-то где-то всё решает за меня. И я не стал противиться, ощутив бессилие перед судьбой, перед роком, хотя ещё вчера казалось, что у меня многое, если не главное, ещё впереди...

В тот день у меня отрубил память и о серебристых облаках. Только однажды, кажется, перед самой твоей смертью я вдруг больно и спасительно вспомнил о них, но, сколько не искал их в предрассветном небе, не мог найти.

Увидел я серебристые облака снова, как и всегда, неожиданно, почему-то не раньше и не позже, а на сороковой день после твоей смерти, и это немым вопросом врезалось в мою память. Поздно вечером я возвращался домой, погружённый в печальные мысли, низко опустив голову, и вдруг — словно что-то толкнуло меня, я словно споткнулся, поднял голову и вздрогнул: они висели за городом, за рекой над горизонтом, мягко мерцая и переливаясь перламутром, и словно что-то говорили именно мне, и было такое чувство, будто бы я в пору отчаянного одиночества неожиданно и так необходимо встретился с душевно близким человеком. Щемящая боль-печаль пронзила меня, и у меня родилась своя, совсем не научная гипотеза по поводу происхождения серебристых облаков: может, это души умерших в те сорок дней, в которые, как считается, они находятся на Земле или над Землёй, светятся и светят нам, как бы прощаются с нами, чтобы потом навсегда покинуть Землю и нас? Или время от времени снова посещают нас серебристыми облаками?

Весь другой день я пытался дозвониться до Виктора Петровича Савиных, наконец поймал его на международном конгрессе по космонавтике, кажется, в США.

— Скажи, а почему ты занялся серебристыми облаками?

— Ты только по этому поводу и разыскивал меня по всему земному шару? — немало удивился он. — А что это тебя вдруг заинтересовало?

— А всё-таки? — настаивал я.

— Кому-то рано или поздно ими нужно было заняться, — мне показалось, уклончиво ответил он.

— Ну а всё-таки — почему?

— Не знаю, — задумался он. — Может, потому, что волновали они меня ещё в детстве, почему-то бередили душу. А потом в космосе, особенно во время первого полёта: висят внизу под тобой, светятся над ночной Землёй, томят душу, словно что-то хотят сказать, но я, как ни силюсь, не понимаю этого языка, и возникает какая-то тревога на душе, но я бы не сказал, что она была тяжёлой, скорее, наоборот, словами не объяснишь... И вот сейчас, по прошествии времени: вроде бы всё ясно с ними, никакой научной тайны они больше не составляют, но всё равно такое чувство, что в разгадке их чего-то главного мы так и не поняли...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО УЖЕ ПОЧТИ БЕЗ ТЕБЯ...

Мне никогда не забыть, как ты уходила по больничному коридору с направлением на операцию...

Мы прощально поцеловались...

Я, как замороженный, смотрел на порог, который ты только что переступила, который разделил нас. Но тогда ещё была робкая надежда. Ты, в отличие от меня, вдруг собралась в пружину, ты шла по больничному коридору с гордо поднятой головой, как бы принципиально не имеющая никакого отношения к этому миру обречённых, как бы случайно или по недоразумению попавшая сюда или пришедшая кого-то навестить, в лучшем своём брючном костюме, который так подчёркивал твою стройную фигуру, и который ты так любила, с роскошной причёской, как на какой-нибудь праздничный приём...

А перед этим мы заехали с тобой в Сергиевскую церковь и попали на архиерейскую службу: прославление иконы Божией Матери «Нечаянная радость». С каким смиренным и светлым лицом ты подошла под архиерейское благословение!..

Архиерей, уже знавший от меня о нашей беде, кроме обычных в таком случае слов незаметно пожал мне руку и тихо добавил:

— Будем молиться. На всё воля Божья!

— Может быть, неслучайно мы попали именно на эту службу? — по выходу из храма с надеждой спросила ты меня.

Я промолчал...

Я верил в чудеса не как человек верующий, а как человек, не раз рисковавший своей жизнью и не раз смотревший смерти в лицо, но почему-то знал, что мы чудес не заслужили. Ещё и потому, что, зная, что Он есть, мы до сегодняшнего дня жили вне Его и свои поступки сверяли не по Нему. А ещё сегодня мне архиерей сказал, что, если бы мы даже жили с Ним, у Него про каждого из нас свой замысел, который может расходиться с нашим...

А потом была тяжёлая операция за день до Рождества Христова...

Это была твоя не первая в жизни операция. Перенеся в детстве желтуху, ты часто болела. За какие грехи, за что Бог наказал тебя ещё ребёнком? За грехи твоих предков?.. Но отец твой, прошедший Великую Отечественную войну офицером-железнодорожником, был добрейшим человеком, не способным обидеть никого. Твоя нервная, даже психическая неуравновешенность, вспыльчивость по любому поводу, часто выводящая меня из себя и порой приводящая в отчаяние, была от матери.

Но была ли психическая неуравновешенность наследственной, а не приобретённой? И была ли в этом виновата твоя мать? Не приобрела ли она её, когда в девятнадцать лет с грудным ребёнком на руках, твоей старшей сестрой, не раз попадала под бомбёжки в эвакуационном поезде, который шёл на восток от самой западной границы, где раньше служил твой отец, чуть впереди наступающих немецких войск? Порой поезд по несколько суток простаивал опять-таки под бомбёжками на полузаброшенных полустанках. Твоя мать пробиралась вглубь страны в полной неизвестности за своё будущее, в полной неизвестности, что с мужем, оставшимся на границе. Твоя мать всю войну мыкалась полуголодной, без тёплой одежды по общежитиям и коммуналкам под Екатеринбургом, надрываясь на самых тяжёлых работах.

А может, ты отвечала за грехи более дальних предков, о которых ты даже знать не знаешь? Может, вина наша и в том, что мы не знаем наших предков дальше третьего колена и тем самым как бы снимаем с себя их вину? Как бы отказываемся от них, и потому их непрощённые грехи висят на нас?.. Но почему мы должны отвечать за наших предков?...

ЖИЗНЬ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Через несколько месяцев после твоей смерти отец Алексей, настоятель одного из сельских храмов, в который я заехал, чтобы заказать сороковины по умершему тоже от рака через девять месяцев после тебя самому близкому моему другу Вячеславу Михайловичу Клыкову и панихиду по только что погибшей в авиакатастрофе в Иркутске Марии, дочери Валентина Григорьевича Распутина, убеждал меня, что мы до третьего точно, а может, и до пятого поколения несём ответственность за поступки и, тем более, за грехи своих предков. И приводил убедительные, по его мнению, доказательства на примере своих прихожан. Как, например, мучается страшной болезнью, прося Бога дать ей возможность поскорее умереть, внучка бывшего партийного активиста, в тридцатые годы прошлого века сбросившего с храма колокола. Я кощунственно усмехнулся про себя: а мы проклинали большевиков, официально цинично провозгласивших, что сын не отвечает за отца, а на самом деле отправлявших в тюрьмы, в лагеря и даже на расстрел не только жён, но и детей так называемых врагов народа, то есть на самом деле у них сын отвечал за существующие и несуществующие грехи отца. У большевиков — только за отца, а у Бога, оказывается, даже за деда и прапрадеда. Этого я никак не мог ни понять, ни принять. Мало того, оказывается, мы уже при своём рождении, сами ещё не виновные ни в чём, в ответе не только за грехи своих предков, но даже за грехи Адама и Евы! Не могу допустить мысли, что Бог может быть таким жестоковейным. Не добавили ли тут чего от себя его толкователи?

— Батюшка, почему я через тысячи лет после Адама и Евы должен отвечать за их грехи? — приводя своим дерзким вопросом в смущение, спросил я отца Алексея, а получалось, что на самом деле через него я кощунственно обращался к самому Господу.

— Смерть вошла в мир через грех наших прародителей, когда Адам и Ева, нарушив послушание Богу, совершили грех, — заученно стал вразумлять меня отец Алексей. — И благодать Божия оставила их. А так как все мы, люди, являемся потомками Адама и Евы, то уже с рождения заражены их грехом, к тому же сами продолжаем грешить, то смерть является и нашим уделом. В Божием писании, в Послании к римлянам, сказано: «Сего ради якоже едином человеком грех в мире вниде, а нём же все согрешиши».

— Батюшка, я сейчас не о том, что мы продолжаем грешить, и потому наказуемы, это понятно. И даже не о том, что за грех по высшему замыслу бессмертных Адама и Евы Господь сделал их и их потомков смертными. Я о другом: вот человек только родился, он ещё даже не осознаёт себя, только из утробы матери, только сделал первый глоток воздуха и закричал, оповещая о своём рождении, и он уж грешен?

— Да!..

— Но чем тогда Господь отличается от большевиков? Но тогда большевики и подобные им — сущие агнцы, у них только сын отвечает за отца...

— Тем, что судить о степени греха может только Господь, — строго и уверенно, но отведя глаза, сказал отец Алексей. Мне почему-то показалось, что, несмотря на твёрдость и уверенность в ответе, он тоже в чём-то сомневался. — И я имею в виду, разумеется, нравственный грех, грех перед Богом, а не перед властью, который, может быть, совсем не грех... Да, существуют родовые болезни, — видя, что не убедил, вразумлял меня отец Алексей, — настигающие за грехи рода...

— Иначе говоря, наследственные? — попытался я уточнить, может, не дав ему закончить мысль. — Например, у одного из родителей была болезнь сердца, то эта слабость сердца может передаваться и ребёнку?

— Это так. Но я говорю о других случаях, не сугубо о тех, что рассматривает медицина, а о родовых, которые передаются из поколения в поколение не по наследству, а за грехи предков...

Как бы предупреждая мой следующий кощунственный вопрос, он добавил:

— Но их можно отомолить праведной жизнью, и тем самым снять их со своих потомков... И с предков тоже, ведь, непрощённые, они мучаются там.

— А дети, умирающие в младенчестве? За что им такое наказание? — спрашивал я. И на это у отца Алексея был готовый ответ:

— Младенцы, невинные дети, пострадавшие ради обращения родителей к покаюнию, получают от Бога жизнь вечную и избавление от ада. Промыслу Божию свойственно не только исправлять последствия совершённых злых деяний, но в некоторых случаях предотвращать ещё несовершенные. Предвидя будущий греховный образ человека, Господь преждевременно похищает его из жизни, чтобы предусмотренное зло не было совершено, если младенец останется жив.

— А какова судьба некрещёных младенцев? — не унимался я.

Отец Алексей несколько смутился, замялся:

— Однозначного ответа у нас, православных, на этот вопрос нет. Но в синаксарии субботы мясопустной говорится о том, что крещёные младенцы наслаются сладости рая, некрещёные же и языческие сладости не наслаются, но и в гиену огненную не попадут.

— Но тогда: какова же их судьба? И разве они виноваты, что были не крещены? И это не всегда может быть виной их родителей, потому как они, например, где-нибудь в глухой Африке или в Австралии даже не подозревали о существовании Иисуса Христа?

— Судьба некрещёных младенцев вверяется всеблаговому Промыслу Божию, — ушёл от прямого ответа отец Алексей.

— А вот у католиков я вычитал, что некрещёные младенцы попадают в специальную секцию ада.

— Нет, это не так. А зачем вы читаете католиков?

— Но они же тоже исповедуют Иисуса Христа.

— Они ложно его исповедуют, в корне извращают. Даже мусульмане исповедуют его ближе к истине.

Я видел, что своими вопросами ставлю отца Алексея в тупик, потому сумел себя вовремя остановить.

Но усмехнулся про себя: значит, младенцев, раз они ещё невинны, хотя в то же время уже грешны, можно сразу забирать в рай из исправительного концлагеря на Земле. Неважно, что они никогда не познают земного счастья, земной любви, счастья отцовства и материнства, не увидят земных рассветов и закатов, осеннего листопада, луговых цветов, текущей из Вечности в Вечность воды. Смогут ли они, не пройдя земного чистилища и страданий, радости и печали, стать полноценными помощниками Богу?..

— Но всегда ли смерть ребёнка обращает убитых горем родителей к покаянию? — словно бес снова проснулся во мне. — Не бывает ли наоборот? Не вызывает ли это протест, даже духовный бунт? Вон Калоев, потерявший во время авиакатастрофы над Германией над Боденским озером всю семью. За какой грех он наказан так страшно, что ценой его покаяния должна была стать смерть всей его семьи, прежде всего, детей? Строитель, отец добропорядочного семейства, возводил в родном городе на свои средства храм во имя Георгия Победоносца. И вдруг такое наказание! За какой страшный грех, к какому покаянию его призывал Господь?

— А если это было не наказание, а испытание?

— К чему готовил его Господь, дав такое испытание? Как оказалось, непосильное испытание. Это страшное наказание или испытание у Калоева вызвало не покаяние, а умопомрачение, в котором он как раз и совершил страшный грех: наказал, убил человека, которого справедливо считал виновным в гибели своей семьи и которого никаким образом не наказало так называемое правосудие. Но это ещё не всё. Гибель в авиакатастрофе всей семьи вызвала у Калоева не покаяние, а самое страшное — отрицание Бога. После отсидки в швейцарской тюрьме, вернувшись на родину, он вошёл в храм, который до того строил, и во всеуслышание сказал, что Бога нет, если бы Он был, Он такого не допустил бы. И с ним трудно спорить. Я не исключаю, что этот случай отвернул от Бога и других.

— Это временное умопомрачение... — нахмурился отец Алексей. — Значит, вера в Господа Бога была у него не очень крепка, поверхностна.

Эти общие слова я слышал уже не раз. Они способны не убедить, а наоборот, только вызвать сомнение. Отец Алексей видел, что ни в чём меня не убедил.

— Не очень ли жестокая проверка веры в Бога?

— Мы своим скудным умом не всегда готовы понять промысел Божий, — опять ушёл от прямого ответа отец Алексей, может быть, сам не зная ответа на мой вопрос. — Нам только остаётся верить, что, в конце концов, Господь всегда милосерден...

— Почему милосердный Господь не защищает праведных и добродетельных от внезапной и порой нелепой смерти? — продолжал я немилосердно мучить отца Алексея своими кощунственными вопросами. — Таких, например, как Мария, дочь писателя Валентина Григорьевича Распутина, погибшая в авиационной катастрофе? Была ниже травы, тише воды, играла на органе, призывала людей задуматься о высшем, вопреки специально созданному в мире сатанинскому музыкальному хаосу. Орган, полагают, как и колокольный звон, как и Икона, является средством общения, независимо от национальности, всем понятным языком с тем высшим, неведомым нам горним миром. Бог разъединил заблудшие, впавшие в гордыню народы на языки, но оставил для них единый язык общения как между собой, так и с ним, с Богом, — музыку... Почему он не защитил праведную и добродетельную душу отца Марии, Валентина Григорьевича Распутина, вобравшую в себя всю боль вымирающего русского и не только русского народа? К какому покаянию Всевышний таким

образом призывал его? Может, Он хотел наказать зародившуюся гордыню в писателе Валентине Распутине, который, по Его мнению, в последних своих произведениях стал мнить себя, подобно Александру Солженицыну, мессией или вселенским судьёй? Но скромнее Валентина Григорьевича Распутина как писателя, как человека, наверное, трудно найти. Или, видя, что он как писатель (а настоящий писатель в какой-то мере всегда пророк) иссякает, начинает жить несколько благодушно, что ли, в некотором достатке, загородный домик на Байкале вон начал строить, Всевышний поступил по принципу: всё великое рождается в результате великих страданий, и Он добавил Валентину Григорьевичу Распутину их, чтобы он мог сказать новое, так нужное сейчас людям слово, раз они глухи к Евангелию? А что, если эти страдания его, физически и так не очень здорового, совсем придавят к земле?.. Я вот звонил ему недавно, услышал: «Наверное, я больше ничего не смогу написать...» Или как раз этого добивался Господь? Всевышний торопит его в горний мир?.. И ещё: вот, например, преподобный Амвросий Оптинский писал: «Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или когда не видит никакой надежды на его исправление». Что, Господь собрал в одном самолёте специально тех, кто уже был готов к вечности или, наоборот, одних грешников, тех, в ком он не видит никакой надежды на исправление?.. Или тех и других поровну?..

Отец Алексей молчал.

— Вон в Таиланде от цунами погибли в одночасье двести тысяч человек, приехавших на отдых из разных стран, — не мог остановиться я. — Что, все они были грешниками или святыми, и Господь специально собирал их в одно место со всей планеты? Или: две мировые войны, обрушившиеся на мир в прошлом веке, — что, все десятки миллионов погибших и сотни миллионов так или иначе пострадавших в них были неисправимыми грешниками, в том числе дети? Миллионы, десятки миллионов людей, погибших во время эпидемий, голода, — это тоже следствие особой божественной любви? А верующие в иных богов? Разве они виноваты, что они не познали истинного Бога?.. Почему Всевышний часто попускает страдать от ужасных болезней, а потом умирать раньше времени людям, безраздельно верующим в Него и прославляющим Его?

— Бог не защищает праведных и благодетельных, чтобы очистить их от малейших следов греховных страстей и потом увенчать большой славой на небесах, — ни на секунду не задумался, отчеканил отец Алексей. У них, священников, как у унтер-офицеров царской армии, всё по уставу и на всё заученно готовые и простые ответы.

«Всякая слава, тем более на небесах, конечно, хороша, но ведь любая слава, где бы ни было, это ни что иное, как гордыня, — хотелось мне закричать. — А что, если человеку не нужна эта слава на небесах, о которой вы заученно рапортуете, как, впрочем, и земная слава тоже, человек хотел мирно и безропотно возделывать кусочек земли на Земле, никому не мешая, спасая бездомных собак и лютой бескормной зимой подкармливая птичек Божиих?!»

А отец Алексей продолжал, пытаясь меня вразумить:

— Подумайте, если Бог отдал своего Возлюбленного Сына на страдание и Крестную смерть, что мы можем сказать о людях, которые, как бы они ни были праведны, имеют греховные пятна? У одного священника, доброго священника, сгорело в пожаре пятеро детей. Когда знакомый их семьи узнал об этом, в нём поднялось смятение: «За что, Господи?! Добрее этого человека я не встречал! Как и не встречал лучше священника!» Но он понимал, что этот протест — грех, и исповедовал его. Ответ духовника был прост и одновременно мудр: «Запомни одно: Бог никогда не ошибается».

Запомним это и мы, что бы с нами ни случилось. Его крестная пасхальная любовь часто действует непостижимым для нас образом... — отец Алексей помолчал. — Я чувствую, что не убедил я вас.

— Нет, отец, не убедили, — честно сказал я. — Подобное я уже где-то слышал. Например, в кратком курсе истории ВКПб: «Партия не ошибается». Были у партии большевиков так называемые «тройки», руководствующиеся этим постулатом, которые в пять минут решали: разумеется, в высших целях, ради светлого будущего всего человечества — приговаривали к длительному сроку или к расстрелу чаще всего невинного человека. Чтобы остальных держать в постоянном страхе неминуемого наказания. Может, во всех этих случаях, как и в случае со священником, у которого в пожаре сгорели дети, Бога мы вспоминаем всеу? Может, Он тут не при чём? Может, в некоторых случаях Он просто не силах противостоять укоровившемуся на Земле злу?.. Ведь что получается: за грехи наказанием — долгая жизнь на Земле и безболезненная, может, внезапная смерть? А праведному — рано умирать, к тому же мучительной смертью, в страшных страданиях? И умом не понимаю, и сердцем не приемлю я почему-то такой милости и такой любви. Не приемлю я и ответа вашего духовника по поводу сгоревших в пожаре детей. Не верю, что его ответ был искренен. Просто он не знал, что ответить, а честно признаться в этом не хотел. Ему нужно было предстать перед простым человеком мудрым посредником между ним и Всевышним... Как и не приемлю я другого: почему чем лучше, добродетельнее человек, тем скорее он должен уйти с Земли?! Что, человек исправился, отбыл свой тюремный срок на Земле — и нужен там?.. Да, здесь, на Земле, мы, наверное, только учимся жить. И смерть потому поставлена в конце жизни, чтобы мы могли к ней подготовиться. И мы не знаем, что там. И вы, священники, не знаете. И никто не знает. И ради Бога, не делайте вид, что знаете! И от незнания соблазняйте меня халявой, что там всего в избытке, что там не работают, а лежат весь день на мягких перинах, мёд пьют, и каждый норовит как можно ближе к Господу сесть, который вроде Генерального секретаря. А я не хочу лежать на мягких перинах, это для меня, как для всякого нормального человека, хуже тюрьмы, я без работы на второй день попрошусь обратно на Землю, а обратно уже нельзя... Получается, если там всё так хорошо, я должен радоваться смерти ближних, но я почему-то не радуюсь, а в великом смятении и боли моя душа... Душа моя просится в храм, я неосознанно по зову её, пусть редко, но иду сюда, здесь трепетно и хорошо ей и мне, но только до тех пор, пока вы не начинаете звать меня с Земли. Многое, что вы проповедуете, нарушает молчаливое согласие моей души с храмом, и порой я ухожу отсюда не умиротворённым, а в тревоге и в смятении. Дай Бог, что я ошибаюсь, но такое чувство, словно кто-то упорно старается увести нас с Земли, освободить её для какого-то другого народа, а делает это хитро от имени Бога.

— Значит, вы ещё не пришли к Господу Богу. Значит, вы ещё не веруете, а только хотите веровать, — мягко, даже не укоровивно сказал отец Алексей. — Веровать и хотеть веровать — это совсем не одно и то же...

— Наверное, это так. Скорее всего, это так: я страстно хочу веровать, но ещё не верую. Простите, батюшка, но я хочу там, в горнем мире, быть пусть скромным, но сорботником Богу в его делах, и чтобы пот с меня тёк в три ручья к вечеру, если пот есть там и вечер тоже. Я хочу возвращаться домой усталым, если есть там понятие дома, но довольным от сделанного мною ради общего дела, а вы, повторяю, меня соблазняйте халявой на том свете, что там не сеют, не пашут, а только едят с утра до вечера всякие явства, даже реки там молочные с кисельными берегами, на большее фантазии нищего человека не хватило. Теперь вот, наверное, соблазняя олигархов, чёрную икру и трепангов там будут обещать. И через каждое почти сло-

во обещание славы, хотя всякое мечтание о славе, о любой славе, как и обещание её, по моему разумению, как раз не христианское чувство. Мечта о молочных реках с кисельными берегами — это мечта не работника, тем более не работника на земле, который определил себя на Земле крестьянином, то есть христианином, совсем не случайно трансформировавшим имя Сына Божьего с понятием креста или, точнее, соединив эти два понятия в одном. Мечта о молочных реках с кисельными берегами — это мечта люмпен-пролетария, бездельника, лентяя, не говоря уже о том, что вредно спать на мягких перинах и беспредельно обжираться, и я начинаю подозревать, что ваши рассказы о халявном рае не более как сказка, придуманная древними лентяями-пролетариями вроде недавних славных ленинцев, которые рано или поздно, разуверившись в своей сказке, начинают с помощью кистеня и револьвера строить халявный рай на Земле. А что, если и там они начнут строить подобное? Может, этим объясняется отторжение Сатаны от Господа, превращение его из Ангела в Дьявола? Не из этих ли сладостно-благих сказок о халявном мире рождаются всевозможные революционно-коммунистические идеи? Не потому ли ещё плодятся всякие секты, всякая беспоповщина, попытки, минуя священников, общаться напрямую с Богом, что людей смущают, мягко говоря, ваши сказки о горнем мире? Не потому ли появились протестанты, крепкие мужики, не мечтающие о небесной халяве, пытающиеся обустроить достойную жизнь на Земле как некий прообраз горнего мира, как подготовку к нему? Если тут, на Земле, мы действительно только учимся жить, то как раз, наверное, мы должны стремиться навести элементарный порядок на Земле, это своего рода нам экзамен. Но нет, протестанты тоже нам не нравятся, и не потому, что в каких-то деталях расходятся с нами в трактовке Священного Писания, а прежде всего потому, что пытаются, по своему разумению, строить свою жизнь на Земле по образу горнего мира, спокойно, обстоятельно. У них везде чистота и порядок, они не бросают кладбища своих предков расхристанными. А у нас коровы по ним ходят, а нам ничего не надо, мы своих предков дальше дедов, в лучшем случае прадедов, не знаем, так как мы временные здесь и все мечты наши о горнем мире с мягкими перинами. Они не хуже нас знают, что они временные на Земле, но они думают о тех, кто останется на Земле после них, им, в отличие от нас, почему-то стыдно оставлять после себя кучи гниющего хлама. Или ещё мечты о Беловодье. Нет, чтобы навести порядок на кусочке Земли, где тебе Богом определено было родиться, мы, бросив родную землю-люльку, потащимся искать молочные реки с кисельными берегами за тридевять земель, а вышедшая из народа и не вернувшаяся в народ писательская интеллигенция будет восторгаться ими, приводить другим в пример. Понимаете, не надо меня, у которого на руках мозоли от лопаты, топора и косы, и всё это мне делать нравится, соблазнять мягкими перинами, сверкающими одеждами и славой, в которой я даже здесь, на грешной Земле, давно не нуждаюсь, и тем более не буду нуждаться там. Не надо меня соблазнять тем, что меня могут посадить в президиум по правую или левую руку от Господа Бога, может, ещё за красную скатерть. Да и физически не может Он всех нас посадить по правую и левую руку, кому-то придётся сидеть в зале. Вы скажете, что я кошунственно упрощаю. Да нет, я только цитирую ваши слова и многочисленные книжки, продающиеся в церковных лавках. И появятся недовольные, что их обманули, обещали посадить рядом, а не посадили, и взбунтуются, и захотят устроить там революцию. Может, действительно, так и появились падшие ангелы? И порой я невольно начинаю кошунственно думать: может, это придуманная люмпен-пролетариатом древности химера? Или специально придуманная тогдашними властями для простого народа, чтобы держать его в узде? А он, рано или

поздно, не выдерживает ожидания халявного рая и берёт в руки кистень... Не из нетерпения ли поскорее увидеть этот рай или из разочарования рождаются всякие революционеры, нередко и, может, неслучайно из бывших семинаристов?

— Не надо трактовку потустороннего мира людьми простодушными и наивными принимать за истину, — вздохнул отец Алексей.

— Но если это измышление людей простодушных и наивных, почему вы, как подтверждение истины, издаёте всё это по благословению Святейшего огромными тиражами? — показал я на развал книг. — Вон посмотрите, половина вашей литературы состоит из этих сказок, якобы доказывающих существование Бога, рая и ада. А не имеют ли они обратного действия?.. — Меня неожиданно для самого себя понесло: — И ещё: сейчас вы меня снова будете убеждать, что на любую болезнь и даже на смерть не нужно жаловаться, а нужно благодарить за неё Господа, что Он послал её тебе, таким образом Он выражает особую любовь к тебе.

— Именно так...

— Вон даже Святейший недавно после своей длительной болезни проникновенно по телевизору благодарил Бога за то, что тот наградил его болезнью, тем самым проявив к нему великую милость. Зачем же тогда, спрашивается, к врачам обращался, в больницу, да ещё не в простую, а в ЦКБ для самых высших правительственных чиновников ложился?.. Бога благодарил за болезнь и в то же время просил исцеления?.. Прости меня, ради Бога, батюшка! — остановил я себя.

— Бог простит! У Бога просите прощения, а не у меня... Вы ещё не отошли от своего горя...

Мы торопливо и неловко распрощались...

Да, скорее, моя вера не глубока. Да, скорее, я ещё не верую, а только хочу верить, а душа, может, так и осталась языческой. Да, скорее всего, это так. Да, я знаю, что Всевышний есть, но почему-то в моём представлении он не совсем такой, если не сказать, что совсем не такой, каким мне его рисуют священники, не знающие доли сомнения, или делающие вид, что не знают доли сомнения. Я верю, я знаю, что Всевышний есть, потому как он зримо являет нам, неверующим, свои чудеса, такие как Благодатный Огонь в Пасху от гроба Своего в Иерусалиме (а нам и этого мало, а вдруг это мистификация?), я верю в Него и в Матерь Божию, потому что мироточат Её иконы, как и иконы многих святых, но никому не дано знать, что и как там, в горнем мире, и не надо меня соблазнять сказками для пролетариев-тунеядцев. Иначе можно перестать верить.

Верю я, пусть ещё, может, и не верую. Но я не знаю Его отношения ко мне: может, за свои грехи и за грехи моих прадедов, о которых я даже не подозреваю, я исключён из сферы Его влияния. И мы существуем с Ним как бы в разных Вселенных. И, может, потому так и металась всю жизнь в поисках ответного человеческого тепла моя сиротская беспризорная душа и мечется до сих пор — и не находит ответа. Может быть, потому она не нашла полного единения и с твоей душой? Утверждают: человек — любимейшее творение Бога. Но неужели Бог не может выразить свою любовь к человеку иным, не жестоковыйным способом, не накладывая печать первородного греха на цепь человеческих поколений? Или наоборот мы, по жестковыйности своей, оговариваем Бога, приписываем Ему чужие деяния, чужие свойства, может быть, даже деяния и свойства Сатаны? Не только об отдельном человеке, обо всей России, как о физической и духовной цельности, толкуют, что Бог не наказал, а наградил (что получается одно и то же), в том числе в XX веке, такими испытаниями Россию и великими страданиями русский народ, потому что Всевышний, в своё время разуверившись в первом богоизбранном народе, возлюбил русский народ, избрал

теперь его для особой цели и потому испытует. И тем самым невольно (а может, и вольно?) натравил на него, на простодушного, как кровососущую тварь не только не оправдавший его надежд, но и распявший Его Сына первый богоизбранный народ, закореневший в коварной жестокостью. И неужели теперь Господь со стороны наблюдает, может, даже уже беспомощно, что из этого получается? А что из этого может получиться: первый богоизбранный, но не оправдавший Его надежд народ не только физически, чаще всего чужими руками, в том числе русскими, изводит с планеты русский народ, может, не менее, а может, даже и более древний, но по каким-то причинам потерявший память о себе, и может, по этой причине или в целях самосохранения несколько раз в многовековой истории изменивший своё имя? И был ли на самом деле богоизбранным тот, первый народ. А может, на самом деле это были инопланетяне, захватившие Землю после уничтожения цивилизации на Марсе в результате её нравственного разложения? Их психология не просто противоположна психологии русского народа, она совершенно в другой плоскости, за границами земной нравственности, за границей добра и зла. Какова цель испытания, если заранее можно предугадать участь второго богоизбранного народа, если катастрофически истончается он количественно и, прежде всего, духовно? Или всё это уже не во власти Бога? Или Бог уже разочаровался и во втором избранном Им народе и махнул на него рукой? А может, мы эгоистично, подобно первому избранному народу, приписали себе особую любовь Бога, как и приписали, придумали себе особую роль на Земле, и от этого наши страдания? А у Него все народы одинаково любимы, и как только какой-нибудь народ начинает претендовать на особую любовь, даже в виде особых страданий и испытаний, и придумывает себе особый, на самом деле не существующий, мессианский мандат от имени Бога, он тут же и получает эти испытания? Господь тем самым как бы ставит его на место. А мы всё толкуем и толкуем о своей богоизбранности. И мы, может, так далеко зашли в своей закоренелости, в своём убеждении, что мы самые любимые, мы так привыкли к своей исключительности, что навлекаем на себя всё новые и новые испытания, может, уже давно нам непосильные?

«Кого Бог любит, того и испытывает», — проникновенно шепчут старушки в храмах, неубедительно утешая себя по поводу старческих хворей, но мне почему-то кажется, что они сами мало верят в это. Так, по привычке, заученно повторяют, чтобы не показаться неверующими даже самим себе. Так заученно утешают их и священники.

Твои постоянные болезни были одной из причин нашей бездетности. Мы всё надеялись на лучшее, но годы летели, лечилась ты плохо, бессистемно, чуть становилось полегче, забрасывала лечение, что выводило меня из себя. Врачи на наши прямые вопросы отвечали уклончиво. Наверное, надо было рискнуть. Но, может, Бог специально оберегал нас, раз говорят, что всё в воле Божией? Потому что другой причиной были твой неуравновешенный, вспыльчивый по любой причине характер и твоя неизвестно откуда появившаяся беспричинная ревность, которая глубоко — до душевного потрясения — оскорбила меня и убила во мне самое главное в чувстве к тебе, как и твой решительный отказ взять ребёнка из детского дома. Твоё неверие было для меня самым страшным ударом: раз мне всё равно не верят, я стал невольно отдаляться от тебя и обращать внимание на других женщин, ища в них, прежде всего, не физической близости, а душевного понимания. Я видел, что ты всё больше и больше становишься похожей на мать, у которой душевная неуравновешенность со временем приняла агрессивный психопатический характер и которая своей ревностью и своими припадками буквально свела мужа

в могилу. И я боялся, что это у тебя наследственное и что это может передаваться детям. А надо было решиться. Может, рождение ребёнка разом бы привело тебя в душевное равновесие.

Годы шли, кончилось всё это тем, что однажды на даче у тебя началось сильное маточное кровотечение. Почему-то в тот день на даче мы были без машины, кажется, она была в ремонте, на счастье подъехал сосед, мы успели довезти тебя до поста ГАИ, где тебя забрала «скорая». Прямо из приёмного покоя тебя увезли в операционную. Во время операции, после которой о детях уже не приходилось думать, ты перенесла клиническую смерть. Потом ты мне рассказывала о той пресловутой трубе, по которой якобы летишь вверх, и в конце той трубы неземной ласковый свет, и как тебе хотелось вернуться обратно на Землю, и кто-то услышал тебя и вернул. Было ли это так на самом деле? Или тебе приснилось ранее прочитанное в книгах и неоднократно увиденное по телевидению про клиническую смерть? Если было, то почему Бог развернул тебя в этой трубе обратно? Что, ты ещё недостаточно намучалась на Земле? Потому он дал тебе (или наградил?) самые невероятные физические и душевные страдания, которые приносит рак своей мучительной безнадёжностью, а главное: мыслями, связанными с этим?..

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Уже которую ночь мне снится один и тот же жуткий сон. То ли кино, то ли телеэкран, голос за кадром: «Уже на четвёртой неделе у человеческого зародыша начинает биться сердце. А в два месяца, когда делают аборт, ребёнок уже понимает, что его хотят убить».

И я снова и снова ясно видел, как начинает отчаянно колотиться крошечное сердце человеческого зародыша, как его число ударов достигает 200 в минуту. Он раскрывает ротик и беззвучно кричит от ужаса в предчувствии убийства. Он уже живой, он уже всё понимает...

И на этом я просыпаюсь в холодном липком поту и уже до утра не могу забыться.

Почему я поздно пришёл к страшному для себя выводу, что я убийца, хоть и решились мы на это по настоянию врачей? Мало того, что, мечтая о детях, я подспудно, не признаваясь себе в этом, был рад такому исходу, подозревая твою психическую наследственность (а была ли она на самом деле и могла ли передаваться она ребёнку?).

Нет и не может быть мне прощения ни на этом, ни на том свете...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Операция шла долго, и у меня, сидящего перед операционным блоком в коридоре, появилась надежда на лучшее. При раке самое страшное, когда короткая операция: значит, разрежали и зашили. Но вышедший из операционной и выжатый как тряпка хирург хмуро сказал: «Сделал всё возможное. Всё оказалось гораздо хуже, чем предполагали: пришлось убрать всё правое лёгкое. Очень поздно, уже затронуты лимфоузлы. Но будем ждать результатов гистологии. Примерно через неделю».

Через неделю, налив себе и мне по полстакана принесённой мною в качестве презента какой-то элитной в красивой бутылке водки, он, смертельно уставший после очередной безнадёжной операции, сказал: «Мужайтесь: самая плохая форма рака: плоская канцерома. К тому же третья стадия. В девяносто девяти случаях — метастазы, и, как правило, в мозг. Если уже их там нет».

Так началась наша Голгофа...

Впрочем, моя — в наказание за грехи мои — продолжается по сей день...

И чем дальше, тем мучительней.

Что я должен осознать в результате этих мучений?..

Каким образом искупить — хоть отчасти! — неискупаемый грех?..

Ни приведи, Господи, никому пережить подобное! Хотя каждый седьмой ныне умирает от рака. А остальные этого не замечают. Или стараются не замечать, чтобы не бередить раньше времени свою душу: авось пронесёт? Кого-то и пронесит. Но только в одном нашем городе раковый центр, своего рода призывной пункт или przygotowательный класс на тот свет, занимает целый квартал, и, чтобы попасть в него, нужно вытерпеть огромную очередь за смертью, потому что редким выпадает счастье выйти оттуда живым, и это ещё не значит, что ты снова туда не вернёшься...

Проезжая мимо ракового центра по гудящему от транспорта главному городскому проспекту, люди стараются не замечать его, некоторые даже заранее поворачиваются к нему спиной. А кто до поры до времени не знает, что за серые здания без архитектурных излишеств занимают огромный квартал за филиалом преуспевающего коммерческого банка и за преуспевающей ярко раскрашенной лукойловской бензоколонкой, и не подозревает, что рано или поздно займёт сюда очередь, если не сам, то родные или близкие...

Мы быстро попали туда — по знакомству, можно сказать, по благу... Благу, чтобы попасть в очередь за смертью!.. Неизвестно, по какому принципу рак выбирает жертву. Да, больше вероятности у курящих, у пьющих, да, какую-то роль играет наследственность. Но порой человек не курит, не пьёт, не ест острое и вообще следит за своим здоровьем, никому за всю свою жизнь не сделал зла, в Бога верует, и вдруг — рак. Другой и курит, и пьёт, и богохульствует, и вор, и бандит — и живёт себе. Рак неожиданно может выбрать богатого или бедного, счастливого или несчастного, для него ничего не значит депутатская и прочая неприкосновенность. Теперь он уже не щадит детей и даже младенцев. А, говорят, было время, и не так давно, всего в начале прошлого века, когда врач-хирург за всю свою практику не встречал ни одного больного раком. Я вспоминаю растерянность одного знакомого, преуспевающего предпринимателя. Всё вроде бы прекрасно у него в жизни складывалось. Сумел практически с нуля размотать огромное производство, дал сотням людей рабочие места, построил для своих инженеров и рабочих два красивых больших дома. Молодая красивая жена, двое детей. Построил церковь, крестился в ней. Бог вроде был должен любить такого человека. И вдруг рак... Что, Бог посчитал его достаточно подготовленным для того света? А что, такие люди не нужны на этом свете? Тогда получается — действительно, мы на Земле нечто вроде подготовительного класса или исправительной колонии.

Что касается нас, всё началось задолго до того, когда рентгенолог-пенсионер, на несколько недель замещающий поликлинического рентгенолога, который в твоём снимке грудной клетки ничего подозрительного не обнаружил и ушёл в отпуск, забыв в заключении расписаться, а тебе это заключение срочно нужно было для предоставления в хирургическую клинику для предполагавшейся операции на колене, с огромным запозданием, когда практически уже было поздно, наконец, можно сказать, случайно, обнаружил у тебя рак. Если бы рентгенолог из поликлиники не забыл расписаться, ты так и ходила бы, может, до последнего дня, потому что лёгкие при раке не болят, возникает только общая слабость, на которую ты последние годы жаловалась постоянно. Да, может, короче был бы твой жизненный путь, но не было бы тяжёлых послеоперационных страданий и напрасных надежд.

Может быть, операция на какое-то время продлила тебе жизнь. Но что это была за жизнь?! Три года постоянных мучительных мыслей... Но, может, в этих мучениях и мыслях весь смысл рака, не только как Божьего наказания, но и как духовного

осмысления прожитой жизни и своих грехов? Своего рода духовная подготовка, своего рода подготовительный класс, без которого не берут в заоблачную страну?..

Всё началось не с прочитанного рентгено снимка. Однажды, придя с работы, я нашёл тебя в смятении: неумело поставленная тобой в моём кабинете перед иконой Божией Матери свеча, когда ты отвлеклась на кухне, повалилась на икону, уткнувшись в висок младенца-Бога, обуглив его, но пожара не устроила, как бы только предупредила о чём-то.

В твоих глазах стоял ужас.

Я, как мог, старался тебя успокоить: это ничего не значит, бывает и роняют, и нечаянно разбивают иконы. Просто нужно сходить в церковь и помолиться по этому случаю, попросить прощения. Я, как мог, успокаивал тебя, хотя сам холодел от предчувствия беды. Почему свеча уткнулась именно в главу Бога-младенца? Что этим нам пытаются сказать? О чём предупредить?

В церковь ты ходила, как и я, не раз, и не в одну, пытаясь отомолить нечаянный грех. Но у меня в голове, словно гвоздь, засела точащая мысль: что это было за предупреждение?.. Почему свеча упёрлась именно в висок, но не устроила пожара?

Постепенно этот случай вроде бы забылся. По крайней мере, оба мы о нём вслух старались не вспоминать. Но у меня он шилом торчал в голове, время от времени напоминая о себе. Знаю, что и у тебя тоже. Время шло, и порой приходила успокаивающая мысль: авось пронесёт.

Но когда ты пришла из поликлиники с потухшими глазами, а ещё позже, когда поставили окончательный диагноз с возможными метастазами в мозг, я понял, что это действительно было предупреждение... Видимо, там, наверху, уже тогда всё было решено: не прощён был наш совместный — непрощаемый! — грех. И я знал, что это был за грех... И ты знала... Но оба мы делали вид, что не знаем или что вообще не было этого греха. Но меня Всевышний, видимо, решил наказать вдвойне...

Ты умерла от метастаз в мозг. Я снова и снова вспоминаю твою упавшую в висок младенца-Бога свечу.

И я не знаю, что делать с этой иконой...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю, как мы первый раз после твоей операции, после тяжелейшего восстановления ехали на дачу. Ты уже вообще не верила, что увидишь её. Была вторая половина апреля, время пробуждения всего сущего. В лощинах с северной стороны нашей горы, которая называлась Девичьей, ещё лежал снег, я объезжал его пригорками, в небе звенели невидимые жаворонки, и было ощущение, что нежно звенит само небо; внизу расстился широкий разлив аксаковской реки Дёмы. Какими глазами ты смотрела на всё это! Как ты любила эту пору! Всё кругом ликовало весной, жизнью, и казалось нелепой само существование смерти.

Мы не доехали до нашего сада каких-то пятьсот метров. Путь нам преградил сугроб, надутый в лес с поля. Как ты перебиралась через этот последний сугроб, ноздреватый, присыпанный вытаявшими старыми листьями! А первые свежие листочки уже распускались на деревьях... На всё это ты смотрела такими глазами, словно видела впервые. Увы, это была твоя последняя весна. Я отвернулся, чтобы спрятать слёзы.

— Господи, оставил бы ты меня на Земле ещё на какое-то время! — шептала ты, прижавшись лбом к берёзе. — Я никому не мешала бы, не лезла бы ни в какие дела, в твои тоже, — повернулась ты к мне, — копалась бы в земле, кормила бездомных собак, птичек Божиих...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Немного отойдя от операции, ты настояла, чтобы врачебная комиссия восстановила тебя в трудоспособности. Силы вроде бы возвращались к тебе. А в саду ты вообще ожила. Ты собиралась выйти на работу. Я не противоречил тебе, хотя знал, что этому, увы, не бывать. После очередной плановой консультации лечащий врач, как мне показалось, искренне похвалила тебя, что ты хорошо выглядишь, а ты действительно хорошо выглядела. Перед уходом улучив момент, я спросил врача о наших перспективах.

— Это временное улучшение, — ища что-то на столе и не поднимая глаз, сухо сказала она. — Третья стадия... Я могла бы соврать, но потом вам было бы ещё тяжелее... Конечно, дай бы Бог!.. Надеяться можно только на Него...

Однажды к вечеру, сидя на скамеечке перед садовым домом, уставшая после трудов на земле, счастливо оглядывая сделанное за день, поглаживая любимых своих собак, которые были тебе вместо детей, одной рукой Динку, другой Дружка, прильнувших к тебе с двух сторон, ты вдруг спросила меня:

— Я тебе не мешаю на этом свете?

— Ну, ты что?

— Знаю, что ты всегда мечтал о детях, но только не от меня. Считаю меня психопаткой, ты боялся иметь детей от меня. Твоё время ещё не ушло, женишься на молодой... У тебя никого нет? Не бойся, я не буду устраивать скандалов. Дурой я была. Мне просто нужно знать, может, зря я так держусь за этот свет, может, я тебе мешаю. Может получиться так, что я промучаюсь и промучаю тебя ещё несколько лет, а твоё время уйдёт или тебя не дождутся.

— Ну, ты что?! — я встал перед тобой на колени. — У меня никого нет, — у меня на самом деле никого не было. — А без тебя мне будет очень и очень тяжело на этом свете.

— Правда?

— Правда!

— Я никому бы не мешала, если бы дал Бог, — говорила ты сквозь слёзы. — Жила бы вот здесь, среди цветов, птичек и собак. И зачем я бросилась в эту дурацкую журналистику. Моё призвание — быть врачом. Даже, скорее, ветеринарным врачом, потому что животные такие беззащитные.

И действительно, в силу ли того, что ты часто болела, или в силу особого таланта ты разбиралась в болезнях и лекарствах лучше многих врачей...

А однажды утром в постели, стесняясь, как когда-то в первую нашу ночь, ты прошептала:

— Ты уже совершенно равнодушен ко мне, как к женщине? Почему ты не обнимаешь меня? Или ты равнодушен только ко мне?

— Я думал, что тебе это не надо, — растерялся я от неожиданности... Или, что я принесу тебе боль.

— Обними меня...

Потом ты, как в прежние времена, лежала у меня на плече, перебирая мои волосы.

— Это было не против твоего желания? — застенчиво спросила ты. — Впервые в жизни я тебя вынудила, можно сказать, заставила... Мне, наверно, как никогда было хорошо. Я проснулась от этого желания и сначала даже испугалась его. А потом не могла пересилить себя, разбудила тебя. И сейчас вот думаю: неужели это было мне дано в последний раз, как бы на прощание? Или, всё-таки, может, это признак перелома и начала выздоровления? Может, Матерь Божия услышала мои молитвы, и Бог

меня простил, ведь я всех простила, кроме себя, и живу, как трава, никому не мешая. Только разве мешаю тебе, я вижу, как ты измучился со мной.

Это было короткое, хрупко-счастливое время надежды. Потому что и в меня, хотя я знал, что ты обречена, вселилась надежда, что, может, это начало перелома. Бывает же, пусть редко, так: вроде бы уже всё, человек на пороге смерти, и вдруг начинает выздоравливать.

Сейчас я думаю: зачем и кто дал тебе это желание мужской ласки и, может, посеял в нас обоих надежду, раз вернулось желание, значит, ты выздоравливаешь и будешь жить? Чтобы потом было ещё тяжелее?

Да, в это утро, несмотря ни на что, во мне затеплилась надежда. Потому что ты оживала на глазах. Твоя сестра на радостях сшила тебе несколько новых платьев. Словно они могли удержать тебя на этом свете: раз они сшиты, значит, их нужно носить.

Тогда же ты затеяла шитьё моих двух костюмов: тёмного и светлого, которые я надевал бы в зависимости от обстоятельств и времени года. И вот теперь по всяким торжественным случаям я надеваю их, каждый раз с благодарностью и жгучей печалью вспоминая тебя. Ткани были куплены, наверное, лет двадцать назад, по случаю, когда они ещё были дефицитом. Но по моей небрежности одеваться, я обходился покупными пиджаками и брюками, которые менял на другие, когда прежние затирал до лоска. Ты время от времени предлагала, наконец, сшить костюмы, или хотя бы на первых порах один, но то я ссылался на недостаток времени, денег, то ещё на что. А тут ты сказала решительно:

— Сколько ткани могут лежать. Если умру, по крайней мере, несколько лет тебе будет в чём ходить.

Скрепя сердце, я согласился. Заодно ты собралась отремонтировать свою уже потрёпанную шубу, а потом остановилась: не буду из суеверия. Если выберусь, то на следующий год... А я загадал: тогда куплю тебе новую.

Как раз в это время ты увидела телепередачу о чудодейственном препарате мегамине, который придумали и производили тогда только в маленькой фармацевтической фирме в Хорватии. Только что закончилась страшная братоубийственная война между сербами и хорватами, свидетелем которой мне пришлось быть, страшнее которой, кажется, не было в XX веке. Война была между двумя братскими славянскими народами, говорящими на одном языке. Более того, на самом деле это единый народ, исповедующий Христа, только часть его в силу исторических обстоятельств приняла католичество и, в отличие от оставшихся православными сербов, стала называть себя хорватами и устроила геноцид сербов, как представителей народа второго сорта, чем-то вроде человекообразных обезьян, которые мешают строить Великую Хорватию. Злодеяния хорватских националистов были столь чудовищны (во Вторую мировую войну перед ними содрогались даже офицеры СС), что в штат музея геноцида сербов в Белграде была включена медсестра, потому что люди падали в обморок от жутких свидетельств этого геноцида. Что позже меня поразило: знакомый предприниматель, через несколько лет после войны по дешёвке купивший дом в Хорватии (страшная сербская катастрофа прошла мимо его ушей) и пригласивший меня в Хорватию в гости, был удивлён причиной моего отказа, он не верил, что хорваты способны на такое: «Скорее, это пропаганда, хорваты — тихие приветливые люди, только немного ленивые и не очень обязательные», — говорил он. И вот теперь судьбе было угодно, что за спасительным для тебя лекарством я должен был обращаться к хорватам. Учёный-хорват, придумавший этот препарат и, якобы, успешно применявший его в своей клинике, скорее всего, не имел отно-

шения к геноциду сербов, но всё равно... Я позвонил своему знакомому в Женеву, который работал в центральном аппарате ООН, и он по своим каналам достал этот препарат и по дипломатической цепочке передал ему в Москву, где я его и забрал. Ты с воодушевлением пила этот препарат, и тебе казалось, что он тебе помогает, и рассказывала о нём другим.

Но чудодейственный препарат, который, как оказалось, не был даже внесён в список лекарственных средств и на самом деле был чем-то вроде биологически активной пищевой добавки, правда, обладающей мощными антиоксидантными свойствами, уничтожающими так называемые радикалы, вызывающие рак, не помог. Всё, что тебе предписывалось в онкологическом центре, как я понял, только на какое-то время отодвигало твою смерть и давало большие дивиденды и без того жирующей фармацевтической промышленности. Была у меня такая подленькая мысль, что ей невыгодно, чтобы было изобретено лекарство против рака.

А перед этим мне дали телефон так называемой народной целительницы в Москве, которая якобы разработала свою методику лечения рака на основе растительных ядов и вытащила много людей чуть ли не с того света. Меня, конечно, насторожило, что она без каких-либо оговорок отвергла официальную онкологию, кроме экстренного хирургического вмешательства. Она оговаривала, что соглашается браться за лечение только в случае, если больной не проходил химиотерапию, которая только ослабляет организм, так как вместе с раковыми разрушает и здоровые клетки организма. Конечно, я не исключал, что это её условие могло быть ничем иным, как хитрой уловкой на случай заведомо печального исхода, потому как к целителям обращаются, как правило, уже безнадежные больные, уже после целого ряда химиотерапий. На раковых больных, когда человек цепляется за любую соломинку, как я понял, делается огромный бизнес. Но есть, наверное, и истинные целители? И как отличить их от шарлатанов, наживающихся на чужом горе? В нашем случае меня подкупило то, что целительница назвалась доктором биологических наук, хотя смутило, что, назвав по телефону одну сумму за свои препараты, с моего друга, которого я попросил забрать у неё их в Москве, она взяла вдвое больше. Когда я об этой целительнице сказал твоему лечащему врачу (вдруг это её заинтересует, даже если не применительно к тебе), она усмехнулась:

— Пробуйте, если хотите, запретить я не могу, но после них всё равно рано или поздно возвращаются к нам.

Целители отрицают официальную медицину, а официальная медицина отрицает целителей, как шарлатанов, тоже наживающихся на человеческом горе, и я уже не знал, кому верить. Я в растерянности метался между ними. Ты же почему-то сразу не поверила этой целительнице и скоро, при малейшем ухудшении, перестала пить её препараты, хотя та предупреждала, что может быть обострение, более того, что это обострение признак того, что организм начинает бороться с раком.

Как бы то ни было, в один день всё резко покатило назад: улучшение твоего состояния оказалось, как и предупреждала меня лечащий врач, временным, мнимым. Глаза твои снова стали тухнуть, кроме того, их стало как бы выпирать изнутри, это было уже зримое действие опухоли головного мозга, хотя врачи об этом ещё не говорили. Я снова и снова вспоминал свечу, упавшую на икону и обуглившую висок Бога-младенца...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты ещё была жива, но в твоё больничное отсутствие постепенно один за другим стали погибать посаженные тобой домашние цветы, хотя, скорее всего, мистики тут

никакой не было: они погибали в результате моего неправильного, а скорее, нерегулярного ухода, когда ты в очередной раз оказывалась в раковом центре, а я жил как бы в подвешенном состоянии, метался между работой, домом и раковым центром.

Но так же неумело и нерегулярно — то поливал мало, то, наоборот, заливал — я ухаживал и за другими цветами, посаженными мной, но они держались. Последним из твоих растений погиб, засох подаренный мной кипарис. Обнаружила это ты, когда я в очередной раз привёз тебя домой на побывку. А я и не заметил, когда кипарис высох, продолжал его поливать.

— Значит, всё! — обречённо и спокойно сказала ты. Потому что, когда в тот страшный день я купил кипарис, ты загадала:

— Приживётся кипарис, может, выживу и я.

— Но я просто, видимо, несколько дней его не поливал или очень мало поливал, боясь залить, — попытался я тебя успокоить. — Ты ведь всегда меня ругала, что я заливаю цветы, и у них начинают подгнивать корни.

— Это ничего не меняет, — печально сказала ты.

И как раз в это время подвернулась поездка в Париж. Первой об этой поездке узнала ты: позвонили из Москвы домой, разумеется, не подозревая о наших печальных делах.

— Не поеду я в этот чёртов Париж! — сказал я тебе. Мне на самом деле никуда не хотелось ехать.

— Езжай, — сказала ты. — Я не хочу, чтобы ты из-за меня не увидел Париж.

— Я на самом деле не хочу в Париж, — искренне сказал я.

— Езжай! Развейся немного. Впереди самое тяжёлое. Ухаживать, как говорят, я буду очень тяжело. Вспомни Чебаевского. Ухаживая за умирающей от рака женой, он умер на день раньше неё, не выдержало сердце. Так вместе и лежали сутки мёртвые в одной постели... Езжай, пока я ещё на ногах, — твёрдо сказала ты, можно сказать, решила за меня...

Прежде я, безденежный и не выездной, мечтал попасть в Софию, в Прагу, в Варшаву, в Рим, наконец, в Иерусалим, но почему-то никогда не стремился в Париж, может, потому, что туда все стремились. А ехать сейчас? Но в то же время поехать сейчас — может, дать тебе какую-то надежду, что не всё у нас с тобой так безнадежно...

Наверное, этим состоянием души и объяснялось, что Париж не только не потряс, даже не удивил меня. Может быть, только Русская церковь на улице Дарю да кладбище Сент-Женевьев-де-Буа тронули моё сердце. Но они были печальной частью России...

Я ходил по Парижу как по мёртвому городу-музею и думал, как страшно, одиноко тут жилось русскому изгнаннику. Католические храмы меня угнетали: своей величественностью, беспредельностью сводов, утончённостью каменной резьбы и в то же время какой-то холодной душой, давящей мою русскую суть. Бог в них мной ощущался жестоким, немилосердным, холодным и равнодушным к человеческой судьбе, как эта тончайшая каменная вязь. Я не испытывал в величественных католических храмах того тихого трепета, какой я, может, не очень верующий, испытывал в православных храмах, особенно в небогатых, сельских церквушках...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Я метался по Земле, чувствуя, как сокращается твоё, а заодно и моё стремительно убывающее время: перед глазами то и дело возникали песочные часы. За полгода до Парижа, оказавшись в Сирии, я объехал древние монастыри первых веков христианства, где просил Бога и его святых угодников за тебя. Однажды, находясь в Вели-

кой Сирийской пустыне, я попросил остановить машину и ушёл в сторону от неуместной здесь чёрной ленты асфальта. Великое молчание раскалённой каменной равнины и выцветшего, без единого облачка, неба оглушило меня. Это было великое молчание Вечности и остановившегося или, может, наоборот, ускоренно улетающего Времени. Куда оно летело? Кто властелин его? В одинокой палатке бедуина, который, судя по снисходительно-спокойному взгляду, которым он меня окинул, тоже был частицей Вечности, я посмотрел на термометр: в 9 часов утра было 47 градусов в тени. В голове слегка звенело от раскалённого воздуха и печальных мыслей...

Здесь, в Великой Сирийской пустыне, лежащей как бы между двумя мирами, между Небом и Землёй, ещё более была очевидна нелепость ныне существующего на планете мира: искусственных государств, политических партий, может быть, даже бессмысленность самого человеческого бытия: вслушиваясь в звенящую тишину вечности, трудно было поверить, что в какой-то сотне километров американцы бомбили Ирак, гибли тысячи людей — шла страшная война за нефтяные запасы, которые, может, Бог специально приготовил человеку для облегчения его жизни на Земле. Одиночество, которое всегда, сколько я помню себя, было со мной и во мне, окончательно охватило меня, и я понял, что смысл существования человека на Земле — только в заботе о ближнем.

По пути в Великую Сирийскую пустыню в складках рыжих холмов, в которых, цепляясь за жизнь, пряталась редкая растительность, то и дело попадались развалины древних, непременно разрушенных, уничтоженных в войнах городов, государств, целых цивилизаций. Наслоённые друг на друга пласты человеческой жизни. Границы нынешних садов, огородов под разными углами равнодушно пересекают стены разрушенных древних храмов, жилищ, пренебрегая ими, словно их и не было, словно они всего лишь естественное нагромождение камней. Порой половина древнего дома на участке одного хозяина, вторая — на участке соседа, или нынешняя граница между огородами пересекает древний фундамент по диагонали, в одном саду стоит обвитая плющом чудом сохранившаяся величественная мраморная колонна, в другом — богатый, может быть, даже царский древний саркофаг, ныне используемый как сарайчик для хранения садового инвентаря. Миллионы людей до нас уходили в мир иной, если он, конечно, существует, с такими же, как ныне, болезнями и мучениями, но словно этих мучений и страданий человеку было мало — он уничтожал себя в бесконечных, сменяющих одна другую войнах. Зачем эти миллионы приходили в этот мир? Каков смысл их страданий? Копятся ли где-то эти страдания, чтобы потом при какой-то их концентрации превратить мир в иное измерение, измерение доброты? Или, наоборот, печальна участь Земли, она, превращённая в многослойное кладбище цивилизаций и человеческих страданий, при перенасыщении их погибнет, как, может быть, в своё время погибла или специально была уничтожена жизнь на Марсе и на других планетах? Неужели Земля действительно не детсад, не школьный класс, в котором мы учимся жить, а что-то вроде концлагеря для преступников или закрытый пансионат для безнадёжных душевнобольных? Или многовековая, с самого начала появления на Земле человека, цепь бесконечных войн, страданий — своеобразная школа, в которой каждое поколение начинает учиться заново, как бы с первого класса, и потому ошибки, страдания одного поколения не становятся уроками для следующего? И так из века в век. Только этим можно объяснить, почему уроки прежних поколений, народов, цивилизаций не стали нам уроком. Может быть, потому человечество не взрослеет нравственно? Может быть, мы действительно в подготовительном классе, и по этой причине беспрерывно рушатся государства, политические системы и даже

цивилизации. Они словно дома из песка в детской песочнице? Может, в принципе на Земле ничего разумного невозможно построить?..

Жить с этим чувством-догадкой очень трудно. Нужно перейти какой-то рубеж, чтобы смириться. Рубеж, какой, наверное, переходят, принимая монашество, обрубая даже мечты о земном счастье. Но я не могу переступить этот рубеж, это против моей сути. Видимо, чтобы человек созрел для этого, Всевышний в качестве урока посылает ему страдания и неизлечимые болезни.

У меня на Земле больше не было духовной опоры, и в то же время меня не прельщал другой мир, в котором мы якобы бессмертны. И теперь здесь, в Великой Сирийской пустыне, я особенно почувствовал ненужность, бессмысленность своей жизни без тебя. Если бы это было возможно, если бы это спасло тебя, я теперь жил бы только для тебя и этим вернул бы смысл своей жизни. Только теперь, когда уже поздно, я понял, почему мы, каждый по-своему любившие друг друга, так и не нашли общего языка. Ты забыла простую заповедь: «Да убьется жена мужа», хотя смысл этой заповеди совсем не в слове бояться, а я, мучимый гордыней, не умел прощать.

В горном ущелье в деревне Малюле я молился о тебе в монастыре Св. Фёклы первого века христианства, где службу ведут ещё на древнеарамейском языке, языке Иисуса Христа. А за день до этого на высокой горе в монастыре Седнайя я за тебя молил Бога и Божию Матерь у её чудотворной иконы, которую, по преданию, писал сам Св. апостол Лука. Я, видимо, не верующий сердцем, но только умом знающий, что чудо существует, как и знающий то, что мы его с тобой не заслужили, на чудо всё-таки надеялся. Из монастыря Св. Фёклы я привёз тебе святой воды, по каплям собирающейся в скале, а ты по ошибке полила ею комнатные цветы, чем привела меня в полное отчаяние...

До свалившейся на нас беды мы жили вместе, но каждый сам по себе. И, как я теперь понимаю, каждый в своей гордыне, каждый в своей пустыне. Ты не могла что-то перешагнуть в себе и не только не освободила меня от одиночества, но и, приняв его в штыки, усугубила его. Ты поняла его как вызов тебе, как нелюбовь к тебе, как я ни пытался объяснить обратное. И, оскорбившись, ещё больше замыкался в себе, а ты ещё больше подозревала, что моя душа где-то в другом месте. Потом, после твоей смерти, на обрывках бумаги я буду находить твои или чужие, но созвучные твоей душе стихи:

*Ещё надеюсь и терплю,
А сил отпущено так мало.
В тревожной суете вокзала
Слова прощальные ловлю.
Чужие, не твои черты,
Чужие, не родные руки.
В глазах — прелюдия разлуки.
И я — не я, и ты — не ты.
И всё оборвалось. Как сон...
И в грустной музыке рассвета
Мне хочется кричать об этом,
Но в горле застывает стон...*

Я стоял посреди Великой Сирийской пустыни и замороженно смотрел, как, рождаясь на моих глазах, мимо меня немо и замедленно шли друг за другом на восток пыльные смерчи, в ту сторону, куда вела раскалённая лента асфальта и где в какой-то сотне километров отсюда шла страшная война...

В Великой Сирийской пустыне пришла мысль: если Россия — душа мира, что будет с миром, если погибнет Россия?..

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Через красивое зелёное ущелье, выехав утром из Сирийского города Алеппо, через какое-то время мы поднялись на высокую, поднимающуюся над всей окружающей местностью гору — к бывшей обители Симеона Столпника. Разрушенный храм на месте столпа, на котором постепенно, сантиметр за сантиметром возвышая его под собой, 37 лет взывал молитвами к Богу Симеон Столпник — днём и ночью, знойным иссушающим летом и студёной горной зимой, стремясь уйти от человеческой тщеты и приблизиться к Всевышнему. Сначала его считали сумасшедшим, а потом возвели в ранг святого. Это было полторы тысячи лет назад! И все эти полторы тысячи лет люди со всей планеты идут и едут сюда, чтобы понять, что двигало этим человеком. И вот я тоже, снедаемый бедой и попыткой понять смысл жизни, оказался здесь. Правда, ещё неделю назад я ничего не знал о Симеоне Столпнике. Слышать — мельком слышал, конечно, даже читал, но глубоко не задумываясь о смысле этого подвига или безрассудства. Ничего просить я здесь не собирался, я был просто попутчиком людей, которые ехали, а потом шли вверх на гору. Я пытался понять смысл 37-летнего стояния на камне, но не мог. Как не понимал и не принимал смысла юродства, хотя сам, может, в какой-то мере по жизни юродивый.

Я прикоснулся рукой к остаткам (бывшего полторы тысячи лет назад, кажется, двенадцатиметровым) каменного столпа. Время и люди, растаскивающие его (верующие в его святость — как святыню, не верующие — на сувениры, укоротили его до полутора метров. Мой спутник припал к нему лбом. Его глаза светились радостью, что он, наконец, оказался здесь, а я не понимал всего этого, я не хотел врать ни себе, ни ему. Зачем рваться в небо, по крайней мере, раньше времени, с этой прекрасной Земли? Может, Симеон действительно был всего-навсего сумасшедшим? Ослепительной синевой сияло небо, внизу под нами лежала долина, где паслись стада, желтели поля, зеленели оливковые рощи. Словом, земной рай, жить и жить бы тут, но почему-то присутствие этого столпа мешало ощущению райской идиллии, почему-то трудно было оставаться здесь надолго. И в то же время хотелось остаться здесь навсегда.

Что за тайну-истину Симеон открыл за 37 лет стояния на камне? Почему люди вот уже полторы тысячи лет идут к нему? Может, потому и идут, что тайна так и осталась тайной, а люди ищут тайный смысл в пустоте?..

Может, действительно он был душевнобольным? И что значит душевнобольной? Может, душевнобольной как раз и есть самый нормальный?

Я смотрел сверху вниз: по тропинке в гору медленно поднимаются к Симеону Столпнику паломники — одни, чтобы попытаться ответить на извечные вопросы, другие в надежде, что он поможет подольше остаться на этом свете. Среди них больные, увечные, ибо считается, что одно прикосновение к столпу излечивает от многих болезней, в том числе душевных. Шли верующие и сомневающиеся. Он же, может, просто хотел уйти от человеческой суеты и тщеты. Может быть, это было великой жертвой? А может, обыкновенной гордыней и желанием такой жизнью обратить на себя внимание Бога и тем самым приблизиться к Нему? На вершине самого высокого в окрестности холма он начал строить свой столп, который постепенно вырос на 12 метров. Бесконечная молитва днём и ночью, в ясную погоду и в дождь, в пыльную бурю и в жаркий раскалённый день, в холодную сирийскую зиму. Но не было ли строительство столпа похожим на строительство Вавилонской башни?

— Прикасаемся и прикасаемся к останкам Столпа и думаем, как мог святой Симеон 37 лет пробыть на Столпе? А ведь он неустанно возносил к Богу свою молитву. Многих спас. Какая сила воли, духа! Мужество! Благодать, сошедшая свыше! Дар Божий! — на обратном пути проникновенно говорил мой спутник.

А я молчал. Хотелось спросить: кого он спас? Каким образом? Я, низменный червь, не мог представить, как можно не мыться хотя бы раз в месяц. Неужели святость исключает элементарную чистоту тела? Не самообман ли всё это? И если мой спутник уходил с холма просветлённым, то я ещё более смятенным. Я не понимаю смысла этой жертвы, самоистязания. Нужна ли такая жертва Богу?

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Надо признаться себе, что наша вера в Господа неглубока, или её вообще нет, она не идёт дальше того: а вдруг поможет?

Включаю телевизор. Как бы в подтверждение моей мысли драматург Александр Володин, отмечающий своё восьмидесятилетие: «Раньше, пока я был здоров, Бог мне был не нужен».

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

После Сирии я оказался в Черногории — с незабвенным моим другом и великим православным подвижником, скульптором Вячеславом Михайловичем Клыкковым. Не знаю, он ли попросил или предложили наши черногорские друзья, но 12 мая, отложив все другие дела, мы поехали в вырубленный высоко в горах в отвесной скале монастырь Святого Василия, как оказалось, в день его преставления.

Какие только чудеса исцеления за Святым Василием не числились! От автомобильной дороги узким и крутым восьмикилометровым серпантинном над пропастью мы поднимались к монастырю, обгоняя обременённых тяжёлыми болезнями паломников, некоторые весь этот путь от автодороги, прося исцеления, шли уже который день на коленях...

Прижавшись лбом к холодной стене-скале храма, я и здесь просил за тебя...

Мог ли я предположить, что это последняя наша совместная дорога со Славой? Только так, не иначе Вячеслава Михайловича Клыкова любовно называли теперь уже в бывшей Югославии. Мог ли я предположить, что его изнутри тоже пока ещё тайно съедает проклятый рак и что ему осталось жить всего полтора года... Ему не зачёлся ни памятник игумену всея Руси Сергию Радонежскому в России и Сербии, ни памятник Николаю Чудотворцу в России и в Италии, ни памятник святой великомученице Елизавете Фёдоровне, ни памятник Пресвятой Богородице здесь, в Черногории, открывать который мы сейчас прилетели, ни памятники другим православным святым, ни весь его титанический подвижнический труд во славу Божию и России, ни восстановленный храм на месте погибшей родной деревни, которую он мечтал возродить и собирался первым поставить там дом, и которую теперь без него никто не возродит. Неужели он, у кого на Земле осталось столько незавершённых дел, и который был так нужен тут, потому что в России осталось мало подобных ему людей, более был нужен там? После тройных похорон в один год: сестры, матери и тебя — у меня не хватит душевных сил поехать на его похороны. Потом я буду оправдывать себя, что по воле Божией, а скорее, по его воле мне не нужно было видеть его в гробу, он должен остаться в моей памяти сильным, мощным, несокрушимым. Я соберу душевные силы поехать только на его годовщину: прекрасный, белокаменный, поставленный им по собственному проекту храм одиноко стоял на пустыре, на месте погибшей деревни в окружении заброшенных полей и рядом — его одинокая могила... Неужто

Господь был против, чтобы возродилось хотя бы одно село — в пример другим, как символ возрождения поверженной России?

Теперь я думаю, может, тогда Слава сам попросился поехать к Святому Василию? Может, он уже тогда всё знал о себе? Вспоминаю, как он долго, более часа, на коленях молился перед образом святого. Ведь первый его приступ, когда в мастерской ночью он упал с лесов, а мы посчитали, что это просто от переутомления, случился незадолго от этой поездки.

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Хоть что-то сделать для тебя, хоть как-то уменьшить, сгладить свою вину перед тобой, хоть как-то оставить тебя на этом свете в памяти других, кроме меня, даже после меня, раз у нас нет детей, я посвятил тебе один из своих последних рассказов — о странном сорочонке Тишке, вдруг возлюбившем меня: стоило мне приехать на дачу, он откуда-то прилетал, безбоязненно садился передо мной или даже мне на плечо и что-то лопотал и лопотал, словно предупреждал о чём-то. Я позвонил в Москву в издательство, чтобы успеть в корректуре поставить посвящение. Успели, как и успели прислать книгу. Я оставил её у тебя на подушке — как бы случайно на открытой странице с посвящением.

Ты (по крайней мере, внешне) осталась к этому равнодушной. Что-то хотела сказать, но промолчала...

Таким образом я попытался хоть как-то искупить свою вину перед тобой, хотя она была неискупима, и удержать память о тебе на этом свете...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Где-то после Нового года позвонила моя единственная сестра: перенесла операцию, что-то с печенью, чувствует себя всё равно плохо. В своих печальных заботах я не придавал этому серьёзного значения: после операции всегда чувствуют себя плохо. Оказалось, что родственники скрыли от неё, что у неё рак, и одновременно скрыли это и от меня, полагая, что мне хватит и твоего рака.

С моей сестрой ты дружила и по телефону тоже успокаивала её.

Но летом позвонила племянница, сказав, что у сестры дни сочтены. Я, не откладывая, поехал, от сестры ничего не осталось: кожа да кости, лимонно-жёлтая, высохла даже больше, чем ты, на лице ясная печать смерти. Но, в отличие от тебя, она верила до последнего часа, что выздоровеет, потому что не знала, что у неё рак, что она обречена. Она с удовольствием поела выращенных тобой помидоров, которые я привёз...

Как она смотрела в окно, провожая меня: перед тем, как сесть в машину, я оглянулся и встретился с ней глазами, глаза её знали, что она обречена, что мы видимся в последний раз, а она не знала. Я отъехал за угол и долго стоял, прежде чем выехать на автостраду... Когда я через неделю приехал на похороны, мне рассказали: «Постеснялась попросить тебя, чтобы ты забрал её с собой в свой город, она верила, что если бы ты забрал её в областную больницу, её непременно бы спасли...»

Когда позвонили и сказали, что моя сестра умерла, неожиданно опередив тебя, и тоже от рака, ты совсем замкнулась в себе и печально успокоилась. Ты поняла, что никакого чуда не произойдёт, что очередь за тобой...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ С ТОБОЙ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты упорно, с трудом держа лопату, копалась в огороде. Ты надеялась, что не можешь умереть, пока в саду, который был твоим детищем, не закончишь все предосенние работы...

Ты уже с трудом ходила. Без слёз не могу вспомнить, как ты собирала последние в своей жизни грибы: уже спотыкаясь, с некогда моей клюшкой, которую купили много лет назад — после травмы в горах я перенёс операцию на ноге по поводу остеомиелита. Потом я хотел клюшку выбросить, а ты меня остановила: может, ещё пригодится. И вот пригодилась. Еле передвигая ноги, с трудом ты вышла за ворота в берёзовую рощу. Корзину держать в руках ты уже была не в силах, потому взяла пластиковый пакет и уже через полчаса вернулась с полным аккуратных, один к одному, молодых сырых груздочков. Какой гордостью и какой печалью при этом светились твои глаза: сосед-грибник только что до тебя прошёл рощей и ничего не нашёл. Зачем тебе был нужен тот свет, даже рай?!

Это была, кажется, твоя последняя поездка на дачу. Уже за несколько дней до неё ты то и дело напоминала мне, что по пути нужно будет обязательно заехать в магазин «Дачник» и кое-что купить. Спотыкаясь, опираясь на клюшку, неестественно возбуждённая, неестественно громко разговаривая, ты ходила по магазину и выбирала разные мелочи, которые тебе дома, в саду понадобятся не сегодня, и даже не завтра, а через месяц, через два, может даже только на следующий дачный сезон, таким образом ты надеялась продлить свою жизнь: раз ты купила эти вещи, не может же быть, что они останутся неиспользованными, напрасно купленными?!

Так всё это и лежит до сих пор в фирменном магазинном пластиковом пакете...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

После очередной химиотерапии у тебя случился микроинсульт, но дежурила в ту ночь твой лечащий врач, её вовремя позвали, и она успела вытащить тебя с того света. Я узнал об этом на следующий день к вечеру, в больничный тихий час, приехав навестить тебя. Ты уже даже улыбалась, хотя улыбка получилась жалостливой, потому как рот после микроинсульта как бы съехал набок. Ты попросила съездить на дачу, привезти тёплый фланелевый халат, в своё время в спешке оставленный там, а заодно проведать собак:

— Вчера они что-то снились мне...

Приехал на дачу, открываю ворота. Вышел встревоженный сосед:

— Что-нибудь случилось? Ночью вдруг завыли все три собаки, и мы никак не могли их успокоить...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ...

Было прощённое воскресенье, мы оба знали, последнее в твоей жизни. Я встал перед тобой на колени:

— Прости меня, Воробышко?! — хотя знал, что прощения мне не может быть, что ничего уже невозможно изменить.

— Я тебя давно простила! — опустила ты руки на мою грешную голову, мягко вороша волосы, и мне стало немного легче и гораздо горше, наверное, мне было бы легче, если бы ты меня не простила, тогда бы получалось, что в моих глазах ты приняла бы на себя часть нашей общей вины. Не знаю, простила ли ты на самом деле или постаралась успокоить меня, ведь всё равно уже ничего не изменить.

Неужели все наши страдания были только для того, чтобы мы, в конце концов, друг друга поняли и друг друга простили? Ради чего? Ради будущей жизни, в которой мы встретимся, и всё у нас будет иначе? Мы как бы повторим свою земную жизнь, только уже без ошибок?..

Только однажды, измученная страданиями, а главное страшными безысходными мыслями, ты не сдержалась: «Ты оставил меня бездетной. Ты лишил меня счастья материнства».

Это было не совсем правдой, это было совсем неправдой. В старое время я бы взорвался и наговорил бы кучу возражений, в том числе несправедливых, что, наоборот, ты оставила меня бездетным, а сейчас покорно встал перед тобой на колени:

— Воробышко, теперь уже поздно. Теперь мы должны жалеть друг друга, хотя бы потому, что я тоже живу на пределе. И ты меня пожалей хотя бы только потому, что может получиться, что я не выдержу и умру раньше тебя. И хоронить тебя придётся чужим людям.

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ...

Я настаивал на соборовании. Ты не то чтобы противилась, но всё временила, потому что считала, что соборуют уже совершенно безнадежных, перед самой смертью, а ты всё ещё надеялась на чудо, в тебе ещё теплилась надежда, надежда на Матерь Божию, что она услышит тебя.

— Я всё поняла, всё осознала, всех простила, но дал бы Бог хоть немного пожить на Земле. Я никому бы не мешала, жила бы на даче с собаками. Копалась бы в земле, кормила птичек Божиих, — в который раз повторяла ты. — Я тебе не мешаю?

— Ты что? — обнял я тебя, пряча слёзы.

Я ожидал, что священник будет говорить об ином мире, о душевном приготовлении к нему, а он неожиданно стал говорить о надежде, что бывает чудо, когда при раке люди встают со смертного одра, что надо надеяться.

Я стоял позади него потрясённый: зачем? Зачем он обманывал её? Неужели в этом обмане смысл соборования?

Меня и раньше смущало, что этот священник, статный и благообразный, на поведении в церкви говорил очень красиво, несколько артистически, прихожанам, особенно прихожанкам это нравилось, но меня почему-то как раз эта красивость смущала...

Священник отказался от денег. Потом он приехал на отпевание тебя в чужой для него храм — помочь местному священнику, и опять отказался от денег.

Я позвонил ему через год, хотел попросить отслужить литию на твоей могиле, и узнал, что он в очередной раз сорвался, запил (об этом его недуге я не знал), и владыка в наказание отправил его служить в какой-то отдалённый сельский храм: село всё стерпит...

Почему-то у меня из головы не выходит этот священник: добрый, хороший человек, но почему-то мне тогда подумалось, что он, может, меньше меня верует в Господа Бога и в нашу загробную жизнь, может, потому и запил...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Это было уже после последней, по сути напрасной, ещё больше измучившей тебя процедуры химиотерапии. Врачи понимали это, но не делать её не могли, иначе их могли бы обвинить в том, что они не сделали всё возможное, и надзирающий орган или я могли бы подать на них в суд. Это одна из страшных тайн онкологии, как и медицины вообще, когда некоторые, как правило, очень дорогостоящие лекарства или процедуры предписываются больному и даже обязательны (и лечащий врач при всём своём желании никак не может противостоять этому) только потому, что на

производстве этих зачастую бесполезных препаратов жирует вкупе с медицинскими чиновниками международная мафия. Даже став безнадежно больными, когда уже можно и нужно отбросить в сторону все условности и отдаться родным и молитве, мы, оказывается, не имеем права порвать с навязанным образом жизни, продолжаем идти на поводу у медицины и социальной службы: иначе не оплатят больничный, иначе нам не выплатят пенсию, иначе... И продолжаем без сопротивления катиться по проложенному руслу к неминуемому концу, когда, казалось бы, бросить всё и попытаться в одиночку, наперекор течению поплыть к нужному берегу жизни. Тогда, может, был бы хоть один шанс из тысячи, из миллиона...

Ты была уже без волос после облучения — в парике. Ты была, как безнадежная, выписана из клиники, перед этим посажена на наркотики, которые, по утверждению врачей, или кто из чиновников придумал для красивой отчётности это изуверский термин, улучшали «качество жизни» (врагу бы не пожелал!), с воспалёнными и естественно расширенными глазами от этих наркотиков и от того, что опухоль, отрывнувшаяся, как и предсказал в своё время оперировавший хирург, в мозг, давила на них изнутри. Как я подозревал, она изначально была там, я снова и снова вспоминал упавшую на икону неосторожную свечу: может, это было предупреждение нам? Правда, под воздействием курса радиотерапии опухоль в мозге в последнее время вроде бы локализовалась, даже уменьшилась, это хорошо было видно на рентгено снимке, и даже у лечащего врача вопреки всему появилась надежда на лучшее. Она привязалась к тебе, даже подружилась с тобой. Она дала мне записку известному профессору-нейрохирургу для консультации на предмет возможной операции, а ты, беспредельно уставшая и уже смирившаяся с судьбой, совсем не обрадовалась этому, потому что это не обещало ничего, кроме новых страданий:

— Я уже не вынесу операции, уже нет никаких сил... Может, смириться?..

Я промолчал, уже не зная, кого больше жалеть: тебя или себя, представив впереди очередной круг мучений. Но к вечеру ты уже твёрдо решила, что пойдёшь и на эту операцию. Ты по-прежнему страстно хотела жить или хотя бы сколько-нибудь продлить жизнь. Но в последние дни ты стала жаловаться на сильные боли в позвоночнике. Лечащий врач назначила тебя на рентгено снимок. И по тому, как на следующий день, беспредельно уставшая от очередной тяжёлой операции, выйдя из рентгенокабинета, она хмуро, к тому же опустив глаза, пробежала мимо нас, сидящих в коридоре в ожидании результата рентгено скопии, я понял, что дела наши плохи, а ты этого не замечала, жила надеждой. Потом лечащий врач под каким-то предлогом отозвала меня в сторону и сказала, что у тебя уже весь позвоночник поражён метастазами. Я видел, что это было ударом и для неё...

Мне потом говорили: вам повезло, что попали к этому врачу. За её внешней сухостью кроется добрая душа, а в раковом центре держать себя иначе нельзя — сам сломаешься. Ещё про неё рассказывали, что она буквально вытащила с того света больного, а потом вышла за него замуж. Теперь он, инвалид, терроризирует её и их общую дочь. Не знаю, так ли это на самом деле. Однажды ты попросила меня подвезти её до дома и обратно: ей нужно было срочно забрать какие-то документы. Я поразился разительной перемене в ней. Вне стен ракового центра она была совсем другая: никакой сутулости, очень красивая, смущающаяся, с очаровательной улыбкой. Потом я ещё несколько раз подвозил её домой или до травмпункта, когда она подвернула ногу и была на больничном, потому что обнаружили трещину в лодыжке, но она всё равно ходила на работу, потому что ей не на кого было оставить своих больных. Мне было легко и приятно с ней, мы как бы подружились, в такие минуты мы говорили с ней о чём угодно, только не о твоей болезни, а если всё-таки разговор заходил

о тебе, то опять-таки безотносительно к твоей болезни, словно ты была здорова. Она вела себя так, словно между нами не стояла твоя близкая смерть. Она познакомила меня со своей дочерью, студенткой мединститута. Словом, у нас сложились добрые отношения.

Ты, видимо, заметила это. Потому что однажды неожиданно сказала мне:

— Мне кажется, вы симпатичны друг другу. У неё судьба не сложилась. Я была бы рада, если после меня вы нашли бы дорогу друг к другу.

После этого разговора я невольно задумался. Да, она мне была симпатична. Молодая, красивая, сильная женщина. Но как жить с ней, каждый день встречающейся со смертью?! Как только я вспоминал, кто она по профессии, что она каждый или почти каждый день имеет дело с безнадежными раковыми больными и определяет людей на тот свет, у меня замирала душа. Она будет опаздывать с работы, а я буду думать, что в этот момент у неё кто-то умирает. Моего мужества и на несколько месяцев не хватит жить с такой женщиной. Или я должен буду в корне измениться и изменить своё отношение к смерти. Откуда в ней такие силы? И, наверное, нужно иметь особого устройства душу, чтобы добровольно стать раковым врачом. Или надо быть хладнокровным равнодушным роботом...

Раковый центр: сколько страданий видел он! Мы говорим о какой-нибудь церкви: эта церковь намолена, ей уже почти сто лет. А сколько молитв было вознесено к Господу здесь? Наверное, не меньше, чем в любой церкви! Старушка, старшая медсестра, пятнадцать лет назад должна была выйти на пенсию, но не уходит, и не только потому, что у неё маленькая пенсия. Она знает, кто когда умрёт, но с каждым ведёт себя так, словно он выйдет отсюда здоровым. Наивные подарки безнадежных больных, своего рода наивные взятки, которые ничего не изменят, врачи и сёстры берут. И это не цинизм: если не возьмут, значит, ты безнадежен или безнадежна. А раз взяли, значит, есть какая-то надежда.

Я не могу забыть, как лечащий врач оживлённо, даже смеясь, обсуждала новинки парфюмерии и моды с твоей очередной соседкой по палате, которую перевели сюда после операции из туберкулёзного диспансера, с виду вполне здоровой, розовощёкой, ещё молодой женщиной, которая в отсутствие меня ухаживала за тобой послеоперационной и очень жалела тебя. А потом я узнал от тебя, а ты не могла узнать ни от кого другого, как от лечащего врача, что твоя соседка не просто безнадежна, а что её дни сочтены, и вся её операция в тубдиспансере состояла в том, что разрежали и, убедившись, что лёгкие представляют собой сплошной раковый спрут, снова зашили, а она даже не подозревала об этом, ведь лёгкие не болят. Перевод в раковый центр ей объяснили знакомством мужа: лучшим здешним уходом за послеоперационными больными и наличием лекарств. Более всего в этой истории меня поразило, что врачи, держа в тайне от безнадежных больных их судьбу, делятся этой тайной с другими, столь же безнадежными больными. Не знаю, может быть, в этом есть какой-то психологический смысл: раз со мной делятся тайной безнадежного больного, значит, я не безнадежна...

Когда ты умерла, я позвонил лечащему врачу. Скорее всего, не нужно было этого делать, потому что каждый такой звонок был для неё, наверное, своеобразным укором. Но она всё-таки была для нас больше, чем лечащий врач, и потому я позвонил. Она в ответ сказала что-то невнятное. Разумеется, она не пришла на твои похороны, если бы она ходила на похороны всех своих пациентов, ей некогда было бы работать или она давно была бы в сумасшедшем доме...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Самое страшное, что у тебя произошли изменения в психике. Это была ты и в то же время уже не ты. Ты жила как бы в промежуточном состоянии между нормальными людьми и обречёнными. Ты говорила не иначе, как: «Мы, онкобольные; у нас, онкобольных...» Радовалась любой заботе или псевдозаботе государства о раковых больных. Радовалась и даже гордилась, что в магазине париков тебе сделали чуть ли не 50-процентную скидку. А я подумал, что магазин париков неслучайно обосновался недалеко от ракового центра, он в основном за счёт безнадежных раковых больных и существует. Парики богатые и бедные. Потому что рак косит людей независимо от благосостояния, но богатые и здесь пытаются показать, кто они...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю, как ты, уже с трудом сидя на постели, поддерживаемая подушками, с сестрой разбирала свои немногочисленные и недорогие украшения. Я никогда не баловал тебя ими, ты по скромности нашего бытия ничего не покупала, кроме дешёвых безделушек во время отпускных поездок, да и была равнодушна к дорогим украшениям. Я не мог без слёз наблюдать, как ты разбирала эти безделушки, но то и дело вынужден был проходить мимо. Как загорались твои глаза, когда ты вспоминала, в какой поездке что купила и, казалось, даже на время забыла про своё состояние, эти безделушки как бы возвращали тебя в прошлое, давали надежду, ты уходила в мир иной, если он был, а они оставались, так не должно было быть, а потом, когда всё было распределено, кому что отдать, долго молча смотрела в потолок, а потом долго и безутешно рыдала. И было бессмысленно тебя утешать...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Сначала ты, провозжая меня на работу, шла со мной до порога. Потом, уже с трудом вставая, лишь подходила к окну. Выходя на улицу, я видел тебя в окне на девятом этаже и долго ещё чувствовал твой печальный, выматывающий душу взгляд. И всегда представлял себя на твоём месте. Ты думала и о том, как я буду жить без тебя...

Но пришло время, когда ты уже не могла подойти и к окну. И мы общались только по мобильному телефону. И с каждым днём твой голос был всё слабее и слабее...

Я жил словно во сне, а точнее, словно в бреду, порой не додумываясь до самых простых вещей. До сих пор не могу себе простить, что не сообразил, не купил телефонный удлинитель и не поставил тебе на постель городской телефон. А потом выяснилось, что удлинитель я купил, но забыл про него. Когда тебе позвонила из-за границы твоя близкая подруга, ты не смогла с ней поговорить и в слезах, в отчаянии бросила мне в глаза:

— Ты даже такой мелочи не мог сделать для меня...

Я до сих пор не могу себе этого простить...

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты говорила уже с трудом:

— Не забудь, твои осенние туфли в шкафу, в самом низу. Скоро на улице будет холодно. В суматохе похорон можешь забыть. Избаловала я тебя, ты ведь даже не знаешь, что где лежит. И ещё боюсь, что ты однажды оставишь не выключенными утюг или электроплиту, как бывало не раз.

А это были твои чуть ли не последние слова.

— Не женись на первой попавшейся женщине, — глядя меня, низко склонившегося над тобой, по голове, прошептала ты, всю жизнь ревновавшая меня с основанием

и без основания. Ты заботилась обо мне, думала, как я буду жить, точнее, доживать без тебя.

Я молчал, ты не знала, что, если бы я встретил ту, единственную, которая беспредельно поверила бы в меня, я без сомнения давно ушёл бы к ней, а ты в результате, может, нашла бы своё счастье с другим, ведь твоей руки, даже когда ты уже была замужем, добивалось столько мужчин, но, увы, такую женщину я так и не встретил.

Ты ревновала меня всю жизнь, а жениться мне после тебя не на ком. Я никого не могу представить на твоём месте. А тебе всё казалось, что я только и ищу повода убежать от тебя.

— Может, Татьяна? — невесомо обняв меня, кажется, в последний раз своей уже бестелесной слабеющей рукой, с трудом прошептала ты о женщине, с которой, по твоему мнению, у меня был роман и которую ты ненавидела.

Я промолчал, хотя хотел сказать, что, кроме всего прочего, Татьяна давно замужем и что я никого не могу представить на твоём месте. Но почему-то промолчал, о чём жалею до сих пор.

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

В один момент я поймал себя на мысли, что жду твой смерти, что она, наконец, прекратит твои и мои мучения. Однажды ночью, когда ты потеряла сознание и стала, задыхаясь, метаться, я не вызвал «скорую», во-первых, зная, что это бесполезно, что она скоро не приедет и на мой вопрос, почему долго не приезжали, приехавший врач-студент будет с укором говорить, что к безнадежным раковым больным они едут в последнюю очередь, потому что нужно спасать тех, кого ещё есть надежда спасти. И по-своему они были правы. А во-вторых, если они и успеют приехать, тебе сделают поддерживающие сердце уколы, которые только продлят твою агонию... Ты жутко со стоном закричала, видимо, рвались сосуды мозга, а потом затихла, и я решил, что это всё, и уткнулся лицом в постель рядом с тобой, но ты вдруг открыла глаза и спокойно, не подозревая о только что случившемся, попросила пить, и я не решился рассказать, что с тобой было, и что я с тобой уже попрощался... Мне было стыдно перед тобой. И было горько за себя.

Ты после этой ночи жила ещё неделю.

ЖИЗНЬ ЕЩЁ ПРИ ТЕБЕ, НО ПОЧТИ УЖЕ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты знала, что твои дни уже сочтены, но до какого-то времени всё ещё надеялась на чудо. Ты уже не верила врачам, но истово продолжала верить в Матерь Божию, что она не оставит тебя. Ты истово молилась её Иконе-Всецарице в надежде, что Она даст тебе возможность ещё хоть немного побыть на этом свете, чтобы, никому не мешая, копаться в саду-огороде, ухаживать за бездомными собаками. Ты молилась дома, ты молилась в церкви, сколько хватало сил, куда, когда тебе становилось полегче, я тебя отвозил всё к той же Иконе-Всецарице, которая якобы в некоторых случаях, когда человек осознал свои грехи, исцеляет даже безнадежных раковых больных, но всю службу ты уже выстоять не могла.

Как ты до самых последних дней хотела жить! Боже мой, как ты хотела жить: смиренно, тихо, никому не мешая! Не раз, возвращаясь домой, я заставал тебя на коленях перед этой иконой, шепчущей молитву: «О Пречистая Богоматерь, Всецарице! Услыши многоболезненное воздыхание наше пред чудотворною иконою Твоею, из удела Афонского в Россию принесённого, призри на чад Твоих, неисцельными недуги страждущих, ко святому образу твоему с верою припадающих!.. Прости руце Твои, исполненные исцеления и врачбы, Радосте скорбящих, в печалех Утешение, да

чудотворную помощь скоро получив, прославляем Живоначальную и Нераздельную Троицу, Отца, и Сына, и Святого Духа во веки веков. Аминь».

И только в самые последние дни ты стала равнодушной ко всему, молча часами, замкнувшись в себя, смотрела сквозь оконное стекло в небо. Что ты видела там? Ты пропускала мимо ушей даже мои сообщения о твоих любимых собаках. Тебя в этом мире, на этой Земле, кажется, уже ничто не интересовало.

Неужели ты мыслями и душой уже была в ином мире?

Только страшные боли заставляли тебя время от времени звать меня и просить, чтобы я поднял тебя выше на подушки, или, наоборот, убрал из-под головы одну из подушек.

— Господи, забери меня, я больше не могу, — не в силах больше терпеть боль, прошептала ты однажды.

Кажется, через неделю или чуть больше после этого Господь и забрал тебя, может, посчитав, что ты, наконец, созрела для того, чтобы без жалости проститься со всем земным. Неужели обязательно нужно человека физическими и душевными страданиями довести до такой степени, чтобы ему жизнь на Земле стала невыносимой, и чтобы после всего этого он сам попросился в мир иной, независимо от того, есть он или только придуман? Неужели столько времени Господь ждал от тебя этой просьбы? И, как только дождался, забрал тебя к себе?

А было это так. Шла вторая половина августа, ты, как обычно, неподвижно и молча глядя в окно, в синеву неба без единого облачка, вдруг, не повернувшись ко мне, но зная, что я рядом, прошептала, словно прочитала там, в небе:

— Это случится в конце августа или в начале сентября.

Это случилось 5 сентября в 4 часа дня...

Ты смотрела вроде бы на меня, но в то же время, не видя меня, куда-то мимо или сквозь меня вверх, словно пыталась там что-то увидеть или уже увидела..

Потом ты глубоко вздохнула и медленно, почти неслышно испустила дух. Я осторожно поцеловал тебя в губы, они не ответили — раньше они отвечали, даже когда ты была без сознания. Я приложил к твоим губам зеркало — оно не замутилось...

Трудно описать чувство, которое я тогда испытывал. Скорбь моя по тебе, казалось, уже давно вся изошла, осталась лишь жуткая усталость, но я знал, что потом скорбь снова вернётся и будет ещё безысходней, а сейчас я испытывал нечто вроде радости: нет, не от того, что ты, наконец, освободила меня от мучений, и даже не от того, что ты сама, наконец, отмучилась. А, глядя на твоё лицо, я испытал радость, что ты испытываешь сейчас. Твоё лицо менялось на глазах. Оно становилось спокойным и умиротворённым. Ты на глазах становилась моложе и поразительно красивой. Какой, наверное, была только в юности, какой я тебя встретил...

Каким молодым, прекрасным и одухотворённым стало твоё лицо через какое-то время после смерти: этому поразились даже врачи бригады бальзамирования, которые по роду своей профессии вроде бы уже ничему не должны удивляться.

Но это состояние держалось всего несколько часов, может, около суток...

Потом передо мной лежала в гробу уже не ты...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Я возвращался с похорон и поймал себя на мысли, что сейчас приду домой и расскажу тебе, кто был на похоронах. Кого мы совсем не ожидали видеть, кто, наоборот, не пришёл...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Пытаясь как-то осмыслить твою смерть, обложился святоотеческой литературой. Читаю:

«Одно из самых чудесных богослужений в Православной Церкви — это служба похорон. Она начинается словами, которые можно произнести только из глубины крепкой веры или напрягая все силы своего доверия к Богу: «Благословен Бог Наш». Благословен Бог на жизнь, но благословен Он и на смерть. Но вспомним: когда Христос стоял перед лицом своей смерти, Он сказал ученикам: «Если бы вы меня по-настоящему любили, то радовались бы за меня, ибо я отхожу к Отцу своему...» И мы перед гробом таинственно созерцаем величественную встречу Бога и человека, момент, когда завершается весь земной путь человека, и он приходит домой».

Не могу выразить своего отношения к этому жутковатому утверждению, что «одно из самых чудесных богослужений в Православной церкви — это служба похорон», душа моя и особенно разум сначала решительно не приемлют его, решительно встают против него, но я снова и снова вспоминаю твоё отпевание в церкви, необыкновенно торжественные, отдающиеся в сводах храма и в душе слова священника «Благословен Бог наш...», и то необъяснимое чувство, которое я испытал при этом, и вроде бы начинаю соглашаться с сим утверждением...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Читаю:

«В течение первых двух дней душа наслаждается относительной свободой и может посещать на земле те места, которые ей дороги, но на третий день она перемещается в иные сферы» (Архиепископ Иоанн (Максимович)).

«Святоотеческое предание сообщает, что Ангел, сопровождавший в пустыне святого преподобного Макария Александрийского, сказал: «Душа умершего получает от стерегущего её Ангела облегчение в скорби, отчего в ней рождается благая надежда. Ибо в продолжение двух дней позволяется душе вместе с находящимися при ней Ангелами ходить по земле, где она хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда возле дома, в котором разлучилась с телом, иногда возле гроба, в который положено тело, и таким образом проводит два дня, как птица, ища гнездо себе. А добродетельная душа ходит по тем местам, в которых имела обыкновение говорить правду...»

Конечно же, твоя душа посетила наш сад. Она не могла его не посетить, потому что в последние годы он был для тебя всем. Получается, что ты посетила его без меня. Я занимался похоронами, а ты в это время была в саду, потому что другого любимого места у тебя на Земле в последнее время не было. Разговаривала с деревьями, с собаками, от нашего бывшего огорода, который мы забросили, когда ты заболела, смотрела вниз в речную долину, на горизонт...

Может быть, ты не жалела, что меня нет рядом, может быть, я был лишним при этом прощании. Сад был тебе ближе, чем я, потому что он никогда тебя не предавал.

«Следует сказать, что эти два дня не являются обязательным правилом для всех. Они даются лишь тем, кто сохранил привязанность к земной мирской жизни, и кому трудно расстаться с нею и знать, что никогда уже он не будет жить в мире, который покинул. Но не все души, расстающиеся со своим телом, привязаны к земной жизни. Так, например, святые угодники, которые совсем не привязывались к земным вещам, жили в непрестанном ожидании перехода в иной мир, не влекутся даже и к местам, где они творили добрые дела».

Не знаю, почему-то у меня, верующего или стремящегося веровать в Иисуса Христа, нет благоговения перед этими святыми угодниками. Как это возможно: не любить Землю, на которой родился, как возможно не быть привязанным душой к Земле, если ты даже временный на ней?! Получается, что мы действительно на Земле только для исправления пороков, и она — не дом наш?

Нет, твоя душа обязательно посетила наш сад, дом, родник, прошла по только нам двоим известной тропе на электричку, увидела, что на деревьях появились первые жёлтые пряди...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Читаю:

«Души грешников претерпевают до всеобщего суда различные мучения как от угрызений совести, так и от злых духов, во власти которых они находятся. Если люди и умерли во грехах, но положили на земле начало покаяния и творили добрые дела, то по великому Божию милосердию, за молитвы их близких и родных души их будут возведены из ада.

Души умерших не лишаются своих чувств и не теряют расположений своих, то есть надежды, радости и скорбей, ожиданий всеобщего суда...

Жизнь душ грешных до всеобщего суда, по учению Православной Церкви, состоит, во-первых, в ясном и подробном осознании своих грехов, которыми они оскорбляли в сей жизни Бога. В угрызении совести, которая там пробудится со всей силой. Во-вторых, в мучительном томлении и тоске от того, что их привязанность к плотскому и земному теперь не может уже находить удовлетворения. А к небесному и духовному желание и вкус не раскрыты, и не могут они раскрыть их. В-третьих, в удалении от Бога и святых его, а вместо того — находиться в сообществе с другими, такими же нечестивыми и духами, и особенно со злыми духами, и испытывать другие действительные муки ада, что будет, впрочем, только началом и предвкушением будущих вечных мук...» (прп. Иоанн Кассиан).

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Читаю:

«Хотя душа и духовна, но она, как имеющая границы, сохраняет свою человеческую форму и по исходе из тела. Страдания ада передаются чисто духовными законами, которые для нас, облечённых плотию, не всегда объяснимы, но ощутимы. Если тебе доводилось испытывать некоторое томление души, оскудение жизни, то тебе будет частично понятно мучение души».

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

В последние месяцы мы общались с тобой больше по мобильному телефону: я звонил тебе из дома, когда ты была в клинике, я звонил с работы или с дачи, когда ты была дома. Зная, что я нарушаю всякие правила, и подозревая, что у меня едет крыша, в самый последний момент, перед тем, как закроют крышкой гроб, я незаметно положил тебе в ноги твой мобильный телефон...

И на другой день, и ещё несколько дней, замирая, набирал твой номер, в ответ было: «Телефон недоступен или вне зоны действия».

Потом мобильник замолчал.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты, конечно, помнишь: из каждой своей дальней поездки я обычно привозил несколько плёнок фотографий. Мы с тобой любили их рассматривать. Мне не однажды говорили, что у меня талант фотохудожника. Некоторыми фотографиями я действительно гордился. Когда ты умерла, я неожиданно для себя перестал фотографировать. А если даже — как бы по инерции — фотографировал, потому что не мог пропустить удачный кадр, то не печатал фотографии. Зачем? Кому я теперь всё это оставляю? Я не знаю, что делать со всеми прежними фотографиями. Уже безнадежно больная, ты хотела собрать их в альбомы, но не успела.

С неимоверной болью смотрю на твои фотографии последних лет, как правило, на даче: на лыжах, с собаками... Кому я оставлю их после себя? Может быть, самое страшное в том, что ты ещё в какой-то степени будешь жива, пока я жив. А потом твои фотографии вместе с моими выкинут как ненужный хлам, и ты вместе со мной затеряешься в земной безвестности.

Только теперь я понял, почему старые люди перед смертью сжигают свои фотографии, письма...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

В первый раз после твоей смерти в Москве. Ловлю себя на мысли, что нужно позвонить домой, отчитаться, почему не звонил весь день, чем раньше всегда тяготился. А звонить некуда и некому. Странное это ощущение, когда нигде на планете никто тебя больше не ждёт.

Полная свобода, которая не только не нужна, а даже страшна...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

На даче пошёл на родник за водой, хотя знал, что воды в нём нет, родник в этом году замолчал очень рано, ещё в конце августа, как ты помнишь, в прошлом году была сухая осень, снег лёг на мёрзлую землю, и ты переживала, что в саду вымерзнут деревья. Переживала, хотя знала, что умрёшь раньше них.

От родника смотрел вниз, в липово-осиновый распадок, где раньше у нас с тобой была зимняя тропа на электричку, очень аккуратная, потому что мы её и проложили и кроме нас с тобой по ней никто не ходил. В метели её не передувало. Местами тропу приходилось буквально прорубать, пропиливать через упавшие деревья. Зимой я обычно приезжал на дачу на день раньше, чтобы разогреть остывший за неделю, а то и за полмесяца дом. А наутро шёл к роднику встречать тебя, прихватив вёдра, чтобы заодно набрать воды. В вёдрах плавали, позванивали о края льдинки. Я ставил вёдра в снег и, вслушиваясь в лес, смотрел вниз на тропу, откуда ты должна появиться. И собаки вместе со мной выжидающе смотрели вниз на тропу, они вычуживали или выслушивали тебя ещё за поворотом, наостряли уши и радостно бежали к тебе навстречу. Радость была такой бурной, что они порой сваливали тебя в сугроб. А потом получалось, что я как бы встречал вас всех, и собаки так же радостно кидались ко мне, словно давно не виделись со мной.

Теперь тропу то здесь, то там снова перегородили упавшие деревья. По ней давно никто не ходит. Это была только наша с тобой тропа. Подобным ей будет наш след на Земле, пройдёт какое-то время, и никто даже догадываться не будет, что он был.

Уже ни Дружок, ни тем более Динка отсюда, из распадка, не встречали нас. Они родились позже, когда у нас появилась машина, и зимой они ожидали нас с противоположной стороны от Круглого леса, из деревни, где оставляли машину. Обычно мы спускались с горы на лыжах. Потому сейчас они недоумённо переводили взгляд с рас-

падка на меня, не понимая, что я там хочу услышать или увидеть. Ноги начинают подмерзать, вода в ведре затягивается ледком, а я всё стою и смотрю вниз, и такое чувство, что собаки сейчас наострят уши и с радостным лаем бросятся навстречу тебе, выходящей из-за поворота. Но от прежней тропы не осталось и следа.

Тропа, как и ты, осталась только в моей памяти. А когда я уйду...

Какое всё это имеет отношение к мировой истории?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Метался по стране, и в каждом городе, в каждом храме заказывал панихиду по тебе: в Москве, в Рязани, в Иркутске... Но легче не становится, даже наоборот... Моя вина перед тобой меня съедает...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Динка оценилась ещё при тебе: под верандой у Козлова, но об этом я узнал только после твоей смерти. В последние твои поездки на дачу ты всё гадала, куда Динка пропадает, обижалась на неё, подозревала, что та убегает, чуя твою смерть. После очередной химиотерапии она действительно сторонила тебя, её пугал резкий чужой запах, идущий от тебя, а точнее — из тебя. Увидев тебя, с трудом вылезаящую из машины после долгой разлуки, она радостно бросалась к тебе, а потом растерянно останавливалась как вкопанная, начинала пятиться назад. Она ничего не могла понять: перед ней была ты и в то же время уже не ты.

— Динка, неужели я уже пахну смертью? — сквозь слёзы спрашивала ты.

Динка боком, виновато опустив голову, кустами уходила в сосняк за нашим садом и больше уже не появлялась целый день. Ты очень тяжело переживала это, мы не подозревали, что она убегала к единственному щенку, хотя раньше приносила пять-семь щенков, и мы не знали, куда их девать.

Щенка обнаружили случайно, когда ему было уже месяца полтора. Динка почти перестала его кормить, и он, голодный, стал высовываться из-под козловской веранды. Но сразу же прятался, стоило кому-нибудь приблизиться, а забраться под веранду из-за узкого лаза было невозможно. До меня далеко не сразу дойдёт, почему Динка, чтобы оценить, выбрала место, до которого невозможно было добраться — чтобы мы никому не отдали её будущего единственного и последнего щенка. Раньше-то она щетинилась у нас под верандой. И мы не знали, что с диким щенком делать. Сторож Игорь нерегулярно кормил его, оставляя у лаза миску с едой. Потому щенок рос диким, рахитичным.

Он не привык к людям и потом, когда его всё-таки удалось извлечь из-под веранды и посадить на цепочку, при появлении людей он тут же прятался в конуре, и вытащить его оттуда можно было, только вытянув за эту цепочку. У нас и без него было три собаки, к тому же он был сучкой, и садовый сторож Игорь с моего согласия несколько раз пытался от него избавиться: договаривался в деревне, чтобы его забрали. Но каждый раз в самый последний момент, даже не увидев его, по какой-нибудь причине от щенка отказывались. Тогда Игорь затолкал его в мешок и унёс километров за пять в нижние сады. Но уже на следующий день щенок вернулся. Игорь унёс его в дальние сады, уже километров за восемь, он вернулся и оттуда. Перегрыз верёвочку, на которую его там посадили. И так он упорно возвращался каждый раз, и с какого-то времени, боясь очередного подвоха, перестал кого-либо подпускать к себе, ночами рыскал по садовым помойкам, благо, что летом на них было чем поживиться.

Потом Динка заболела. Когда я приезжал, поздоровавшись со мной, она тут же куда-то исчезала. Она ходила с горячей головой и гноящимися глазами, плохо ела. Однажды приехав, я вообще не обнаружил её. Такое бывало и раньше, и я не очень-то

забеспокоился. Но она не появилась и в следующую пятницу. Тогда я пошёл по всему садовому посёлку искать её, но никто её в последнее время не видел. Я понял, что Динки больше нет. Но я не нашёл её и мёртвой. Я решил, что она ушла умирать в лес. Мне кто-то говорил, что собаки, чуя свою смерть, уходят от человека.

Но потом пришёл Султанов, наш сосед через сосновую посадку, и сказал, что неделю назад похоронил Динку, что, приехав посреди недели, он нашёл её мёртвой у себя на участке около заколоченного лаза под веранду, где она двенадцать лет назад родила своих двух щенков-первенцев, и я по его просьбе перенёс их к себе, как ты любила потом говорить: принёс два ведра щенков. И ещё Султанов сказал, что за два дня до этого видел тебя вместе с Динкой во сне.

Неужели он видел тебя во сне в день Динкиной смерти? Неужели Динка, любившая тебя больше всех, ушла вслед за тобой? (Потом соседи говорили, что, если была бы жива ты, то обязательно бы её выходила, как выходила её раньше, щенком болевшую чумкой.) Неужели она действительно ушла вслед за тобой, как умерли вслед за тобой посаженные тобой цветы?

Даже Султанов видел тебя во сне. Почему ты ни разу мне не приснилась в то время как то один, то другой говорят, что видели тебя во сне? Сестра и то вроде бы один раз во сне окликнула, кажется, на годовщину своей смерти. Ты меня всё-таки не простила?..

А щенок так и жил у нас по-прежнему неустроенным, бесхозным, без имени. Когда я, в очередной раз приезжая, спрашивал о нём, сторож Игорь пожимал плечами: «Никто не берёт. Может, я ещё раз его поймаю в мешок, а ты по пути в город где-нибудь оставишь?» Но мне после твоей смерти не хотелось брать на себя такой грех.

Но однажды сторож Игорь пришёл с предложением: «Может, мы оставим её себе? Неужели не прокормим? И Султанов вон говорит: давай вместо Динки оставим. Может, она специально для нас свою дочь оставила?»

И только тогда меня осенило, и Игорь со мной согласился — Динка, обычно щенившаяся под моей верандой, специально спряталась в недоступном для нас месте, чтобы спасти щенка от нас, неразумных, чтобы мы не смогли его отдать в деревню или даже утопить. Она уже знала, что скоро умрёт, что это её последний щенок. И она таким образом сохранила его нам, неразумным, в продолжение своего рода и в память о себе и о тебе. И специально родила сучку, чтобы она со временем тоже могла стать продолжением рода. И у нас, троих, стало легче на душе. Но доверие щенка мы так и не заслужили: он подходил к миске с едой только ночью или тогда, когда мы далеко отходили.

Не стало Динки, и нас сразу обворовали: увели водяные баки из толстой нержавеющей стали, помнишь, которые в своё время я привёз с Урала со свалки оборонного завода. Ты, конечно, очень расстроилась бы, ты расстраивалась из-за всякой мелочи. А мне теперь как-то всё равно, хотя, конечно, жалко.

Щенок по-прежнему не подпускал к себе и не давался в руки. Он постепенно становился копией Динки, только, может, чуть поменьше: такие же стоячие острые ушки, такие же внимательные рыжие глаза. Да и проявились Динкины сторожевые качества: несмотря на то, что она по-прежнему пряталась даже от своих, она решительно облаивала чужих, а ночью вообще вела себя как настоящая сторожевая собака.

Так и не выбрав для щенка имени, я стал звать его Динкой, хоть и не принято давать клички собакам в память их матерей. Ты в шутку звала умершую за тобой Динку «Дикая собака Динка» — по аналогии с названием известной книги, хотя Динка была самой что ни на есть домашней собакой. А теперь у нас была действительно полуди-

кая собака Динка. Она подружилась с Дружком, который был ей старшим братом, можно было видеть, как они трогательно и нежно относятся друг к другу.

Полудикая собака Динка с некоторых пор стала осторожно подходить ко мне, брать даже пищу с руки, но сразу же отпрыгивала в сторону, стоило протянуть к ней руку при попытке погладить, и, что удивительно, когда я первый раз назвал её Динкой, она завиляла хвостом. Она согласилась с тем, что теперь это её имя. Она знала, что так окликали её мать. Ей очень хочется приласкаться, она с завистью смотрит, как ласкается ко мне Дружок, как я глажу его. Так ей хочется приластиться, что она повизгивает, но в самый последний момент её что-то останавливает. Ей понравилась большая конура Дружка, и по утрам я её обнаруживаю там. А Дружок был вынужден переселиться под веранду. Но погладить себя она так и не даёт. Хотя, когда я уезжаю в город, ей так не хочется расставаться со мной, она, в отличие от Дружка, который поел и забыл меня, выбегает на дорогу и печально, как в своё время её мать, смотрит мне вслед, а зимой, когда ухожу с дачи на лыжах, она на расстоянии пытается идти за мной до самой деревни, пока я не прикрикну на неё: «Домой!..»

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вчера приходил приبلудный, уже совсем старый пёс Рыжик, который каждое лето жил у нас, а на зиму, несогласный с полуголодной кормёжкой у сторожа, уходил на одну из соседних турбаз, как ты говорила, на заработки, где спал, скорее всего, в котельной, откуда по весне всегда приходил чёрный, в угольной пыли, с мокрым пузом, видимо, где-то по пути перебирался через талые ручьи...

С трудом грызёт кости. Ныл, скулил, убедившись, что тебя нет, на другой день ушёл.

Нет тебя... Кажется, это чувствуют даже деревья. Твои грядки быстро заросли травой, словно их и не было. Так бывает и с ушедшим человеком, только ты никогда не уйдёшь из моей воспалённой памяти...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Не знаю, попаду ли я когда-нибудь снова в Париж, но он навсегда останется для меня городом, в котором я прощался с тобой: ты ещё была жива, но в то же время тебя почти уже не было. Городом, в котором я жил со страшным чувством бесприютности и бессмысленности жизни, по крайней мере, своей...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Человеческое общество, по большому счёту, лишено сострадания к людям, оказавшимся на грани жизни и смерти. Оно торопливо, скрывая растерянность, а вслед за ним раздражение, что нарушен привычный бег жизни, отгораживается от них как от бестактно напоминающих о смерти и мешающих продолжать бездумно жить на Земле. Человек как частица общества, пока это не касается его лично, ведёт себя так, словно сам никогда не окажется в этом положении, более того, своим поведением он как бы пытается обмануть, прежде всего, самого себя, что ему это не грозит, хотя прекрасно знает об обратном. Иначе говоря, человек, оказавшийся на грани жизни и смерти, как бы отрицает земные цели общества, заставляет усомниться в них, и общество это раздражает...

Врачи и чиновники старались не выписывать тебе первую группу инвалидности, хотя знали, что ты уже безнадежна, что жить тебе по прогнозам врачей осталось не более полугода. Боялись, что ты обворуешь государство, которое хотело на тебе сэкономить. Так называемая комиссия ВТЭК имеет тайную и строгую инструкцию: выпи-

сывать первую группу в самый последний момент, чтобы платить эти жалкие крохи не больше месяца, двух. А ты поступила бесчестно по отношению к государству: протянула, промучилась ещё почти год.

Зато позже: тебя уже больше года не было на Земле, а я ежемесячно продолжал вытаскивать из почтового ящика строгие бумаги с требованием явиться для переосвидетельствования на группу инвалидности.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Золотая осень...

Сижу в саду на твоей лавочке у крыльца...

Падают перезревшие яблоки...

Вспоминаю...

Яблони цвели ещё при тебе. Ты ещё успела подкормить их. Первый раз дала плоды, и очень крупные, сочные, почти прозрачные, уральская наливная, которую мы с тобой в течение ряда лет пересаживали с места на место, пока, наконец, не нашли место около сарая, и она сразу пошла в рост. Но при тебе яблочки были ещё зелёные, а потом ты уже не ездила на дачу и даже попробовать их не могла, ты жила уже только на жидкой пище и на наркотиках. Для определения суточной дозы наркотиков тебя перевели в так называемое паллиативное отделение, разлучив тебя с лечащим врачом. Качество жизни!

Я думал, что паллиативное отделение — это тишина, музыка, покой, особенный уход, может быть, врач-психолог, а это две переполненные, словно селёдка в бочке, комнатухи, духота, равнодушные и хамоватые студенты вместо врачей. А в местной «Вечёрке» прочитал, что у нас чуть ли не лучшее в стране паллиативное отделение. Боже мой, что же тогда представляют собой другие подобные отделения и как у главного врача ракового центра повернулся язык хвалиться подобным?!

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Может, хорошо, что ты всего этого уже не увидела: как будут заброшены, зарастут чертополохом окружавшие наш садовый посёлок поля. От озера-старицы, которое «новые русские» отгородят от окрестных деревень, от всего остального мира глубоким, почти противотанковым рвом, на нас будет надвигаться так называемый элитный дачный посёлок, местная Рублёвка, забивший мусором поднимающийся по склону от озера берёзовый лес, в котором ты любила собирать грибы. Многоэтажные особняки новых хозяев жизни, словно ядовитые грибы, выросли на прежде духовитых полянах-покосах, где ты собирала цветы. Всё чаще в поисках работы или под предлогом поиска работы до нас добираются наводнившие элитный посёлок беспаспортные и полуголодные мигранты из некогда взятых Россией под своё спасительное крыло, а теперь брошенных на произвол судьбы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии... Пока они ведут себя тише воды и ниже травы, но я невольно вспоминаю Париж, в котором коренные парижане уже вроде изгоев... Может, хорошо, что ты уже не увидишь разрушения своего любимого мира, в котором мы уже чужие...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

Однажды в саду, уставшая от садовых дел, ты сидела на скамеечке около южного крылечка, оглядывая наш уютный, возделанный твоими и отчасти моими руками сад, и сказала мне:

— Лишь бы умереть не зимой, чтобы вам было меньше хлопот с похоронами. Ты, оказывается, постоянно думала об этом. Ты помнила, в какой жуткий январский мороз в 43 градуса мы хоронили твоего отца. Господь хоть тут услышал тебя...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Как я уже писал, незадолго до тебя умерла моя сестра Вера. Потом — мать. Но только когда умерла ты, я понял, что жизнь не только конечна, но, может, и бессмысленна, если ты в молодости наделал кучу непоправимых ошибок. И если даже ты совершил всего одну, но страшную ошибку. Но почему Господь не вразумил меня? Или он пытался вразумить меня, но я не понял Его вразумления? Я стараюсь представить твои последние мысли. Я пытался поставить себя на твоё место, и мне становилось стыло и жутко. Ни детей, ни даже племянников. Наш с тобой грех ещё в том, что мы оставили твою бездетную сестру без племянников, ей придётся доживать век без единого родственника. И ещё ты знала, что когда я умру, лягу не рядом с тобой, а, скорее всего, на своём сельском кладбище. Страшно подумать, чего ты только не передумала за последние свои три года: за спиной пустота, впереди — чёрная неизвестность.

Твои вещи. Мне больно их перебирать, я не знаю, что с ними делать. Раньше их отдавали в храмы нищим, теперь нищих нет, мы сами, по большому счёту, были нищими. Теперь магазины завалены дешёвой одеждой. Теперь больше нищих духом.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Господи! После тебя я снова, как в детстве, стал задаваться самыми простыми и в то же время самыми неразрешимыми вопросами, какие задаёт себе и другим только ребёнок. Зачем цветёт вот этот цветок, который, рано или поздно, если до этого времени его не сорвут, если его не сжует корова, всё равно завянет? Зачем миллионы лет течёт мимо меня эта река? Зачем Бог создал человека? Наделил его разумом, если это можно назвать разумом? В чём смысл мировой истории?

Зачем существует Вселенная, растения, другие живые существа, планеты, Солнце, если они тоже со временем погибают? Зачем существует само Время? Хотя без ощущения текучести Времени, наверное, жутко было бы жить. Но если где-то существует вечная жизнь, значит, там нет Времени?

Почему люди страдают и раньше времени умирают от неизлечимых болезней?

Кактус на моём подоконнике, странное колючее растение, цветёт раз в году и всего лишь сутки, благоухая необыкновенно тонким, нежным, влажным запахом. Для кого он цветёт? И почему только строго сутки, когда другие цветы цветут несколько дней, неделю, несколько раз в году, постоянно?

Почему на Земле такой жестокий мир? У каждого живого существа — свой враг. И всё это пытаются оправдать грехопадением человека.

Что является первопричиной войн и междоусобиц? Почему Господь разделил нас на народы, а не сделал единым народом? Неужели потому, что тогда мы натворили бы что-то ещё более страшное?

Утверждают, что смерть и вражда появились на Земле в результате человеческого грехопадения, но динозавры существовали задолго до появления на Земле человека, но и в их эпоху у каждого живого существа был враг.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Иду по городу. Этот дом при тебе был построен только на три этажа. А этот дом построен уже без тебя. И так весь город в моём сознании невидимым для других водо-

разделом делится как бы на две части: при тебе и после тебя. И всё, что происходило и происходит на Земле, — при тебе и после тебя.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Перед своей смертью (после того, как сшила мне два костюма) ты купила мне тёплый свитер, зимние сапоги. Очень переживала, что не успела купить хорошие осенние туфли... Ты думала, как я буду жить после тебя.

Господи! Если можно было бы хоть что-то вернуть, хоть какой-то кусочек жизни прожить иначе — в искупление вины перед тобой...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

В конце ноября, наверное, в последний раз в этом году, пока неглубокий снег, поехал к тебе на кладбище. На могиле — твоя фотография, на которой ты кормишь уток в озерке ниже Святых ключей, места явления Табынской иконы Божией Матери, куда мы ездили на несколько дней молиться. Тогда был тихий августовский день, природа ликовала и в то же время томилась предосеньем, и никак не верилось, что у нас с тобой впереди всего год, а может, и меньше: ты, светло-печальная, кормила уток хлебом, а я тебя фотографировал...

Ещё в октябре, когда выпал первый снег, я порывался забрать эту фотографию: зябко тебе в лёгкой блузке на ней, а студёный снег вообще закроет тебя с головой, но кто-то меня остановил, сказал, что с кладбища ничего нельзя забирать.

И сейчас вдруг — мурашки по спине, и по щеке побежала слеза: след какой-то зверушки из леса прямо на твоей могиле, минуя, обегая стороной другие могилы (то ли ласка, то ли молодая куница), прямо у твоей фотографии. Посидела около неё и ускакала обратно в лес. Неужели специально прибежала к тебе? Ведь ты любила всяких зверушек и птиц, жалела их. Ты даже противилась, когда я валил на дрова сухостойные сосны за нашим забором — нечем будет кормиться дятлам.

Я ещё раз проверил след, он действительно обошёл стороной все другие могилы...

И ещё: каждый раз, когда приезжаю к тебе на могилу, тут же прилетает какая-то птичка и начинает тенькать над ухом. Конечно, птички привыкли к тому, что пришедшие на кладбище кормят их, и, как только кто-нибудь появляется, они подлетают к нему. Но, тем не менее, точит мысль: а вдруг это ты, твоя душа что-то на птичьем языке говорит мне?

И, глядя на фотографию в снегу, я вспоминаю...

Это были, наверное, последние твои счастливые дни на Земле, если можно считать счастливым ожидание смерти. Но всё-таки мы с тобой были по-своему счастливы, но не ожиданием смерти и приуготовлением к ней, к чему нас упорно призывают святые отцы, а тем, что, несмотря ни на что, мы жили надеждой на жизнь: всё вокруг было так прекрасно, и всё это было создано Богом — для жизни же, а не для смерти! Мы приехали на Святые ключи, место явления чудотворной Табынской иконы Божией Матери, и ждали чуда. Не чуда смерти, а чуда жизни. Но у Бога, видимо, уже было всё решено. Видимо, мы не заслуживали прощения. А может, Бог решил, что мы заслужили только эти три дня счастья? Только три дня счастья с примесью ожидания твоей смерти и всё-таки — надежды. Потому нужно ценить не только каждый день, но и каждый час на Земле...

Белый храм на горе над Святым источником. Ты окуналась в его ледяную воду без всякого страха, наоборот, с великой надеждой, потому что надеяться теперь оставалось только на чудо. Черета тихих, перетекающих одно в другое, камышовых

с тёмной болотной водой озёр, в которых ты с руки кормила уток. Необыкновенно вкусный хлеб в соседнем посёлке Красноустьевске, который был основан как Богоявленский по явленной здесь чудотворной иконе, а ещё его называли Устьевом, но большевики переименовали в Красноустьевск. Почему-то они панически боялись слова «белый». За хлебом мы специально ездили по утрам, несмотря на то, что посёлок был за восемь километров от Святых ключей, и порой на обратном пути мы не замечали, что всухомятку, отламывая по кусочку, съедали всю буханку, такой он был вкусный, и с полпути приходилось возвращаться за ним, и нам это очень нравилось, и было так хорошо, что твоя смерть казалась невозможной.

Все три дня стояла удивительная погода: было ещё лето, но во всём чувствовалось томительное ожидание осени, какая-то тихая благодать разливалась в воздухе. Так, наверное, человеку нужно готовиться к смерти, если у него за спиной нет тяжёлого вороха грехов и если безоговорочно верить, что за порогом смерти будет продолжение жизни. Как за зимой снова приходят весна и лето. Но нас давил ворох прошлых грехов...

Самой чудотворной иконы покровительницы огромного пространства России от Волги до Тобола ни на Святых ключах, ни в храме её имени в соседнем селе Табынском, по которому она была названа, нет. Она с частью Русского народа — с Оренбургской армией атамана Дутова и десятками тысяч беженцев в Гражданскую войну ушла в изгнание, в Китай. Почему Всевышний попустил эту страшную русскую междоусобицу, в которой пострадали больше всего как раз ни в чём не повинные, не грешные? Страшны были все исходы русского народа того времени, но этот исход был особенно страшен. В воспоминаниях тоже вынужденного покинуть Родину историка и публициста, редактора журнала «Голос минувшего» С. П. Мельгунова я нашёл такое свидетельство: «Что сказать про тот «Страшный поход» Оренбургской Южной армии, по сравнению с которым даже большевистский повествователь считает другие эвакуации «увеселительными прогулками»?... С армией двигались десятки тысяч беженцев, которых косил голод, тиф. Те, кто не мог идти, оставались в ледяной степи на верную смерть. Их убивали по их просьбе друзья, родные. Общее количество ушедших, по свидетельству большевистских источников, колебалось от 100 до 150 тысяч, границу Китая перешли не более 30 тысяч человек...»

Икону берегли как зеницу ока. Вот что писал после перехода китайской границы через ледовый перевал Карасарык атаман Дутов своему соратнику, сербскому генералу Бакичу: «Дорога шла по карнизу и леднику. Ни кустика, нечем развести огонь, ни корма, ни воды... Срывались люди и лошади... Редкий воздух и тяжёлый подъём расшевелили контузии мои, и я потерял сознание. Два киргиза на верёвках спустили моё тело на 1 версту вниз, а там уже посадили на лошадь верхом, и после этого мы спустились ещё 50 вёрст. Вспомнить только пережитое — один кошмар! И, наконец, в 70 вёрстах от границы мы встретили первый калмыцкий пост. Вышли мы 50% пешком, без вещей. Вынесли только Икону, пулемёты и оружие...»

Не спасла Табынская Икона Божией Матери Оренбургскую армию, не спасла самого атамана Дутова, но стала духовной опорой в изгнании десяткам тысяч русских людей. Есть свидетельства, что она явила там многие чудеса. Или они были придуманы верящими в чудеса людьми, для которых Икона была единственной духовной опорой, связывающей с родиной? Следы Иконы потерялись во время так называемой Китайской культурной революции, когда храм, в котором она находилась, был разграблен и сожжён.

Спаслась ли чудесным образом Она? Спасена ли была самым не чудесным образом — загодя спрятана — одним из беззаветно верующих в Неё людей? Спрятана ли

была китайским чиновником от культуры на какой-нибудь склад? Если спасена, то хочет ли вернуться в Россию?

Поразительно, что акафист к Ней, уже ушедшей в изгнание, в своё время написал никому не известный юный иеромонах Иоанн, промыслительно освобождённый в Великую Отечественную войну по состоянию здоровья от фронта, и, скорее всего, от гибели в первом же бою, и который позже, в преддверии Нового Смутного времени, станет митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном, может быть, единственным источником света в Новую Русскую Смуту. А тогда, в юности, несмотря на свою монашескую покорность, он почему-то отказался изменить по повелению тогдашнего патриарха последние слова акафиста Иконе: «Всего мира Надеждо и Утешение». «Так надо, так будет!» — потупив глаза, твёрдо сказал он, словно, в отличие от остальных, он слышал глас сверху.

«Всего мира Надеждо и Утешение...» Что за тайный смысл кроется в этих словах?

Но почему мысли о Ней не дают мне покоя, перед её списком я всегда чувствую особый трепет. И я чувствую вину свою перед Ней, что Она по-прежнему бесприютна, где-то за пределами России.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Разбирая твои, теперь никому не нужные, бумаги, документы, определяющие твой гражданский и социальный статус, нашёл, не знаю, твои или, может, чьи понравившиеся тебе стихи, написанные твоим аккуратным почерком:

*Апрельское волглое небо
Подпёрто ветвями берёз.
В природе весенняя нега
И хочется счастья до слёз...*

*Сорваться с привычной орбиты
Извечных забот и проблем,
И миг ощущений забытых
Продлить, не считаясь ни с чем.*

И вдруг на обрывке бумаги нахожу, несомненно, твои, потрясшие меня, стихи — но уже неровным почерком твоих последних месяцев, над которыми я долго сижу, склонив голову:

*Мой дачный дом –
приют моей души.
Там исчезают вдруг
мои печали.
Там я –
как будто бы в начале,
а не в конце пути
с названьем «жизнь»...*

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Это было давным-давно, после очередной поры наших бурных и тяжёлых разногласий (теперь-то я понимаю: если бы у нас были дети, которые связывали бы нас в единое целое, всё было бы иначе), в пору примирения и короткого счастья. Я не помню, в каком это было году, но почему-то запомнил, что это было 19 октября.

У нас тогда, наверное, ещё не было машины, потому что мы шли на электричку, на висячий мост через аксаковскую реку Дёму, мимо лодочной переправы, которая к этому времени уже не работала. Спустившись с горы через урёмное чернолесье и перейдя нижнее поле (которое нынче тоже заброшено), мы, как обычно, в последний раз оглянулись назад и остановились, поражённые: наша поросшая берёзовым лесом гора в предвечернем солнце полыхала каким-то неземным золотом и багрянцем. Мы сотни раз видели свою гору отсюда, каждый раз, возвращаясь в город, в этом месте на краю поля непременно оглядывались на неё, душа не желала проститься с ней, но такой её мы не видели, кажется, ещё ни разу.

— Такие рощи бывают, наверное, только в раю, — задумчиво сказала ты.

И сейчас я подумал: может, в эти минуты ты бродишь там, в горнем мире, в такой вот берёзовой роще.

— Я не знаю, как там, но точно знаю, что таких рощ в раю нет, — ответил я. — Такие только на Земле, и потому они так светлы и печальны, и непонятно, зачем от них уходить...

Ты в ответ грустно улыбнулась:

— Я подумала о том же...

— Давай запомним этот день навсегда! — предложил я. — Такой красоты, такой светлой печали больше, наверное, никогда не будет. Будет другая, но такой не будет.

— Давай, — радостно согласилась ты, и мы, счастливые и в то же время почему-то оба съедаемые печалью, может, будущего прощания с рощей и друг с другом, поцеловались...

А за несколько дней до своей смерти ты уже не вставала с постели, говорила только шёпотом и часами молча смотрела через окно в небо, уйдя в свои невесёлые мысли, время от времени тихо зовя меня, чтобы я повернул тебя на другой бок или приподнял выше на подушки, — тебе казалось, что с изменением позы уменьшатся страшные боли: метастазы, перекинувшись, доедали твой позвоночник. Я не знал, о чём с тобой говорить, чтобы лишний раз не ранить тебя, мы были с тобой уже в разных мирах...

— Ты помнишь, как 19 октября, много лет назад, мы шли на электричку и дали слово друг другу запомнить тот день? — осторожно спросил я.

— Я как раз вспоминаю этот день, — слабо улыбнулась ты. — Это было 19 октября 1994 года... Тогда я тебе всё простила...

Если ты на самом деле меня простила, то я себя не простил...

И каждый год 19 октября я отмечаю как праздник, как день, в который мы были бесконечно светло и печально счастливы...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

До поры до времени я не задумывался о том, о чём, оказывается, думала ты. Женщины живут дольше мужчин, это общеизвестно. За восемьдесят пять твоей матери, и моя мать умерла в восемьдесят три, а оба наши отца умерли рано: твой раньше, мой позже. Ты была уверена, что переживёшь меня. И с болью, бездетная, думала об одинокой старости, потому что других родственников, ни близких, ни дальних, у тебя не оставалось.

А я до самого последнего времени, по сути, до того дня, когда по нам ударило великое горе, жил с чувством, что ещё не вечер, старался не думать о будущем. Зная, что мысли эти будут невесёлыми, просто-напросто отгонял их прочь. Когда выдалась возможность, прибавил несколько соток к садовому участку. У тебя это

не вызвало радости, к моему удивлению. Наоборот, ты вдруг словно окатила меня холодной водой:

- Зачем? У нас никого нет. А потом я, одна, что с этой землёй буду делать?
- Как одна? — не сразу до меня дошло.
- Ты хоть раз подумал о том, что мне придётся куковать одной после тебя?..

Господь почему-то рассудил иначе. Может, мне наметил за грехи мои перед тобой и перед Ним это страшное испытание — жить после тебя?..

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Везде всё напоминает о тебе. Дома, на даче — говорить нечего. Еду, иду по городу — попадаются аптеки, в которых я, выстаивая в очередях, по спецрецептам получал для тебя лекарства, а в последнюю пору — наркотики. Полетел в Москву, иду по Лубянской площади мимо магазина «Детский мир», натыкаюсь на министерство транспорта, сюда приходил я забрать для тебя лекарство, которое через несколько курьеров мне пересылали из Хорватии. Жизнь без тебя...

В думках о тебе родилась мысль, что инопланетяне — это ангелы атеистов.

Может быть, потому я терпеть не могу всякую фантастическую литературу...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

Однажды на Рижском взморье, в Дубултах, мы задались целью целый день до вечера идти по бесконечному пляжу вдоль моря, а обратно вернуться последней электричкой. Я оглядывал встречных женщин, ты была красивее всех. И все мужчины заглядывались на тебя.

— Вот отдохнём, подлечимся, и заведём детей... — говорил я.

Если нам где-то в магазинах попадались детские смеси, детское питание (тогда они были дефицитом), мы покупали их. Потом я всё это скормил собакам...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

Настоятельница монастыря, в который мы заехали помолиться перед местной чудотворной иконой Божией Матери, увещевала тебя:

— Мы рождены не для того, чтобы жить на Земле, мы рождены, чтобы жить в раю. Но мы должны заслужить это, иначе попадём в ад.

Ты не хотела в ад, но, знаю, ты не хотела и в рай. Выйдя на пенсию, ты хотела хотя бы ещё немного пожить на Земле, благоустроивая и облагораживая маленький кусочек её в шесть соток. Заслужила ли ты своими страданиями место в раю? Простил ли Всевышний твои грехи?

Читаю умную книгу:

«Кто в состоянии перечислить красоты рая? Прекрасно устройство его, блистательна каждая часть его; пространен рай для обитающих в нём. Светлы чертоги его; источники его услаждают своим благоуханием... Разнообразил и умножил красоты рая создавший их Художник: для низших Он назначил низшую часть рая, для средних — среднюю, а для высших — саму высоту. Как велико и различие степеней, так же велико число и различие в достоинстве поселяемых: первая степень назначена покаившимся, средняя — праведным, высота — победителям...»

«Оказывается, и в раю неравенство, — усмехнулся я. — Если в раю неравенство, значит, там рано или поздно появятся недовольные. Может, действительно так появились падшие ангелы?»

«... Невозможно даже мысленно представить себе образ этого величественного и превознесённого сада, на вершине которого обитает Слава Господня...

Нет тёмных пятен в обителях рая, потому что чисты они от греха, нет в них гнева, потому что они свободны от всякой раздражительности; нет насмешки. Потому что им незнакомо коварство. Не делают они друг другу вреда, не питают в себе вражды, потому что для них не существует зависти, никого там не осуждают. Потому что нет там обид...

Кто не позволял себе ни проклятия, ни злословия, того прежде всего ожидает райское благословение. Кто взгляд очей своих постоянно хранил чистым и целомудренным, тот увидит наивысшую красоту рая. Кто всяческую горечь подавлял в своих помыслах, по членам того протекают источники сладостного веселья...

Когда выступил я из пределов рая и достиг земли, порождающей тернии, встретили меня болезни и страдания всякого рода. И увидел я, что страна наша есть темница, что перед взорами у меня — заключённые».

Получается, так и есть, — снова усмехнулся я, — что мы на Земле всего лишь заключённые, у кого — срок больше, у кого — меньше.

Читаю дальше:

«Духи совершенных праведников, подобно душе Лазаря (Лк.16, 24–31), прямо вознесутся на лоно Авраамово, где и пребывают в блаженстве до всеобщего суда. Блаженство их состоит, главным образом, в созерцании Бога — источника всего истинного, доброго и прекрасного... Там, на блаженной земле кротких, всё тихо и безмятежно, всё светло и богоугодно, нет там ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье, там всегдашнее радование, вечное веселие, невечерний свет, незаходящее солнце...»

Автор этой преславной, тошнотворно сладкой сказки о райских куцах некто Ефрем Сирин, которого Церковь возвела в ранг преподобного, жил на Земле в IV веке. Читаю в Православной энциклопедии: «Сын земледельца из г. Низибии в Месопотамии, будучи в юношестве безрассудным и раздражительным, но, попав случайно в тюрьму по обвинению в краже овец, прозрел, удостоился слышать Глас Божий и смирился... Он оставил много толкований на св. Писание и др. сочинений, переведённых на греческий и читавшихся в церквях, а также умиленные молитвы и песнопения и покаянную молитву «Господи и Владыка живота моего» и много сочинений аскетического характера».

Кошунствую, но лукавить не буду, ибо лукавство — ещё более кошунство: не верю я Ефрему Сирину. Такие сказки только отвергают от Бога. Не говоря уже о том, что этот сказочник соблазнил, очаровал своими сказками очень многих на Земле. Многие и очень многие в разных странах раньше времени попытались попасть в рай. Особенно любили Ефрема Сирина раскольники. С его книгой, нисколько не сомневаясь в истинности его свидетельства, они бесстрашно всходили на костёр целыми семьями, целыми селениями.

В раскольничьих скитах или в сооружённых на скорую руку шалашах в южно-уральской тайге не раз находили на останках отшельников и беглых рабочих с горных заводов именно книгу Ефрема Сирина. Очень многих он раньше времени увёл с Земли, хорошо, если бы в рай... Измученные тяжёлым непосильным трудом, люди находили ответ в его преславных сказках и отшельничеством, голодом ускоряли свой уход в иной мир, где «глас празднующих», где нет «ни труда, ни слёз, нет ни вражды, ни ревности, но в высшей степени есть радость, мир, веселье». Другие, далеко не самые худшие, разуверившись в возможности достижения рая или обыкновенного человеческого счастья на Земле, вычитав у того же Ефрема Сирина, что и там, в раю, оказывается, нет равенства, находили ответ в ещё более лукавом манифесте Карла Маркса и хватались за

кистень, чтобы утвердить равенство на Земле, а к ним присоединялись просто разбойники, которые рано или поздно брали власть в руки. Мне говорят, что свидетельства Ефрема Сирина надо понимать иносказательно, но ведь не только его современники, но и люди последующих поколений понимают их буквально, верят, что это свидетельство побывавшего в раю, а не мечта, не опасный вымысел, выдаваемый за действительность, или, как бы определили литературоведы, не фантастическая литература.

Однажды и я наткнулся на старые истлевшие кости в небольшой пещерке в скале в окрестностях южно-уральского города Юрюзани. На костях тоже — истлевшая книга Ефрема Сирина, только и удалось прочесть на изъеденном мышами кожаном переплёте: «Еф... ь Сир...»

УЖЕ ГОД БЕЗ ТЕБЯ...

Поехал на Урал навестить родственников. На обратном пути, сделав небольшой крюк, заехал к отцу Алексею. Заказать панихиду по тебе. Почему-то меня тянуло в этот храм. А может, к отцу Алексею, у нас как бы остался незавершённым прежний разговор, больше похожий на спор.

Отец Алексей не очень обрадовался мне, перед этим я дал себе слово не втягиваться ни в какой богословский спор, но в какой-то момент не сдержался, и отец Алексей снова увещевал меня: три, четыре поколения, а то и больше, расплачиваются за грехи предков. Опять привёл тот же пример: мужик в тридцатые годы сбрасывал колокола с колокольни, на фронте пуля попала в рот, но не убила, что было бы самым простым наказанием, а выбила все зубы, и есть он мог только жидкое. Так и жил, мучаясь, до глубокой старости. У дочери — куча болезней, по всем статьям давно должна была умереть, но мучается до сих пор: «Как бы я хотела умереть, батюшка. Отцовы грехи не пускают, ещё не замолены...»

Как и прежде, он меня ни в чём не убедил. Почему я должен расплачиваться за грехи Адама и Евы? Это справедливо только в том случае, если весь человеческий род — как бы один человек, живёт, меняясь поколениями, на протяжении многих веков, и потому мы отвечаем за грехи предков. И никто не вправе без воли Бога прервать эту нить. А я преступно её прервал. Но, может, я прервал её по воле Бога? Умерли раньше времени, молодыми, мои двоюродные братья, сыновья дяди Ивана, или не оставив никого после себя, или оставив только дочерей. Только дочери у моего брата. Может, Господь по каким-то страшным винам, о которых я не знаю, решил прекратить наш род?

Может, по этой причине, не признаваясь себе, я так страшусь того мира?

На грани этих миров, на осмыслении их происходит разрыв души моей. Я знаю, умом знаю, что есть Господь, но сердцем, видимо, не верую в Него. Мне хочется верить, но я только верю. Но безоглядной веры нет, только интуитивное знание, да и то...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Я редко вижу сны, и, как правило, не помню их.

Но однажды, ещё при тебе, видел смутный сон, которому первоначально не придавал значения или просто заснул: то ли лунная ночь, то ли ещё неясный рассвет, то ли какой другой, только не дневной, свет, какое-то кладбище на склоне пологого открытого холма, низкий туман над влажной холодной травой, и вдоль огораживающего кладбище прясла то ли шла, то ли плавно плыла над самой землёй, над низким холодным туманом, с неясными очертаниями, но в каком-то светлом ореоле, в длинном одеянии, ниспадающем с плеч, женщина — и что-то говорила мне, что-то печальное и в то же время успокаивающее, что она не оставит меня, и то ли звала, то ли не звала за собой. Я невольно, как бы по её молчаливому приказу потянулся за ней, хотя мне и не хоте-

лось, но послушаться я не мог. Она вдруг оглянулась и плавным взмахом руки остановила меня: тебе не надо за мной, тебе ещё рано... И я проснулся, не понимая, что это было: сон или явь, и кто эта женщина? Я боялся пошевелиться, осторожно дотронулся до тебя, чтобы убедиться, что я дома. Я встал, стараясь тебя не разбудить, осторожно подошёл к окну, за ним была глухая, сжимающая душу в крошечный комочек предугроения темень, и я снова торопливо лёг, осторожно прижавшись к тебе, спасаясь от нахлынувшего на меня одиночества и предчувствия близкого расставания... Странно: обычно мучающийся бессонницей, если вдруг просыпался среди ночи, порой до самого утра съедаемый невесёлыми мыслями, сейчас же я мгновенно заснул. И утром, как обычно, уже не помнил ночного сна. И только через несколько дней, а может, даже недель, неожиданно вспомнил, и всё было даже более отчётливо, чем во сне: и кладбище, и низкий плывущий туман над землёй, переходящий в обильную холодную росу, что я даже промочил ноги, и странный, то ли лунный, то ли какой иной свет, и светлая женщина, скользящая по воздуху над самой землёй. Только я по-прежнему не помнил или не понимал смысла сказанных ею слов — и только сейчас словно ударило меня: неужели это была Мать Божия? Если так, зачем она приходила или явилась мне?

Теперь этот сон не выходил из головы. Неужели я просто придумал его? Нет, сон явственно был. И даже не сон, потому как я в то время вроде не спал, а разбуженный твоей просьбой повернуть тебя на другой бок, лишь тревожно дремал. Это было передо мной как бы наяву. Я не рассказал тебе об этом сне по нескольким причинам: во-первых, он был связан с кладбищем, во-вторых, мало ли что может присниться, а в-третьих, я не помнил сказанных ею слов и потому не знал, как толковать всё это. Может, вот так придуманное выдают за действительное, когда утверждают, что к ним являлась Мать Божия? Ведь снятся же сны, о чём накануне думал. И в то же время порой точит мысль: а что если на самом деле это приходила Мать Божия?

И вот только сегодня, уже больше чем через год после твоей смерти, я вдруг вспомнил, что, кажется, в ту ночь, прежде чем снова лечь и прижаться к тебе, я что-то записал в своём дневнике, который с некоторых пор веду лишь время от времени.

И действительно, нашёл неровную, наискось, карандашом, запись:

«Какая-то женщина неясно, но властно ведёт за собой. Сначала по кладбищу. В каком-то тумане. Потом стало много воды. Какой-то поток. Потом женщина мановением руки стала поднимать меня вверх. Мне стало страшно от высоты. И я стал проситься обратно на Землю — и проснулся...»

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Пройдёт больше года после твоей смерти, я по каким-то делам буду ехать по городу, и неожиданно обнаружу себя припаркованным около ракового центра, хотя ехать мне было нужно чуть ли не в противоположную сторону. Так я за три года привык к этому страшному маршруту...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Меня всегда поражала, возмущала заброшенность, запущенность русских православных кладбищ. А если уж погибла деревня, то кладбище ненадолго переживёт её: уже через несколько лет распадётся ограда, и оно будет затоптано скотом, через него проложат дорожку или даже ЛЭП... Но может, действительно, это не от разхристанности души, а оттого, как некоторые меня убеждают, что русские, православные, на каком-то генетическом уровне всегда знали, что мы на Земле только временные, что бессмысленно и даже преступно не только строить рай на Земле, но и более или менее благополучно обустраиваться на ней?

Но вон у католиков, протестантов какие кладбища ухоженные. Но ведь они тоже знают, что на Земле временные!

Труды всевозможных праведников приводили меня в смущение, прежде всего, тем, что больно уж сладки до приторности их свидетельства о загробном мире, хотя они там никогда не бывали. Невольно закрадывается мысль: может, нас дурачат, обманывают, специально уводят с Земли, чтобы освободить место кому-то другому?..

Не лукавят ли святые праведники, обманывая, прежде всего, самих себя, мечтая о вечном блаженстве? Не может быть счастья при вечном блаженстве. Зачем тогда душа?

Никто не может знать, что там, за гранью смерти, и потому не надо выдавать желаемое за действительное. Чем больше я читаю труды всевозможных праведников, тем более одолевает меня страх, что я становлюсь атеистом.

Я больше узнаю о том, Высшем, молча и благоговейно, без посредников, стоя перед иконами и свечами в небогатом сельском храме..

Если я не верую, что тогда меня заставляет время от времени идти в храм и, замерев телом и душой, стоять там, порой даже не вслушиваясь в смысл службы?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Самое тяжёлое в моей памяти о тебе — это ощущение, что ты так и не смогла понять, что порой обрушивающаяся на меня печаль никак не связана с тобой. Что эта необъяснимая даже самому себе печаль-тоска сидит во мне, может быть, изначально, как тоска по чему-то высшему, неведомому, недостижимому, но интуитивно чувствуемому, без чего душа не может быть счастливой. А ты вместо того, чтобы попытаться понять и разрушить это чувство, всё подозревала, что причина в других женщинах, ты отчуждалась от меня, тем самым усиливая эту тоску-одиночество. А я никак не мог тебе объяснить причину этой печали, потому что сам не знал её причины, что вызывало у тебя ещё большее подозрение.

Ты не могла понять, что я от рождения, может, от нелюбви моих родителей друга друга — одинокий неприкаянный человек, которому не хватало тепла. И пойми ты это, мы были бы, наверное, счастливы. А неверие твоё меня замкнуло в себе, и между нами как бы встала невидимая стена, которую мы так и не смогли преодолеть. Ты не могла понять, что — поверь мне, пригрей меня душой — я расплавился бы, как воск. Ты считала, что с появлением тебя в моей жизни я должен был постоянно улыбаться от счастья, но сама ничего не сделала для этого. Я мешал тебе быть самой собой, ты мешала мне быть самим собой. Так и жили, только в самом конце, на краю пропасти, кажется, поняли, что с обеих сторон это была нелепая гордыня. И, чтобы понять это, нужна была твоя смертельная болезнь...

Любили или не любили мы друг друга? Или у каждого осталась неосуществлённой мечта об истинной любви, которая, видимо, не всем на Земле дана?

Но всё-таки откуда, почему во мне эта изначально печаль?..

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Самое совершенное из искусств — музыка. Её язык понятен всем, независимо от языка и расы, она не требует перевода.

Наверное, музыка — это язык того, высшего мира, о котором мы лишь смутно догадываемся. Может быть, музыка — это общий для нас всех на Земле язык, связующий с тем миром. Ничто, наверное, больше, чем музыка, не говорит нам о том мире. И по тому, какие метаморфозы, за редким исключением, претерпела музыка, можно судить, что мы всё дальше и дальше от того, высшего мира. Мы всё ближе к Вселенской катастрофе...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

Всего несколько лет назад, несмотря на то, что мне за шестьдесят, я летал во сне. Чуть ли не каждую ночь. Раскидывал руки в стороны и — летел...

Это что-то вроде полёта на дельтаплане, только я летел на собственных раскинутых руках, да ещё для большей летучести распахивал рубашку. И так отчётливо всё было. Совсем не как во сне. Даже проверял, ощупывал себя, даже больно щипал себя: может, мне это действительно только приснилось, и убеждался: нет, не во сне.

Как правило, начинал полёт от Круглого леса, от нашего огорода, с холма, который ты так любила, потому что от него открывались такие дали! Летел вниз в широкую речную долину, на холмы за ней, где лентой извивалась Великая Транссибирская железнодорожная магистраль, поезда змейкой пробегали подо мной, но я торопливо отплывал в сторону, боясь линии электропередачи...

Порой поднимался так высоко, что становилось страшно, и скорее сбрасывал высоту, запахивая на груди рубашку...

А говорят, что летают во сне только в детстве...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Иногда опять приходит кошунственная мысль, что по ту сторону смерти ничего нет, что бессмертие души мы придумали для самообмана, для оправдания пустоты за гранью жизни, чтобы не так страшно было умирать...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Вспоминаю...

— Давай повременим с ребёнком, — сказала ты, кажется, на следующий день после свадьбы. — Я так устала, мне хочется хоть немного отдохнуть, хоть какое-то время пожить свободно.

А я обрадовался, вместо того, чтобы возразить: ребёнок мог помешать моей недописанной книге, моим дорогам... Куда торопиться, у нас всё впереди...

Это был наш первый и главный грех, из которого истекали все другие.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Ты ушла раньше меня. Этому есть какое-то оправдание, если существует тот, верхний мир, и тебе в нём сейчас хорошо. А может, ты ушла в наказание мне, чтобы

я мучился всю оставшуюся жизнь, потому что моя вина несоизмеримо больше твоей? Чтобы совершенствовалась моя душа? Но почему-то я этого не ощущаю.

Во мне осталось море неистраченной теплоты, которая тяжёлым грузом давит на меня. Я готов обрушить её на кого-нибудь, как бы в искупление вины перед тобой. Но не могу встретить того человека, которому это тепло было бы нужно, хотя вокруг меня ходят тысячи людей в поисках тепла.

Жизнь для самого себя потеряла смысл.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Неожиданно в твоём столе нашёл обрывок бумаги:

«Прощай, Дымка, мой неродившийся сын! Ты не зря приходил ко мне в этот мир из того, неизвестного мне, ровно на 9 месяцев, что отпущены природой каждой женщине. Ты хотел, чтобы я удержала тебя на этом свете, и Бог подсказывал мне: «Не уезжай. Твоё место тут, рядом с ним». Я это чувствовала, я знала, что необходима тебе, но, помимо своей воли, уехала... Прости, я слишком часто в своей жизни шла на поводу чужих желаний, чужих интересов и стремлений.

Ты, моя частичка, помнишь ли, как я несла тебя по скользкой, ненадёжной земле, боясь уронить, потерять, как потеряла уже однажды, несколько лет назад, катаясь в жутких схватках? Прости, мой маленький... Бог свидетель, я не хотела, я держала тебя крепко-крепко, хотя было мне очень тяжело. Так же, как тогда, когда ещё слабым комочком бился ты в утробе моей...

Прощай...

Скоро я буду далеко, но от этого не стану думать о тебе меньше, может, даже наоборот, у меня будет свободной душа, чтобы проситься к тебе...»

Дымка — умерший от чумки щенок. Мы поняли, что он заболел, в воскресенье перед самым отъездом с дачи, когда уже запаздывали домой, а среди недели по каким-то причинам я не мог поехать на дачу. А когда приехали вечером в следующую пятницу со всевозможными лекарствами, то не обнаружили его. Я пошёл по всему садовому посёлку в поисках его, искал до самой темноты, но не нашёл. Был уже конец октября, был первый настоящий заморозок, и трава была белой от инея.

Ты всю ночь не могла успокоиться:

— Если он ещё живой, где-то сейчас лежит на мёрзлой земле.

Я молчал, я был уверен, что Дымки уже нет.

Утром ты встала чуть свет, и тебя очень долго не было. Я дважды подогревал поставленный на электроплитку чайник. Наконец ты появилась: не то, что уставшая — совершенно вымученная и без сил повалилась на постель:

— Почти полкилометра несла, выбилась из сил, — сказала ты отчуждённо. — Ведь он, наверное, килограммов десять весит. Иди, что стоишь. Он вот там лежит, у посадки.

— А где ты его нашла?

— Плохо ты вчера искал. В лесу, у родника, в чилижнике...

Но уже никакие лекарства ему не помогли...

Сердце разрывается при чтении этого письма. Я не подозревал в тебе этой разрывающей душу тоски по детям. Ну, умер щенок — и умер. А он у тебя ассоциировался с неродившимся сыном, который стал выкидышем. Вот поэтому, видимо, ты не приходишь ко мне во сне.

Может, ты бродишь там со всеми нашими собаками, которые были тебе вместо детей?.. Я снова и снова вспоминаю, как я уже отчаялся найти его и, в конце концов, перестал искать, а ты, больная, не переставала искать, представляя, как он лежит на мёрзлой октябрьской земле, и утром, надорвавшись, принесла его почти до самого дома, а потом долго не могла отдышаться. И, наверное, ещё нескоро смогла бы встать, если бы не надо было делать ему уколы, как оказалось, уже бесполезные...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Я знал, что до самого конца буду жить с чувством вины перед тобой. Но я не подзревал, что чувство вины перед тобой будет обостряться.

Чуть ли не последние твои слова:

— Скажи что-нибудь...

А я молчал как истукан. Так и осталась между нами эта напряжённая недосказанность.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Снова и снова точит мысль: тебя считали доброй, меня считают добрым, но почему мы не были добрыми друг к другу? Почему только в самые последние месяцы и дни мы, наконец, стали друг друга понимать? Чтобы там, в иной жизни, встретиться уже совершенно родными, когда друг другу ничего не нужно будет объяснять, когда мы станем как бы единым целым?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Читаю:

«Хотя умершие находятся с нами в постоянном общении, мы, однако, ничего об их близости не подозреваем, пока не наступит час видимого доказательства тесной связи их с Землёй, по разным причинам продолжающей их притягивать.

Одни, по своей материальности, ещё тяготеют к грубым её радостям и не могут подняться до более высоких, более духовных радостей, пока ещё им недоступных. Других около нас держит их привязанность к нам. Лучшие из них, то есть те, кто там уже достиг известного духовного совершенствования, получают возможность незримо общаться с близкими своими, пока ещё живущими на Земле...»

В городской квартире, в которую мы въехали за пять лет до твоей смерти и в которую ты так не хотела въезжать, хотя, в отличие от прежней, она была большой и удобной, я не чувствую твоего присутствия, хотя всё в ней напоминает о тебе, начиная с двух твоих фотографий на столе: в юности и через полгода после операции, за год до твоей смерти. В саду же, который на самом деле был твоим главным домом и куда до самых последних дней тянулась твоя душа, я постоянно чувствую твоё присутствие: в посаженных тобой яблонях, в осеннем хозяйском посвисте и постуке в окно синиц, в весеннем голосе кукушки, во внимательных, как бы укоризненных глазах полудикой собаки Динки, хотя она и родилась уже после тебя.

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Гложет мысль: вот неожиданно умру или погибну в автомобильной катастрофе, или ещё как, кому всё это достанется: квартира, садовый дом?.. Даже не это сосёт, мучает. А то, что чужие люди будут копаться в моих вещах, бумагах, письмах, в твоих фотографиях. Поскорее выбросят всё на свалку, чтобы занять квартиру, а то вдруг объявятся какие-нибудь родственники. Откуда им знать, что родственников нет...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Письмо Валентина Григорьевича Распутина: «Я ведь тоже теперь живу по инерции, надо — поднимаешься и садишься за стол или идёшь куда-то, а по дороге понять не можешь, куда и зачем идёшь. Всё писательство (помнится, в сентябрьском письме ты говорил о том же) — некрологи, воспоминания об ушедших, предисловия к чужим книгам, но и это всё с трудом. Началось это ещё до гибели Марии, а после уже усугубилось, прошло полгода, и мало кто верит, что за это время нельзя восполнить силы, приступают бесцеремонно: «Ты должен!..» Должен — не должен, а не могу, и вернётся ли то чувство долга, не знаю.

Удивляюсь я и ещё одному совпадению с твоим то ли настроением, то ли ощущением: мы больше хотим веровать, чем веруем на самом деле. Во мне это тоже есть, пытаешься погрузиться — и не получается, чувствуешь себя рядом с батюшками и серьёзно верующими обманщиком. Я с владыкой нашим говорил об этом, он успокаивает: «Да вы веруете больше, чем верующие по всем буквам веры». Но я то знаю, что это не так и что своей откровенностью ставлю нашего добрейшего владыку в неловкое положение...»

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Снова и снова вспоминаю, как забирал тебя из ракового центра, уже окончательно выписанную, — умирать.

Главврач великодушно предложил оставить тебя умирать в так называемом паллиативном отделении, как он хвалился в вечерней газете, чуть ли не лучшим в России. Я поспешно отказался. Без всякого сомнения, я забрал бы тебя из любого самого престижного хосписа. Человек должен умирать дома, если, конечно, он у него есть, умирать же в таком паллиативном отделении не пожелаешь и врагу: плотно приставленные друг к другу, как, наверное, в тюремной камере (только второго яруса нет, еле протиснешься между ними) кровати в маленькой душной палате, разгороженной напололам шторой-ширмой, может, эта ширма во всевозможных отчётах и справках даёт право отчитываться о наличии двух палат. Напротив, через коридорчик, такая же мужская палата. Из-за духоты встречные двери открыты, и ночью какой-то мужик, перепутав двери, пытался лечь рядом с твоей соседкой и немало удивился, что его кровать занята.

Вывозил я тебя к машине в выданной мне больничной коляске чёрным ходом на хоздвор, чтобы не видели тебя только что поступающие или ждущие очереди в раковый центр, чтобы раньше времени не узнали, что ждёт их в скором или в сравнительно скором будущем. Попадавшие в коридоре врачи и медсёстры, ещё неделю назад здоровавшиеся с тобой, молча расступались, смотрели как бы сквозь нас, делали вид,

что не замечают нас, так как ты уже была вычеркнута не только из списков ракового центра, но и из списка живых и теперь своим видом только ранила живущих. Голова твоя в нелепом парике уже почти не держалась на истончённой шее, заваливалась то в одну, то в другую сторону, и ты стеснительно, как бы извиняясь, что ставишь людей в неловкое положение, поправляла её дрожащими руками. Через чёрный ход кроме медперсонала просачивались навещающие вне положенного времени родственников и больных, и они с ужасом смотрели на тебя. А ты улыбалась виновато, что своим безнадежным видом портишь всем настроение, и всё пыталась прямо держать голову, а она всё заваливалась и заваливалась то в одну, то в другую сторону...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

В саду меня прихватил приступ головной боли — до тошноты и сердечной тяжести, хоть ложись и умирай. Так бывало и раньше — при резкой смене погоды, когда южный ветер вдруг менялся на обжигающий северный. На резкое изменение атмосферного давления не успевают реагировать сосуды мозга — вследствие тяжёлой травмы головы и контузии в юности, когда я только на четвёртые сутки пришёл в сознание, обнаружив себя в реанимации, и не мог объяснить ни врачам, ни следователю, что со мной случилось. «Тяжёлая посттравматическая амнезия, иначе говоря, потеря памяти, — объяснил врач не поверившему мне следователю. Со временем может вспомнить». «Когда это может произойти?» — «Может, завтра, может, через годы». Я не вспомнил ни завтра, ни через годы, я и сейчас не знаю, что тогда со мной случилось...

В такой момент действительно можно умереть. Но ты знала, как быстро и действительно снять мой приступ — а без тебя я не знал, что делать, растерянно копался в куче оставшихся после тебя просроченных лекарств и без особого сожаления готов был умереть.

Одно было только сожаление: на кого останутся собаки...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Я один в лесном садовом посёлке. Приехал на выходные покормить собак: сторож уехал в город. Машину я оставил в деревне, дальше на лыжах. Не могу уснуть. Выхожу в морозную, лунную, хрустскую ночь, искрится иней на ветвях берёзы, белым облаком нависшей над моим домом. Выше, неясные, мерцают звёзды, словно что-то говорят мне, хотя знаю, что это всего лишь раскалённые сгустки плазмы, подобные нашему Солнцу. Знаю, но душой почему-то не соглашаюсь, сейчас в лесном одиночестве они для меня живые. Друг детства, академик-химик, на днях поздно вечером, совершенно трезвый, позвонил мне: «Американцы запустили телескоп «Хаббл». Установили, что Солнце наше потухнет через 34 миллиарда лет, и мне стало грустно».

Странно томится душа. Она томится с детства, с самого первого дня, сколько помню себя. Даже в самые счастливые дни моей жизни, когда мне было хорошо, по крайней мере, так казалось, ей всё равно чего-то не хватало, она томилась по чему-то неизвестному...

Неожиданно для себя, запрокинув голову к звёздам, говорю вслух:

— Не может у человека не быть продолжения после смерти, если всю свою жизнь до последнего дня он живёт с ощущением, что самое главное у него впе-

реди. Если с самого первого и до последнего дня у него томится душа по чему-то неосуществлённому, если душа, по себе знаю, не стареет, и с каждым годом растёт противоречие между юной душой и дряхлеющим телом. Оно становится как бы лишним ей. Для чего душа рождена и предназначена? Откуда у человека это стремление в небо, которое для земных жизненных потребностей совершенно не нужно?

Зашевелились под верандой собаки, встревоженные моим голосом. Чувствовалось, как им, наконец-то сытым, не хотелось выбираться из тепла на мороз, и я поторопился успокоить их:

— Спице, спице, это я сам с собой... Это я — с небесами...

Собаки, кажется, поняли меня и успокоились, только благодарно постучали хвостами о стену дома.

В подтверждение своей вслух высказанной мысли на следующий вечер неожиданно нахожу в одной из умных книг, трактующих святоотеческое учение:

«Желание жить всегда, которое находится в сердце каждого человека, дано Создателем не без цели. Это есть как бы первое указание на бессмертие души, как бы первое побуждение готовиться к жизни будущей. Желание жить связано с желанием счастья, которого ждёт всякий. Эта жажда счастья полностью не утоляется здесь, на Земле, следовательно, должна быть жизнь будущая, где бы могло исполниться это пламенное желание нашего сердца. Но счастья мы ждём беспрестанно. Но никто не может дать нам его. Неужели это счастье нигде не существует? Ужели Бог вложил в нас это желание, не имея намерения когда-нибудь удовлетворить его?..»

Смерть некогда будет истреблена. Таким образом, смерть представляется явлением временным и ненормальным. Смерть не есть установленный закон для человека. Смерть, как бы мы ни рассматривали её, — зло, а зло Бог не мог сотворить. Напротив, всё сотворённое Богом найдено Им самим прекрасным: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо, весьма». Уже самый способ создания человека, природа которого, духовная и физическая, образует одно существо — человеческое, показывает, что смерть, как расторжение двух природ его, не входила первоначально в планы Божьи. По творческому плану Бога сущность человека должна состоять не из одного духа и не из одного тела, а из того и другого вместе, в неразрывном союзе и согласии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Святое Писание ясно показывает, что человек даже и по телу создан для жизни бессмертной, когда говорит о древе жизни посреди рая, вкушая от плодов которого человек и телом был бы безболезнен и бессмертен навсегда!?

Отрываю глаза от книги, чтобы осмыслить прочитанное. Ему не противится вдунутая в меня при рождении душа, а наоборот, вдумчиво, трепетно внимает.

А вот следующее утверждение не по силам мне осмыслить, и оттого тревожно мне:

«Между тем сам Бог, давая заповедь нашим прародителям, от не вкушения плодов от древа познания добра и зла под угрозой смерти, тем самым показывает, что люди могли избежать смерти и могут избежать истинной смерти, если они будут исполнять данному им заповедь».

А зачем он тогда взрастил в раю древо, на котором одновременно познание добра и зла? И почему Он вообще попустил существование наряду с добром — зла? Я тшусь, но никак не могу понять, моя мысль словно упирается в стену или повисает в пустоте, и оттого рождается отчаяние и раздражение. Почему Господь дал первому человеку возможность совершения греха? Решил проверить его? И тем самым

его первородный грех стал неотвратимым грехом всего человечества до скончания века: человек ещё не родился, а он уже грешен?

И ещё:

«По выражению Макария Великого, «до падения человека тело его было бесмертным, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховным и плотским ощущениям, ныне ему естественным». Чувства его были несравненно тоньше, действия их были несравненно обширнее и вполне свободны. Облечённый в такое тело, с такими органами чувств человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою. Он был способен к общению с ними, а также к тому боговедению и общению с Богом, которые сродни святым духам. Святое тело человека не служило для него препятствием, не отделяло его от мира духов. Человек, облечённый в тело, способен был для жительства в раю, в котором ныне могут пребывать одни святые и одними душами своими, с которыми по воскресению соединятся их тела. Тогда человек снова вступит в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое одновременно было и тело, и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по его воскресению.

С падением изменились и душа, и тело человека. В собственном смысле падение было для них вместе и смертью. Видимая и называемая нами смерть, в сущности, есть только разлучение души с телом, прежде всего уже умерщвлённых отступлением от них истинной жизни Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечною смертью. Мы не чувствуем, что мы убиты по общему чувству мертвецов не чувствовать своего умерщвления. Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ естественного мира, его дебелость — суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных, оно существует жизнью своего павшего естества. Оно служит для души темницей и гробом».

Я пытаюсь всё это понять и принять, но если в какой-то мере понимаю и принимаю, то больше умом, чем сердцем. И почему я должен принимать безоговорочно утверждение Макария Великого? Его утверждения, пусть даже они результат какого-то внутреннего зрения, видения — совершенно не доказательны, не подтверждены никаким опытом, в который я мог бы безоговорочно поверить. Это не больше, чем, пусть даже гениальное, предположение. Зачем мне всё это навязывается как безоговорочная истина, при этом постоянно присутствует какая-то недосказанность, которая, во-первых, даёт мне возможность сомневаться в сказанном, а во-вторых, по разному трактовать сказанное?

Пользуясь этой недосказанностью и заложенной во мне ещё с прародителя человечества неспособностью отличать на древе познания добро и зло, мне, ищущему истину, то и дело подсовывают другие книги, пытающиеся убедить меня в том, что учение Иисуса Христа устарело. В этом ряду оказался и великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, который однажды вознамерился переписать и Иисуса Христа, и Конфуция, то есть заменить их собой. В его ранней дневниковой записи, относящейся к 1855 году, я поражённо наткнулся: «Ныне я причащался. Вчера разговор о божественном и вере навёл меня на великую и громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но обещающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фана-

тизм или разум приведут её в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией — вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня».

Но мало ли что не приходит нам в голову в молодости, в молодости нами часто руководит гордыня. Меня поразило, что с годами Толстой не распрощался со своими нелепыми и кощунственными, по мнению Церкви, идеями, а наоборот, только укрепился в гордыне. Уже будучи, мягко говоря, в преклонных летах, за три года до смерти он уже поставил себя на место Христа, даже пытался заменить его: «Прежде я не решался поправлять Христа, Конфуция, Будду, а теперь думаю: я обязан их исправлять, потому что они жили 3–5 тысяч лет назад».

Другие меня пытаются убедить, что Евангелие было извращено апостолами: неважно, по хитрости или не из-за непонимания. Признаюсь, мне порой тоже приходят подобные мысли. Третьи между первыми и вторыми снова и снова мне подсовывают ядовитую мысль, что утверждение о загробном мире — всего лишь сладостный самообман, а на самом деле там пустота. И потому, пусть духовно совершенствуюсь, нужно жить — да, по совести — только настоящим и брать от жизни всё возможное здесь, на Земле, потому что никакой другой жизни не будет... Как-то при встрече на улице силой всучила мне подобную книгу одна из твоих помешанных на эзотеризме и в то же время ходящая в церковь подруга:

— Это тебе обязательно нужно прочесть!

Я знал, что в голове у неё полный хаос, там перемешались Библия, Блаватская, и, разумеется, Рерих, и кто-то ещё, всех, наверное, знает чёрт. У меня было желание выбросить книгу сразу же после дарения в первый встретившийся на пути мусорный контейнер, но я не сделал этого только из уважения к книге как таковой. Толстенная книга некоего А. Клизовского, которая так и называется «О смысле жизни». Вызывая у меня раздражение и в то же время притягивая к себе, как магнит, она долго лежала на журнальном столике. Наконец из любопытства заглянул в предисловие: написана в преддверии второй мировой войны, её автор за свои убеждения погиб в советском концлагере. Книга стараниями его последователей и издателя, то ли разделяющего их взгляды, то ли уверенного, что книга непременно принесёт ему доход, издана огромным по нашим временам тиражом. Перед сном, чтобы, наконец, решить судьбу книги, открываю:

«Вопрос о смысле жизни принадлежит к числу вечно волнующих, неразрешимых и роковых вопросов, которыми вот уже несколько десятков столетий болеют народы западного мира. Вопрос этот встаёт перед каждым достигшим известного развития человеком рано или поздно, на заре или закате жизни неизбежно...

Откуда мы пришли, куда идём, какая цель существования человека на Земле? Есть ли жизнь, как сказал поэт, «дар напрасный, дар случайный», или в непрерывной, вечной круговерти жизни кроется какой-нибудь глубокий смысл? Какой смысл в кратковременном человеческом существовании, завершением которого должна быть неизбежная, неотвратимая смерть? Убийственно тяжела для человека мысль о неизбежности смерти, ибо разум человеческий не мирится и не может признать разумности своего уничтожения. Главной причиной искания человеком смысла своего бытия является недоумение перед смертью, перед тем прыжком в бездну и неизвестность.

Человеку, утерявшему истину о непрерывности жизни, смерть, действительно, должна казаться ужасной бессмыслицей, и, ища смысл жизни, человек хочет спастись от бессмысленности смерти. Во имя чего стоит жить, во имя какой высшей цели дана человеку жизнь, чтобы он мог признать разумность этой цели и приемлемость её для всякого?

В выборе смертью своих очередных жертв нет никакой системы, никакого плана, никакого разумного основания. Если бы умирали люди, лишь дожившие до старости или даже до преклонного возраста, то это было бы понятно, но когда умирает человек в возрасте своей плодотворной деятельности или на заре своей юности, или даже только что родившийся, то здесь бессмысленность смерти выступает во всей своей ужасающей непонятности.

Результатом вызываемого смертью недоумения бывают ропот и упрёки в несправедливости того, кого люди называют Богом, или появление апатии, потери интереса к такой жизни, в которой нельзя найти смысла. Неизбежность бессмысленности смерти порождает у мыслящего человека горечь, разочарование и нежелание жить, и часто приводит его к ещё большей бессмысленности — к прекращению своей жизни, что стало обычным явлением в наше время.

В своей жизни человек ищет конечной цели своего бытия, конечного смысла, который обнимал бы и поглощал бы собою все выдвигаемые жизнью цели и задачи. Он хочет такого объяснения смысла жизни, который не ставил бы в тупик перед смертью, но, перебросив мост между жизнью и смертью, соединил бы временное с вечным, конечное с бесконечным. Который вместе с разрешением этого кардинального вопроса разрешил бы и другие неразрешимые вопросы, вытекающие из этого основного вопроса, т.е. о душе, о загробной жизни, о Боге, о происхождении Вселенной...»

Всё это созвучно мыслям, наверное, каждого из нас и притягивает, заставляет читать дальше:

«... Ответы на загадки бытия, которые даёт христианская религия, вкратце следующие. Смысл жизни — в познании Бога, в приближении к Нему. Любовь к Богу как к источнику жизни и осуществление этой любви — в служении человечеству. Земное существование человека есть только начало, впереди лежит бесконечность, которая не поглощает человека, но приобщает его к себе. Смерть побеждается вечностью. Ключ к бессмертию заключается в воскресении Христа и в непреложности воскресения мёртвых, уверовавших в воскресение Христа. По этой теории вечным блаженством и вечной жизнью могут наслаждаться лишь избранные. Но это ещё не всё. По учению христианской церкви, воскреснут из мёртвых и наследуют жизнь вечную только верующие во Христа...»

Меня, как и автора этого труда, тоже смущает мысль об избранных: а что с остальными, которые — не по их вине — не poznали Иисуса Христа?

Я полностью согласен с ним, я уже поддаюсь логике его мысли, хотя следующее его утверждение меня заставляет задуматься:

«По учению истинной науки, которая вместе с тем есть истинная философия и истинная религия цель жизни есть жизнь. Но так как жизнь проявляется в движении, то синонимом жизни является движение. Эту цель и этот смысл жизни указал людям Христос словами: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Здесь ясное и прямое указание на необходимость беспредельного совершенствования, до подобия Отцу Небесному. Вечная жизнь управляется вечными и неизменными законами, которым подчинено всё находящееся во Вселенной. В вечной жизни смерти нет. Сама смерть есть непрекращающееся действие жизни, которая отжившими формами жизни заменяется новыми, более совершенными...»

Что значит — истинная наука и истинная философия? Кто установил их неоспоримую истинность? Читаю дальше, и начинаю подозревать, что меня, очаровав близкими мне и миллионам других людей мыслями о жизни и смерти, откровенно, может, даже искренне, кто-то в очередной раз пытается ввести в смущение, иначе

говоря, завербовать в одну из многочисленных сект, суть которых одна: увести от Иисуса Христа, подозревая, что у меня и миллионов мне подобных вера в Него не крепка: «В первую очередь, необходимо дать ответ на возникающий у многих вопрос: для чего необходимо Новое Учение, когда существует Учение Христа?.. Ввиду того, что наступила пора людям от низшего сознания перейти к высшему, им даётся новое, соответствующее этой надобности Учение, которое расширяет их кругозор и поднимает их сознание на необходимую высшую ступень. Поэтому полагать, что, раз существует Учение Христа, то в новом нет надобности и без него можно обойтись, — значит или совершенно не уяснить себе законов эволюции и пребывать во тьме невежества и средневековых заблуждений, или, как ленивый школьник, который не хочет учиться, утверждать, что для него достаточно той премудрости, которую он освоил в основной школе, а высшей ему не нужно. То Учение, которое даётся теперь, тоже не есть последнее.

Что касается имени Учителя, то для познавшего истину оно имеет второстепенное значение, ибо он знает, что каждый Учитель уже много раз приходил на Землю, принимая всякий раз новое имя, и какое имя он пожелает принять теперь никому неизвестно.

Необходимо принять Учителя и его Учение сердцем, тем высшим сознанием человека, которое всё знает, которое ошибок не делает и которое допытываться до имени Учителя не станет, тот, кто не может принять Учителя, желая постигнуть его умом, прежде всего, принять его, удостовериться, есть ли он тот самый.

Христиане ждут прихода Христа, евреи ждут Мессию, магометане ждут Мунтазара, буддисты ждут Мантрейю, последователи Зороастра ждут Саошьянта, индусы ждут Калки-Аватара, Новое учение говорит о наступлении эпохи Мантрейи.

Теперь наступила пора объединения всего человечества, для чего и даётся ему Единое Мировое Учение. Явится один Учитель, один Спаситель мира, но всякий ждущий и принимающий его сердцем своим увидит его в таком виде, в каком он ждёт его. Христианин увидит его в образе Христа, магометане — в образе Мунтазара, буддист — Мантрейи и т.д.

Из этого явствует, что имя Учителя — вопрос второстепенный, ибо все те имена, которыми люди называют бывших Учителей и грядущего Учителя, суть имена не собственные, но нарицательные. Христос, Мантрейя и т.д. обозначают Спасителя всего мира, Единую Высочайшую Индивидуальность, но каждый народ и каждая страна знали этот Великий Облик в соответствующем воплощении...»

И тут мне становится ясно, что эта книга — очередная масонская уловка, скрытая под красивые одежды, вкрадчивый тайный смысл которой — давайте объединимся в общей вере, в общем Боге, но без Иисуса Христа, который устарел. От имени общего Бога, вместо него мы будем править вами.

Но по инерции ещё продолжаю читать:

«Особенностью языка священных писаний нужно считать то, что истина сообщается людям не в чистом виде, но прикрыта символами, что даёт возможность всякому понимать скрытую символами истину сообразно своему развитию. Необходимость символического языка для сообщения людям трансцендентных истин вытекает из того, что религиозное учение даётся не для одного поколения, не для сотен, не на один век, но на десятки веков, в течение которых в каждый данный момент существуют люди разного умственного и нравственного развития...»

Символический язык сохраняет жизненность и неувядающую свежесть писаний в течение веков, но он служит отчасти и причиной извращения и ложного понимания Учения, когда человек своим малым ограниченным умом раньше времени

пытается понять прикрытые символом истины, то неизбежно приходит к ошибкам и заблуждениям...»

Полностью согласен с последним утверждением. Меня не однажды посещала мысль: почему Истина дана нашему несовершенному уму символами? Ведь именно язык символов — причина многочисленных толкований Истины. Именно язык символов — основная причина появления бесчисленных сект, трактующих Истину, кто как понимает, или кто как лукавит, искажая её порой до обратного смысла. И невольно встаёт вопрос: тогда Истина ли это, раз её прячут за символами, которые можно трактовать как угодно? И цель вышеприведённой хитрой тирады Клизовского — снова разбудить давно отвергнутые мной или дремавшие во мне вопросы, посеять сомнение, после чего можно уже в открытую идти в наступление, навязывая свою доктрину:

«Такая замена истины ложью произошла в христианском учении. Из него была изъята жемчужина — непрерывность жизни, и вместо этих ценностей была дана бессмысленнейшая теория вечных мук или вечного блаженства за дела одной короткой жизни. Поэтому, чтобы выйти из этого безвыходного положения и избавиться последователей искажённого таким образом учения Христа от ужасных вечных мук, придумано было отпущение грехов. Возможность вечного мучения за одно мгновение, чем в сравнении с вечностью является человеческая жизнь, делает религиозное объяснение смысла жизни неудовлетворительным и неприемлемым. Человеческий разум и человеческое сознание, лишь подчиняясь жестокой необходимости, вопреки здравому смыслу делает вид, что принимает мировоззрение, которое проповедует как истину величайшую несправедливость и самую чудовищную жестокость, то есть даёт возможность вечных мук за одну короткую жизнь. Но в действительности в глубине своего сознания человек никогда за истину признать этого не мог и не может...»

И я отчуждённо отодвигаю в сторону эту книгу, определяя её в мусорный контейнер, а потом думаю: нет, увезу на дачу, сожгу в печке или костре. Но в голове она всё-таки против моей воли застряла, зародила ядовитые семена.

Ежегодно издаются, переиздаются и вновь пишутся десятки, сотни подобных книг о смысле жизни, о том, что будет с нами после смерти, вроде бы не отрицающих Христа, а как бы наоборот, продолжающих его, но хитро заставляющих сомневаться в его истинности...

В этом ряду особое место занимает учение Николая Рериха, от посредственных картин которого веет ледяным холодом, именем которого заморочены головы миллионов людей, — далеко не безобидная по своим целям рериховская секта распустила свои щупальца по всему миру, её замороченные адепты не хотят слышать, что рериховская экспедиция на Тибет в поисках Шамбалы была экспедицией ОГПУ и истинным руководителем её был небезызвестный террорист и оккультист Яков Блюмкин. Учение «Живой этики» Елены Рерих не более как сладко-ядовитая масонская антихристианская мистификация, рассчитанная на сомневающихся и простодушных. (Из поздних изданий благоразумно была вычеркнута саморазоблачающая сказка о «письме» великих махатм (учителей) Индии к великому махатме Ленину.) Этой идеей был одурачен душевно больной Адольф Гитлер, который не верил ни в какой национал-социализм, а, замороченный оккультистами, на самом деле служил несуществующим так называемым Высшим Неизвестным, их на самом деле нет и не было, а он их именем под чьим-то хитрым руководством пытался загнать в единый концлагерь всё человечество планеты...

В конце концов, я стал обходить стороной любые книги о смысле жизни, подозревая в них если не явный, то скрытый обман...

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Как обычно, в сумеречной тишине, о чём-то глухо и согласно переговариваясь между собой, над нашим лесным домом пролетели два ворона, семейная пара. Так низко, что был слышен посвист крыльев. Как помню, вороны пролетели над нами в первый день, когда мы, оформив землю, поставили палатку на лесной поляне, и я стал копать ямы под столбы для ограды. Тогда они, видимо, нарушили свой обычный облёт: пролетели над поляной взад-вперёд несколько раз, пока не убедились, что это не случайная палатка туристов, а в их лесных владеньях объявились новые жители. Я всегда задавался вопросом: где они умудряются гнездиться в нашем давно разреженном, без старых деревьев лесу? Неужели, совершая свой каждодневный вечерний облёт, они прилетают откуда-то издалека?

Как известно, вороны живут до трёхсот и более лет. Эти вороны жили здесь, чувствуя себя хозяевами, до нас, они пролетали над нами каждый вечер в сумерках при тебе, сейчас они пролетают над нашим домом каждый вечер без тебя, и я, невольно вспоминая о тебе, думаю, что так же они будут пролетать после меня. Я полагаю, что с высоты своего полёта, а главное, в высоты своего долголетия они снисходительно смотрят на нашу быстротечную светлую жизнь. Я не знаю возраста наших воронов, но, если они уже в возрасте, то могли быть свидетелями братоубийственной Гражданской войны, ведь самые жестокие бои на Восточном фронте проходили именно в этих местах, а может, даже не менее братоубийственной Пугачёвщины. Что они думают о нас?

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Пришла третья весна после тебя. Сегодня возвращался с дачи. В высоких болотных сапогах, так как в низинах ещё лежал глубокий снег, пробирался пригорками, которые вытаяли лишь местами, в деревню, где оставил машину. Вспоминал, что раньше мы с тобой пробирались именно этим путём.

Невидимые глазу жаворонки торжествовали в небе. Низкие печальные полупрозрачные облака стелились над холмами, из них изредка сыпался еле осязаемый дождь. Солнца не было, но какой-то необыкновенно грустный, но в то же время торжествующий светлый свет окружал нас. И сейчас, весной, я снова вспомнил тот октябрьский день, когда мы с тобой с этой горы шли на электричку: перейдя внизу убранное пшеничное поле, оглянулись назад на полыхающую золотом и багрянцем гору и с редким ощущением счастья и взаимного согласия но, словно предчувствуя, что впереди у нас что-то грозное, роковое, поцеловались и поклялись: «Давай запомним этот день!»

Я буду помнить этот день до конца дней своих. Помнишь ли ты его там?..

ЖИЗНЬ БЕЗ ТЕБЯ...

Господи, всё-таки как хорошо на Земле, несмотря ни на что! Как всё-таки прекрасна Земля! И не может того быть, чтобы мы уходили с неё безвозвратно! Не могу согласиться с тем, что мы только гости на ней! Как можно от такой красоты уходить навсегда?! Неужели мы никогда ни в каком качестве не вернёмся на неё?

Почему-то хочется верить, что мы отправлены на Землю не только на исправление, как в ГУЛАГ, но и для того, чтобы мы приугодили Землю к чему-то очень важному, красивому, может, ко второму пришествию Христа и к нашей новой жизни на Земле вместе с Ним. Иначе, какой смысл в нашем украшении Земли? Иначе, почему так разрывается душа от печали, от одной только мысли будущего прощания с ней?

Как бы подтверждение этой мысли нахожу у преподобного Максима Исповедника. Он пишет, что по замыслу Бога в задачу человека входило привести мир к ещё большей гармонии, слаженности и единству. По его мысли человек был призван последовательно преодолеть в себе разделённость мира. Максим Исповедник недвусмысленно пишет, и эту мысль, волнуясь, горячо принимает моя душа, что человек должен был соединить рай со всей Землёй, то есть, нося рай в себе в силу своего постоянного общения с Богом, он должен был превратить в рай всю Землю. После этого ему предстояло уничтожить пространственные условия не только для своего духа, но также и для тела, соединить Землю и Небо. Может быть, мы, умирая, всё-таки не навсегда покидаем Землю? Может, это не противоречит идее Бога о человеке? С этой мыслью мне будет легче умирать.

Или всё-таки мы на Земле — дети в песочнице, оставленные с умыслом или без умысла, без присмотра? Вы хоть однажды замечали, как ведут себя дети в песочнице, оставленные без присмотра? Уже через полчаса определится, кто сильнее, и в лучшем случае всё обойдётся только слезами. Не потому ли рушится всё, что мы строим на Земле: дома, города, государства, империи? Может быть, мы строим всё из песка и на песке, а думаем, что строим вечное?

Продолжение следует...

ПО НЕБЕСНОЙ РЕКЕ

МАРИЙСКОЕ ОЗЕРО

Кусты рябин в коралловых монистах!
За ними, далеко, среди скалистых глыб
Я вижу голубой, прозрачно-чистый
Аквармарин со звёздочками рыб.

Утоплен в мягкий бархат малахитный
(По зелени – рубиновая сыпь!),
У ног моих сухой листвой сокрытый,
Здесь набирает силу белый гриб.

Прогретый воздух полон ароматов,
Колдует над узорами паука.
И светятся насквозь в лучах заката
Медовые ладони женских рук.

* * *

Я отправлюсь к тебе по небесной реке
За окраиной дня или ночи,
В том далёком, неведомом мне далеке
Я предвижу свиданье воочью.
Белизна облаков под лопаткой весла
Невесома, как шарики ваты.
Летаргия, останься! В продлении сна
Выхожу на широкий фарватер.
То ли синь-глубина, то ль бездонная высь –
Облаков лебединая стая.
Ты летишь мне навстречу, и мы обнялись –
И восторженно ввысь улетаем...
Я отправлюсь к тебе...
Ни весла, ни крыла,
Не назначено, также, и срока,
Но легонько Пегас закусил удила -

И посыпались звёздные строки.
Я отправлюсь к тебе...

* * *

Бархатный август, пора предосенняя,
Дни золотые роятся на сломе,
Надо опять набираться терпения
И зимовать в нашем маленьком доме.
С розовым цветом заваривать утрами
Чай, вспоминая горячие дни,
Рано темнеет, с луной перламутровой
Мы остаёмся, как прежде, одни.
Долгая ночь, громыхание поезда.
В сердце, похоже, наметился сбой,
Но почему так неясно, так боязно
Как без тебя, так и рядом с тобой?

* * *

В двух шагах от дороги, где трактор стрекочет,
Ветку ели рукой отведи,
В полусумрак тоннеля со сводом игольчатым,
В храм еловый, нагнувшись, шагни.
Там во мхи бирюзовые ноги утопишь,
Удивлённый, дыханье сдержи:
Если в сердце обиду ли, ревность ли копишь —
Здесь, под елью живи, не тужи.
Если ты отягчён чьим-то злобным заклатьем,
Если ты незаслуженно бит —
Драгоценный елей с малахитовых платьев
Радость сердца в тебе оживит.
Зря клянёшь ты течение времени всуе —
Отшумят золотые дожди,
Я ещё напою, расскажу, нарисую,
Только ты приходи, приходи.

* * *

В палисаде умирали
Бледно-розовые мальвы,
Лепестки — в прожилках тёмных
Стрекозиных нежных крыл.
Отзвук прожитого лета
Граммфонами привета
Мне в открытые ладони
Грусть цветочную вложил.
Соки их ещё питают,
Но уже надломлен стебель.

Я пройду другой дорогой,
 Чтоб души не бередить.
 За решётчатой оградой
 Взору беглому усладой
 Были розовые мальвы –
 Им росы уже не пить.
 Осень на плечи набросит
 Мне цветную шаль с каймою,
 Я концы её под грудью,
 Зябко кутаясь, сведу,
 И в узорчатом рисунке
 Ткани с чёрной бахромою
 Нарисованные мальвы
 Среди других цветов найду.
 А когда зима на окнах
 Ткёт хрустальные пейзажи,
 И дробит хрусталь сосулечек
 Солнца радужного свет,
 В знойной призрачной вуали
 Бледно-розовые мальвы
 В снах цветных мне будут сниться –
 Лета дивного привет.

ЛЕСНАЯ БАЛЛАДА

Мокроносым щенком ткнулся в ноги ручей-озорник,
 То незлобно ворчит, то у камня лепечет напевно.
 Вдруг почудилось – леший смеётся, косматый старик,
 И тихонечко плачет, в лесу заблудившись, царевна.
 Пролилась наконец-то прохладная влага с небес.
 Поднималась цветная дуга над поляною волглой.
 Лес умытый сиял. Отдалённые, где-то за Волгой,
 Грозовые прощальные сполохи... Радости летних чудес!
 Колокольцы синели повсюду – то в россыпь, то в ряд.
 Медуница звала любоваться душистой периной.
 Снялся влёт из дупла боевитый пчелиный отряд,
 Прогудел над желтевшей внизу слепотою куриной.
 Все силёнки собрав для полёта – совсем ещё мал! –
 На крыло становится пытался когтистый орлёнок.
 Нас морквашинский лес как желанных гостей принимал!
 В животе округлённом толкался мой первый ребёнок.

* * *

Тусклый свет над ночью длинной,
 Размышлений долгий срок.
 Тихо. Холодно. Пустынно.
 Звёздный космос и песок...

Край пустынный, край безводный.
Миражи дрожат рекой...
В зове ночи дальновзвёздной
Есть отрада и покой.

На песке ребристой дюны
Остановка и ночлег.
Трость отзывчивые струны,
Узкоглазый человек.

Твой напев мне непонятен,
Монотонен он и дик.
А пейзаж, как лунный кратер.
Ты – мой лунный проводник?

Азиатский профиль строгий
Вычерчен на фоне звёзд.
Смежил веки тонконогий
Мой верблюд. И дремлет пёс...

* * *

Пыль «столетий» на полках,
на люстре хрустальной.
И увядшие листья домашних цветов
в пересохшей земле.
На рабочем столе – пыльный глянец
обложки журнальной –
столик маленький мой,
ты так долго грустил обо мне.

Дом мой брошенный
стал без меня сиротой.
Одиночеству этому
не придавала значенья.
Ты прости. Вот конфет
принесла и печенья,
и свистит уже чайник, как прежде,
над жаркой плитой.

Каждым звуком своим
и дыханием чуть уловимым
говоришь: моему возвращенью ты рад...
Ставлю диск, где рокошет
лесной водопад.
Вымыт пол. При ходьбе
половицы скрипят.
Знаю, я прощена... и засну
в своём кресле любимом.

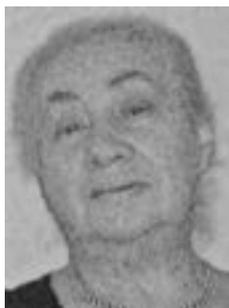
РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СЛУЖБА

Рождественская ночь, людьми наполнен храм,
Повсюду установленные ели.
Алтарь твой, устремлённый к небесам,
И эхо гулкое серебряной купели.

Как упоительно звучит церковный хор,
Ночным цветком вплетаясь в литургию!
И просветлён владыки строгий взор,
И золотом шиты рясы дорогие.

К тебе притёк народ, о, Божий сын,
Восславить твоё чудное рожденье.
Звезда волхвов — маяк ночных глубин —
Нам озаряет всенощное бденье.

ЛОРА ЗАВИЛЯНСКАЯ

НЕУМОЛКАЮЩИЙ МОТИВ

* * *

Лору Завилянскую помню с 20 лет. Мы с Инной Блейхер, с Колей Алешковым, с Женей Кувайцевым, Олегом Корабельниковым и ещё многими, всех невозможно перечислить, поступили в Литературный институт имени Горького. Сейчас кажется — это было одно из самых счастливых времён моей жизни: столько всего впереди открывалось! Как мы гордо ступали за ворота этого славного в ту пору института, ощущая себя его частицей! Как восторженно и весело узнавали тогдашнюю Москву!

Частью нашей жизни становилось общежитие Литинститута на улице Добролюбова. Здание вполне запущенное, но доверху наполненное отголосками всяческих поэтических судеб: удачных и неудавшихся, от Рубцова до Евтушенко. Мы с моей новой подругой и тёзкой Инной решили поселиться вместе. Комендантша открыла одну пустовавшую комнату, мы вошли и онемели. На замызганных обоях все её постояльцы постарались оставить следы своего пребывания. Самая крупная надпись гласила: «С утра напьюсь — весь день свободен!» Вот ещё когда мысли о свободе будоражили умы будущих поэтов и прозаиков!

Мы с Инной решили осваивать эту свободолюбивую комнату, только не знали, с чего начать... Кровати шатались, тумбочки не закрывались, у шкафов выпадали дверки. Вот тогда и возникла Лора Завилянская, мама Инны. Она специально примчалась из Киева, чтобы помочь нам устроиться... Обстановка её ничуть не смутила, казалось, она была вдвое счастливее нас от известия, что нам удалось поступить в этот институт — говорили, что 100 человек боролось за каждое место, участвуя в творческом конкурсе...

Лора Завилянская была по специальности врач-психотерапевт. Одновременно она была женой известного в России и на Украине психиатра, профессора Вадима Блейхера. Об этом я узнала позже, Инна о родителях мне пока ещё не рассказывала. Но при первой нашей встрече я ничего не обнаружила в ней от профессорской жены: она увидела, что мы растеряны, может быть, и сама была удивлена, найдя такую «непринуждённую» обстановку в комнате. Но виду не подала. Она бодро сообщила, что ей нужно на полчаса отлучиться. И точно вернулась через полчаса с пакетом. Сама взобралась на шаткий стол, сама вколотила гвозди и натянула леску над окном. Появились миленькие занавески на давно немывом окошке: потом мы его с Инной помыли. На столе возникла весёленькая скатерть, сначала мы его тоже помыли. Лора Израилевна возглавила генеральную уборку, весело распоряжалась и сама трудилась чуть ли не больше нас. Комната посвежела от её присутствия, приобрела жилой вид. Даже надпись на стене уже смотрелась по-другому. Дырки в стенах она заклеила страницами из журнала «Огонёк».

...И салатик из яиц и плавленых сырков на столе возник, и ещё какая-то вкуснятина, привезённая из Киева. Россия тогда переживала очередную нехватку продуктов в магазинах, Москва, конечно, не жаловалась — жила, как и подобает столице, вполне сыто, но мы ещё не усвоили, где что нужно покупать... Лора Израилевна весь день занималась нашим бытом и радостно знакомилась со всеми, кто заглядывал к нам в комнату. Её открытость, доброжелательность, святая вера в то, что всё идёт замечательно, были очень заразительны и передались нам с Инной. Вечером она умчалась на Киевский вокзал. Да, она не ходила, летала по жизни. Потом я помню её, когда приехала в Киев вместе с Инной. Поезд прибывал в 6 часов утра, но Лора Израилевна не только сама прибежала на вокзал, но ещё и мужа-профессора привела с собой. Вадим Моисеевич вручил мне букет, будто бы я какая-то важная особа, а не 23-летняя подруга дочери. В общем, и встречали, и провожали как родную. Ни разу в эти встречи она не созналась, что сама пишет стихи. Просто доктор, просто мама Инны.

Книжку своих стихов она подарила мне в Бостоне. Там они сейчас с Инной живут. Я не сразу прочла, мы старались побольше увидеть в Америке, об этом я, может быть, напишу отдельно, если Инна мне поможет, ведь план нашей поездки был составлен Инной и Борей — её мужем.

Лора Израилевна будто бы стеснялась, когда подписывала и дарила мне свою книгу «Лучшее впереди». В Москве я её прочла. На одном дыхании. И увидела настоящую поэзию. Я не буду в этом эссе ничего цитировать. Я не знаю, что редактор отобрал для публикации. Мне в этой книге понравился автор, её интонация, её голос. О чём бы она ни писала, порою о вполне обычных вещах и событиях, часто даже о том, что ничего не происходит... Как это написано! Вы прочтите, потом поговорим!

Ловлю себя на том, что, вернувшись из Бостона, стала по утрам подходить к окну с одними и теми же словами: «Куда они едут так рано?»

Инна ЛИМОНОВА, Москва

* * *

Уехать в другую страну,
 В другом полушарии скрыться,
 Окончить страницу одну,
 Довериться новой странице,
 Задумавшись, правду писать,
 Вдруг вымыслом строчку украсить,
 Под новую дудку плясать,
 Упасть и колени расквасить.
 Задумавшись, навзничь лежать
 Частицей всего мироздания,
 Молясь и прося избежать
 Забвения, горя, страдания...

* * *

Здесь женщины не красят губ,
 Здесь небоскрёб, стеклянный куб,
 Днём отражает небеса.
 Звучат чужие голоса,

Весной магнолия цветёт
И, на манер пчелиных сот,
На холм сбегаются дома.
Схожу с холма,
Схожу с ума.

* * *

Как ты сутулишься в досаде –
Не хмурься, так оно и есть –
Когда я робко и некстати
Прошу стихи мои прочесть!
Я потупляюсь виновато,
Но требуешь сурово ты
Невиданного результата –
Алмаза голубой воды,
И, раздраженьем тяжко маясь,
Не смотришь в сторону мою...
А я тянусь, а я стараюсь,
А я на цыпочки встаю!

* * *

Не научилась ничему –
Досадно как-то получилось.
Не понимаю, почему
Я ничему не научилась?
Я не умею жать и шить,
Кроить я не умею тоже,
Я не умею ждать и жить –
И ничему тут не сможешь.
Я не умею лгать, внимать,
Раздать, собравши по крупицам...
Я не умею понимать
И всё пытаюсь научиться.

* * *

Память – оценщик скупой, скрупулёзный, –
То выберешь слово, то полдень морозный,
На твёрдом снегу – синеватые тени,
Мгновенье, прозрение, прикосновенье...
То спрячешь, сожжёшь, замуруешь, укроешь,
То высветишь, выхватишь и успокоишь...
Цвет сливы опавший, весенняя заметь –
Память.

* * *

Прозрачная туча колышется сонно,
 Трава зеленеет внизу.
 К вершине по очень пологому склону
 Неспешно улиткой ползу.
 Миную рогатых жуков посиделки
 И божьих коровок в траве,
 Навстречу кузнечик торопится мелкий
 С рогульками на голове,
 С негромким жужжаньем стрекозы взлетают,
 Спешит муравей, семена.
 Я чувствую, знаю — звезда золотая
 Сквозь бездну глядит на меня.

* * *

Взлетает птица, рассвело,
 Кот пробежал, шурша, по гальке,
 А сердце стиснуло, свело,
 Сдавило в птичьей перепалке,
 Всё не раздышится никак,
 Всё пробует привстать, подняться
 И разглядеть заветный знак —
 Что надо, надо просыпаться...

* * *

Ты о чем? О надежде. Зачем?
 О надежде давно не писала.
 Среди множества пройденных тем
 Вспоминать я о ней перестала.
 Мы когда-то с надеждой вдвоём
 Глаз от радости не отводили,
 И лучился над ней окоём,
 И столбы световые ходили,
 И заря поджигала восток,
 И туман расстился и вился,
 И роился любовный восторг,
 В каждой жилке дрожал и струился.

* * *

Поэт посылает поэту
 Вновь изданный томик стихов.
 Он добрую ищет приметку —
 Сирень из пяти лепестков,
 Но в наспех отломанной ветви
 Её не находит. Вздохнув,

Он адрес черкнёт на конверте
И, в ящик письмо запихнув,
Домой возвращается. Долго
Ответа желанного ждёт,
На почту бредёт втихомолку,
Обратно понуро идёт...
И, выпив некрепкого чаю,
Шагает в полдневной пыли...
(На почте письмо получает,
Чтоб дома его не прочли...)
Бледнея от сердцебиенья,
Он тут же вскрывает конверт,
Но в нём не найдёт утешенья –
Похвал ожидаемых нет...
Вот росчерк последний и точка.
Глаза прикрывает, скорбя,
Прочтя одинокую строчку:
«Похожи стихи на тебя».

* * *

Седа, в немодное одета,
В углу сидит жена поэта.
Тревога на лице жены –
Стихи, что ей посвящены,
Потупясь, слушает устало...
И время позднее настало,
И мнится слушателям ужин,
И больше им поэт не нужен,
А он – читает, и жена
Как прежде – в транс погружена,
Беззвучно строчки повторяет,
И мужа взглядом озаряет...

* * *

Отель, оазис, караван-сарай,
Весенний луг с ручьями озорными –
Я думаю, что существует рай,
И мы в раю становимся иными.
Раскинется рассветная страна,
И станет мир бескраен и безбрежен,
И буду я правдива и скромна,
И ты – наивен, радостен и нежен.

* * *

Ты прости мне, что я ещё здесь –
Знаешь, мне и самой это странно.

Оседает медлительно взвесь
Из рассвета, цветов, океана.
Солнце, длинные тени черня,
К полдню выбрать сумело расцветки.
Провожает глазами меня
Пара воронов, сидя на ветке.

* * *

Я мысленно вижу себя молодой, –
Наверно, шестнадцатилетней.
Мне снится вагон полутёмный, пустой,
Спешащий, полночный, последний,
Я пристально в тёмные стёкла гляжусь,
Я к ним принимаю со стоном:
Я этой старухи не знаю! Божусь!
Отшатываюсь изумлённо.

* * *

Деревья умирают незаметно –
Лежит под ветром чёрный бурелом.
Его кропит неспешный дождь рассветный,
Опахивает ласточка крылом,
Луна над ним сияет, солнце рдеет,
О нём воспоминания храним...
Проходят годы – сад густой редееет,
Сад радостей земных редееет с ним...
Отрада умирает незаметно,
Лежит под ветром чёрный бурелом.
Его кропит неспешный дождь рассветный,
Опахивает ласточка крылом.

* * *

Мы – теплокровные. Как странно,
Что мы теплее, чем среда...
Стрекочет сердце неустанно,
И ярко-алая вода
Бежит по жилам с мягким шумом,
Румянцем щёки озарив...
Кем, для чего, когда придуман
Неумолкающий мотив,
Напев ритмичный и негромкий,
Тепло ласкающей руки –
На грани, на краю, на кромке
Всепоглощающей реки?

* * *

Старый кактус на моём окне
Расцветает на исходе мая.
Эти шутки непонятны мне –
Я таких чудес не принимаю!
Что придумал – в старости – цвести!
Вот уж не ко времени, некстати!
Что за неуместное, прости,
Что за неприличное занятие!
Всё же чаще подхожу к нему –
Как он ярко рдеет, как пылает!
Может быть, я всё-таки пойму,
Что он этим объяснить желает...

* * *

Автопортрет глядит на живописца –
Смятенно так и пристально глядит...
Какие одинаковые лица!
Разгадан шифр и тайный код раскрыт.
Какое неподдельное вниманье!
Лицом к лицу, глаза в глаза глядят.
Растерянность, испуг, непониманье,
Недоуменье выражает взгляд.
А в тайном шифре, в тайном древнем коде –
И страх, и ожидание, и бред...
И живописец, постояв, уходит,
И остаётся на стене портрет.

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ

* * *

Михаил Анищенко... Взошла и заняла достойное место на небосводе русской поэзии яркая звезда, несущая это имя. Поколение, к которому принадлежит Михаил, называют поколением детей Победы. Родившиеся в 1945–1960 годах, они успели заявить о себе ещё во времена Советского Союза. Тогда маленькую поэтическую книжечку молодого автора читали десятки, а порой и сотни тысяч граждан нашей великой страны, самой читающей страны в мире!

Михаил Анищенко стал известен любителям поэзии в возрасте двадцати с небольшим лет. В то время проводились Всесоюзные и региональные совещания и конференции молодых писателей, где литераторы знакомились друг с другом. Но, пожалуй, самым главным центром развития поэтического творчества был Литературный институт имени А.М. Горького, творческий конкурс в котором поднимался до ста человек на одно место. Там я познакомился с Михаилом Анищенко и его творчеством. Для нас Литинститут стал тем, чем был для Александра Сергеевича Пушкина и его друзей Царскосельский лицей. К студентам приходили известные писатели, учёные, космонавты... Они рассказывали то, о чём не писалось в газетах и не говорилось по радио и с телеэкранов. Они говорили правду, а эта правда не всегда была радужной.

Уже в начале восьмидесятых годов появилось ощущение грядущей катастрофы. Оно смело зазвучало в произведениях детей Победы именно тогда, когда Советский Союз стал приближаться к распаду. В стихах было много пророчеств. Но нас не слушали, как в античные времена троянцы не слушали Кассандру. Мы предупреждали о катастрофе, но люди были увлечены иллюзиями быстрого обогащения и призрачной свободы.

Наши книги стали выходить всё реже и реже, да к тому же мизерными тиражами. Быт становился ужасным, жизнь – тяжёлой. Кто-то накладывал на себя руки, а кого-то убивали инфаркты, инсульты, онкологические заболевания. Сейчас многих поэтов, с которыми я познакомился на совещаниях, конференциях и в Литературном институте, нет на брэнной планете. Это Николай Дмитриев, Николай Шипилов, Геннадий Островский, Раиса Котовская, Владимир Чурилин, Александр Швецов, Пётр Суханов, Ирина Хролова, Галина Безрукова, Василий Галюдкин, Ирина Барина, Юрий Шестаков, Александр Казанцев... Теперь к ним присоединился и Михаил Анищенко.

Живу, судьбе наперекор.

Отпела Русь, отговорила.

Под каждым деревом – топор,

Под каждым облаком – могила...»

Стихи, написанные Михаилом в последние годы, трагичны. Они соответствуют нашему времени. И всё-таки поэт с обнажённой душой видит выход из тупика. По-лермонтовски звучат его строки:

Грустно, светло мне и верится в Бога,
Снова дорога мерцает вдали.

Да, впереди дорога России — к Богу, и вместе с Богом — к земному созиданию, строительству справедливой жизни.

Когда-нибудь составят антологию поэтов — детей Победы. Они, пожалуй, ни в чём не уступят поэтам Серебряного века. А может, будут даже интересней. Особой гранью сверкнёт при этом творчество Михаила Анищенко.

Борис ОРЛОВ, Санкт-Петербург

* * *

Живу, судьбе наперекор.
Отпела Русь, отговорила.
Под каждым деревом — топор,
Под каждым облаком — могила.
Узнать бы тайну звёздных пут,
Кто вышивает сны на пяльцах,
Узнать бы, как меня зовут,
И кто я есть в небесных святцах.
Зачем дана мне слепота,
Зола, уныние, полова?
И кто я есть — после Христа
И после Юры Кузнецова?

262-Я

Подставлю ладони ноябрьской жути,
Побег превратился в бездарный разбег.
Ни бабки, ни дедки, ни внучки, ни жучки,
И жизнь, словно репка, уходит под снег...

Я брошу свой посох и скину котомку,
Сверну самокрутку... И, радуя тьму,
Потянется дым мой навстречу потомку,
И дымом отчизны предстанет ему.

А мне к полустанку идти с конвоиром,
Идти подобру, ни на что не пенять;
Да имя любимой, качаясь над миром,
Как вечную сутру, в ночи повторять.

Спешит к завершенью постылая драма,
Судья разбирает осенний улов...
И плачет в потёмках звезда Мандельштама,
И тонет в тоске пароход Гумилев.

За дверью железной темно и прогоркло,
А между застывших в безмолвии стен —
Земная любовь подступает под горло,
И ужас шевелится возле колен.

ЭЛЕГИЯ

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился,
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

ПАЛЬЦЫ

Поэты, странники, скитальцы,
Всю жизнь, где таял вечный мрак,
Мы были равные — как пальцы,
Странною сжатые в кулак.

Но за чертою «или-или»,
Где умерла любовь и честь,
Нам всё, что было, подменили
И отравили всё, что есть.

И там, где вечные паяцы
Победой пирровой горды,
Кричат отрубленные пальцы
И запечатанные рты.

И я кричу в ночи: «Родные!
В разливе морока и тьмы,
Вот эти — жалкие и злые,
Неужто это тоже мы?»

Ликуют турки и китайцы,
Высоцкий плачет: «Всё не так!»
Но растопыренные пальцы
Уже не сложатся в кулак.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Враждебны ангелы и черти. Не помнит устье про исток.
Из колбы жизни в колбу смерти перетекает мой песок.

Любовь и ненависть, и слёзы, мои объятия, чувства, речь,
Моя жара, мои морозы – перетекают. Не сберечь.

Сижу на пошлой вечеринке, но вижу я, обречено,
Как больно, в этой вот песчинке, мой август падает на дно!

Часы не ведают страданья, и каждый день, в любую ночь –
Летят на дно мои свиданья, стихи и проза... Не помочь.

И трудно мне, с моей тоскою, поверить в нечет, словно в чёт, –
Что кто-то властною рукою часы, как мир, перевернёт.

И в стародавнем анимизме, чтоб жить, любить и умирать,
Из колбы смерти в колбу жизни песок посыплется опять.

Опять я буду плавать в маме, крутить по комнате волчок...
И станут ангелы чертями, и устье вспомнит про исток.

ЦАРЕВНА

К проруби пристыла золотая рыбка.
На душе постыло. Жалко, да не шибко.

Обмелела речка. Обманула сказка.
Хоть кабак, хоть свечка – всё одна развязка.

Мне бы утопиться. Да желанья зыбки.
Наберу водицы со слезами рыбки.

И пойду в избушку стороною древней
Целовать лягушку, бывшую царевной.

ДЛЯ МАЛОГО СТАДА

Больше тайна не скрыта печатями. Прочитай до конца, и держись.
Приговор утверждён окончательно: «Мир погибнет. Останется жизнь».

Не спасутся артисты и зрители, всё свершается ныне и днесь.
Это нам предстоит упоительно потерять всё, что было и есть.

Скоро с бледной усмешкою гения, словно в строчках босого Басё,
Из туманного лона знамения выйдет месяц, решающий всё.

Вот и жди, умирая от нежности, разводя разноцветный туман,
Тридцать дней и ночей неизбежности, что предсказывал нам Иоанн.

Засияют небесные лезвия, станут пылью земной торгаши;
И откроется (после возмездия) невозможная тайна души.

БЕГСТВО

Пробираюсь к ночному Бресту, по болотам в былое бреду,
Потерял я свою невесту в девятьсот роковом году.

Я меняю лицо и походку, давний воздух вдыхаю вольно́.
Вижу речку и старую лодку, вижу дом на окраине. Но...

Полыхнуло огнём по детству, полетел с головы картуз.
Я убит при попытке к бегству... Из России — в Советский Союз.

ЛУНА

Теперь не имеет значенья,
Что память стоит на крови...
Ложатся снега отреченья
В долину прошедшей любви.

Сегодня один на земле я,
Мне дальше идти ни к чему...
Как будто лицо Галилея,
Луна пропадает в дыму.

Краснеет корона над тучей,
Созвездья — не ярче монет...
Надежда бывает, как случай.
Вдыхаешь, а воздуха нет.

Я знаю, что снег не растает,
Что искры не вспыхнут в золе;
Я знаю всё то, что не знает
Никто о тебе на земле.

Стучит за деревней дрезина,
Позёмка становится злей;
Луна выплывает из дыма,
Как будто прощён Галилей.

Она мне тропу освещает,
За нею — болото и гать...

Как будто бы мне обещает
Всё то, что нельзя обещать.

ВХОДИТ МАТУШКА...

Чтоб войти и поклониться, тихо скрипнет половица –
В невесомости.
Сердце сердцу откричало. Нет конца и нет начала
Поздней повести.
Что за звуки? Что за лица? Плакать мне или молиться?
Входит матушка.
Руки пахнут чем-то пряным, позабытым, безымянным...
– Где ты, лапушка?
Хлопнут двери за порогом, вместе с дьяволом и Богом
Входит бабушка.
Руки пахнут давним лугом, подпоясанный испугом...
– Где ты, лапушка?
Конь заржёт у коновязи. Из тумана, как из казни,
Входит дедушка.
Руки пахнут, как напасти, весь разорванный на части...
– Где ты, лапушка?
Даль туманом полонится. Снова скрипнет половица.
Входит бабушка.
Руки пахнут Ленинградом, ожиданием и адом...
– Где ты, лапушка?
Пахнет порохом и сеном, и расколотым поленом,
Дымом космоса...
То ли очи? То ли зенки? И стоят они у стенки,
Все без голоса...
Я смотрю в худые лица, вот отец в окне клубится,
Таёт бабушка.
Что за муки? Что за повесть? То ли морок? То ли совесть?
– Где ты, лапушка?

ДОРОГА

В эту ночь – без родины, без Бога, без сиянья вечного огня –
Выхожу один я. Но дорога сквозь туман уходит от меня.

Убегает зло и сиротливо, в темноте уходит из-под ног,
Словно кто-то нитку торопливо в небесах мотает на клубок.

Я не верю дьяволу и Богу. «Ты не выдай, верная рука!»
И клюкой цепляюсь за дорогу, улетает верная клюка!

Я стою, растерянный, у тынов, и не вижу, глядя в облака,
Как призывно Бела и Мартынов мне руками машут с Машука.

Я ругаю дьявола и Бога, только нечет выглядит, как чёт;
Мне под ноги падает дорога, и в другую сторону ведёт.

МАТУШКА У ОКНА

Дышат спокойно уснувшие дети,
Спит моя родина, словно жена.
Жёлтым окошком из домика смерти
Смотрит на русскую землю луна.

В домике этом, худом и бессонном,
Матушка ходит, молчанье храня.
Грустно, наверно, ей в домике тёмном
Возле окна дожидаться меня.

Письма печальные шлёт она Богу,
Вечером поздним бранит беглеца...
А ведь сама собирала в дорогу
И провожала меня до крыльца.

* * *

Грустно, светло мне и верится в Бога,
Снова дорога мерцает вдали...
Будто открыли засовы острога,
Сняли оковы и в ночь повели.

Вывели в город. Как будто простили.
Но ещё шурились из-за угла...
Будто бы рыбу с крючка отпустили,
Чтобы за лето она подросла.

ОФЕЛИЯ

С красными рыбами, с феями,
Через кувшинки и лёд
Грустно и тихо Офелия
В облаке белом плывёт.

Давних времён отторжение
Тает в глубинах Реки;
В небе её отражение
Ласточек кормит с руки.

Боль повторяется заново,
Светится куст белены...
Все, от Рембо до Иванова,
Были в неё влюблены.

Так и стоят под рябиною,
В воду макают перо...
Будто бы над Коломбиною
Блоковский плачет Пьеро.

Вот она – чистая, верная...
А в глубину – посмотри! –
Это ведь кукла фанерная
С клюквенным соком внутри.

Вот она снова – за плавнями...
Что ты заплакал, поэт?
Люди живые не плавают
В реках по тысяче лет.

Пусть уплывает из памяти,
Русая девочка – Во! –
Не увидавшая в Гамлете,
Кроме себя, – ничего!

ЗЕРКАЛЬНОЕ

Напрасно в душе ожиданье зерцало,
В душе остывающей – всё сожжено.
Как будто земля – это только зеркало,
Где царство небесное отражено.

Святая Мария в нём плачет Ниобой,
Эдем из зерцала восходит Москвой;
Небесная нежность становится злобой,
Улыбка – печалью, а радость – тоской.

Земное зеркало – мерцающим зевом
Глокает великое дело богов...
И правое тут же становится левым,
А левое правым – на веки веков.

Но кончится морок и время полона,
Осколками станет всё то, что мертво,
Когда золотая стрела Аполлона
Победно войдёт в отраженье его!

ШПАЛЫ

Здесь зреют посева невиданной злости,
Над партами всходит великий бурьян.
Мои одноклассники – кожа да кости,
Мы дети рабочих и дети крестьян.

Враждебные вихри кружатся над нами,
В деревне разруха, в полях недород;
И наши вожди, обнимаясь с попами,
Во тьму крепостничества гонят народ.

Я эту судьбу никогда не приемлю.
Не помня себя и не зная вины,
Родители наши ложатся на землю,
Как чёрные шпалы под рельсы страны.

И если убрать круговые завесы,
То можно увидеть сквозь слёзы и пот,
Как мчатся по ним золотые экспрессы,
Везущие в рай православных господ.

Я ВОДУ НОШУ

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но, как бы ни стало и ни было что бы,
Я буду носить её милой моей.
Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные ведра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу – до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.
А дальше – вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это ещё не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивлённо и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН

«СТИХИ ДИКТУЮТСЯ БОГАМИ...»

Религиозно-философские аспекты поэзии Виля Мустафина

«Жить не по лжи», «Нравственность есть правда» — эти понятия отнюдь не случайны в судьбе известного казанского поэта, ушедшего от нас в 2009 году. Они, что называется, подтверждены судьбой. Виль Салахович Мустафин, родившийся в 1935 году, действительно жил по моральным заповедям, сформулированным такими разными его предшественниками, как А. И. Солженицын и В. М. Шукшин. Это могут подтвердить, пожалуй, все, кто был знаком, встречался и дружил с ним. И в моей памяти, как и в памяти многих, он оставил неизгладимый след, след личности большого масштаба — не только мастера поэтического слова, но и мудреца, духовного наставника. Впрочем, по Пушкину, истинный поэт по сути своей и есть пророк.

Мустафин был человеком, не терпящим человеческой непорядочности, фальши, лицемерия и остро чувствующий присутствие сил зла в мире, что вносило трагические и пессимистические нотки в его мироощущение. Он ненавидел мелочную суету, пошлость, обывательство, бездуховность, царящие в жизни многих, и презирал тех, кто одержим жаждой денег, богатства и славы. С другой стороны, Мустафин говорил, что ему жалко всех людей, и он готов их прощать. Будучи человеком отзывчивым и доброжелательным, он любил помогать друзьям и знакомым. Творить добро, стремиться не столько брать, сколько отдавать — такие жизненные установки были характерны для повседневного поведения Виля Салаховича.

Для Мустафина совесть являлась важнейшим мерилom человеческого начала:

*В судьбу впряглась однажды совесть
и понеслась, не беспокоясь
о том, что будет впереди, —
аж сердце ухало в груди...
А что в итоге?.. А в итоге —
всё те же чистые дороги
без продолженья и конца,
как две ладони у лица...*

Мустафин был глубоко религиозным человеком. Ему слышался Божий голос с небес:

*В ночной тиши возник мне голос свыше...
И я внимал рассудку вопреки...
Был голос тих, но я его услышал
и обратил в движение руки:*

*«Будь слаб, как лист, и, как трава, послушен:
Дождю и ветру покорись, любя...
Не оскверни стяжательствами душу,
противоборством не сломи себя...»*

*Отдайся тем, в ком слабый свет надежды
ещё не загасился, — помоги:
укрой свечу, как прикрывают вежды
усопшему... И в вере не солги...»*

Я не думаю, однако, что имя поэта и его стихи широко известны республиканскому, а тем более, всероссийскому читателю. Да, публиковались подборки стихотворений Мустафина, интервью с ним в республиканских и городских газетах и журналах, в сборниках казанских поэтов. В начале нулевых годов было издано несколько небольших сборников нашего героя в частных издательствах очень малыми тиражами. После смерти поэта, благодаря усилиям его родных, друзей и одноклассников, было издано ещё три стихотворных сборника тиражом 200–250 экземпляров каждый. Но такие тиражи, конечно, не могут охватить широкие круги любителей поэзии. Поэзия Мустафина весьма своеобразна, глубока, она даёт уроки духовности. Ни Татарское книжное издательство, ни центральные московские издательства, ставшие в большинстве своём частными, не издавали, да и не собираются издавать сборники стихотворений ПОЭТА Виля Мустафина хотя бы в объёме его избранных стихотворений. Многих это возмущает, но переломить ситуацию очень сложно по разным причинам. Инициировать издание подлинной современной поэзии стало некому: государственные мужи сегодня глухи к пророчествам поэтов и, может быть, даже боятся их. А так называемые творческие союзы, в том числе и Союз российских писателей, в который входил Мустафин, прозябают в нищете, не имеют средств на серьёзные издательские программы. У большинства же упоминавшихся частных издательств свои приоритеты — рыночные.

Поэзия Мустафина, между тем, интересна во многих отношениях: и с художественно-эстетической, и с литературоведческой, и с философской, и с этической точек зрения. Я подойду к её анализу с позиции своей профессии, то есть как философ. Мне уже приходилось писать о Мустафине в небольшой статье, которая, в ряду других материалов о жизни и творчестве поэта, была опубликована вскоре после его смерти (см. журнал «Казань», № 1 за 2010 год). Это была первая попытка раскрытия мировоззренческого кредо поэта без обращения к его стихотворному творчеству, без конкретного анализа его произведений. И вот теперь я обращаюсь к анализу поэзии Мустафина с целью показа её религиозно-философских и этических аспектов. Сам поэт считал, что для анализа и оценки творчества любого литератора, его жизненной позиции важны только тексты его произведений и не столь значимо знание деталей его биографии. Но я всё же приведу краткую биографию Мустафина, которая, думаю, будет интересна для тех, кто не знаком с жизнью и творчеством поэта.

* * *

Виль Салахович Мустафин родился 3 мая 1935 года в Казани в семье известного татарского общественно-политического деятеля, языковеда и журналиста Салаха Атнагулова. Отец, убеждённый коммунист, бывший комиссаром в пору гражданской войны, назвал сына ВИЛ в честь Владимира Ильича Ленина, вождя мирового про-

летариата и основателя революционной партии большевиков. Увы, сработала отмеченная историками подлая закономерность: революция после своего свершения уничтожает своих творцов, её ярых защитников и сторонников. Она затронула и отца ВИЛа, который впоследствии стал просто Вилем. В 1936-м году в ряду многих отца арестовали, а в 1937-м расстреляли как врага народа. В том же году арестовали и мать, которая провела в сталинских лагерях восемь лет и вернулась домой, когда Вилю было уже 10 лет. Лишённый родителей, будущий поэт совсем маленьким мальчиком попал в детприёмник НКВД и ощутил весь ужас пребывания среди чужих дядей и тётей, среди ревуших детей, у которых также отняли мать и отца. Благодаря долгим хлопотам, деду по материнской линии Сулейману Мустафину удалось вызволить из детприёмника маленького Виля, а позднее и его старших сестёр из детдома, находившегося в городе Ирбите. Дед записал внука и внучек на свою фамилию, чтобы как-то скрыть, что они — дети врага народа. Сулейман Мустафин, правоверный мусульманин, ненавидевший Советскую власть, в 1939-м году умер. Ношу по воспитанию осиротевших детей взвалила на себя сестра матери Хадича Мустафина, которая вынуждена была из-за этого отказаться от научной карьеры и озаботиться зарабатыванием необходимых денег и добыванием продуктов питания. Виль почитал Хадичу-апу как родную мать.

Ясно, что после такого детства Мустафин с «ленинским именем» никак не мог стать коммунистом-ленинцем, о чём, по-видимому, мечтал его расстрелянный отец. Всю свою жизнь Виль сторонился какой-либо власти, политики, партии, видя в последних ту человеческую сферу, где нередко проявляются хитрость, обман, насилие, вредные утопии, пустые обещания и действует принцип «цель оправдывает средства». Хотя в то же время Мустафин, конечно, хорошо понимал, что без государства, без правовых законов невозможно нормальное функционирование общественной жизни, и правители стран по-своему исполняют некие предписания хода истории. Как это ни парадоксально, поэт, ненавидевший Сталина и пострадавший от его репрессивной политики, считал, что этот сильный и безжалостный правитель оказался наиболее подходящим, даже идеальным для нашей страны в XX веке, поскольку он угадал подспудные тайные желания её населения, мечты многих о «сильной руке», о жестоком и грозном царе, способном наказать всех воров и предателей, о деяниях которых надо только ему донести. Иначе говоря, для народа, у которого в ходу поговорка «не пойман, не вор» и который ищет в кознях и происках внешних врагов главных источников своих бед, нужен свой Сталин. Мустафин мне говорил о том, что он вполне понимает тех россиян, которые любят Сталина и до сих пор вспоминают о нём.

Но вернёмся к биографии поэта. В школьные годы у Мустафина ярко проявились математические способности. Сидя по ночам на кухне, он умело решал мате-

математические задачи не только из своего учебника, но и из учебников старших сестёр. Большое удовольствие ему доставляло нахождение самых изящных и красивых решений этих задач. Мустафин неоднократно выигрывал школьные олимпиады по математике. В 1953 году он окончил казанскую школу № 19 (эта школа знаменита тем, что в ней учились академик Р. З. Сагдеев, писатель В. П. Аксёнов и другие известные люди) и поступил на физико-математический факультет Казанского университета. С получением диплома математика в 1958 году процесс повышения квалификации в университете у Виля не закончился. Он ещё обучался в аспирантуре и писал кандидатскую диссертацию под руководством главы казанской школы геометров, профессора А. П. Нордена. Но учёным-математиком Мустафин не стал, предпочтя практику теории. Некоторое время он преподавал математику в КАИ, затем начал работать программистом, разработчиком АСУ в НИИ.

У Мустафина обнаружили и певческие способности. Обладая великолепным басом, он часто выступал на студенческих концертах и вечерах. Ректор Казанской консерватории, композитор Назиб Жиганов пригласил самодеятельного певца для учёбы в своём музыкальном заведении. Виль начал учиться в консерватории, но потом эту учёбу прекратил. Во-первых, его не устроила перспектива стать профессиональным певцом, а во-вторых, возникла срочная необходимость зарабатывать деньги на жизнь. Дело в том, что Мустафин женился, и у него появились дети. Первый брак оказался неудачным и вскоре распался. От него у Виля остался сын. Второй брак оказался счастливым. Галина Михайловна Килеева, медик по образованию, стала любовью для Мустафина на всю оставшуюся жизнь. У счастливой пары родился сын Артур, который, как и мать, стал врачом и одновременно музыкантом. В настоящее время он проживает в Санкт-Петербурге.

Программирование, опирающееся на прикладную математику и ЭВМ, стало тем поприщем, на котором Мустафин зарабатывал на жизнь. Как он сам говорил: «Меня кормила математика». Виль стал хорошим специалистом в этой сфере научно-технической деятельности, был назначен заведующим одной из лабораторий ГНИПИ-ВТ (Государственного научно-исследовательского и проектного института по внедрению вычислительной техники в народное хозяйство). При работе в НИИ у Виля ярко проявились лидерские и организаторские качества, умение легко и быстро налаживать контакты с совершенно разными людьми. Руководимая Мустафиным лаборатория успешно работала, давая положительные результаты. Мустафин часто выступал в роли инициатора различного рода новшеств, заводилы и души компании среди пёстрой публики, работавшей тогда в ГНИПИ-ВТ. Умные и содержательные речи на собраниях всё более повышали его авторитет. Словом, Мустафин превратился в весьма уважаемую и заметную фигуру в институте. Некоторым его сотрудникам Виль Салахович уже в 70-е годы казался учителем, к которому можно обращаться за помощью и советами. Умел он разрешать и возникшие споры. Кое-кто называл его даже Пришельцем, обладавшим информацией, недоступной для других.

В 80-х годах Мустафин перешёл на работу в автотранспортное хозяйство в качестве заместителя директора по науке НИПИ АСУ АТ. Здесь он столкнулся с весьма нездоровой рабочей обстановкой, в которой интриги, враньё, грубость, чванство, невежество были нередки. Виль Салахович стал тяготиться своей руководящей должностью и злоупотреблять алкоголем. На борьбу с пьянством мужа поднялась Галина Михайловна, которая в конце концов заставила его бросить пить. Хотя позднее и были отдельные срывы, но в последние десятилетия своего земного бытия Виль Салахович вёл вполне трезвый образ жизни. Преодолению тяги к алкоголю способствовала и его вера в Бога.

Мустафину был совершенно чужд карьеризм, и он никогда не стремился занять руководящие должности. Но в силу наличия соответствующих качеств его выдвигали на такие должности, и только после уговоров Виль Салахович неохотно соглашался. Предложение вступить в КПСС он наотрез отвергал. После автотранспортного хозяйства Мустафин был недолго на месте директора художественного фонда, а потом принял участие в работе кооператива, организованного несколькими его друзьями. На этом его производственно-трудовая деятельность завершилась.

В 90-е годы наконец совершилось то, о чём давно мечтал Мустафин. Ура! Теперь на работу ходить не надо. Да здравствует Свобода и Независимость! Виль Салахович затворился в своей квартире на улице Искра и целиком и полностью посвятил своё время горячо любимой поэзии.

Поэтические способности проявились у Мустафина далеко не сразу. В школьные годы он стихов не писал и не думал о них. Первый поэтический опыт имел место в студенческие годы и был связан с любовными переживаниями. Всерьёз Мустафин стал заниматься стихотворством только в возрасте 30 лет. Постепенно в нём укрепилось убеждение в том, что главным делом его жизни, диктуемым ему свыше призванием, является именно поэзия, а не математика или певческое искусство.

Ранние мустафинские стихи носили протестный характер и сразу попали в разряд «непечатных» в условиях советского времени. Но это совсем не расстроило поэта, и он продолжил писать стихи, иногда выступая с ними в кругу друзей и знакомых и на институтских вечерах. Стихи Мустафина стали распространяться через «самиздат», поэта причислили к андеграунду и даже записали в диссиденты. Но Мустафин возражал против этого, говоря, что он ничей, ни к каким группам и объединениям не принадлежит и никаких радикальных целей не преследует.

Мустафин с большим энтузиазмом и интересом осваивал богатство русской поэзии, прежде всего, Серебряного века. Он буквально влюбился в стихи Марины Цветаевой. Из этой любви родилась своеобразная книжка «Беседы на погосте», в которой поэт Мустафин ведёт диалог с Цветаевой, чередуя её стихи со своими.

Со временем из поэзии Мустафина стал уходить протестный пафос, и она в возрастающей мере начала обретать религиозно-философское содержание. В ней начал преобладать задумчиво-созерцательный и смиренно-молитвенный характер. Размышления о человеке и Боге, жизни, смерти и бессмертии вышли на передний план.

Религиозность Мустафина заметно выражена в его стихах. Дело в том, что потребность в вере поэт испытал уже в молодые годы, и, по мере взросления, богоискательские умонастроения у него стали преобладать. Долгие и мучительные искания привели Мустафина к православию. В солидном возрасте, в 55 лет он крестился в православной церкви, принял христианскую веру и обрёл церковное имя: Раб Божий Владимир.

В конце 80-х годов поэзия Мустафина появилась в официальной печати. Виль Салахович стал хорошо известен в литературных кругах Казани. Но долгое время он был как бы сам по себе и ни в какие писательские организации не вступал. Но в 2000 году по собственной инициативе Мустафин создал Казанскую городскую организацию Союза российских писателей и, став её руководителем, наладил приём пишущей братии в новую организацию. Виль Салахович помог многим начинающим поэтам в их творческом становлении. В частности, он организовал литературную студию при картинной галерее художника Константина Васильева и регулярно проводил занятия с теми, кто хотел заниматься поэзией. Я посещал эти занятия, хотя и нечасто. Мои встречи с Вилем Салаховичем и беседы с ним главным образом происходили в его квартире на улице Искра, куда я приносил для показа свои очередные опыты.

Мустафин очень серьёзно относился к редакторской деятельности. Рукописи со стихами и прозой казанских авторов он очень внимательно прочитывал, подробно разбирал, правил, оставлял на полях свои дельные замечания. Он был редактором моего сборника стихов «Откуда к нам приходят сны...», за что я ему от души благодарен. На себе я испытал строгость, тщательность и в то же время доброжелательность, внимательность со стороны Виля Салаховича.

Мустафин много курил, и это, увы, привело к роковому последствию. В 2009 году у него обнаружили рак лёгких, и 16 сентября того же года он скончался. Похоронен поэт на Арском кладбище Казани.

* * *

Перейдём теперь к непосредственному рассмотрению поэзии Виля Мустафина. Философскую содержательность и направленность ей придаёт, прежде всего, то, что в ней много внимания уделено соотношению «Человек — Мир — Бог». В связи с этим никуда нельзя уйти от важнейшего вопроса: а кто есть человек? Этот вопрос Мустафин поставил в религиозно-философском и космическом плане:

*Что Человек на сей Земле?
Небес пришелец?.. Иль изгнанник?..
Сын Сатаны?.. Богов посланник?..
а может, — поднебесный странник,
сюда забредший издале?..*

*Откуда он принёс гневливость,
неистребимую немилость
к иному жителю планет?..
И почему любовный свет
так редок для его примет?..*

*Чем изворотливость ума
Милее доброты бездумной?..
И отчего играет тьма
своей свободой бессудной?..
И почему судьбой паскудной
всегда доволен он весьма?..*

В такой постановке вопроса о человеке и его судьбе ясно звучат пессимистические и осуждающие интонации. Человек несёт в себе неразгаданную тайну, ведёт себя не так, как надо бы вести, и заслуживает иной участи.

Люди плохо знают себя и Вселенную. Мустафин считает людей «слепцами мироздания», путь которых направляет некая незримая стена, скрывающая великие тайны бытия.

*Хоть наши судьбы в будни вплетены,
и суета диктует нам поступки,
и быт нас вынуждает на уступки,
но движемся мы всё же вдоль стены,
что осязаньем путь наш направляет
и обрамляет — с внешней стороны...*

*А сверху кто-то камушки швыряет...
Строитель стен иль тот, кто разрушает*

*ограды, что другим возведены?
Не различить, коль зренья лишены...*

Человек мнит себя вершителем мировых судеб и могучим хозяином своей планеты. Но на самом деле он — пешка в скрытой игре мировых стихий и высших сил. В целях разоблачения иллюзорности человеческого могущества звучат такие ироничные и в то же время жалеющие слова поэта:

*... играй, людёнок, жалкую игру,
в которую ты принят как водящий, —
здесь всё подделка, всё — ненастоящее:
и правила, и даже сам вертящий...
Но не срывай повязки на пиру!
Иначе тьма не схлынет и к утру...*

Это, конечно, гротеск, фантастическое преувеличение. Но как сбить человеческую спесь и гордыню? Ведь у поэта нет другого средства, кроме яркого образного слова.

Человек появился в мире не случайно. Проект человека всегда существовал и существует в вечности. В стихотворении «Кроки несуществования» («кроки» по-французски означает «набросок») Мустафин пытается метафизически представить «добытийное» состояние, в котором движется некий «извечный Путник».

*Ещё ничто не затевалось
и Хаос не существовал,
лишь тьма собою любовалась,
за валом покрывая вал...
И в этом Несуществовании
шёл Путник в облаченьи тьмы...*

Критически оценивая человека, поэт в то же время хорошо понимал значение и роль его в мире как разумного и нравственного существа. Человек есть образ и подобие Божье, он — главное творение Абсолюта, и с ним связан великий Божий замысел. Но насколько же человек в своём состоянии не соответствует этому замыслу! Многие стихи Мустафина — это, по существу, крик души о таком несоответствии.

*О, Бог, лиши меня рассудка,
не дай мне знать, что я живу, —
ведь не во сне, а наяву
пустили душу на жратву, —
как вечность скармливают суткам...*

Люди! Как вы живёте?! Зачем вы «пустили душу на жратву», погрязли в суете, забыв о божественных заповедях?! Зачем вы творите зло, насилие и несправедливость?! Почему вы воруете, лжёте и постоянно обманываете и даже убиваете друг друга?! Откуда в вас столько жадности, жажды власти, богатства и денег?! Этот ряд вопросов-восклицаний, укоряющих человеческий род в греховной дисгармонии, открыто или подспудно содержится в стихах Мустафина, и его можно продолжить. Но я думаю, что и этого достаточно, чтобы понять пафос мустафинской поэзии.

Человек сам во многом виноват в несовершенном устройстве своей жизни. Он грешен, подвержен страстям, в том числе и самым низменным. Но быть человеком и соответствовать званию «человек» совсем непросто. Истина его бытия не лежит на поверхности. Окружающий мир грандиозен, прекрасен и одновременно опасен, непредсказуем (природные и техногенные катастрофы, войны и возможности стать жертвой преступления, заразиться инфекцией и др.). Он таит в себе множество неожиданностей и тайн. Каждому человеку приходится потратить много времени, приложить немало усилий и умений, чтобы найти и определить своё место в мире. На нём

лежит ответственность выбора пути своей жизни. Его так или иначе преследует страх предстоящей неизбежной смерти. И встаёт неуклонно задача-вопрос: как же лучше распорядиться тем довольно коротким временным отрезком, который представляет тебе, человек, земная жизнь? И далеко, далеко не все распоряжаются жизненным временем в соответствии с божественным замыслом и нравственными заповедями.

Совсем непростым и противоречивым оказывается положение в мире творческого человека, желающего раскрыть и утвердить свою индивидуальность в обществе. Такой человек ищет свободу, являющуюся важнейшим условием любого творчества, и часто не находит её, наталкиваясь на многочисленные преграды и трудности, на мешающие нормы и правила. Будучи непризнанным и непонятым, он вынужден замыкаться в себе, отгораживаясь всевозможными способами от окружения. Эта ситуация хорошо просматривается на примере жизни и творчества Мустафина.

Для поэта толпа и личность — вечные антиподы. Толпа представляется грубой враждебной средой, подавляющей и нивелирующей качества отдельного человека. В толпе утрачивается главное человеческое измерение — личность.

*Не ведать тупости толпы,
не чують помыслов бараньих.
Не видеть драк, не слышать брани,
не знать, что люди так глупы, —
не ведать тупости толпы...*

*Но всё напрасно... Навсегда
толпа и личность — антиподы.
Извечен сей закон природы
и неизменен, как беда...
Но всё напрасно... Навсегда...*

Как тяжело жить среди людей...

Читая стихи Мустафина, я вспоминал положения философии экзистенциализма о враждебности мира и общества по отношению к человеку, о неискоренимом метафизическом сиротстве личности, жаждущей гармонии и свободы и страдающей от их отсутствия.

В человеческом мире главенствуют зло и бездуховность. Мне кажется, что этот мир поэту метафизически представляется в виде моря зла и грязи, в котором есть только острова добра и чистоты. В обличении уродств земного бытия Мустафин, на мой взгляд, достиг поэтических вершин. Вот, например, в каких ярких поэтических строках дана картина экологической разрухи и человеческой деградации.

*А в лесах и полях — то ли фарс, то ли драма:
крики, хохот и брань, плачи, вопли и гам, —
будто небо свалилось на землю от срама,
будто недра поднялись от буйства — к верхам...*

*Всё смешалось... И птицы лопочут проклятья
перетравленным рекам, озёрам, морям.
И разгневалась люто звериная братия
По обструганным роцам, лугам и полям.*

*А людей не видать — словно вымерли люди...
Только некие полублюбки толпой*

*копошатся в какой-то громадной посуде –
то ли баня у них, то ль у них водопой...*

Или возьмём такое необычное и сильное по своей образности стихотворение, в котором дана манифестация борьбы ужасных безумных мировых сил в виде драки лебедей:

*Я испугался птичьей стаи,
что над берёзовой страной
по небу крыльями хлестала,
спознавшись будто с сатаной.*

*И облака, стремясь укрыться
от жутких криков этих птиц,
то вверх пытались возноситься,
то камнем упали ниц,*

*но ненароком вовлекались
в бесовский птичий хоровод...
и, в безысходности метаясь,
на клочья рвался небосвод...*

*И затворились очи мрака
от взгляда на беду людей...
А в небе продолжалась драка
с ума сошедших лебедей.*

Нотки апокалипсиса звучат в этом стихотворении. Мир сошёл с ума, если даже такие прекрасные птицы, как лебеди, яростно дерутся между собой.

Конечно, поэт сгущал краски, выпячивая в стихах негативные стороны земной жизни людей. Но он хотел достучаться до их сердец, пробудить в них голоса совести и ответственности и отвлечь их от культа потребления, погони за деньгами и чувственными удовольствиями.

Делая акцент на отрицательных сторонах людей и их жизни, Мустафин не забывал и о положительных сторонах человеческой природы и о радостях земной жизни, хотя эти темы реже оказывались в фокусе его поэтического творчества. Есть у него, например, чудесное стихотворение, выступающее как гимн Весне и Женщине. Вот его некоторые строки:

*Весна и Женщина!.. Вовек
неутомимое томленье,
кровей ускоренный разбег,
судьбы сулящий обновленье:*

*Весна и Женщина!.. Цветок,
укрывши завязь лепестками,
хранит под бурными веками
грядущей нежности исток:*

*Весна и Женщина!.. Цари
и благоденствуй во вселенной!
И вечной жизни путь нетленный
своим сияньем озари,*

Весна и Женщина!..

Есть красота природы и удовольствие общения с ней. Искусство украшает и вдохновляет жизнь. Есть любовь, семья, дети, друзья... Можно созидать, творить, иметь интересную работу. Есть много маленьких радостей, которые заполняют человеческое существование. Всё это нашло отражение в поэзии Мустафина, но не стало в ней главным. Главным в ней всё же является поэтическое раскрытие экзистенциальных и метафизических измерений человека и его бытия, которые стоят над суетой каждодневного быта, толкающего людей в мелочность и потребительство. И эти измерения освещают трагизм положения человека в мире, заставляют его постигать глубины собственной души, устремляют к духовным высотам и к запредельности жизни.

Мустафин в поэтической форме развивает философию человеческого одиночества в мире, причём одиночество не оценивается им как отрицательное качество людского бытия. Наоборот, оно есть благо, позволяющее человеку углубиться в самого себя, сделать великие открытия и испытать такие ощущения и переживания, которые невозможно было бы получить в присутствии других людей. Неслучайно для Мустафина любимым временем суток является ночь, когда есть возможность остаться одному, отключиться от дневных дел и суеты и погрузиться в тишину и покой, в созерцание и размышление. Подавляющее большинство своих стихотворений поэт написал именно ночью, о чём он сам нередко рассказывал. Мустафин любил ночную жизнь, противопоставляя её своей дневной жизни. Он мечтал о ночной жизни, постоянно ждал её прихода, поскольку ночь для него была временем свободы, творчества, открытий и откровений свыше.

*По ночам вокруг меня пусто,
ни души... А значит, всё — правда...
В ночь вхожу, как ухожу в пустынь,
словно в тихие ложусь травы...*

*Опускаются ко мне звёзды,
ласку неба я спиной чую...
И обиды, как вода — с вёсел,
и всплываю я, как вздох, в чудо...*

Если ночь для Мустафина — это время чудес и свободного воспарения души в небеса, то день для него — это время унылой несвободы, погружения в ненавистную толпу и исполнения тягостных обязательств. В одном из его стихотворений звучит такое откровение:

*Что только ночью я живу,
лишь темнотой дышу я,
и что печальную сову
в душе своей ношу я.*

*Что только ночью — наяву —
я вижу сны чужие...
Что только ночью я живу,
а днём — блюду часы я...*

*Что по утрам я, словно крот,
в толпу заруюсь спешно —
укроюсь общностью забот
и суетой крошечной.*

*Протычусь день туда-сюда
ослепшими мозгами,
в порыве общего труда
упрусь в бревно рогами...*

*И если в свалке не убьют,
то доживу до ночи,
омоюсь тьмой и пропою
во мглу: «Спасибо, Отче!..»*

Здесь опять гротеск плюс метафоры, с помощью которых поэт передаёт своё мироощущение. Особенно нравится ему ночь субботняя, поскольку завтра воскресенье и не надо утром вставать и идти на работу. Поэтому в полной мере можно использовать ночное время и выпустить в ночной полёт свою душу — «бедную затворницу».

*Всю неделю бедная затворница
пряталась, ютясь по углам...
Выпущу, как птаху, за оконницу,
пусть летит — у ней свои дела...*

Интересно то, что Мустафин в своём ночном одиночестве не чувствует себя одиноким. Его посещают видения расстрелянного в сталинских застенках отца, давно умершего деда, ему кажется, что над ним порхают какие-то ночные неведомые существа.

*Какие чудные создания
вершат ночами свой полёт —
над тёмным омутом сознания —
под светлой бездною высот...*

*Их очертания невнятны,
они, как дети тишины,
невелики, но необъятны
и, словно тени, не слышны...*

*И нет ни стен для них, ни окон,
движенья плавны и нежны,
они как будто издалёка,
но к нам (как — в нас) приближены...*

*И... дуновенье откровенья
повеет на душу теплом...
Созданиям этим нет сравнения,
как нет для них названья слов...*

Мистика явно присутствует в поэзии Мустафина, дыхание иномирья ощущается в её пространстве. Поэт относит себя к числу тех,

*... кто чует сердцем мир иной —
с его звучащей тишиной
и упоительнейшей жаждой...*

Чувство соприкосновения с иным миром и даже обитания в нём часто давала Мустафину классическая музыка. Поэт очень любил слушать произведения Моцарта, Баха, Шопена, Бетховена, Чайковского и других великих композиторов.

*Продрала музыка до плача...
Гадаю, думаю... О чем?..*

*Что хочет Бог сказать?.. Иначе
вся эта музыка зачем?*

*Конкретных слов не угадаю,
я только чую всем чутьём,
что, в этом мире обитая,
живу давненько в мире том.*

*И, здешних слов не понимая,
не принимая норм и прав,
я ухожу к себе, внимая
лишь ей, как запаху от трав...*

Можно вполне утверждать, что Мустафин был не только поэтически, но и религиозно-мистически одарённым человеком. Сам он говорил о том, что принадлежит к той небольшой части человечества, которая способна к «естественному восприятию Бога» и испытывает дарованную природой неодолимую потребность общения с иным миром.

Мустафин считал, что Бог просто необходим человеку, поскольку в его отсутствие тот начинает обожествлять себя, полагая, что ему всё дозволено. Никаких запретов нет, небесная кара не страшна, любые трудности и преграды преодолимы — ведь человек царь мира, хозяин природы и т.п. Но это не так. Безбожие ведёт к безответственным деяниям и нарушению морали. На самом деле человек слаб, несовершенен, грешен и нуждается в верховной поддержке, помощи и Высшем суде. И абсолютную опору он находит в Боге, который может выступить в роли гаранта доброты, утешителя и спасителя. Вера в Бога и любовь к нему одухотворяют человека, делают его более нравственным и устремляют к высоким идеалам. Но к вере в Бога он должен приходить добровольно, без какого-либо принуждения. Так рассуждал поэт, понимая, конечно, что вера сама по себе не ведёт к улучшению всего строя человеческой жизни. Религиозный фанатизм и экстремизм он относил к проявлениям сатанизма, абсолютно чуждого Божьим замыслам и делам.

Религиозные искания Мустафина были долгими и мучительными. Его мало занимали обрядные и ритуальные стороны религии, и душа была направлена на суть веры. Бог один и един, хотя пути к нему могут быть различными. Каков же его путь? Как татарин, у которого в роду к тому же было немало служителей мусульманского культа, поэт пытался принять ислам, ходил в мечеть, читал Коран. Но стать мусульманином у него не получилось, хотя он продолжал считать Коран Великой Книгой. Мустафин начал основательно изучать другие священные книги и литературу о различных конфессиях. Одно время ему очень нравился буддизм. Но в итоге он остановился на православии. Мустафина потрясла, покорила божественная фигура Христа, его святая жертвенность и великие заповеди. Поэт принял православную веру, глубоко освоив суть христианского вероучения. Он пришёл к парадоксальному выводу о том, что христианский мир совсем не живёт согласно заповедям своего Бога, и «готовность человечества к восприятию Христовых истин за две тысячи лет не продвинулась ни на йоту». В частности, Мустафин считал, что высказывание Христа, обращённое к своим ученикам, а значит, и ко всем людям «Вы во Мне, а Я в Вас», надо понимать буквально, а не метафорически. Из этого высказывания вытекает, что все люди имеют одну божественную основу, и они едины и слиты в своей бесконечной метафизической глубине, и никак не должны не только убивать друг друга, но даже бороться между собой. А человеческое противоборство в мире встречается чуть ли не на каждом шагу.

Вот строки из стихотворения «Рондо», выражающие единство людей в Боге:

*Только лишь в Боге Едином мы волей Господней едины,
Царством Небесным, в коем окраины нет, как нет и середины,
Духом Святым, изнутри нас объемлющим и единящим
Гласом Господним, с небес приходящим, — вечным и вящим.
Ты ли во мне, словно часть моей сущности вечной,
Я ли в тебе — до утробной частицы вселенной, —
с нами Господь, даровавший нам радости встречи,
с нами наш Бог, облекающий Духом нетленным.*

У Мустафина много стихотворений религиозного характера. В них отражается просветление и смирение человека, обретшего свою веру, возжелавшего добра людям, жалеющего их и обращающегося к Богу с молитвой о милости, прощении и ни-спослании благодати для всех:

*Боже мой, о Боже праведный, помилуй
всех умерших... И живущих успокой...*

*Ты прости их прегрешенья от природы —
от природы их народной, от судьбы,
от безумья их врождённого, от злобы.
И прости за то, что верую слабы.*

*О, Господь, направь людишек этих бедных,
лаской праведною путь их окропи,
уведи ты от дороги их победной,
в вере — верушке их, слабых, укрепи.*

В некоторых стихах Мустафина явно звучит мотив необходимости смирения человека со своей судьбой и окружающим миром. Поэт заставляет вспомнить о стоицизме, популярном философском направлении в античном мире. Знаменитый Сенека говорил: «Мы не можем изменить мировых отношений. Мы можем только одно: обрести высокое мужество, достойное добродетельного человека, и с его помощью стойко переносить всё, что приносит нам судьба». Именно такую жизненную позицию занимал Мустафин, что и нашло отражение в его поэзии. Земной удел человека нелёгок, но надо его достойно, не дёргаясь, воспринимать.

*Терпи, коль век тебе дарован,
терпи, как Бог нам повелел,
конец не может быть сворован,
терпи — таков земной удел.*

В другом стихотворении в развитии той же темы говорится:

*Очнись и устреми желанья
к непротивленью воли той,
что не придумана тобой,
но нам дана для проживанья
в смиренных муках ожиданья
и преклоненья пред судьбой —
во благо истины живой.*

Только, в отличие от стоицизма, признающего право человека на самоубийство в критическом положении, Мустафин отвергает это право в соответствии с христианской оценкой самоубийства и любого убийства как великого греха, хотя признаётся, что у него самого иногда возникали мысли о самоубийстве.

*Пролейся мимо рта, трава,
а ты, бесценный мой стилет,
не покидай своей оправы –
убийству оправданий нет.*

Поэт склонялся к выводу о том, что никакими революциями и реформами, никакими достижениями научно-технического и гуманитарного прогресса искоренить зло и несовершенство в земной жизни нельзя. «Царства Божьего» на Земле не построишь, а значит — не надо цепляться за эту жизнь и уходить из неё надо вовремя и с достоинством, не барахтаясь в ужасе и страхе перед лицом предстоящей смерти.

Тема смерти занимает важное место в поэзии Мустафина. Есть такая поговорка: «Только дурак не боится смерти». Виль Салахович являл тот редкий пример человека, который, будучи совсем не дураком, смерти не опасался. Наоборот, он утверждал, что смерть для него — светлая мечта, поскольку она освобождает от бренности и тягот земного существования. Мустафин говорил о том, что в этом мире ему плохо, и он нередко ощущает ненужность своего присутствия здесь. «Здесь я — чужой — в своём саду...» Честно скажу, что я с такой позицией Вилия Салаховича никак не соглашался и пытался спорить с ним. Мои аргументы в споре были таковы:

а) земная жизнь самоценна, и её никакой другой жизнью не заменишь, она есть Божий и природный дар, к которому надо относиться соответственно;

б) зачем торопиться на «тот свет», мечтать о нём, туда мы всегда успеем;

в) смерть есть боль, расставание с близкими любимыми людьми, твоя смерть принесёт им горе великой утраты;

г) если загробная жизнь существует, то не ждут ли умерших трудные испытания и новые тяготы, ведь религия обещает на «том свете» не только рай, но и ад;

д) вообще, зачем часто думать о смерти, тратить на это драгоценное время, когда можно пользоваться земными радостями — наслаждаться красотами природы, музыкой, поэзией, шедеврами искусства, любовью, общением с интересными людьми, вкусной пищей и т.д.

В то же время я был согласен с Вилем Салаховичем в том, что тема смерти имеет для человека фундаментальное философское значение и что существует диалектическое единство жизни и смерти. В поэтической форме это единство выступает у Мустафина как дуэт двух сестёр:

*Внемли, мой друг, и ты услышишь
дуэт прекрасный двух сестёр:
то — жизнь поёт, а квартирой выше
ей вторит смерть свой приговор...*

Мустафин внимательно слушал мои разглагольствования о негативном характере смерти и потом сказал, что со мной во многом согласен, но смерть для него есть не только способ ухода из земного мира, а главное — это ворота в иной мир, начало дороги в вечную жизнь и приближение к Богу. С его точки зрения, разгадка тайн данной человеку жизни лежит там, за порогом смерти. Да, в человеке инстинкт самосохранения силен, и его страх смерти естественен, но в загробной жизни ему хуже не будет, чем в земной, и надо преодолевать угнетающий страх смерти. После ухода Мустафина из жизни в его рукописных заметках была обнаружена такая фраза: «Не надо бояться смерти... за ней истинная гармония!»

Перечитывая стихи Мустафина, я натолкнулся ещё на одну «кинжальную фразу»: «... и жизнь свою узреть сквозь смерть...» Мне кажется, что по ночам поэт медитировал, мысленно надевал своего рода «очки смерти», и из мглы перед ним представляли черты мира иного. Люди, побывавшие в состоянии клинической смерти, рассказы-

вают о выходе души из тела и наблюдении себя со стороны, а некоторые из них делятся впечатлениями от видения иных миров и встреч с умершими родственниками. Эти и другие подобные необыкновенные переживания, происходящие из-за разных причин (медитация, особая система дыхания, применение наркотиков и др.), учёные называют изменёнными или особыми состояниями сознания. В таких состояниях открываются какие-то глубинные пласты человеческой памяти, и в мозг поступает ин-

формация из совершенно неведомых источников. Беру на себя смелость утверждать, что Мустафин имел немалый опыт пребывания в особых состояниях, на что он сам намекал, говоря о своей способности восприятия Бога и к контакту с иным миром*. Но главное свидетельство тому — это его стихи, такие, как «Миражи», «Туманы», «Воспоминания о небыло», «Хароновы проказы», «Стишок про время» и некоторые другие. Приведу только последнее из указанных стихов.

*Несут меня потоки временные
в неведомые дали бытия,
где царствуют красоты неземные
и лики жития совсем иные –
отличные от нашего житья,
без всякой там жратвы и пития.*

*Несут, смыкая месяцы и годы,
на тот простор, сокрытый от людей,
где воды, не похожие на воды,
мерцают светлой памятью дождей,
и, как слеза, прозрачные народы
не чтят своих невидимых вождей.*

*Несут меня потоки, растворяя
судьбу мою в минутах и часах.
И я плыву, объятая растворяя,
как облако, — черты свои теряя
и растекаясь цветом в небесах.*

* Известно немало случаев, когда люди обретали необычные способности и в результате физических или психических травм. Не исключено, что пробуждение таких способностей у Мустафина вызвала психическая травма, которую он получил в 2–3 летнем возрасте, лишившись родителей и попав в детприёмник НКВД. Маленьким мальчиком поэт пережил состояние полного ужаса, отчаяния, абсолютной незащитности и непонимания того, что же с ним и вокруг происходит. Сам же Мустафин считал, что с его организмом что-то произошло (у него почти исчезла щитовидная железа, появилась тяга к алкоголю), когда он стал свидетелем атомного взрыва (получил дозу облучения?) в 1954 г. Тогда проводились испытания атомного оружия на полигоне близ Семипалатинска в Казахстане. В тех местах Мустафин оказался в составе студенческого отряда, участвовавшего в освоении целинных земель во время летних каникул.

Эти и другие указанные стихотворения показывают расширение сознания его автора и описывают такие его ощущения, которые он никак не мог получить в обычном жизненном опыте. Правда, можно сказать, что пребывание поэта в состоянии, когда у него получаются настоящие глубокие стихи, — это само по себе особое состояние полёта воображения и фантазии.

Но не тем человеком был Виль Салахович, чтобы тешить себя пустыми мечтами и фантазиями. Слишком честным и ответственным он был перед собой и другими людьми. И я верю, что описанные в стихах необыкновенные ощущения и переживания при своих ночных бдениях он на самом деле испытал. Не только Священное писание, но и религиозно-мистический опыт поэта укрепляли его веру в загробную жизнь и бессмертие души, которая для него выступала уже как знание об этом.

Мустафин жил ожиданием иного бытия и свой земной конец воспринимал как переход к нему. Вот как он описывает этот переход в одном из своих стихотворений:

*Когда свидание с людьми
моё закончится по срокам,
я расстегну свои ремни
и весь отдамся власти рока;*

*вдохну блаженную печаль
как долгожданную свободу,
уйду к началу всех начал,
где нет намёка на природу,*

*где обитают только сны,
и время ползает ребёнком —
в сиянии голубизны,
не ограниченной ни кромкой,*

*где слабый свет — из дали в даль —
разносит музыкой беззвучья
благословенную печаль —
как счастье и благозвучье...*

Когда-то внутренний голос подсказал поэту то, что он проживёт на свете 74 года. И такое на самом деле случилось. Мустафин прожил 74 года и 4,5 месяца, достойно и спокойно встретив свою смерть.

Интересно отметить, что поэт отнюдь не возвеличивал смерть, называя её подругой, и порой в своих стихах рисовал её в весьма комическом виде. В частности, в стихотворении «Визит Смерти» он описывает ночной приход последней в виде подвыпившей скелетообразной старушки, которая сняла галоши, надела тапочки, прошла на кухню в квартире поэта и села в ожидании того, что её угостят чаем. Домашний кот, замурлыкав, обнял скелет. Но у хозяина, как на грех, не оказалось ни сахара, ни чая. Так и ушла Смерть, не попив чаю. Поэт поутру, припомнив её визит, восклицает:

*Но ведь она наведни приходила!..
И есть улики: тапки увела,
калоши же, что вечность прохудила,
оставила... Такие вот дела...*

По моему мнению, Мустафин написал такое стихотворение с целью преодоления ужаса смерти. Приход последней неожиданен и нежелателен, но он вполне возможен в обычном ходе событий. Не надо впадать перед ней в панику.

* * *

И, наконец, затронем ещё одну тему, нашедшую своё раскрытие в творчестве Мустафина. Это — сама поэзия, процесс её создания, а также её язык. Мустафин называл поэзию музыкой смысла. Поэт же — это человек, очарованный этой музыкой и желающий её не только слушать, но и творить. С одной стороны, процесс сочинения стихов — вдохновение, поиск и открытие, полёт воображения и фантазии, свободная игра чувств и ума, в общем, радость творчества, а с другой — это мучения и страдания, отчаяние от несовпадения замысла с его воплощением, ноша, которая мешает спокойно и беззаботно жить. Стихотворчество — дело трудное, капризное и противоречивое. Но у одарённого человека стихи рождаются в душе нередко спонтанно, просят выхода наружу. Эту ситуацию Мустафин своеобразно описывает в стихотворении «О даре стихоплётства». Вот последние строки из него:

*Спасите, люди, боги, — кто тут есть,
освободите от бесовской тяги:
лишите дом листа пустой бумаги
и научите спать и много есть...*

*Хочу, как все: иметь и обладать!..
Хочу, как все: к чему-нибудь стремиться!..
Мне безразлично: слава или сласть.
Мне всё равно: богатство или власть.
Мне лишь бы от стихов уgomониться...*

Но Мустафин не уgomонился, потому что у него был талант и великая потребность писать стихи. И ещё потому, что он влюбился в русский язык, устремившись всей душой к освоению его богатства.

*Величавость русской речи
давит опытом любви,
многослойным, многоречивым,
словно истиной в крови.*

Да, поэт Виль Мустафин выбрал русский язык. А мог ли он, сын татарского языковеда, стать татарским писателем? Наверное, мог бы, но только при соответствующих условиях. Но таких условий не было. Не было в Казани никакой системы обучения татарскому языку во времена детства и юности поэта. Образование на русском языке, русская языковая среда сделали Мустафина русским поэтом и не дали ему возможности реализовать свой талант в своей родной литературе. Для того, чтобы писать на литературном татарском языке, тем более на высоком художественном уровне, нужно, конечно, соответствующее образование и постоянное общение. Я говорю об этом по следующей причине. Мне известно, что среди некоторой части татарской интеллигенции бытует сердитое мнение о том, что татары, пишущие на русском языке, — это предатели, забывшие свой родной язык и отказавшиеся от национальной культуры. Хочу не согласиться с этим мнением.

Во-первых, надо сказать простую вещь: все мы, татары, есть граждане России, русский язык есть государственный язык, язык межнационального общения, и уметь красиво, художественно писать на данном языке — это важно и почётно. Во-вторых, если бы Мустафин и другие писатели, пишущие не на своём языке, выбрали бы для своего литературного творчества, скажем, английский или польский языки, то и этот свободный выбор заслуживал бы уважения и признания. В-третьих, среди татар достаточно поэтов и писателей, пишущих на татарском языке, и число их неуклонно растёт. В-четвёртых, ни Виль Мустафин, ни Роман Солнцев, ни Рустем Кутуй, ни Диас

Валиев, насколько мне известно, не отказывались от своих национальных корней и гордились своим происхождением, несмотря на то, что писали не на родном языке.

Да, Мустафин внёс вклад не в татарскую, а в русскую поэзию. Но татары могли бы гордиться и тем, что этот талантливый и неординарный человек вышел из их числа. Я же считаю, что творчество поэта Виля Мустафина следует отнести к достижениям татарской культуры, поскольку в нём богатство духа, его метания и взлёты раскрыты на высоком художественном уровне.

Конечно, я согласен с теми, кто говорит, что надо уважать и любить татарский язык, развивать свою национальную литературу и культуру. Пожелав успехов татарской поэзии и появления в ней новых Тукаев, Дэрдмендов, Туфанов, всё же опять вернусь к русской поэзии.

Богатство русского языка, с точки зрения Мустафина, позволяет создавать изысканные музыкальные стихи с глубоким неоднозначным смыслом, который интересно раскрывать, купаясь в гармонических звучаниях слов.

*Пленённый звучаньем поющего слова,
я, словно ныряльщик, пытаюсь достать
жемчужину сути — ту первооснову,
тот смысл, что хранит в языке Благодать...*

*Теченья теплы и потоки радушны,
Объяты раскрыты, я ими пленён.
Единый язык наши судьбы и души
Возносит к истокам грядущих времён.*

Или вот ещё такие строки:

*Изысканность стиха
таит в своих глубинах
молитвенный напев,
разлитый в небесах, —
он некогда нам пел
в полётах голубиных,
взвивался и стихал
в нежданных голосах.*

Почему в умной глубокой поэзии велика доля печальных и грустных стихов? На этот вопрос можно ответить так: в человеческой жизни слишком много нелёгкого и скорбного. Но дело не только в этом. Сочинение стихов нередко является для творцов способом преодоления душевных кризисов и экстремальных ситуаций. И об этом свидетельствует Мустафин:

*Пишу стихи, когда мне плохо:
хандра, депрессия, тоска...
Уж нет желания для вдоха,
А тут — соломинка, доска...
И далее:
Тут быт главенствует... и промысел...
Быт — это повод для стихов?..
А вот когда повис над пропастью,
то враз припомнишь всех богов...*

*Вот тут стихи... И нету силушки
ни удержать их, ни сдержать...*

Как ни писались бы стихи в стол, они ждут своего читателя и предназначены для него. О своих стихах, не находящих места в печати, Мустафин пишет так:

*Стихи мои — мои сироты, —
Лежите, съёжившись в углу,
укоротив свои длинноты,
в пыль обернувшись, как в хулу.*

*Мы с вами, словно в заточеньи,
Верней, в плену у забытья,
Плывём, влекомые теченьем,
Как облаченьем бытия.*

Многие стихи поэта весьма сложны по смыслу и трудны для восприятия даже для подготовленного читателя. Мустафин прямо говорит об интеллектуальном характере своей поэзии и о её непредназначенности для масс:

*... Всё, что написано мной было,
И то, что я пишу сейчас, —
не для тебя, сеньор из быдла,
не для тебя, вассал из масс...*

*Тебя ж, прости, в упор не вижу,
Когда пишу, я растворён
в потоках, посланных мне свыше
из расстояний и времён...*

Кажется, что Мустафин не уважает простой народ. Но это не так. Да, он не приемлет невежества и тупости, но народное остроумие, богатство народного фольклора поэт воспринимает всей душой. В его стихах заметно проявляются русские народные образы, мотивы и интонации, а порой стихи вообще обретают характер частушек. Например, возьмём такие строки:

*Отдыхай, земляца-матушка, —
время сева впереди...
По весне придёт Иванушка,
да с медалью на груди.*

*Будет вновь пахать и сеять,
урожая ожидать...
Такова судьба... И сетовать —
Только Бога обижать.*

Напевно, по-народному звучит мысль Мустафина о том, как стих сочиняется и становится частью его поэзии:

*Буковка — за буковкой,
слог за слогом ложится,
завучало родное,
смыслом налилось...*

*Словушко ты гулкое —
зелье приворотное,
как удавка, пряменько
в горлышко влилось.*

*Но куда же деться мне
от моей ненужности?
(А стишок невестится,
ластится, гулит...)*

*Горькая Поэзия,
я тобой отсуженный,
потому не весел я –
душенька болит...*

В стихах Мустафина звучит «плач по Россиюшке», выражается страстное желание российского народа обрести, наконец, достойную жизнь в своей стране. Таким образом, элитарность и народность находят в мустафинской поэзии своеобразное сочетание.

Подводя итог, хочу сказать о том, что данным очерком отнюдь не исчерпывается анализ идейного и тем более художественного богатства поэзии Мустафина, и дело по его раскрытию и распространению надо продолжать. Через два года исполнится 80 лет со дня рождения поэта, и я надеюсь, что этот юбилей будет отмечен в Казани на должном уровне, а поэзия Мустафина станет более известной и признанной в Татарстане, в Москве, в других городах и вообще на широких просторах России.

Автор выражает благодарность вдове поэта Галине Михайловне Килеевой за ценные сведения и советы, а также Александру Геннадьевичу Воронину за предоставление текста своей документальной повести «Невидимки», из которой автор почерпнул информацию, важную для раскрытия темы очерка.

ПОЭЗИЯ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

ИРИНА МИГАЧЁВА

ДРУГАЯ ДОРОГА

* * *

Что мне эти ямбы, хорей, дактили,
Когда мысли сами на бумагу прыгают?
Мы с тобой действительно, мама, спятели,
Если впрямь решили, что дело выгорит.

Что мне эти тема, идея, замысел –
Прочитаешь первой и вдруг возрадуешь:
Я безумец тот ещё, но не это главное,
А то, что вышло так себе, но хватает за душу.

ОТЦУ

И никого нет, кто меня бы понял,
Точнее, просто рядом нет тебя.
Пошёл второй десяток лет агонии
С злосчастливого сырого октября.
Щиплет в носу, виски привычно ломит.
В меня никто не верил так, как ты.
Безумное задумать и исполнить –
Твои в характере копирую черты.
И ощущение, что ты вот-вот вернёшься,
Преследует во сне и наяву.
В одном из снов шепнёшь, как прикоснёшься:
«Пока ты помнишь, я ещё живу».

* * *

Мир материальный – нереален,
Ничто он для души людской.
И вот, отравленный тоской,
Уже в последний путь отправлен
Твой пароход,
Твой пароплан,

Твой самосвал,
Твой самолётчик...
Всё, что хотел сказать – сказал,
Что сделать мог, то сделал вроде.

А что хотелось жить – пустяк.
На сумасшедших скоростях
Пройти порог дадут попытку.
И всё простят. И всех простят...

* * *

Без преступления нет наказания –
И опровергнуть-то, в принципе, нечем.
Аве, Мария! Вот я на Восстания,
Пальчики комкают планы на вечер
Сегодняшний, завтрашний, вечер всей жизни,
В которой совсем не боролась с собою.
Аве, мой Питер! Хорошую тризну
Я отыграла пред аналогом.
А аналой и алтарь – это камень твой:
Улицы, здания, холодные статуи.
Я проиграла. Аве, хороший мой,
Так наступает этап осознания –
Кто в этом мире я? Что должна сделать здесь?
Транс тупиковый – не вижу пути...
В чёрном неведеньи, как псина дворовая –
Я умоляю – чуток посвети,
Чтобы мне выбраться торной дорогою
Сквозь депрессивно-бессильный психоз.
Боги! Я требую, правда, немногого –
От боли и страха поставить наркоз.

* * *

Проваливай к чёрту на чай –
В преисподней он всегда нестерпимо горяч,
Так, как я не люблю.
В подреберье засело дурацкое слово «скучать»,
Я мусолю его, как конфету,
Но всё же терплю.
Это раньше: возьмишь на автобус билет
На двенадцать или пятнадцать тридцать
И двести км до дома.
А теперь: надо ждать уикенд,
И копилку лелеять, и гордо носить корону.
Мам, я выдержу, это наша с тобою печать –
Ждать, прощать и держать хвост морковкой.
Только в лёгких засело дурацкое чувство «скучать»

И сидит себе там, и не хочет
Проваливать к чёрту.

* * *

Это раньше мы были подобны богам,
И, не зная брода, смело бросались в воду.
А теперь, разведённых по двум берегам,
Нахлебавшихся досыта словом «свобода»,
Нас больше нет...

* * *

Здравствуй, Бог. А давай мы с тобой тет-а-тет
Разговаривать будем — я же умею слушать.
Ты внушишь мне какой-нибудь важный завет
И я также тебе навешаю бреда на уши.

Бог, ты есть? Если нет, то я тоже не буду.
Я устала искать и тебя, и себя в миру.
Ты в подарок мне шлешь очередную простуду,
Или просто не нужно часами гулять на ветру?

Бог, мне плохо. А тебе как живётся — можется?
Существует ли в пространстве живых миров?
Неужели однажды у нас с тобой что-нибудь сложится,
И ты сможешь забрать меня под небесный покров?

Бог, не слушай. Это моя истерика.
От воспалённых нервов и одиночества.
Я сама оттолкнула себя от родного берега.
Без тебя не сама ли себе я пророчица?

* * *

Поранила мизинец на ноге —
Вот это понимаю, вправду больно.
А в остальном сжимаю в кулаке
Характер, обещания и волю.
Исправить можно всё, и нет преград,
Чтобы не стать сильнее себя вчерашней.
Вот падает, казалось бы, звезда,
А звон стоит, как от разбитой чашки.
Как можно меньше стоит сожалеть
О том, что сделать и не сделать получилось.
Уж лучше за одну мечту сгореть,
Чем плакаться о том, что не свершилось.

* * *

Петербург со дня основания овеян мифами и легендами,
И этим самым манипулирует.
Пока ведёшь себя согласно роли гендерной,
Он беззастенчиво тебя дискриминирует.

Он игнорирует все жалкие потуги
Начать с азов, основ, и всё по-новому.
По-прежнему мне некому греть руки.
Бродить с тобой в обнимку по Дворцовому.

И я стараюсь отвлекаться, как умею,
В уме рисуя лик «а-ля Печорин»
С дурным характером, привычками и ленью,
Осознавая, как далёк и иллюзорен

Тот миг, когда меня пронзит до судорог
То самое, чего нельзя сказать.
Я туже затяну ремень подпруги,
Своё отчаянье пытаюсь обуздать.

* * *

Догоревшее солнце уходит за край,
И по небу, седому и лунному,
Мчатся души в прекрасный, заслуженный рай,
И не знают, что всё повторится по кругу:
Скоро души проснутся в утробном раю,
Где тепло, защищённость и ласка,
Где ещё нерождённому песни поют,
Прибаутки читают и сказки.
Как-то верится мне, что ещё дают шанс
Всем ушедшим туда не до срока,
Даже если пейзаж в раю — чистый Прованс,
Я б другую желала дорогу.
Пусть она не сияет закатным лучом
И сулит и преграды, и горе.
Просто нужно не быть для себя палачом
И держать в кулаке мысль и волю.
И поэтому я говорю «В добрый путь!»
Вместо всеми любимого «Царства небесного».
Не судьба нам, бессмертным, в раю отдохнуть
От привычного мира, родного и грешного.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!

Александр Петров принадлежит к тому типу художников, чьё творчество не обременено сухой рассудочностью, импульсивной по своему существу. Его живописная система, можно сказать, вырастает из природы самой техники. Создаётся впечатление, что образы его картин возникают без всякого усилия, рождаются почти сами собой. Их содержательный смысл находится в полном согласии с пластическим выражением.

Он прекрасно чувствует объём. Этому научила его скульптура. Отсюда — почти всегда фронтальное построение композиции без иллюзорности глубинного пространства и колористическая цельность цветового решения. Монументальный язык, широкая манера письма, не ищущая строгой законченности живописной формы, восприняты от скульптуры.

В большинстве своих пейзажей А. Петров не стремится к точному воссозданию облика конкретной местности. Его манера рассчитана лишь на беглое узнавание мотива, обозначенного очень обобщённо. Художник, изображая реалии, лишь намекает на их присутствие: очертания предметов рассеиваются в общем цветовом поле (серия «Елабужские мотивы»).

Натюрморты А. Петрова — это целый мир: милый, добрый, красивый и трогательный. Иногда реальные, легко узнаваемые цветы кажутся написанными с натуры, но это собирательные образы тех или иных объектов живой природы («Осенний букет»). Букеты часто заполняют всю плоскость листа, выступают на переднем плане, контрастируя с далёким пейзажным фоном («Осень в Елабуге» и др.).

Образ природы, опосредованный чувством художника, очищенный от бытовизма и мелкой детализации, возникает в последних работах — «Пора сенокосная», «Из детства» и др. В них он стремится передать своё ощущение, своё настроение — и зрителю открывается подкупающая искренность художника в передаче окружающего мира.

В неконъюнктурности творчества, обращении лишь к тому, что действительно интересно, пожалуй, главная притягательная сила произведений Александра Петрова.

Пауза СУЛТАНОВА

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!

«Когда в деревне косы бьют» к. м. 28x37 2010 г.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

«Июль» х. м. 65x75 2010 г.

«Сентябрь» х. м. 65x75 2006 г.

«Деревня Ямаш» орт. м. 33x37 2010 г.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!

Триптих «Предчувствие Нового года» к. акр. 3х60х60 2007 г.

«Европа сомневающаяся» х. м. 33х38 1996 г.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

«Лето» акр. 80х95 2010 г.

«Июль» х. м. 80х90 2006 г.

«Горячий вечер» х. м. 65х75 1998 г.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!

«В море» х. м. 65x75 2004 г.

«Сумерки» х. акр. 70x80 2007 г.

«Июнь» х. м. 70x80 2007 г.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

«У реки» х. м. 30 x 40 1999 г.

«Натюрморт зимний» х.м. 50x70 2002 г.

«Бег» х.акр. 70x80 2009 г.

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!

«Этюд» тон. гипс 20x5x4 1986 г.

«Композиция» (из серии «Похищение Европы») тон. шамот 27x10x32 2010 г.

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Портрет отца тон. гипс
35x27x29 1987 г.

Портрет матери тон. гипс
33x25x27 1986 г.

«Сердце ангела» тон. шамот 32x25x17 2010 г.

«Ангел хранитель» тон. шамот 29x18x9 2009 г.

ЧАС СОБАКИ

*Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак.
Мари де Рабютен-Шанталь де Севинье*

РЕКС

Рекс дрался с Адольфом. Они кружили по площадке, сморщив носы и оскалив клыки, бросались друг на друга, яростно рыча и кусаясь, вставали на задние лапы, пытаясь вцепиться друг другу в горло. На белом снегу чернели клочья шерсти и адели пятна крови.

Рекс, восточно-европейская овчарка, был красивым и сильным псом, с мощной грудью, широкими лапами и великолепными белыми клыками. Он жил в питомнике МВД и работал в уголовном розыске. Должность его называлась «служебно-розыскная собака». С Адольфом, соседом по вольеру, была у них давняя вражда. Тот гордился своей родословной, его предки были настоящими немецкими овчарками, а потому держался заносчиво и на своём собачьем языке высокомерно называл всех остальных собак питомника дворнягами. И вот, однажды, улучив момент, они сцепились. Рекс неосторожно подставил бок и сразу же поплатился за это. Адольф мгновенно вонзил клыки ему в шею. Рекс почувствовал сильную боль и... проснулся! Он попытался встать, но, почувствовав дурноту и слабость, снова лёг. Оглядевшись и приняв себя, он понял, что находится в ветлечебнице. Пахло лекарствами.

Постепенно Рекс вспомнил, как на рассвете к вольеру, где он спал, подбежал его проводник — лейтенант Серёжа Егоров и крикнул: «Подъём, Рекс! Есть работа». Сергей надел на Рекса ошейник, защёлкнул карабин поводка, дал команду «Рядом», и они побежали к машине, где уже сидели ребята из оперативно-следственной группы. Дежурный следователь Алексей Иванович дружески трепанул Рекса по загривку и сказал водителю Пете: «Трогай, Саврасушка!», и они поехали. Судмедэксперт Наташа, как всегда, сказала Рексу: «Привет, барбос!» — и, незаметно от Серёжи, сунула ему конфету, которую Рекс тут же с хрустом разгрыз. А Серёжа как всегда рассердился и стал ей выговаривать: «Зачем вы балуете пса, Наталья Николаевна? Не положено ему конфеты, да ещё перед работой». На что Наташа, рассмеявшись, назвала Сергея занудой, но не всерьёз, потому что все в убойном отделе знали, что Серёжа ей нравится. Рекс прижался к колену Серёжи, чтобы не мотало на поворотах, и задремал. Сквозь дрему он слышал, как Алексей Иванович рассказывал про убийство в небольшой, затерянной в лесах Предуралья, деревушке недалеко от станции

Тавтиманово. Местный участковый сообщил, что убит отец тамошнего председателя колхоза, семидесятилетний старик Михаил Перевалов. Был он подполковником в отставке и пенсию получал хорошую. Деревенские его любили и уважительно называли Батей. Никогда и никому не отказывал он в просьбе, ссужая деньгами, иной раз даже без отдачи. Жил он в стареньком доме один, жена померла несколько лет назад. По утрам дочь приносила ему молоко, а он встречал её, сидя на крыльчке. Последний раз, увидев замок на двери, она заглянула в окно и закричала от ужаса...

Наконец машина остановилась, и Рекс, выпрыгнув из неё, увидел небольшой бревенчатый дом и толпу напуганных людей рядом. Они с Сергеем вошли внутрь. Рекс нервно втянул ноздрями воздух: пахло страхом и смертью. В доме всё было перевёрнуто, вещи раскиданы по полу, видимо, преступники искали деньги. Старик лежал, навалившись на открытый сундук, голова его была разрублена, всё вокруг было залито кровью, и у Рекса шерсть на загривке встала дыбом, но лейтенант, положив ему руку на спину, сказал: «Спокойно, Рекс, спокойно».

На полу валялись бутылка из-под водки, куски хлеба и сала. Вошёл Алексей Иванович и сказал: «Начинайте, ребята». Серёжа, присев, взял голову Рекса в свои руки, помотал ею из стороны в сторону, прислонил свой лоб ко лбу пса и сказал: «Ну что, Рекс, поработаем?» — на что тот лизнул его в лицо и тихонько скульнул, а Серёжа защёлкнул у него на ошейнике карабин рабочего двенадцатиметрового поводка. Такой был у них ритуал перед работой.

Рекс пошёл по избе, нюхая воздух раздувающимися ноздрями, выскочил наружу и, поймав верхним чутьём запах крови, потянул проводника к стоявшей неподалёку скирде соломы и коротко пролаял. Подбежавший Сергей разворошил скирду, вытащил топор со следами крови и передал его Алексею Ивановичу, а Рекс, взяв след, уверенно повёл Серёжу в сторону станции. След шёл вдоль просёлка, но потом вдруг резко оборвался. Рекс закрутился на одном месте и, поняв, что след потерян, жалобно проскулил, сел и виновато опустил голову, не глядя на проводника. Но тут подъехал на лошади председатель и крикнул: «Садитесь, мужики, поехали на станцию. Эти гады, похоже, туда направились!»

Когда подъезжали к Тавтиманово, председатель предупредил: «Ты, лейтенант, поосторожнее будь — у отца ружьё пропало». Людей на платформе было немного. На скамейке сидели трое мужиков, рядом стояла полупустая бутылка водки и лежал кусок хлеба с салом. Двое были, что называется, «в хлам», а третий вдруг очнулся и при виде милиционера с собакой схватил стоявшее рядом ружьё и побежал. Серёжа отцепил поводок, скомандовал: «Рекс, фас!», и они рванулись за мужиком. Рекс догнал мужика первым и, тихонько зарывав, прыгнул, но тот обернулся и поднял ружьё. В глаза Рексу польхнули две яркие вспышки, что-то больно ударило в шею и голову, он услышал, как вскрикнул Сергей. Клыки его сомкнулись на руке мужика, она хрустнула, и Рекс потерял сознание.

Когда Рекс вспомнил всё это, его охватило волнение и неясное чувство потери. Пришёл ветврач Фёдор Фёдорович, присел рядом, поправил повязку, погладил его и, грустно вздохнув, ушёл. Рекс заскулил от боли и нехороших предчувствий. В клетку зашла Наташа, сказала: «Привет, барбос», сунула ему в рот конфетку и заплакала. Рекс конфету есть не стал, а лишь тихонько заскулил. «Нет больше у нас Серёжи, Рекс», — прошептала она и, плача, вышла, а Рекс, поняв своим шестым собачьим чувством, что произошло непоправимое, приподнял голову и завыл в полный голос.

К весне он поправился, но работать уже не мог — исчезло чутьё. Приходил Фёдор Фёдорович и с ним ещё двое мужчин в белых халатах. Рекс расслышал незнакомое слово «консилиум». Они долго осматривали и ощупывали его, пытались заставить

сделать выборку вещи по запаху и, когда Рекс не смог определить хозяина вещи, переглянулись. Фёдор Фёдорович принёс кусочек мяса, но мясом не пахло, и Рекс есть не стал. «Ну что же, Фёдор Фёдорович, всё ясно, надо выбраковывать», — сказал один, а второй согласно покивал. Тогда Фёдор Фёдорович налил в три мензурки спирт, и они выпили, подписали акт выбраковки и ушли, попрощавшись с ветврачом за руку.

Ночью Рекс спал плохо, рычал во сне. Ему снился Серёжа и поднимающий ружьё бандит. Утром пришёл Фёдор Фёдорович, принёс новый, очень красивый ошейник с медными бляшками и короткий кожаный поводок с блестящим карабинчиком. Он надел на Рекса ошейник, защёлкнул карабин и сказал: «Ну, Рекс, поехали на новую квартиру». Выйдя из лечебницы, они сели в трамвай и некоторое время ехали по городу. На одной из остановок вышли и пошли пешком. Наконец зашли в подъезд большого дома и поднялись на второй этаж. Фёдор Фёдорович позвонил, и дверь почти сразу открылась, как будто их ждали.

Дверь открыла молодая миловидная женщина с добрыми, немного грустными глазами, в белом халате и такой же белой шапочке. Рексу она сразу понравилась, и он решил, что она врач, как и Фёдор Фёдорович. Из комнаты вышел пожилой человек, крупный и ещё крепкий, но Рекс сразу почувствовал, что в груди у этого человека сидит боль. «Ну, здравствуй, Рекс», — сказал человек и, безо всякого страха протянув руку, погладил его по голове. И Рекс не оскалился и не зарычал, а вежливо повилял хвостом. «Вот и познакомились, — сказал человек. — Проходите в комнату». Женщина, которую мужчины называли Таня, сказала: «Ладно, я побегу, пап, меня больные ждут», — и ушла, на прощание потрепав Рекса по спине и протянув ему на ладошке маленький круглый шарик, кисло-сладкий на вкус. Мужчины немного поговорили, потом Фёдор Фёдорович встал, передал поводок тому, кого называл Николаем Петровичем, и сказал Рексу: «Это твой хозяин, теперь ты будешь жить здесь, вот твоё место», — и показал на матрасик в углу комнаты. — «Прощай, Рекс». И ушёл, пряча заблестевшие почему-то глаза за стёкла очков.

Они остались одни. Николай Петрович снял с Рекса ошейник и сказал: «Знакомься с новым жильём». И Рекс пошёл осматривать квартиру, а Николай Петрович сел в кресло, наблюдая за ним. Обойдя квартиру, Рекс решил было лечь на матрасик, но передумал и, подойдя к Николаю Петровичу, положил свою большую голову ему на колено и поглядел на него грустными глазами. Николай Петрович погладил пса по голове: «Не горюй, брат, теперь нас двое», — и собаке стало легче.

По утрам Николай Петрович надевал на Рекса ошейник, брал ведро с мусором, и они спускались во двор, где уже стояла машина, собирающая мусор. На второй день Рекс, как только они вышли из подъезда, отобрал у хозяина пластмассовое ведро и, подцепив его клыками, деловито понёс к машине. Женщина, принимавшая мусор, поначалу испугалась, но потом, взяв у него ведро, похвалила: «Ай, да помощник у вас, молодец какой!» После завтрака они шли гулять в сквер возле поликлиники, где работала Татьяна. Рекс с хозяином подходили к окну её кабинета, и Таня, если не было пациентов, открывала его, непременно угощала Рекса кисло-сладкой витаминкой, и они шли дальше по аллее. Николай Петрович садился на скамейку, читал газету или играл в шахматы с другими стариками. Рекс, погуляв немного и сделав все свои собачьи дела, подходил, садился рядом с хозяином и, тесно прижавшись к его колену, закрывал глаза, и ему было хорошо и спокойно.

По ночам ему иногда снилась жизнь в питомнике, лейтенант Серёжа Егоров, судмедэксперт Наташа и соседи по вольеру. Снилось ему, как они с Серёжей гонятся за бандитами, и Рекс натягивает длинный двенадцатиметровый поводок, рычит и нерв-

ничают, а Серёжа всё никак не даёт команду «фас», и тогда он начинал скулить и рычать во сне. Николай Петрович подходил к нему, клал руку на вздыбленный загривок и Рекс успокаивался. Каждый вечер они выходили из дома ровно в девять часов. хозяин называл это время «Час Собаки». Многочисленные собаководы-любители традиционно выводили своих питомцев на прогулку, и Рекс быстро познакомился с другими собаками, а с некоторыми даже подружился. Особенно ему понравилась большая, красивая, чёрная овчарка по кличке Альма. Она была прекрасно выдрессирована, а её хозяин говорил Николаю Петровичу, что таких умных собак ещё поискать.

Время от времени хозяин болел. Приходила Таня, измеряла ему давление и говорила: «Папка, у тебя сердце барахлит, давай я тебя в больницу положу. Полежать тебе нужно, полечиться». На что Николай Петрович неизменно отвечал: «Не волнуйся, дочка! Я ещё поскриплю, а если что — тебе позвоню». Таня неодобрительно качала головой и шла выгуливать Рекса. Однажды она всё-таки увезла Николая Петровича в больницу, и Рекс целый месяц жил у Тани. Но там были дети, которые шумели и лезли к нему, и он чувствовал себя неудобно. И когда хозяина выписали, Рекс был очень рад. Они опять, как раньше, стали гулять в сквере. Таня перешла работать во вторую смену, и они встречали её после работы и провозжали домой, а она угощала их витаминами и говорила, что с такими охранниками ей ничего не страшно.

Как-то раз они сидели на скамейке в сквере и ждали Таню. Народу почти не было. На соседней скамейке сидела девушка и, видимо, тоже ждала кого-то, часто поглядывая на часики. По аллее вразвалку шёл парень, мусоля сигарету в уголке рта. Увидев девушку, он подсел к ней и, оглянувшись по сторонам, схватил её за руку. «Классные у тебя «котлы», подруга, дай-ка примерить», — и стал расстёгивать браслет часов. Девушка беспомощно оглянулась по сторонам. Николай Петрович встал и направился к ней. Рекс, подбравшись, шёл рядом, нервно подрагивая. «Отпусти девочку», — приказал Николай Петрович. Парень зло ощерился: «Тебе чего, старый, на тот свет не терпится? Вали отсюда со своей шавкой блохастой!» — и крутанул рукой, картинно открыв нож-бабочку. Рекс, сморщив нос, вопросительно глянул на хозяина, ожидая команды. Парень выпустил руку девушки и сделал движение ножом в сторону хозяина. Этого Рекс вытерпеть не смог. Не дожидаясь команды, он прыгнул. Брать руку с оружием он умел лучше всех в питомнике! Через секунду парень лежал на земле и орал благим матом, прижимая к животу окровавленную руку, нож валялся под скамейкой, а от входа в сквер уже бежали милиционеры, вызванные девушкой. Рекс, вздыбив шерсть на спине и оскалив клыки, стоял над орущим преступником, всем своим видом выказывая непреодолимое желание вцепиться ему в горло.

На следующий день у Рекса был праздник! С утра пришли Фёдор Фёдорович с Наташей и принесли ему большую, вкусную кость с мясом. Пришла Таня с целой горстью витаминок, а девушка из сквера принесла большой торт. Все хвалили Рекса, гладили его, а Наташа взяла его большую голову в ладони, помотала ею из стороны в сторону, прижалась лбом к его лбу и сказала: «Молодец, барбос!», — а он лизнул её в лицо и ощутил на языке мокрое и солёное.

Приближалась осень, но дни стояли тёплые, и Рекс с хозяином по-прежнему гуляли по вечерам, поджидая Таню с работы. Как-то раз они сидели в сквере, как вдруг Николай Петрович откинулся на спинку скамейки, схватившись рукой за грудь. Рекс забеспокоился, почувствовал, что хозяину плохо, заскулил и оглянулся по сторонам, но поблизости никого не было. Тогда он встал на задние лапы и заглянул хозяину в лицо. Тот сидел, закрыв глаза, не шевелясь и часто дыша широко открытым ртом. Лицо его было искажено болью и страданием, и Рекса охватил ужас. Он метнулся по

алее к знакомому окну в поликлинике. Подбежав, он залаял, но окно не открывалось. Рекс залаял громче, но по кольцу мимо сквера проскрежетал трамвай, заглушая все звуки. И тогда Рекс прыгнул прямо в закрытое окно. Острый, словно нож, осколок

разбитого стекла воткнулся ему в горло, вспоров артерию, но он ещё успел услышать, как испуганно вскрикнула женщина, сидевшая перед Таниным столом, увидел, как повернулась к окну Татьяна, медленно поднимая руку к виску, и лицо её, с огромными глазами, стало белым, как её халат, и всё исчезло.

По аллее сквера, распугивая сиреной редких прохожих, мчалась «скорая» к человеку, одиноко сидевшему на скамейке. А из подъездов ближайших домов выходили на прогулку люди со своими четвероногими друзьями. Наступил «Час Собаки».

АЛЬМА

По обочине автодороги номер один, устало перебирая лапами, бежала большая чёрная овчарка. Время от времени она останавливалась, ложилась на землю и, тихонько повизгивая от боли, принималась лизать саднящие подушечки лап. Однако голод вновь поднимал её на ноги и, прихрамывая, поскуливая от боли, бежала она усталой трусцой вдоль дороги, принохиваясь и присматриваясь, в надежде найти хоть что-нибудь съестное. Третий день она не ела, если не считать вчерашнего нерасторопного голубя, которого ей чудом удалось схватить за крыло. Она устала, была растеряна, напугана и подавлена тем, что с нею произошло...

До того, как всё случилось, Альма, так её звали, жила в большом городе, в тёплой квартире с хозяином и хозяйкой, всегда сытая и ухоженная. Хозяин очень её любил. Он кормил её вкусной едой, купал, вычёсывал и каждый вечер подолгу гулял с нею в парке. Альма платила ему за это преданностью и удивительным послушанием. Собаки, как и люди, бывают умны и глупы. Альма была умна. Кроме того, у неё была очень хорошая родословная, а потому во время дрессировки она всё схватывала буквально на лету. В восемь месяцев они с хозяином освоили О.К.Д. — общий курс дрессировки, затем З.К.С. — защитно-караульную службу и даже следовую работу. Альме нравилось работать на площадке, нравилось правильно выполнять команды хозяина, и уж, конечно же, она была просто счастлива, когда хозяин хвалил её за правильно выполненную команду. Правда, на выставках служебных собак она не занимала первые места по одной простой причине — она была «переросток», то есть выше стандартов, принятых для восточно-европейских овчарок. После очередной выставки хозяин, утешая скорее себя, говорил ей: «Ты, Алёнка, не переживай. Ты только посмотри на них — да разве это собаки? Это же просто недоноски какие-то! Вот ты у меня лучше всех! А эти «собачники» из жюри сидят с умными физиономиями, а сами вообще в собаках ни черта не понимают! Пойдём-ка мы с тобой, дорогуша моя, лучше коньячку с расстройства треснем!» И они заходили в бар, и бармен, дружески подмигнув Альме, наливал хозяину в стакан «на два пальца» коньяку, и хозяин, не торопясь, пил и закусывал крупными зелёными оливками, и говаривал Альме: «Ты, Алька, не гляди на меня так. Врачи рекомендуют для расширения сосудов».

По вечерам хозяин и хозяйка садились в кресла перед телевизором. Альма располагалась рядом и, положив голову хозяину на колено, замирала от удовольствия, когда он почёсывал её за ухом. В девять вечера, заслышав мелодию программы «Время», она бежала в прихожую и приносила ошейник с поводком. «Труба зовёт! Наступил час собаки», — говорил, смеясь, хозяин, и они шли гулять в парк, где в это время традиционно выгуливали своих питомцев все «собачники». Они долго бродили по аллеям, и хозяин разговаривал с Альмой, хоть это и не поощрялось «Основами служебного собаководства». Но Альма этого не знала, и ей нравилось слушать голос хозяина. Однажды они повстречали старинного приятеля хозяина — Николая Петро-

вича. Рядом с ним шёл здоровенный, красивый пёс. Николай Петрович рассказал хозяину о том, как Рекс, так звали пса, попал к нему, и добавил, что о его жизни можно было бы написать целый роман. Рекс очень понравился Альме, и с тех пор они часто гуляли вместе. Эту безоблачную жизнь слегка омрачало только одно. Альма своим собачьим умом понимала, что хозяйка её не очень любит. При хозяине она относилась к Альме вроде бы хорошо, но в его отсутствие Альма сразу чувствовала плохо скрываемую неприязнь, однако же, это её особенно не волновало. Любимый хозяин был рядом — это было главным в её жизни!

Всё изменилось неожиданно! Однажды, когда хозяйка была в магазине, хозяин пришёл домой ранее обыкновенного и сразу лёг на диван. Он был бледен, тяжело и часто дышал. Альма подошла, ткнулась носом в ладонь. «Принеси-ка, Аля, мне аптечку», — приказал хозяин странным, прерывающимся голосом. Услышав знакомое слово, она метнулась в кухню, схватила зубами небольшую сумочку с красным крестом на крышке и принесла хозяину. Он достал капсулу с белыми шариками и открыл пробку, но вдруг повалился навзничь, пальцы его разжались и белые шарики раскатились по полу. Альма громко заскулила и лизнула хозяйскую руку. хозяин не двигался, и её вдруг накрыла волна страха и невосполнимой утраты! Она залаяла, в панике бросилась к двери, и тут вошла хозяйка. Подбежав к дивану, она глянула на хозяина и схватила телефонную трубку. Приехала «Скорая». Врач приложил руку к шее хозяина, заглянул ему в глаза, покачал головой, сказал медсестре: «Адреналин — полтора кубика», — и тихонько добавил: — «На всякий случай». хозяин не двигался. Это было так страшно, что Альма не выдержала и завывала в полный голос. Пришли санитар с водителем, переложили хозяина на носилки и унесли. хозяйка ушла с ними, и Альма осталась одна. Больше она хозяина не видела никогда! На третий день пришли друзья и знакомые хозяина, сели за стол, стали есть и пить. Все были хмурые, говорили тихо и хорошо про хозяина, а хозяйка плакала, растерянно заглядывала всем в глаза и спрашивала, как ей теперь жить. Альме стало жаль её, и она подошла к хозяйке, и стала лизать ей руки, и хозяйка не оттолкнула её, а обняла за шею и зарыдала, и Альма тоже заскулила, а мужчины, пряча глаза, пошли курить на балкон. Наконец все ушли, и Альма с хозяйкой остались одни. Хозяйка помыла посуду, пропылесосила ковры, долго сидела на диване и молчала, растерянно глядя в пространство остановившимся взглядом, беспомощно уронив руки. Альма села рядом и положила голову ей на колени, как когда-то хозяину. «Ну, вот и остались мы с тобой, Алька, одни. Две бабы бесхозные, — сказала хозяйка, поглаживая Альму по голове. — Что же нам с тобой делать-то теперь, а?» Налила водки, выпила, поморщилась. «Вот и кончилось моё житьё-бытьё», — подвела она невесёлый итог и снова тихонько заплакала.

С этого страшного дня жизнь Альмы сильно изменилась. Никто больше не гулял с нею в парке. Никто не водил её в клуб служебного собаководства на тренировки. По утрам хозяйка просто открывала дверь и говорила: «Иди, гуляй!» Альма выходила во двор и бродила по нему в одиночестве, невесело обнюхивая углы и мусорные баки и фыркая на кошачьи следы. Часто хозяйка уходила рано утром (ей пришлось устроиться на работу), забывая покормить Альму и выгулять её, и Альма голодала до вечера.

Через некоторое время к хозяйке стал навещаться мужчина из соседнего дома. хозяйка в такие дни становилась весёлой, собирала на стол и выгоняла Альму из комнаты. Однажды мужчина остался на ночь, а на следующий день принёс чемодан с вещами. Так у Альмы появился новый хозяин. Звали его Валентин и человек он, по-видимому, был добрый, но слабохарактерный. К Альме относился он дружески, жалел и, незаметно для хозяйки, во время обеда подсовывал ей вкусные кусочки. Он,

правда, никогда раньше не имел дела со служебными собаками, а потому и не знал, как правильно подавать команды. Альма терялась, и только благодаря природному уму и отличной дрессировке старалась выполнять непонятные ей приказы. А в доме теперь распоряжалась хозяйка. Она почему-то с каждым днём становилась всё более раздражительной, всё чаще покрикивала на Валентина, а он молчал и лишь виновато отводил в сторону глаза, когда она называла его «слабаком». Альме было его жалко. По утрам её всё так же выпускали в подъезд со словами: «Иди, гуляй!», но делали это нерегулярно и поздно, и в подъезде стали появляться лужицы и кучки. Соседи возмущённо выговаривали хозяйке, а она, придя домой, в ярости хватала тапку и била Альму, приговаривая: «Чтоб ты сдохла, гадина, как же ты мне надоела!» Альма, не понимая, за что её наказывают, только зажмуривала глаза и, поджав испуганно хвост, вздрагивала при каждом ударе. Однако всякому терпению приходит конец! Однажды, когда хозяйка ударила её особенно больно, Альма, оскалив белые клыки, пристально глядя хозяйке прямо в глаза, тихо и страшно зарычала, и в рыке её было столько злобы и отчаяния, что хозяйка испуганно взвизгнула, выронила тапку и убежала в кухню, захлопнув за собой дверь.

С того дня хозяйка открыто возненавидела Альму и постоянно твердила Валентину, что собака, скорее всего, сбесилась и её нужно отвезти в ветлечебницу и там усыпить. Валентину с трудом удалось уговорить её подождать до лета, а летом он пообещал отвезти Альму к своим родственникам в деревню. Но, откровенно говоря, ему было Альму очень жалко. Валентин успел привязаться к ней, да и Альма чувствовала расположение к доброму, хоть и слабохарактерному человеку, и он всячески тянул время, откладывая поездку. Но хозяйка не собиралась сдаваться и однажды заявила, что ей надоели эти бесконечные отсрочки, и пусть он, Валентин, забирает собаку и катится на все четыре стороны, если собака ему дороже, чем женщина, и он подчинился.

И вот, однажды утром, хозяйка вывела Альму из подъезда. Альма увидела машину хозяина и обрадовалась. Хозяйка открыла заднюю дверцу, и Альма привычно запрыгнула на сиденье, а хозяйка села рядом с Валентином, и они поехали. Альма была слегка взбудоражена этой поездкой и весело поглядывала на проносящиеся мимо поля и перелески. На какой-то миг ей даже показалось, что это хозяин сидит за рулём и теперь всё снова будет хорошо. Ехали долго, и Альма захотела на улицу. Она терпела какое-то время и, когда подъезжали к городу, стала поскуливать. Хозяйка зло глянула на неё и велела Валентину остановиться где-нибудь. «Как же ты меня достала, тварь, — проворчала она. — Ну я тебе устрою!» Альма отбежала к лесополосе и с облегчением присела в траву. Валентин тоже вышел из машины и закурил. Альма видела, как хозяйка пересела на место водителя и, хмуро глядя перед собой, постукивала пальцами по рулю. Валентин, докурив сигарету, тоже сел в машину, и Альма подумала, что пора ехать, как вдруг случилось страшное — машина тронулась с места и, быстро набирая скорость, покатила к городу, оставив Альму на обочине! Некоторое время Альма бежала за машиной, надеясь, что та остановится, но машина ехала быстро и скоро скрылась из глаз. Альма устала и перешла на медленную рысцу.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

К вечеру она дошла до города и продолжала бежать вдоль дороги, постоянно оглядываясь по сторонам и всё ещё надеясь найти хозяйку и Валентина, но всё было безрезультатно.

Две ночи Альма ночевала на автобусных остановках под скамейками. Её всё сильнее донимал голод и, хотя она никогда раньше этого не делала, ей пришлось искать пищу. Увидев стайку голубей, что-то клюющих на обочине, она прыгнула прямо в середину стаи, схватила одного из них и, воровато оглядываясь по сторонам (хозяин всегда запрещал нападать на птиц), отплёвываясь от перьев, съела его, попила из лужи и побежала дальше. Люди, стоящие на остановках, с удивлением разглядывали большую, красивую овчарку, усталую и растерянную, трусившую по обочине без хозяина. Через некоторое время она догнала человека, тоже идущего по обочине дороги. Обогнав его, Альма оглянулась, но человек шёл, думая о чём-то своём, и она побежала дальше. Ей всё сильнее хотелось есть и, к тому же, она чувствовала приближение течки. Это почуяла не только она. Заслышав сзади шорох, Альма оглянулась — за ней бежал здоровенный, лохматый пёс. Как все дворняги, был он нагл и труслив, и когда Альма, пытаясь пресечь его ухаживания, оборачивалась, морщила нос и, оскалив зубы, рычала на него через плечо, лохматый донжуан испуганно отскакивал, но не оставлял своих намерений. Вскоре к нему присоединилось ещё несколько таких же дворняг, и Альма была вынуждена остановиться. Псы крутились вокруг неё, грызлись между собой и рычали, когда Альма пыталась пресечь их попользования. Явно назревала драка, но тут подошёл человек, которого Альма обогнала на дороге. Невысокого роста, немолод, однако, ладно скроен и крепко шит. Остановившись, он стал с интересом наблюдать за развитием дальнейших событий. Альма умоляюще глянула на него и он, подойдя поближе, махнул в сторону псов спортивной сумкой и крикнул: «А ну, пошли отсюда!» Стая испуганно отпрянула, но лохматый кобель вздыбил шерсть на загривке и зарычал, оскалив клыки. «Ах ты, кобелина беспутный!» — негромко пробормотал человек, холодно прищурился, и вдруг, молниеносно схватил лохматого за воинственно задранный сверху хвост, развернул его и наподдал ботинком. Альма, ободрённая такой поддержкой, тиснула насильника за переднюю лапу. Несостоявшийся Казанова, взыв от боли и испуга, отпрыгнул в сторону. Стая, однако же, уходить не собиралась, надеясь, как видно, на численное превосходство. Альма, сморщив нос, приподняла верхнюю губу, обнажив острые белые клыки, вздыбила шерсть на загривке и негромко, но внушительно зарычала, прислонившись к ноге неожиданного заступника, всем своим видом выказывая готовность защищаться. Человек, не сводя глаз со стаи, медленно наклонился, приподнял правую штанину, вытащил из ножен, пристёгнутых к ноге, нож с чёрным лезвием, крутанул его между пальцами и в упор посмотрел на лохматого. Тот обеспокоенно закрутил башкой и, не выдержав человеческого взгляда, отвернулся. Внезапно у обочины с визгом остановилась машина. Из неё выскочил Валентин, подхватил с земли булыжник и бросился на стаю. Камень угодил лохматому в плечо. Пёс, завизжав, метнулся прочь, едва не угодив под машину. Остальные, увидев ещё одного противника, кинулись наутёк. Валентин присел на корточки и погладил Альму. «Прости, Алёнушка!» — сказал он ей, и Альма лизнула его в лицо. Из машины высунулась хозяйка: «Ты едешь или нет?» — раздражённо крикнула она. «Только с Альмой», — ответил Валентин. «Ну и чёрт с тобой, придурок! Оставайся со своей шавкой!» — крикнула хозяйка, пересела на водительское сиденье и уехала. Валентин растерянно посмотрел вслед машине и повернулся к человеку. «Меня Валентином зовут», — сказал он, протягивая руку. «Сэр», — ответил человек и, видя недоуменный взгляд, тут же поправился: «Точнее, Сергей». Они пожали друг другу руки и помолчали. «Афган?» — спросил Валентин, глядя, как Сэр играет ножом. «Чехословакия — шестьдесят восьмой», — коротко ответил Сэр, пряча нож в ножны. «Тоже не слабо. Меня под Кандагаром чутко контузило», — сказал Валентин. «А в меня «волосатик»

маленько промахнулся под Пршибрамом», — Сэр ткнул пальцем в чуть заметный шрам возле левого глаза. «Повезло!» — посочувствовал Валентин. «Да уж, — криво усмехнулся Сэр и спросил, показывая глазами на Альму. — Твоя собачка?» — «Нет — её», — ответил Валентин, имея в виду уехавшую хозяйку. «А что это она так?» — спросил Сэр. «Стервоза! — коротко ответил Валентин и добавил: — похоже, у неё входит

в привычку бросать своих». Помолчали. «Что делать думаешь?» — спросил Сэр. «Не знаю, если честно. Куда мне теперь с собакой? Сам без крыши», — ответил Валентин. «Да, дела!» — сказал Сэр, задумчиво глядя на Альму. «Родословная есть?» — спросил он. «Ещё какая! Слушай, Серёга, выручи — возьми её! Я гляжу, ты в собаках разбираешься. А собака умная! Всё понимает, как человек, только сказать не может! Учёная! — с надеждой в голосе заговорил Валентин. — Жалко, если пропадёт!» Сэр внимательно посмотрел на Альму, они встретились глазами. «Договорились», — сказал Сэр. «Спасибо тебе, брат! А родословную я тебе вышлю, как только домой доберусь. Может, коньячку на дорожку за знакомство?» — спросил обрадованный Валентин и достал из внутреннего кармана фляжку. Они выпили, постояли немного, и Валентин, записав адрес и телефон Сэра, попрощался, погладил Альму и пошёл на остановку. Альма, не зная, как ей поступить, растерянно переводила взгляд с одного на другого. Ей очень хотелось остаться возле Сэра: от него исходила спокойная уверенность и чувствовалась какая-то внутренняя сила. В то же время Валентин был её хозяином и она рефлекторно сделала движение в его сторону. Но Сэр, внимательно следивший за ней, резко и строго подал команду: «Ко мне!» Альма вздрогнула от неожиданности — это была самая любимая для неё команда, и вдруг всем своим собачьим умом поняла — это и есть настоящий её хозяин! Безо всяких колебаний она бросилась к Сэру, обошла его с правой стороны и села у левой ноги, радостно глядя на обрётённого наконец-то хозяина, всем видом своим показывая, что готова выполнить следующую команду! «Ах ты, собака страшная! Да ты у нас и вправду дрессированная!» — удивился Сэр. Альма, не отрываясь, смотрела на его сумку. Оттуда шёл умопомрачительный запах, и у Альмы потекли слюнки. Сэр перехватил её взгляд и, понимающе хмыкнув, достал из сумки два бутерброда с колбасой. «Голоднющая ты у меня, как собака!» — пробормотал он и, секунду подумав, отдал ей оба куска. Альма проглотила бутерброды, почти не жуя, и, мотнув хвостом в знак признательности, преданно глядела на хозяина. «Как же мне с тобой быть-то теперь?» — спросил он больше себя, чем её. — Я на работу иду вообще-то». И, немного подумав, решил: «Пойдёшь со мной, а там видно будет», — и дал команду: «Рядом!» Альма, выполняя команду, как приклеенная, шла возле его левой ноги, время от времени взглядывая на него. Она была счастлива! С того самого момента, как умер её бывший хозяин, она не испытывала такого чувства счастья и душевного умиротворения. Настоящее было прекрасным, а о будущем она не думала! Главное, что рядом был хозяин!

АЛЬМА И СЕМЕЙКА «СОБАЧНИКОВ»

С работы они возвращались поздно ночью и снова пешком. У Сэра был большой опыт в общении с собаками (помимо своей основной работы он много лет занимался в клубе служебного собаководства), и потому он дал Альме время сделать перед сном все свои собачьи дела, скомандовав ей: «Гуляй!», и Альма бегала вокруг, ни на минуту, однако, не выпуская драгоценного хозяина из виду! Наконец, подойдя к одному из домов, хозяин и Альма зашли в подъезд и подошли к двери квартиры. хозяин открыл дверь: «Ну, заходи, Альма, не стесняйся!» Она зашла и села у порога. Из комнаты вышла заспанная женщина в ночной рубашке. «Это ты, Серёжа?» — начала она и тут увидела собаку. — А это кто?» — «А это Альма, и она сирота, но только не казанская, а, судя по номерку на ошейнике, уфимская, — подмигнув Альме, сказал Сэр. — Я потом тебе расскажу». Женщина безо всякой боязни подошла к Альме и, присев на корточки, внимательно её осмотрела. «Лишняя не видно, но худющая, как узник Бу-

хенвальда, лапы все сбиты в кровь и, видимо, некоторое время ей пришлось голодать. Похоже на то, что несколько месяцев её почти не кормили, а если и кормили, то нерегулярно». «Я ей свой ужин отдал, так она сглотнула его, как удав», — засмеялся Сэр. Секунду подумав, женщина сказала: «Вот что, ребята: Серёга — мыть руки и за стол, а ты, страдалница, иди-ка за мной на кухню. Где у нас кормушка, которая от Лады осталась?» Альма поняла, что это новая хозяйка и надо её слушаться, но продолжала всё так же сидеть у порога. Хозяин и хозяйка недоумённо переглянулись. «Чего сидим, кого ждём?» — спросила хозяйка. Альма подняла лапу, хозяйка удивлённо поглядела на неё и улыбнулась: «Ты, спаситель бездомных, понял, что она нам хочет сказать? Похоже, она и вправду учёная!» Она принесла из ванной тряпку и вытерла Альме лапы, и Альма тут же пошла с ней на кухню. «Порядок! Нашли общий язык», — удовлетворённо подумал Сэр.

Такого вкусного супа Альма давно не ела! Она тщательно вылизала кормушку, подобрала с пола крошки и, подойдя к хозяйке, благодарно лизнула ей руку. Та засмеялась: «Ладно, не подлизывайся! Лапами твоими мы с тобой завтра займёмся, а сейчас — спать!» хозяин вытащил из кладовки матрасик и положил его в угол прихожей: «Место!» — приказал он, показав на матрас, и Альма послушно легла на него. От матрасика шёл едва уловимый запах, и Альма поняла, что до неё здесь жила другая собака. хозяин выключил свет, и они с хозяйкой ушли в спальню, а Альма блаженно растянулась на матрасе. Впервые за эти страшные три дня она была счастлива! Ночью ей снилось, как она бежит за машиной и никак не может её догнать. Альма дёргала лапами во сне и жалобно поскуливала. Сэр, услышав поскуливание, вышел из спальни и, присев возле неё, погладил по голове, и она успокоилась и уснула.

Проснувшись рано утром, Альма встала и решила осмотреть своё новое жилище. Мягко и бесшумно ступая, она пошла по коридору, обнюхивая стены и мебель. Временами на неё накатывали очень слабые, еле уловимые волны запаха другой собаки. Возле спальни хозяев она прислушалась и поняла, что хозяин ещё спит. Альма двинулась дальше и тут из другой комнаты вышла заспанная девочка лет тринадцати и направилась в ванную. От неожиданности обе оторопели. Девчонка изумлённо посмотрела на Альму и тихонько сказала: «Вот это да!» Некоторое время обе стояли, оглядывая друг друга, потом девочка сказала: «Привет! Ты кто?» Альма вежливо мотнула хвостом. Увидев этот жест дружелюбия, девочка смело подошла к собаке и, присев на корточки, погладила её. Альма, в свою очередь, лизнула её в лицо, и девочка восторженно хохотнула и крикнула в сторону детской: «Вовян, смотри, кто у нас есть!» Из детской, протирая глаза, вышел мальчишка лет пяти: «Что ты орёшь? — начал было он, но тут увидел Альму. — Ничего себе, какая собачка! Это наша?» — «Может, и наша», — неуверенно сказала девочка. «Раз у нас живёт, значит, наша!» — без тени сомнения ответил Вовян и по-хозяйски обнял Альму за шею. «Пойдём в нашу комнату, собака! А как тебя зовут?» В этот момент из спальни вышел хозяин: «А зовут её Альма, — сказал он. — И я вижу, что вы уже познакомились». Из спальни вышла хозяйка: «Доброе утро, семейка собачников! Ну, как спалось на новом месте?» — спросила она у Альмы и, потрепав её по шее, направилась в ванную. «Пап, она гулять хочет. А можно я с ней погуляю?» — спросил Вовян. «Видишь ли, сынок, она не выполняет команды неумытых дрессировщиков», — серьёзно ответил Сэр, взял в кладовке поводок, оставшийся от прежней собаки, и направился к двери, командовав Альме: «Гулять». Альма бросилась за ним. Вовян задумчиво поглядел им вслед. Во взгляде его прослеживалась явно крамольная мысль, которая сформировалась затем в крамольную же фразу: «А сам-то тоже не умывался, а она с ним пошла!» Сестра захохотала и щёлкнула его по носу: «Дурачок, забыл правило

номер один: папа всегда прав. Правило номер два: если папа не прав — смотри правило номер один...»

Вернувшись с прогулки, Альма опять села у порога. хозяин, понимая, в чём дело, позвал Вовяна. «Пап, чего это она кушать не идёт?» — спросил тот удивлённо. «Ждёт, когда ей лапы вытрет», — ответил отец. Вовян недоверчиво ухмыльнулся. Отец принёс из ванной тряпку, вытер Альме лапы, и она тут же ушла на кухню. Отец пошёл следом. Вовян некоторое время ошарашенно смотрел им вслед, потом взял тряпку и стал вытирать свои тапочки. Положительное влияние было налицо! Так Альма стала членом этой славной семьи, не зная ещё, какие испытания готовит ей судьба.

ОТМОРОЗКИ

Колбаса был патологическим садистом и «отморозком», каких мало. На зоне его не любили и боялись из-за жестокого нрава и мстительного, злобного характера. Он мог месяцами вынашивать план мести и, при удобном случае, обязательно приводил его в действие, причём делал это так хитро и изобретательно, что никто ни разу не смог доказать его причастность. А «погоняло» своё получил из-за страстной, какой-то даже гипертрофированной любви к колбасным изделиям. Он мог постоянно есть колбасу, причём делал это весьма оригинально: отрезал маленькие кусочки и тщательно их пережёвывал, методично двигая тяжёлой нижней челюстью, словно корова, жующая жвачку. Взгляд у него при этом становился мутным и бессмысленным, как у наркомана. Вся зона знала, что в такие минуты к нему лучше не соваться, тем более, что «чалился» он за умышленное убийство с особой жестокостью, как было сказано в приговоре, и сидеть ему оставалось ещё лет десять. Но пришедший с последним этапом весёлый молодой щипач и барсеточник Коля-Пальчик этих тонкостей Колбасиной натуры не знал и как-то, увидев его за любимым занятием, неудачно для себя пошутил, что, мол, обжора роет себе могилу своими собственными зубами. Вокруг было полно народу, и Колбаса сделал вид, что не расслышал. Но месяца через два после этого Коля-Пальчик менял треснутый диск на циркулярке и, когда затянул гайку, станок неожиданно включился. Он не успел отдёргнуть руку, и четыре Колиных пальца, которыми он грациозно тырил кошельки из карманов зазевавшихся трамвайных лохов, аккуратно упали в опилки, окропив их каплями крови. Расследование не дало никаких результатов. Никто ничего не видел, так как зэки, работавшие на циркулярке вместе с Колей, пользуясь неожиданной передышкой, ушли курить, и Коля-Пальчик был у станка один. К тому же он признался, что не выключил рубильник. Налицо было явное нарушение техники безопасности, и дело было благополучно закрыто. Колбаса же при каждом удобном случае, встречаясь с Колей, издевательски цедил сквозь гнилые зубы: «Был Коля-Пальчик, а стал Коля-Беспальчик. Теперь даже в носу поковыряться нечем!» И ржал, как лошадь. Некоторое время спустя к Колбасе подошёл зэк по кличке Дохлый, пришедший на зону одним этапом с Колей-Пальчиком, и протянул ему шарик от шарикоподшипника: «Держи, братан, да не теряй! У циркулярки подобрал. Ну ты и мастер, однако. Это же надо с такого расстояния прямиком в кнопку!» Дело в том, что Колбаса с детства очень метко кидал камни в цель. Никто из мальчишек во дворе не мог с ним в этом сравниться. Он мог с большого расстояния оглушить камнем пробегавшую мимо кошку, а потом в каком-нибудь укромном месте выпотрошить её, ещё живую, получая от этого наслаждение. Колбаса ничего не сказал тогда Дохлому, но, когда того решили «опустить» (на зоне узнали, что он сел за изнасилование малолетки), Колбаса неожиданно для всех встал

на его защиту и пообещал оторвать мошонку любому «быку», который дотронется до Дохлиной задницы. «Смотрящему» сидеть оставалось меньше года, и лишние разборки ему были не нужны. Он тоже знал, что Колбаса — «отморозок», и своё обещание выполнит, и приказал до поры до времени оставить Дохлого в покое. Так у Дохлого появилась «крыша», а у Колбасы — верный «шнырь». Дохлый и в самом деле был доходягой, у него был туберкулёз, жить ему оставалось не очень много, и он об этом знал, а потому было ему всё по фигуре. И, когда Колбаса предложил уйти с ним в побег, он согласился без малейших колебаний. Терять ему было нечего, а так, глядишь, на воле покуролесить удастся напоследок перед тем, как загнётся!

ПОБЕГ

Долгими зимними ночами Колбаса обдумывал план побега. Надо сказать, что внешним видом своим Колбаса идеально подходил под классическое описание типа преступника, которое составил когда-то знаменитый итальянец Чезаре Ломброзо. Выдвинутая вперёд тяжёлая нижняя челюсть, низкий, скошенный лоб, из под которого смотрели холодные, ничего не выражающие маленькие глазки, — весь этот набор достоинств характеризовал обладателя его как жестокого тупоголового убийцу. Однако первое впечатление было обманчивым. Под низким Колбасиным лбом скрывался хитрый, изворотливый, коварный и жестокий ум! Однажды Колбаса удивил всю зону своим остроумием. Как-то раз Дохлый, стоя у шконки, на которой сидел Колбаса, спросил у него: «Слышь, братан, тут один «ботаник» трындел про теорию относительности. Я ни хрена не понял, чё это в натуре?» Колбаса, чуть подумав, спросил: «Вот ты что сейчас делаешь?» Дохлый ответил: «Стою перед тобой в натуре, а чё?» Колбаса усмехнулся: «Это тебе кажется, что стоишь, а на самом деле ты сидишь, и сидеть тебе ещё лет семь. Понял?» Этот Колбасин ответ ходил потом по зоне, как анекдот.

План побега был продуман им до самой последней мелочи. В основе своей план был прост и заключался в следующем. Во время обеденного перерыва в промзону приходил тепловоз с полувагонами и становился под бункер с опилками для погрузки. Беглецам нужно было залезть в полувагоны и притаиться у стенки, закрывшись заранее припасёнными для этого широкими досками. Риск, что их могут обнаружить, был велик, и на этот момент надо было чем-то отвлечь внимание «вертухаев», и то, что придумал Колбаса, было просто гениальным по своей изобретательности! У расконвоированного водила за пачку чая выпросил он маленькую пластиковую бутылочку бензина и спрятал её на лесопилке за контейнер с отходами. Бежать решили, когда бригада выходила работать в ночную смену. Во время перерыва Колбаса, открыв крышку магнитного пускателя, оголил два отходящих провода возле клемм и пережмурил их тонкой проволокой. Пластиковую бутылочку с бензином вставил между двумя проводами, тонкой иглой проткнул в ней маленькую дырочку, предусмотрительно «загрубил» защиту, чтобы проволочка успела нагреться докрасна, и закрыл крышку пускателя. В это время тепловоз с вагонами встал под бункер. Колбаса и Дохлый незаметно забрались в вагон, прикрылись досками, и их засыпало опилками. Тепловоз подтащил вагоны к проходной, и солдаты стали проверять груз длинными металлоческими штырями — щупами (вот когда пригодились широкие доски), с силой вонзая их в опилки. Тем временем включили станок после перерыва, и пускатель взорвался! Горящий бензин разлился по опилкам, и через мгновение всё вокруг станка было охвачено пламенем. Началась суматоха! Все кинулись к лесопил-

ке. Состав с отходами тем временем удалялся от зоны всё дальше и дальше, весело погромыхивая на стыках. Часа через три, когда состав остановился у светофора, беглецы спрыгнули и скрылись в густом кустарнике на берегу небольшой речушки. Утром они решили раздобыть цивильную одежду и лодку и спуститься вниз по реке как можно дальше, в другую область. Хитрый Колбаса надеялся, что пожар на промзоне на некоторое время затормозит поиски и, пока будут искать на месте пожара, пока поймут, что в зоне их нет и сообщат «гончим» в отдел по розыску сбежавших преступников, пока те начнут оперативно-розыскные мероприятия, у него с Дохлым будет некоторая фора во времени. Они успеют добраться до маленькой станции и запрыгнуть на товарняк, идущий в обратном направлении. Вот таким заячьим скоком Колбаса надеялся замести следы, не без основания полагая, что «гончие» не будут искать их у себя под боком. Местность, куда он хотел добраться, была ему хорошо знакома. В деревушке недалеко от железной дороги жила его престарелая троюродная тётка, у которой кроме него никого из родни не осталось. Колбаса, будучи на свободе, иногда навещал её, привозил продукты и вино, и одинокая старушка всегда ждала его, «как из печки пирога». Несколько лет назад перед очередной отсидкой, он устроил на чердаке дома тайник, сделал заначку на чёрный день и с тех пор регулярно её пополнял. В тайнике, помимо солидной пачки «баксов», лежал «тэтэшник» с двумя запасными обоймами и новый паспорт. Про это Колбасино логово не знала ни одна живая душа.

СЭР

Проснувшись в восьмом часу утра, Сэр вспомнил, что сегодня воскресенье, что он с понедельника в отпуске, и снова расслабился. Некоторое время он лежал и вспоминал сон, приснившийся под утро. Во сне он перенёсся на двадцать пять лет назад в Чехословакию шестьдесят восьмого. Он снова ехал по горной дороге в колонне и в то же время почему-то видел всё как бы сверху. Он увидел, как из-за поворота дороги навстречу колонне вдруг выкатилась детская коляска, и головной танк, избегая столкновения, резко крутанулся вправо, на один страшный миг завис на краю обрыва, медленно покачиваясь, и механик-водитель успел включить заднюю передачу, и траки панически заскрежетали по камню, пытаясь удержать многотонную махину, но тут из-под гусениц посыпались обломки камней, и машина полетела в пропасть, будто в замедленном кино, переворачиваясь и заваливаясь набок. Сэр видел, как тяжёлая машина ударилась о скалу, из трансмиссии повалил чёрный дым, вырвались красно-жёлтые языки пламени, потом раздался взрыв. Это рванул боекомплект, и башня, кувыркаясь, отлетела в сторону. «Пятьдесятчетвёрка» догорала внизу, а наверху, на горной дороге из-за поворота появилась толпа людей, возбуждённо выкрикивающих: «Русские — оккупанты! Иван, уезжай домой, тебя Наташа ждёт!» В руках у них были палки, железные ломы и бутылки с зажигательной смесью, которые полетели в колонну. А со стороны гор затыкали короткоствольные «стэны» в руках длинноволосых юнцов. В ответ зло заматерились наши «акаэмы», торопливо застучал стреляными гильзами по броне башенный пулемёт, замыкающей колонну, и началась неразбериха и всеобщий бедам! В руках у Сэра бился в истерике «акаэм», веером выплёвывая стреляные гильзы, глаза заливал пот, и всё вокруг было, как в тумане. Сэр сквозь этот туман видел то длинноволосых мальчишек-«повстанцев», то перекосенное от ярости лицо сержанта Закирова, который, сотрясаясь всем телом, от бедра бил из ручного пулемёта в сторону гор и что-то при этом громко орал по-русски

и по-татарски. Зная пристрастие Закирова к ненормативной лексике, Сэр предположил, что сержант уличает матерей нападавших «волосатых» в неверности своим мужьям, намекая на их внебрачную связь с ним, сержантом Закировым, и, подвергая глубокому сомнению чистоту родословной всех «повстанцев» вместе и каждого в отдельности, а также указывает конкретное направление, в котором он, гвардии сержант Закиров, предлагает им всем проследовать. Потом в тумане Сэр увидел далёкую вспышку и тут же почувствовал удар в лицо возле левого глаза, и щека стала мокрой, и он удивился, но увидел, как сержант, упёршись стволом пулемёта в землю, сползает по крылу танка, обтирая с него грязь, а из широко открытого рта его доносятся матерные слова вперемешку со вскриками боли! И по правой штанине расплывается бурое пятно! И Сэр трясущимися руками разрывает индпакет, перетягивает сержанту жгутом ногу выше раны и прямо через штанину колет ему промедол, потом снова и снова короткими злыми очередями стреляет в сторону гор и видит, как падают от его выстрелов фигуры «волосатых», будто мишени в тире!.. Закончилось всё так же внезапно, как и началось. Получив отпор, нападавшие разбежались и, когда всё стихло, Сэр обнаружил, что сидит возле лежащего сержанта, рядом валяется автомат и пустые магазины, а правой рукой, вскинутой для броска, держит он за лезвие штык-нож! А сержант смотрит на него широко открытыми глазами, и Сэр вдруг замечает, что на пилотке у сержанта вместо звёздочки маленькая круглая дырка, а по лицу медленно стекает струйка крови... и он просыпается в холодном поту!

АЛЬМА — КОВБОЙСКАЯ ЛОШАДКА

Некоторое время он лежал, поочерёдно напрягая и расслабляя мышцы, затем пробормотал негромко: «И мальчики кровавые в глазах!..», встал и натянул спортивные брюки. Из кухни доносилось лёгкое позвякивание ложки о кастрюлю, и шёл оттуда аромат чего-то вкусного — жена готовила обед. Доносилось также смачное фырканье — это дочуня пила чай с вареньем, и периодическое почавкивание — это, видимо, ела Альма. Сэр вышел в прихожую и достал с дверного косяка чёрный метательный нож с хищным лезвием. Из кладовки вытащил доску — мишень с нарисованным на ней силуэтом, и повесил её на крюк, специально привёрнутый к входной двери. Повернувшись спиной к мишени, Сэр пошёл по коридору, покручивая нож между пальцами и бормоча старинный детский стишок: «Сёдня воскресенье — девочкам печенье! А мальчишкам-дуракам финка-ножик да наган!» Внезапно, круто развернувшись, он метнул нож, никуда особо не целясь, как могло бы показаться. Нож, однако же, с треском вонзился в то место на мишени, где у силуэта должно было быть сердце. Это был индейский метод метания ножа, описанный в руководстве Тадеуша Касьянова, и назывался он ещё методом инстинкта. Из кухни донеслось многозначительное дочунино «Ага!», что должно было означать «Папка проснулся!». Некоторое время Сэр упражнялся в метании ножа из различных положений, наконец удовлетворённо сказал сам себе «Йес, Сэр!» и направился в ванную.

Выйдя из ванной, повинувшись команде желудка и аромату борща, он вступил во владения жены. Остановившись в дверях кухни, Сэр оглядел присутствующих и, соединив английскую речь с украинскою «мовою», высокопарно произнёс: «Хау ду ю дэньки булы!» Жена, не отрывая взгляда от кастрюли, рассеянно «сделала ручкой», Альма, продолжая увлечённо лакать, пару раз вежливо мотнула хвостом, дочуня, пытаясь одновременно говорить и жевать, произнесла: «Пфивет!» Сэр встал в позу и, простёрши руку вперёд, с пафосом произнёс: «Чуть свет — я на ногах, а вы

уж за едой!». Затем, сделав страшные глаза, взревел лесным голосом: «Кто сидит на моём стуле!?» — и, воздев руки, медведем двинулся к дочуне. Та, притворно взвизгнув, пересела на соседний стул. Сэр уселся за стол и неодобрительно глянул на экран телевизора, стоявшего на тумбочке в углу кухни. На экране три грудастые поп-дивы в трусиках и лифчиках, лихо размахивая ягодицами, молодецки потряхивая грудями и время от времени производя нижними частями тел непристойные движения, пели жалостную песню о бедной девочке с окраины по имени Мэри, которая после неудачного секса совершенно разуверилась в мужиках и находится сейчас в глубочайшей депрессии. Сэр с отвращением ткнул пальцем в кнопку пульта. На экране возникло лицо популярного колдуна-экстрасенса. Он молча надувал красные щёки, сверля зрителей взглядом и пытаясь таким образом отвлечь внимание граждан от того, что происходит в разваливающейся стране. Жена, забыв про кастрюлю, прижав ложку к груди, неотрывно смотрела на экран. Сэр и дочуня переглянулись, и дочуня, хихикнув, налила ему чаю и пододвинула варенье. Папку своего она обожала, как, впрочем, и он её! На пороге кухни появился Вовян — заспанный и хмурый. «Ма! А макароны есть?» — первым делом спросил он. Макароны по-флотски были его любимым блюдом. «Слушай, бэби, как ты думаешь, нормальные люди по утрам здороваются, а?» — спросила дочуня. «Сама ты ненормальная, чё те надо?» — пробурчал Вовян. «Какой же ты всё-таки невоспитанный, грубый макаронник!» — произнесла дочуня, презрительно оттопырив нижнюю губу. Грубый макаронник Вовян набычился. «А ты зато крысинда», — пробормотал он. «Не ври! Я всю жизнь зайкой была, а ты — хомяк толстощёкий!» — засмеялась дочуня. Этого Вовян стерпеть не смог и, сжав кулаки, двинулся к дочуне. Та вскинулась на стуле с явным намерением задать ему трёпку, но тут Сэр сказал «брэк» и развёл их в стороны, как боксёров на ринге. «Ты, конечно, не умывался ещё — давай-ка в ванную», — сказал он Вовяну. Тот недовольно пробормотал: «Йес, Сэр», — исподтишка показал Дочуне кулак и обнял за шею сидевшую рядом Альму. «Во! Будешь моя лошадь!» — воскликнул он и, вспомнив вчерашнюю телепередачу про техасских ковбоев, взгромоздился на Альму верхом, картинно заложив руки за спину. Альма обречённо вздохнула и, глянув на Сэра, увидела, как он незаметно подал ей знак «лежать», повернув руку ладонью вниз. Она быстро припала на передние лапы, и Вовян, не ожидавший такого подвоха, подчиняясь силе земного тяготения, съехал с Альминой спины, с гулким стуком упёрся лбом в пол и застыл в странной позе. Альма сочувственно потянулась носом к Вовяну, и тут раздалось громкое «пук!» Альма изумлённо сказала «ффухх», попыталась, от неожиданности села на хвост и поглядела на присутствующих. На кухне царил всеобщее веселье! хозяйка уронила ложку в кастрюлю с борщём и, закрыв лицо фартуком, отвернулась к окну, сотрясаясь от смеха. Дочуня, поперхнувшись, фыркнула в чашку с чаем и, тихонько повизгивая, сползала со стула под стол. хозяин прикрыл глаза ладонью, и плечи его вздрагивали от еле сдерживаемого смеха. Слегка сконфуженный Вовян поднялся с пола, пробормотал Альме: «А ты, Алька, предательница! Я с тобой больше играть не буду!», — и с независимым видом удалился в ванную. Умывшись, он подошёл к матери и снова начал канючить, выпрашивая у неё свои любимые макароны. «Черти вы полосатые! Как вы меня достали! Катитесь-ка вы от меня к чёртовой бабуске!» — воскликнула мать, вылавливая ложку из кастрюли. «Па! Она нас в деревню к бабуле посылает!» — сделал вывод простодушный Вовян. Мать, оторвавши взгляд от кастрюли, изумлённо глянула на него и снова захохотала. Просмеявшись, она сказала: «А правда, Серёжа, съездил бы ты в деревню, а то у нас картошка кончается, да и луку не мешало бы захватить». Сэр, накрывши голову ладонью левой руки, лихо вскинул правую к виску, отдавая честь, выкатил глаза и выкрикнул: «Йес, мэм!» До-

чуня и Вовян в один голос воскликнули: «Ура! В деревню едем! С ночёвкой! Рыбачить будем!» — и бросились собирать свои вещи, но столкнулись в двери. Произошла небольшая потасовка, в результате которой кто-то наступил Альме на лапу, она обиженно рывкнула и с громким лаем бросилась вон из кухни! «Сумасшедший дом!» — воскликнула хозяйка.

ФЛИБУСТЬЕРЫ И АВАНТЮРИСТЫ...

В благодушном настроении Сэр спускался по ступеням подъезда, предвкушая поездку в деревню, баню и утреннюю рыбалку. Рядом семеняла Альма, весело вертя хвостом, отмечая цоканьем когтей каждую ступеньку и радостно поглядывая на хозяина. Она любила бывать в деревне. Там, на берегу маленькой речушки, в которой в изобилии водилась рыба, в небольшом домике жила мать хозяина — бабушка Аня. Все, однако, называли её просто Бабаня, и она к этому привыкла и не обижалась. С самого первого приезда в деревню Альма и Бабаня подружились, и старушка всегда старалась накормить Альму чем-нибудь вкусеньким. И сейчас, сбегая по ступенькам, Альма радовалась предстоящей поездке и встрече с Бабаней.

Выйдя из подъезда, Сэр и Альма остановились. Солнце сияло! На голубом, словно выстиранном, небе не было ни единого облачка. Под утро прошёл короткий дождик, и с асфальта поднимался лёгкий парок, а воздух, насыщенный озоном, был свеж и вкусен. Они двинулись было к машине, но были вынуждены остановиться перед неожиданным препятствием. У самого подъезда стоял Москвич «каблук» с распахнутой задней дверцей. Весь проём двери занимал необъятный зад, обтянутый импортными джинсами и производящий странные телодвижения. Остальные части организма были сокрыты в недрах кузова, откуда доносились не менее странные звуки: сопение, крикание, тяжёлые вздохи и матерные слова. Все эти атрибуты принадлежали соседу с нижнего этажа Гене Кукину по прозвищу «Свинтус», который спекулировал мясopодуктами. Свинтус занимался тем, что скупал у жителей окрестных деревень свиные туши оптом практически за бесценок, нещадно при этом обвешивая и обманывая при расчёте «аборигенов», а потом продавал это мясо на рынке втридорога, имея немалую прибыль. Некоторое время Сэр и Альма молча наблюдали за перемещениями джинсового зада и вслушивались в рыкание, доносящееся из недр «каблука». Затем Сэр пропел: «Так, прощаясь с дорогим и близким, шли в погоню за своей мечтой флибустьеры и авантюристы — экипаж машины боевой», и легонько шлёпнул по необъятному заду Гены тыльной стороной ладони. На мгновение зад замер, в «каблуке» воцарилась тишина, затем послышалось утробное рычание, и из кузова на свет Божий появился весь Свинтус с толстым, красным лицом, с которого недобро смотрели на окружающих маленькие, близко посаженные глазки. От него исходил заряд негативной энергии такой силы, что у Альмы шерсть на загривке стала подниматься. Сэр, заметив это, положил руку ей на спину и тихонько произнёс: «Тихо, Аля, тихо. Он не опасен». Свинтус, глянув мельком на Альму, неодобрительно пробурчал: «А, это ты, Серый? Опять псину завёл? Ну, чё хотел?» Сэр иронически ухмыльнулся: «Я бы хотел, сэр, чтобы вы, сэр, соизволили убрать свою колымагу с прохода, сэр», — ответил он. Свинтус, сплюнув на землю, раздражённо пробурчал: «Обождёшь, не барин. Видишь, мне некогда», — и вновь погрузился в недра кузова, задрав к небу филейную часть туловища. Сэр, подавив страстное желание дать Свинтусу хороший пинок, тихонько пробормотал Альме: «Вот так всегда, Алёнка, — всё приходится делать самому», — перепрыгнул через газонные ограждения и, усевшись в кабину Москвича, медленно

тронул с места. Свинтус, не успевши извлечь своё дородное туловище из кузова, вынужден был двигаться вместе с машиной, суетливо перебирая толстыми ногами и изрыгая нецензурные слова и угрозы. Остановившись, Сэр вылез из кабины. Свинтус, выдрав верхнюю часть организма из задней двери «каблука», шёл к нему, громко матерясь и размахивая кулаками. Увернувшись, Сэр быстро взял Гену за верхнюю губу указательным и средним пальцами, и тот застыл на месте, как бык, которого схватили за кольцо в носу. Сэр, холодно прищурился, произнёс: «Только дёрнись, окорок свиной, — ссыплю все твои зубы тебе в карман! Ты меня знаешь». Гена очень хорошо его знал, а потому стоял, замерев, как изваяние. «Граждане! Будем взаимно вежливы!» — ухмыльнулся Сэр и, разжав пальцы, пошёл к своей машине. Свинтус, потирая распухшую губу и тихонько матерясь, вновь запихал туловище в недра кузова. Альма шла следом, с неммым обожанием глядя на хозяина.

НЕПРУХА

Спрыгнув с поезда, Колбаса и Дохлый до вечера пролежали в кустарнике, который в изобилии рос по берегам речушки. С наступлением темноты на берегу то тут, то там, стали загораться рыбацкие костерки, и Колбаса тоже решил разжечь костёр, полагая что это ни у кого не вызовет подозрений. Ещё до наступления темноты он заметил привязанный к дереву шнур, уходивший в воду, и предположил, что здесь стоит «морда-ловушка». Потянув за шнур, он выволок на берег ловушку и, вытащив из неё несколько крупных рыбин, предусмотрительно забросил ловушку на старое место. Они поели испечённую на костре рыбу и прилегли на траву. Сквозь дрему Колбаса слушал хвастливый рассказ Дохлого об изнасиловании девчонки-малолетки, за которую его посадили, и всё больше жалел, что взял его в побег. Он твёрдо решил избавиться от Дохлого при первой же возможности, а самому как можно быстрее добраться до заветной заначки на чердаке. Не знал Колбаса, что тётка его померла два года тому назад, а опустевший дом облюбовали парни с девками для своих посиделок. И что один из парней наткнулся на Колбасину заначку, шибко обрадовавшись деньгам и пистолету, и вскоре уехал в город искать бандитское счастье у «братвы», увозя с собой надежду Колбасы на безбедную и свободную жизнь.

Рано утром Колбаса решил поискать лодку, чтобы сплавиться вниз по реке. Пошарив в камышах, он обнаружил небольшой рыбацкий ботник, привязанный цепью к валявшемуся на берегу бревну. Прямо в ботнике лежала пара вёсел. Это была удача, и беглецы собрались было отправиться в плавание, но не успели выйти из кустов, как объявился хозяин лодочки — бородатый дедок. Он погрузил в ботник рюкзак и удочки, отплыл на середину речки и встал на якорь, явно собираясь рыбачить. Тем временем берег стал заполняться рыбаками и любителями отдыха у воды, и беглецам ничего не оставалось, как затаиться в кустарнике и ждать. «Во непруха!» — бормотал Колбаса. Он был в ярости от непредвиденной задержки, поскольку с каждой потерянной минутой риск быть пойманными увеличивался. К тому же, прыгая с поезда, он разодрал штаны и ему нужны были брюки. Он решил рискнуть и окликнул проходившую мимо бабку: «Здравствуй, бабуля! Тут такое дело: ночью у меня лодка с вещами уплыла, и теперь вот так жрать хочется, что даже переночевать негде. Да ещё и брюки порвал. В общем — порыбачил! Может, сможешь чем-нибудь?» Бабка принесла старенькие спортивные брюки, рубашку, хлеб, варёные яйца и зелёного луку, и настроение у Колбасы слегка повысилось. Ближе к вечеру подплыл и дед на ботнике, но на берегу было полно народу, и беглецы решили плыть рано утром.

В ДЕРЕВНЕ

Альма любила ездить с хозяином. Сэр усаживал её на заднее сиденье, приоткрывал окно, и Альма, высунув голову и вдыхая свежий воздух, весело разглядывала проносящиеся встречные машины, людей на обочинах дороги и проплывающие мимо поля и перелески. Вот и сейчас она сидела, высунув голову из окна, поглядывала по сторонам, прижимая уши от встречного ветра. Рядом сладко посапывал уснувший Вовян, а дочуня и Сэр обсуждали предстоящую рыбалку.

Съехавши с асфальта на грунтовку, ведущую к деревне, Сэр остановился у маленького родничка с удивительно вкусной и студёной водой, и все выскочили из машины. Вокруг было так хорошо, что Вовян от избытка чувств подпрыгнул и заорал, увидев в глазах окружающих полнейшее понимание. Сэру захотелось сделать то же самое, а дочуня прошла колесом по мягкой траве, упала на спину, широко раскинув руки и глядя в прозрачное небо. Альма прыгала вокруг и весело лаяла. Они попили воды из родничка и покатали к деревне.

Дом Бабани стоял на отшибе, а перед домом была большая поляна, поросшая зелёной травкой, которую все называли «топтун». Сразу за домом виднелся сад: несколько яблонь, вишен и слив, а также кусты малины, смородины, крыжовника и войлочной вишни, весьма любимой Вовяном. Подъехав ко двору, Сэр посигналил, и из калитки вышла Бабаня, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца. Увидев сына и внуков, она радостно заулыбалась, отчего из уголков глаз у неё побежали весёлые лучики-морщинки и, раскинув руки, пошла навстречу. Дети бросились к ней, она обняла их и, целуя, приговаривала: «Приехали, мои цыплятки любимые!», и Альма подбежала, весело вертя хвостом, сунула нос в карман Бабаниного фартука, вытащила оттуда кусочек сахара и с хрустом его разгрызла, и все пошли в дом. Бабаня, радостно суетясь, собрала на стол, и они сели обедать.

После обеда Сэр отправился топить баню. Дочуня вытащила из кладовки удочки, проверила их и пошла на огород копать червей. Вовян и Альма оккупировали в саду куст войлочной вишни, усыпанный жёлто-оранжевыми ягодами, и стали методично его объедать. Вовян протягивал Альме горсть ягод, и она аккуратно брала их у него с ладошки и с удовольствием ела, выплёвывая косточки. Затопив баню, Сэр присел на скамейку в предбаннике и прикрыл глаза, вдыхая запах берёзовых и дубовых венников, висящих на стене. В предбанник к Сэру зашла Бабаня и сказала: «Ты, сынок, меня ругать не будешь? Я твои старые спортивные брюки и рубашку мужикам отдала». Не открывая глаз, Сэр благодушно пробормотал: «Ну, отдала, так отдала. А что за мужики-то?» Бабаня, чуть поколебавшись, ответила: «Да я рано утром травки собирала и на берегу на них наткнулась. Не местные они. Говорят, что рыбаки, что лодку, дескать, свою с одежей и продуктами упустили, а на рыбаков не больно-то похожи. У одного штаны разодраны. Я им хлеба ещё дала. Ты, Серёжа, поглядывай там завтра — мало ли что». Сэр насторожился: «Ладно, мам, поглядим».

Первыми в баню — пока она ещё не нагрелась «до кондиции» — пошли Бабаня с внучкой. Когда они вышли, Сэр подкинул в печку дрова, подождал, пока они хорошенько разгорятся, заварил два веника: берёзовый и дубовый, кинул на каменку два ковша кипятку и быстро выскочил в предбанник, плотно затворив за собой дверь. Баня стала нагреваться до нужной температуры, а Сэр тем временем извлёк из вишневого куста Вовяна, достал из сумки бельё, налил в банку квасу, и они с Вовяном не спеша, степенно, как и полагается мужикам, направились в баню. Оба любили эти моменты. В бане Сэр взял из тазика берёзовый веник и, показав на полок, традиционно произнёс: «Прошу на лобное место, сэр». Вовян в тон ему ответил: «Йес, Сэр!» —

и растянулся на полке, и Сэр стал охаживать его веником, поначалу тихонько, «шепотком», а потом всё сильнее и сильнее, пока Вовян не скатился кубарем с полка и не выскочил в предбанник, припав к банке с квасом. Вымывши Вовяна и отправив его в дом, Сэр кинул на камни ковш кипятку и блаженно растянулся на полке, наслаждаясь горячим парком и покоем.

Когда Сэр, весь распаренный, пришёл из бани, дети уже спали, а Бабаня собрала ужин и поставила перед ним стаканчик холодного, терпкого домашнего винца, и он, крикнув, выпил и произнёс: «Всяк выпьет, да не всяк крикнет! — и добавил: — Живут же люди! В банях парятся, винцо пьют!» — и засмеялся, и Бабаня тоже улыбнулась шутке сына. Они поговорили немного, Сэр пошёл спать и, уже засыпая, вспомнил рассказ матери о странных рыбаках, но решил, что утро, как известно, вечера мудренее...

НА РЫБАЛКУ...

Около четырёх часов утра Сэр проснулся от шороха. У стола дочуня, уже одетая, собирала маленький рюкзак, заталкивая в него термос с горячим чаем, бутерброды с колбасой, варёную картошку и зелёный лук. Умывшись и одевшись, Сэр направился было к двери, но его окликнула мать: «Погоди, Серёжа, ты нож забыл», — и протянула ему ножны с ножом. Они встретились глазами, и Сэр, слегка удивившись — раньше мать никогда не напоминала ему об оружии, — пристегнул ножны к ноге и вышел из дома. На крыльце стояли Альма и дочуня и смотрели в сторону речки. «Пап, а чего это она?» — спросила дочуня, показывая глазами на Альму. Овчарка, вздыбив шерсть на загривке, тихонько ворчала. Сэр прислушался. В утренней тишине с берега отчетливо доносилось позвякивание цепи, удары камнем по железу и приглушённые человеческие голоса. «Наверное, рыбаки», — ответил он.

За деревней их нагнал старый мерин Васька, запряжённый в скрипучую телегу. На телеге восседал бородатый дед Саня по прозвищу Сержант. Несмотря на раннее утро, он был в лёгком подпитии, что, впрочем, было обычным его состоянием. Увидев Сэра с дочуней, он натянул вожжи: «Здорово, Серёга! И тебе, мила моя, не хворать. Никак рыбалить нацелились?» — спросил он. «Да вот решили посидеть на зорьке», — ответил Сэр, думая, как бы поскорее отделаться от подвыпившего, разговорчивого деда. Старик, между тем, явно не собирался уезжать и, как всегда при встрече, начал рассказывать надоевшую всей деревне историю о том, как он в армии был удостоен звания сержанта, и Сэр решил пресечь его разглагольствования, что называется, в корне: «Ты, Александр Петрович, как портвейн — от тебя голова болит». На что Сержант, большой любитель портвейна «три семёрки», нисколько не обидевшись, сочувственно сказал: «Видать у тебя, Серёга, чегой-то с головой неладно. Сроду у меня с портвейна голова не болела. Сходил бы ты к доктору». Сэр засмеялся и попросил: «Ты, дядя Саня, дай нам свой ботник напрокат». Дед пошарил в кармане штанов, вытащил ключ на шнурке и две конфетки «Дунькина радость» и протянул ключ Сэру со словами: «Для хорошего человека не жалко. Вёсла в ботнике лежат. Как-нито нальёшь стакан портвейну». «Да не вопрос!» — улыбнулся Сэр. Дед, сдвухи с конфеток крошки табака, протянул одну дочуне, а вторую Альме со словами: «На-ко вот, полакомись и ты, Альфия». Альма вопросительно поглядела на хозяйина — тот кивнул, и она весело захрустела конфеткой. А дочуня, взяв конфетку, картинно потупила глазки и шуточно присела, сделав книксен. От такой любезности дед слегка смутился и, взмахнув кнутом, гаркнул: «Но, залётная!» Поскольку, кроме старого мерина Васьки, других «залётных» поблизости не наблюдалось, старый мерин Вась-

ка укоризненно оглянулся на Сержанта и пошёл неспешной трясучей рысцой, называемой в деревне «трюх-брюх», а дед, обернувшись, крикнул: «Серёга! Вчерась на бережку два ханурика по кустам шарахались. Не поглянулись они мне чегой-то. Ты держи ушки на макушке, а ежели чего — телеграмму пришли». «Ладно, дядя Саня, спасибо!» — засмеялся Сэр.

Проводив сына и внучку, Бабаня прикрыла одеялом Вовяна, разметавшегося во сне, прилегла было, но сон не шёл, и она вышла в огород. Какая-то непонятная тревога и смутное беспокойство одолевали Бабаню. Она увидела соседку Галину, работавшую продавцом в сельском магазине, и окликнула её. Галина, направлявшаяся доить корову, подошла к забору и, поздоровавшись, спросила: «Чего это ты, Бабаня, так рано поднялась? Или дело какое ко мне?» — «Да вот спросить хотела — нет ли у тебя в магазине рыбки свежей?» — ответила Бабаня. «Камбала есть», — сказала продавщица. «А другой-то никакой нету?» — спросила Бабаня. «Другой нет — машина продуктовая вчера не пришла», — ответила, зевая, Галина. «А эта-то, одноглазая, сама что ли в магазин припрыгала?» — язвительно сказала Бабаня, имея в виду несчастную камбалу. Галина внимательно поглядела на старуху: «Давай рассказывай, что случилось?» И Бабаня рассказала, что видела на берегу двух странных мужиков, и что сын с внучкой ушли на рыбалку, а у неё теперь сердце не на месте. Галина сказала, что про этих мужиков ей ещё вчера Саня Сержант все уши прожужжал, и что она уже позвонила участковому, и тот обещал доложить, кому следует, и Бабаня, немного успокоившись, пошла в дом.

ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ КРОВИ!

Они направились к речке, и Сэр, чтобы Альма не мешала им заниматься удочками, дал ей команду «гуляй», и Альма нырнула в кусты, распугивая мелких пташек. Подойдя к берегу, где был привязан ботник деда Сани, Сэр и дочуня увидели двух мужиков. Один, похожий на гориллу, стоял в дедовой лодке, держа в руке весло, а второй, щуплый, с лихорадочным блеском в глазах, пытался освободить цепь, которой ботник был привязан к бревну. Рядом валялся разбитый замок. Остановившись, Сэр сказал: «Бог в помощь, мужики. А у хозяина разрешение спросили?» Мужики переглянулись. Колбаса, а это был он, не желая идти на конфликт, ответил: «Конечно, спросили — он и ключ нам дал». Сэр вытянул из кармана шнурок с ключиком: «Не этот ли?» — спросил он насмешливо и, крутанув шнурок на пальце, двинулся к Дохлому. Тот трусливо отскочил от бревна, растерянно оглянулся на Колбасу и злобно прошипел: «Ты чё, козёл, рамсы попутал? Ты чё в натуре предьявы тут кидаешь?» — «Во, блин, непруха!» — негромко пробормотал Колбаса и, выдернув из кармана заточку, направился к носу лодочки. Сэр, холодно прищутив глаза, быстро напряг и распустил мышцы, не выпуская Дохлого из виду, схватил цепь и резко потянул её на себя. Колбаса покачнулся, потерял равновесие и свалился в воду, а Сэр, нагнувшись, незаметно отстегнул нож, приказал дочуне: «Бегом в деревню!», и она послушно метнулась к тропинке. Колбаса, поднявшись на ноги и отплёвываясь, крикнул Дохлому: «Чё тормозишь, баклан? Не видишь — девка уходит!» Дохлый плотоядно ощерился, сделал шаг в сторону убегающей девочки и... умер, упав лицом в траву. Между лопаток у него торчал нож с чёрным лезвием, который, почти не глядя, метнул Сэр, мгновенно представивший себе, что будет, если Дохлый догонит дочь. Почти в то же мгновение камень, метко брошенный Колбасой, угодил ему в голову, и Сэр упал, на миг потеряв сознание, а когда пришёл в себя, то увидел Колбасу, стоявшего над ним с заточкой в руке...

Альму, гонявшую по кустам мелких пташек, вдруг охватило чувство ледящегоо страха за хозяина и, выскочив на берег, она увидела страшную картину: её обожаемый хозяин лежал на земле, а над ним стояло гориллоподобное чудовище, подняв руку с заточкой. С тихим волчьим рычанием прыгнула она на спину человеку с заточкой, сомкнула клыки на его шее и ощутила во рту горячую струю крови из пронзённой клыком артерии. Колбаса, ощутив смертельный ужас, тоненько, позаячы заверещал и, заведя руку за спину, стал тыкать Альму заточкой. Она вздрагивала при каждом ударе, но продолжала сжимать челюсти, не обращая внимания на боль и чувствуя, как с каждым ударом рука человека всё больше и больше слабеет. Наконец Колбаса рухнул на колени, словно бык на бойне, и Альма, разжав челюсти, скатилась с его спины. Она попыталась подползти к хозяину, но силы оставили её, и она упала на бок, часто дыша и вздрагивая. Колбаса, перекатившись на спину и чувствуя, что слабеет, зажал рукой рваную рану на шее и лежал молча, с хрипом вдыхая свежий утренний воздух...

А с трассы, подпрыгивая на кочках, мчался к берегу ГАЗ-66 со спецназом. Не успел он остановиться, как из кузова стали выскакивать бойцы в камуфляже и масках, а из кабины выпрыгнули капитан. Оглядев место происшествия, он подошёл к Дохлому и, приложив пальцы к его шее, негромко произнёс: «Этот готов!» Подойдя к Сэру, он спросил: «Как ты, браток?» — на что Сэр ответил: «Нормально — жить буду». Капитан, поглядев на Дохлого, спросил: «Это ты его так? — и добавил: — Сурово ты с ним». «Он за дочкой погнался», — ответил Сэр. Капитан показал на Колбасу: «А этого кто?» — «Этого Альма взяла — собака моя», — сказал Сэр. Капитан глянул на Альму: «Ух ты! Собака страшная!» — восхищённо сказал он и спросил: «Где воевал, брат?» — «За границей», — коротко ответил Сэр. Капитан понимающе кивнул и, поглядев на Колбасу, тихонько сказал Сэру: «А этот-то ещё дышит». Они встретились глазами и поняли друг друга, и капитан, включив рацию, произнёс: «База, я — «гончий». Здесь два «двухсотых» и двое раненых. Пришлите «скорую» и труповозку». Он присел перед Колбасой, взял его за запястье и оглянулся по сторонам — бойцы в масках стояли, повернувшись спиной, оцепив место происшествия. Колбаса злобно прохрипел: «Ты чё удумал, «легавый»? Меня судить должны! Давай «лепилу» вызывай!» — «Бог тебе судья, мразь! Сейчас я тебе с ним «стрелку» организую. Ты, погань, уже лет десять лишнего живёшь!» — негромко сказал капитан и оторвал руку Колбасы от шеи. Из раны толчками полилась кровь, Колбаса захрипел и затих, уставившись в небо пустыми, ничего не выражающими глазами...

А со стороны деревни с грохотом и брэнчанием неслась телега. На телеге, как всегда подшофе, мчался дед Саня. Вид его был ужасен и поражал воображение. Он во весь рост стоял в телеге, зажав в левой руке вожжи, нечёсаная бородёнка воинственно торчала вперёд, лысина блестела, а редкие седые волосы, сквозь которые просвечивало восходящее солнце, казались нимбом. Походил он на Зевса и Посейдона одновременно, только правая десница его вместо грозного трезубца и молний сжимала вилы с прилипшими комками навоза. «Держись, Серёга! Запорю гадов! В душу, грушу, мандарина мать!» — ревел он благим матом. Старый и ленивый мерин Васька никогда в жизни своей так быстро не бегал! Подлетев к цепи спецназовцев, дед осадил мерина так, что тот едва не сел, заскользив задними копытами по траве. С телеги прыгнула дочуна и бросилась к отцу с криком: «Папка, ты живой?» — «Всё нормально, дочь. Иди, посмотри, что там с Альмой», — приказал Сэр. Дочуна, подбежав к Альме, присела возле неё. «Собачатинка моя несчастная!» — заньла-запричитала она, извергая потоки слёз, и Альма, не выдержав такого эмоционального натиска, из последних сил подняла голову и лизнула её в лицо.

Врач со «скорой» перевязал Сэра и хотел забрать его в больницу, но Сэр отказался, сказав, что чувствует себя нормально. Врач спросил о втором пострадавшем, и капитан показал на Альму. Врач удивился было, но перевязал и собаку. Следователь следственно-оперативной группы допросил Сэра и, учитывая обстоятельства, взяв с него подписку о невыезде, отпустил. Двое спецназовцев помогли погрузить Альму на телегу, а дед Саня всё подсовывал ей под голову солому и приговаривал: «Ты держись, Альфия! Бабаня тебя мигом на ноги поставит своими травками», — а Дочуня всё поглаживала Альму по голове и тихонько плакала. Подошёл капитан спецназовец, попрощался с Сэром за руку, сказав: «Спасибо тебе, брат! Если бы не ты и твоя Альма, нам долго пришлось бы за этими волками гоняться!» — и все разъехались...

Похоронили Альму под большой старой талиной. Сэр прибил к талине Альмин ошейник, дочуня и Вовян, обнявшись, стояли рядом и плакали, а Бабаня вытащила из кармана фартука кусочек сахара, положила его на могилку и, обняв детей, увела их домой. А Сэр ещё долго сидел под старой талиной, пил вино и грустно поглядывал на прибитый ошейник...

На суде молодой, нахрапистый прокурор, что называется, «бил копытами», пытаясь инкриминировать Сэру самосуд над Дохлым и умышленное убийство, но женщина-адвокат, выступая в судебных прениях, не оставила камня на камне от его обвинительной речи, сказав, что при сложившихся обстоятельствах Сэр просто-напросто не имел другой возможности защитить от гибели свою дочь, и добавила, что лично зубами бы загрызла Дохлого, окажись она на месте Сэра. В зале зааплодировали, и судье пришлось призвать публику к порядку. Пожилой, седой судья внимательно выслушал аргументы сторон, изучающе поглядывая на Сэра умными, многое повидавшими глазами — особенно его, почему-то, заинтересовал эпизод с Альмой, — и, видимо, чтобы совсем уж не обидеть прокурора, приговорил Сэра к одному году условно за превышение мер необходимой обороны...

А недели через две после описываемых событий, когда вся семья была в деревне, к дому подкатила машина, и из неё вышел седовласый судья. Жена встревоженно посмотрела на Сэра, а судья, улыбнувшись, открыл заднюю дверцу, и из машины вылез толстолапый и длиннохвостый щенок восточно-европейской овчарки. «Вот принимайте, Сергей Николаевич, компенсацию за моральный ущерб. В питомнике УВД её почему-то забраковали, и жить ей теперь негде. Может, к себе её возьмёте, на воспитание?» — «Возьмём!» — в один голос закричали дочуня и Вовян. — «А как её зовут?» Судья улыбнулся: «А зовут её — Альма», — и, попрощавшись, уехал. Жена облегчённо вздохнула. А маленькая Альма обнюхала всех присутствующих, подошла к хозяину, села, прижалась к его ноге и, вздыбив шёрстку на загривке, зарычала на проходившего мимо кота Тимофея, всем видом своим показывая, что будет защищать хозяина до последней капли крови!..

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЧЁРНЫХ КОШЕК

СУМЕРКИ

На улицах ни машин, ни прохожих. В выходные город впадает в летаргию... Сумерки сиреневой ватой окутывают улицы. Становится ещё грустнее. Лишь на небе рдеет узкая полоска заката, словно грудка снегиря. Но вот один за другим затеплились уличные фонари, и на душе тоже посветлело...

Прихлопнула моль.
Оглянулась.
Сколько в окне белых мух...

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЧЁРНЫХ КОШЕК

17 ноября — День защиты чёрных кошек. У меня к ним отношение сложное. Как-то раз из-за чёрного кота я попала в травмпункт, а потом ходила на уколы и перевязки. С другой стороны, у мамы был кот Шаян, который к ней был очень привязан и ... лечил её. Есть такое понятие — «анималотерапия». А чёрные коты — лучшие «терапевты»: они помогают, например, снизить давление, снимают стрессы...

Я долго пыталась
обогнать чёрную кошку,
пока под фонарём
не выяснилось,
что она серая.

ХАДЖ

Давно мечтала совершить паломничество в город наших предков — древний Булгар. Этой осенью мечта сбылась...

Осенним листком —
пилигримом
припадаю к древним камням.

КАЗАНСКИЙ ТРАМВАЙ

В своё время о казанском трамвае написал Денис Осокин, особенно тепло у него получилось про «двочку». На ней мы ездили на железнодорожный вокзал, далее электричка и дача: беззаботное летнее время, где ты, за каким поворотом? Зима, как снежный Змей Горыныч, надувает щёки, задувает во все щели, засыпает снегом саму память об июльской безмятежности и неге...

Рельсы убрали, два года как трамвая нет, но память саднит и кровотоцит...

Зайцем трамвайным
вернуться бы в детство,
но разобрали рельсы.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Прохожу старым знакомым двором. Серый ноябрьский день. Ветер пробирает до костей. Хочется скорее в тепло... На скамейке перед подъездом закутанная старушка, даже лица не видно. Рядом притулился белый с серым кот. Они так дополняют друг друга, что я невольно торможу на бегу...

Старушка в «прощайках»,
кот на скамейке.
Сумерки.
Небо цвета молока
вот-вот прольётся.

ОКРАИНА ГОРОДА

Ноябрьский ветреный, промозглый день. Который день нет солнца, а без него такая тоска, особенно в окрестностях больничного городка...

На работе в лечебном отделе на женщин старше 45 заполняют «карту здоровья» и посылают на различные анализы и обследования — диспансеризацию.

«Центр ядерной медицины».
Невольно ускоряю шаг,
Проходя мимо.

Сколько воробьёв
У кормушек
В больничном саду...

ПРЕДЗИМЬЕ

Тополя во дворе воздевают обнажённые руки к небу, словно моля о снеге. За окном сплошной монохром из оттенков серого. Морось... В такие мрачные дни начала

ноября в голову лезут мысли, которые только усиливают мигрень. Ни одного яркого пятна. Лишь ягоды рябины растёрты в кровавую кашицу под ногами прохожих...

В дни предзимья иногда кажется — жизнь кончена. И впереди тебе ничего не светит... Даже солнце.

Капля по капле.
Озеро слёз.
Мёртвое море.

СЧАСТЬЕ ИЛИ БОГАТСТВО?

Вчера зашла в торговый центр на улице Пушкина. Там продавались керамические плитки с иероглифами.

Хотела купить себе «счастье».
А его разобрали...
Осталось одно «богатство».

И ЛЕВ В ПРИДАЧУ

Подруга привезла из Испании кружевные чёрные перчатки — изящные, невесомые... Как приятно почувствовать себя сеньорой!

Романтичную шляпу с широкими полями на день рождения подарили друзья. Элегантное платье в «гавайском» стиле выписала по каталогу дочь. А к веерам я сама давно питаю слабость... В таком образе и запечатлела меня фотохудожник Елена Герасимова на ступеньках старинной лестницы усадьбы Сандецкого для выставки портретов. На пару со смеющимся столетним львом...

Кружевные перчатки и веер
из Мадрида.
И в придачу — мачо...

ВИШЕНКА

Знойный полдень. В тени под рябинами на тихом татарском кладбище дышится легче. Разгорячённое лицо обдувает лёгкий ветерок, донося сладкий запах кладбищенской земляники и июльских цветов. Сарвар апа заунывно читает молитву на арабском языке, солнечные блики скользят по листьям, в глубине которой прячется спелая вишенка...

Вишенка
в гуще листвы.
Могила бабушки.

МАМА, ПОЧИТАЙ!

ГАЗИНУР МУРАТ

В ЗООПАРКЕ

Ходим, смотрим — день воскресный.
Каждый зверь — в своём углу.

— Видишь, сын, как в клетке тесно
Непокорному орлу?

Вон медведь с тяжёлым взглядом.
Мне угрозы не страшны,
Потому что папа рядом:
Вы сильны и мы сильны.

— Помни, сын, не в корке хлеба,
А в свободе интерес.
Жизнь для птицы — это небо,
Жизнь для волка — это лес.

Всех зверей вдруг захотелось
Мне на волю отпустить...
Высоко орлу взлетелось,
Слон вернулся в джунгли жить!

ЗРЯ РУГАЮТ

— Опять с утра балду пинаешь! —
Соседка Зиля говорит...

Ты, Зиля, первая узнаешь,
Когда я стану знаменит,
Когда «Рубин» или «Зенит»
Оценят всю мою науку,
Где пот рекой, а слава — мёд,
Где сам Ринат Дасаев руку
Мне с уважением пожмёт.
Я не бездельник — повторяю
Всем, кто ругает, на ходу...
Мяч в центр веду и рвусь по краю,

Я каждый день в футбол играю,
А вы пинаете балду!

НЕЧАЯННО

Из горшка росла герань
На окне – все видели...
Говорят: «Не хулигань!» –
Школьнику родители...
В гараже ищу стекло.
Здесь ключи да рашпили.
Разве можно всем назло
Хулиганить, граждане?
Ладно, вставлю, вот оно!
Что же вы печальные?
Ну, разбил ваш сын окно –
Это же нечаянно!

ЧЕМПИОН

Гантели, гири я достану.
Турник с утра нельзя забыть.
Не удивляйтесь, если стану
Я чемпионом, может быть.

Но всё же главное не в этом –
Зарядку делать я привык.
Возможно, стану я поэтом –
Я так люблю родной язык!

Пусть я не стану чемпионом –
Им станет кто-то из друзей,
Но крепким, сильным, закалённым
Я нужен Родине своей.

СКВОРЕЧНИК

У меня есть родина,
И у птицы тоже.
Я скворечник делаю
На избу похожим.

Вон – летят пернатые
По небесной сини!
Ждёт их дом на родине,
Тёплый и красивый.

РОДНОЙ ЯЗЫК

За школьной партою, в тепле
Учить уроки будь готов!
Народов много на земле
И много разных языков.

И каждый житель там привык
В кругу друзей, в кругу семьи
Знать назубок родной язык,
Как все ровесники твои.

Себя сберечь, народ сберечь
Стремится каждый, так и знай!
Чтоб уважать чужую речь,
Родной язык учи, малай!

Перевёл с татарского Николай АЛЕШКОВ

ЕЛЕНА СТЕПАНОВА

УПАЛИ КРАСКИ НА ПОЛ...

Упали краски на пол,
Разлились – вот везение!
Ведь это чудный повод
Улучшить настроение.

Смотрю и не моргаю
На радужные пятна.
Уже через минуту
Мне стало всё понятно.

По центру – это солнце
Свои лучи бросает.
Нам в зимние денёчки
Тебя так не хватает!

Вот белые олени
Навстречу солнцу мчатся.
Когда ещё бы с вами
Пришлось мне повстречаться?

А вот спешит полярник
С заданием на базу...
Простите, почему-то
Я не узнал вас сразу.

Упали краски на пол,
Разлились – вот везение!
Но почему у мамы
Упало настроение?

БУКЕТ ДЛЯ ЛЮБИМОЙ

Влюбился бычок,
Белолобенький Яшка,
В красотку бурёнку
По кличке Ромашка.
Охапками розы
Носил он ей дважды,
Но только Ромашка
Сказала однажды:
«Любезный мой друг,
Намотайте на ус,
Что розы совсем
Неприятны на вкус.
Чтоб сердце моё
Навсегда покорить,
Букеты из клевера
Нужно дарить».

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФИГУРИСТ

Весной загорелся
Мишутка желаньем
Серьёзно заняться
Фигурным катаньем.

Коньки приобрёл
Для поставленной цели.
Искал их повсюду
Четыре недели.

Быть может, кататься
Придётся и в паре,
Да только беда –
Лето в самом разгаре...

Потом замелькали
Листвы огоньки,
Но осень – не время
Вставать на коньки.

Скорей ощутить бы
Под лапами лёд!
И вот, наконец,
Этот час настает.

Каток для зверей
В центре леса готов,
Но только не видно
Медвежьих следов.

Зима как-никак,
И прогнозы ясны:
Проспит «фигурист»
До глубокой весны.

ПЛЮШЕВАЯ МЕЧТА

Мечтает Зайчишка
Две долгих недели
В лесу постоять
У раскидистой ели,
Понежиться в травке,
Умыться росой,
Столкнуться нос к носу
С плутовкой Лисой,
Побегать, попрыгать,
Изведать все тропки...
Вот выбраться б только
Из тесной коробки,
Снять бант, что завязан
На плюшевом ушке...
Но как он в лесу
Будет жить без Танюшки?

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Ещё бы вчера
Я воспринял со смехом,
Что буду беседовать
Дружески с Эхом.

Но, как оказалось
(Поверь, не обман!),

За словом оно
Не полезет в карман.

Спросил: «Кто мне друг?
Расскажи, не тая».
И Эхо в ответ:
«Это я! Это я!»

«Купить можно дружбу
За горстку монет?»
Оно без раздумий
Ответило: «Нет!»

«А хочешь и завтра
Приду я сюда?»
И эхо от радости
Крикнуло: «Да!»

КАК ЩЕНОК С ХВОСТОМ ПОССОРИЛСЯ

Сегодня щенок
На хозяйку сердит,
И в сторону даже
Её не глядит.

А хвостик как будто
О ссоре не знает,
Завидев хозяйку,
От счастья виляет.

Терпенью щенка
Наступает предел,
С хвостом он не хочет
Иметь общих дел!

В ПОИСКАХ ГИППОПОТАМА

Услышал вчера
Бегемотик в панаме
О странном невиданном
Гип-по-по-та-ме.

Сплошные загадки
В названьи таятся.
Похоже, его всё ж
Не стоит бояться.

Возможно, он мал,
И размером с букашку?

На завтрак, обед
Ест цветочную кашку.

И видит весь мир
В нежно-розовом тоне.
Под вечер, устав,
Засыпает в бутоне.

Хотя, может быть,
И не так-то всё просто.
А вдруг этот зверь
Великанского роста?!

На цыпочки встав,
Он касается солнца...
Но главный вопрос –
Где искать незнакомца?

УХА ПО-КРОКОДИЛЬСКИ

Раз зелёный Крокодил
Рыбу в озере удил.
Весь улов его пока –
Два дырявых башмака,
Три пластмассовых бутылки,
Колесо, две ржавых вилки,
Надувной цветной матрасик
И всего один карасик.
Рыбаку есть чем гордиться –
Будет славная ушица!

КОНЦЕРТ НЕ ПО ЗАЯВКАМ

Отправилась Осень
На поиск талантов.
Но где же найти
Лучших трёх музыкантов?

А ну, братец Ветер,
Задай нужный тон,
Ты будешь усердно
Дудеть в саксофон.

На клавишных партию
Дождь нам сыграет.
Как точно он в ноты
Легко попадает.

Эй, дядюшка Гром,
Хватит скромно молчать,
Сейчас в барабан
Будешь громко стучать.

Мы будем теперь
В духе лучших традиций
Играть каждый день.
Никаких репетиций!

Потом объявила:
Весь вечер для вас
Звучит вечный шлягер
«Сентябрьский джаз».

МЕНЮ КОТА

Кот несёт морковь к обеду –
Мышка празднует победу:
– Поменял, как видно, он
Свой привычный рацион?
– Прячься, Мышь, не кончен пир!
Вдруг морковка – на гарнир?!

ЕЛЕНА КРЫЛОВА

ТАРАРАМ

Объясню сейчас я вам,
Что такое «тарарам».
Как-то раз вошли мы в дом –
В доме было всё вверх дном!

Гришка дрался с братом Мишкой –
Полетели с полки книжки!
Маша бегала за Мушкой,
Запустив в неё подушкой!

Мушка – так прозвали кошку –
Прыг с кровати на окошко!
По пути задела вазу,
Разлетелась ваза сразу!

И на этот весь позор
Лаял яростно Трезор!

НЕУДАЧЛИВЫЙ РЫБОЛОВ

Вот как-то на речке седой старичок
Привычно надел червячок на крючок.
Чтоб лучше клевало, он плюнул разок,
Присел и уставился на поплавок.

Но солнце взошло, и вздремнул старичок,
И сам не заметил, как лёг на бочок.
Чирикали птички, плёл сеть паучок,
Под ним колокольчик раскрыл колпачок...

А сом под корягой увидел крючок,
На нём аппетитно висел червячок...
Не выдержал он и схватил червячка,
А с ним заодно потянул старичка.

Барахтался долго дедуля в воде...
Не спи на рыбалке, не то быть беде!
Как рыба взяла старичка на крючок,
Об этом – ни слова! Об этом – молчок!

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

На вороне – дом сидел,
Стол на мальчика глядел.

Кукла девочку качала,
Полка свесилась с мочалы.

Речка прыгнула в сома,
Спичка чиркнулась сама.

Пёс за мышкою кружил,
Кот амбары сторожил.

Покупатель продавцу
Подобрал наряд к лицу.

А на зорьке, рано-рано,
Пастуха пасли... бараны.

– Я сегодня вас лечу! –
Заявил больной врачу.

Самолёт сказал пилоту:
«Полечу, куда хочу!»

Поднесли к компоту рот,
А компот как заревёт...

Не поверили? Так вот:
Было всё – наоборот!

СТРАННАЯ МАШИНА

Что за странная машина?
Без мотора и бензина.
Нет гудка, нет управления,
Нет и мягкого сиденья.

Не дымит и не рычит,
Сзади хвост у ней торчит.
Ноги вместо колеса,
Вот какие чудеса!

Растерялся пёс Барбос –
Нет ответа на вопрос.
И облаял с возмущением
Нарушителя движенья!

Городским был пёс – не знал,
Что он лошадь увидал.
А лошадка промолчала:
Псов не раз она встречала!

КТО КАК ПЕРЕДВИГАЕТСЯ

Рыба плавает в реке
От крючка недалеко.

Пёс Маркиз гуляет,
Хвостиком виляет.

Без кнута и острых шпор
Мчится конь во весь опор!

Жук ползёт в тревоге
По большой дороге.

Ласточки летают –
Гнёздышки свивают.

Белка прыгает на ветке –
На свободе, а не в клетке.

Важно ходит наш петух,
Пробегает мышка.
И несётся во весь дух
Озорной мальчишка!

КТО ГДЕ ЖИВЁТ?

Построить дом – не шутка,
Для пса готова будка!
В хлеву стоит корова,
Дать молока готова.
Скворечник – для скворца,
Весеннего гонца.
Доволен голубь крышей,
А тесной норкой – мыши.
В свинарник входит хрюшка,
Болото – дом лягушки.
Сова живёт в дупле –
Без света, но в тепле.
И ночью на насесте
Собрались куры вместе.
Гнездо свила синица,
На то она и птица.
А черепашкин дом
И ночью с ней, и днём.
И нужен дом коту –
Впустите сироту!

КАПРИЗЫ

Что делать с Наташей? Мы все удивились:
В неё, как ни странно, капризы вселились!
Известно, они обожают ребят,
Поскольку творят с ними, что захотят.

Один из капризов велел ей не спать.
А утром другой приказал – не вставать!
На завтрак каприз не допил молоко,
И справиться с ним было нам нелегко.

– Не стану я есть эту манную кашу! –
Капризно в обед заявила Наташа. –
Хочу шоколадку! Хочу мармелад!
И больше не буду ходить в детский сад!

Капризы, капризы! Капризы, капризы!..
Как нам надоели все ваши сюрпризы!
Тогда мы решили капризы собрать
И дверь им открыть, чтоб ушли погулять.

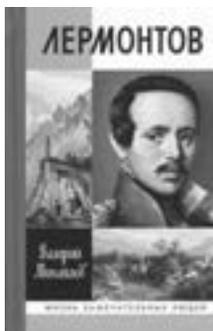
Мы очень хотим, чтоб они заблудились
И к нам никогда уже не возвратились.
А может, капризы гостят и у вас?
Советую их поискать сей же час!

ВЗГЛЯД ПОЭТА НА ЖИЗНЬ ПОЭТА

Валерий Михайлов. Лермонтов. Один меж небом и землёй. Издательство «Молодая гвардия», «ЖЗЛ», Москва, 2012 год. — 618 с.

* * *

Поздравляем автора «Аргмака» — известного русского поэта, литературоведа, главного редактора русскоязычного международного литературного журнала «Простор» (Алматы, Казахстан) Валерия Фёдоровича Михайлова с выходом его фундаментального труда — книги жизнеописания Лермонтова. Книга издана в знаменитой серии «ЖЗЛ» («Жизнь замечательных людей») в одном из самых престижных и «брендовых» российских издательств «Молодая гвардия». В 2011 году я прочла первый вариант книги Валерия Михайлова о Лермонтове, вышедшей в Алматы. И вот новая книга, вышедшая в самый канун 2013 года в «Молодой гвардии». По объёму она вдвое больше предыдущей и охватывает, в отличие от первого варианта, всю жизнь Лермонтова и всё его творчество. Эта биография поэта издана при финансовой поддержке Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». Востребованность книги издателями разных стран вполне логична. Это не просто жизнеописание великого русского поэта, это труд на стыке многих жанров — художественного, документального, исторического, научно-аналитического. И, конечно, уникально то, что это книга размышлений поэта о поэте. То есть совершенно уникальный и во многом новый взгляд на Лермонтова — не глазами учёных или литературоведов, или историков литературы. А взгляд поэта на жизнь поэта. Такой взгляд делает книгу значимой и востребованной не только в среде научной и литературной, но и, что немаловажно, а может быть, важно в первую очередь — востребованной молодым поколением читателей, которые просто не будут читать «скучную» книгу. Читая книгу Михайлова о Лермонтове, ловишь себя на мысли, что именно так и только так — как к живым и вечным нашим современникам — надо относиться к писателям-классикам! Нельзя хвалить их, не читая, а надо их читать и дискутировать по их творчеству. Потому что эти знаковые для русского самосознания люди — Лермонтов, Пушкин, Толстой, Есенин — говоря крылатыми словами другого поэта, «живее всех живых». Неслучайно Валерий Фёдорович подписал мне свою серьёзную книгу таким, вроде бы, «несерьёзным» шутивым автографом: «... Michel forever!» То есть «Мишель — навсегда!» Это

непринуждённая и остроумная, в духе Валерия Фёдоровича, дарственная не только подходит для молодёжного слогана, но и лишний раз побуждает взглянуть на великого Лермонтова не как на покрытого пылью пафоса классика мировой и русской литературы, а как на нашего с вами современника, чьи творения актуальнее многого того, что пишется сегодня.

В феврале 2013 года в Москве прошли презентации книги «Лермонтов» в московском магазине «Библио-Глобус» и в Библиотеке искусств им. А. Боголюбова. На презентациях выступили редактор издательства «Молодая гвардия» Людмила Барыкина, заместитель директора издательства Роман Косыгин. Звучали романсы на стихи Михаила Юрьевича и музыку великих русских композиторов Свиридова, Чайковского, Мусоргского, Рахманинова, Рубинштейна в исполнении лауреата всероссийских и международных конкурсов, солиста Брюссельской оперы Владимира Байкова (пианистка — заслуженная артистка России Елена Савельева).

В марте 2013 года на страницах уважаемой «Российской газеты» вышла рецензия на книгу Валерия Михайлова «Лермонтов. Один меж небом и землёй» известного российского литературного критика Павла Басинского. «Что мы знаем о Михаиле Лермонтове, — пишет Басинский, — кроме того, что это был второй после Пушкина по значению русский поэт (а для некоторых ценителей — и первый), и что это был самый гениальный из самых молодых прозаиков, написавший в фантастически молодом возрасте один из самых мудрых психологических романов — «Герой нашего времени», который и сегодня читается, как абсолютно современная вещь?..» Далее критик обоснованно констатирует, что в советское время отечественный читатель узнавал Лермонтова преимущественно в трактовке замечательного писателя Ираклия Андроникова. Сказывался пресс идеологии: Лермонтов предстал в эпоху СССР преимущественно борцом с тёмными силами царизма и «бенкендорфовщины». Павел Басинский замечает, что перед автором книги о Лермонтове стояла сложнейшая задача — либо опрокинуть известные расхожие представления о поэте, либо написать объективнейшую биографию Михаила Юрьевича, отделив мифы от правды. Валерий Михайлов пошёл третьим путём — он написал не столько биографию Лермонтова, сколько биографию его творчества. Книгу, в которой творчество объясняет личность поэта, а не наоборот, как обычно бывает. Но стихи, творчество и есть лучшее выражение души поэта-лирика, его личности, жизни и судьбы. И, конечно, нельзя не согласиться с Павлом Басинским — книга написана с большой любовью и уважением к Лермонтову!

Книга «Лермонтов. Один меж небом и землёй» должна поступить во все регионы России. Как читатель книги, я настоятельно советую не откладывать поход в книжный магазин, ибо спрос на такую книгу явно будет превышать возможности четырёхтысячного тиража.

ИАНА КАН

* * *

Книга издана к 200-летию со дня рождения великого русского поэта, чей юбилей мировая общественность будет отмечать в 2014 году, именуемый теперь годом Лермонтова. Во все времена его произведения входили и входят в школьные хрестоматии. Его стихи, как и пушкинские, знают наизусть все поколения.

И его биографию тоже. Может быть, не думая и не ведая о главном: отчего эта фигура остаётся самой загадочной на поле русской поэзии. Отчего, будучи ещё отроком, он оставил нам стихотворения, достойные пера умудрённого жизнью и ис-

ключительно талантливому поэту? «Всего темнее, непостижимее для сторонних душа того, кто одарён гением».

«А душу можно ль рассказать?..» — воскликнул однажды и сам Лермонтов в своей юношеской поэме «Исповедь», написанной в 16 лет. Проницательный и глубокий прозаик М. Е. Салтыков-Щедрин, читая воспоминания о поэте, заметил: «...Главным материалом для биографии Лермонтова и теперь остаются исключительно его произведения». К этому же выводу пришёл и А. Блок: «Остаётся «провидеть» Лермонтова». Опираясь на его современников нелегко: те, кто знал поэта или встречался с ним, относились к нему по-разному, часто откровенно негативно. Что и говорить о салонных завсегдатаях... Думается, автор рецензируемой книги Валерий Михайлов объективен: от приводит суждения людей разных времён, авторов исследований и книг о поэте, критиков. Однако его авторская линия нигде не терпит ущерб: «... более точными мне кажутся мысли Иннокентия Анненского о Лермонтове: «Как все истинные поэты, Лермонтов любил жизнь по-своему... серьёзно и целомудренно... не преклонялся перед нею, и, отказавшись судить жизнь, он не принял на себя и столь излюбленного русской душой самоотречения... Лермонтов умел стоять около жизни влюблённым и очарованным и не слиться с нею, не вообразить себя её обладателем ни разу и ни на минуту». Тяготение Лермонтова к самобытному уже тогда было хорошо замечено современниками. Он писал в «Отечественных записках»: «Мы должны жить своею самостоятельной жизнью и внести своё самобытное в общечеловеческое. Зачем нам всё тянуться за Европою и за французским». «Мы в своём журнале, — говорил он, — не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное». Это слова автора стихотворения «Родина»:

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит её рассудок мой...

«Так родину ещё не любили — и такие стихи ещё не писали, — отмечает Валерий Михайлов. — Любовь к отчизне — земле отцов — столь глубокое корнями, столь изначально в душе. Что не поддаётся холодным доводам рассудка... Сердце видит сущее и глазами, и глубиной прапамяти, безошибочно выделяя ему привычное, родное, много раз виденное твоими предками... Музыка этого стихотворения прихотлива. Изменчива, раздольна и неожиданна, как русская песня». Читатель найдёт в книге анализ других выдающихся произведений классика, таких как «Демон», «Мцыри», «Смерть поэта» (ставшее причиной ссылки на Кавказ в действующую армию), «Песня про купца Калашникова», «Бородино», «Маскарад» и т.д. А также — биография Лермонтова, творческое развитие, мироощущение, отношения с людьми и с Богом, высшим светом, властью и многое другое, связанное с именем Михаила Юревича. Словом, читать, читать и читать интереснейшую и полезнейшую книгу Валерия Михайлова — тихо или громче, а душа просит прикосновения к великому светлomu. Так вот оно — Лермонтов — наша гордость: «Духовную и культурную миссию Лермонтова, его полную загадок судьбу, его напоённое тайнами творчество ещё долгие и долгие годы будут осмысливать и постигать люди. Всем своим существом Лермонтов влился в то, что называется русским духом, стал его составной частью, духовной опорой в дальнейшем пути своего народа, да и всех людей на Земле».

НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА

Борис Гучков. Русской души кочевья: стихотворения, поэмы, переводы. Волгоград, 2012. — 184 с.

Новая книга Бориса Гучкова «Русской души кочевья» — стихи последних лет. Где же кочует эта русская душа, где побывала, чем возгордилась, обо что споткнулась, где кров находит? «Осень 1957 года» с посвящением сестре Вале: «Каша сварена, / Щи упрели, / Ноги в валенках, / Мы — за двери». А там — индийские фильмы, первый спутник в космосе... «Светом полнилась / Память наша». Она же — бездонный колодец. Или кладезь... Чего здесь только нет, даже промокашка, памятная старшему поколению с поры чернил и промокнувшая уйму бумаг — обо всём на свете. Но у поэта мечты другие: когда-нибудь она промокнёт «исключительный указ»:

«Без мудрёности латыни / Зародится он на свет / Со словами золотыми, / Коих ждём мы столько лет». Так выразил автор надежду на лучшее будущее своей страны. А пока что кочующая душа спотыкается у присутственного места, где томятся в очереди старик, девушка с плачущим чадом, чернобылец. И на лицах у них — тень. Такое же впечатление от школьной программы, из которой убрали стихи Заболоцкого, «Тёркина» Твардовского: «Важнее сегодня «ГУЛАГ» Александра Исаича, / Нужнее сегодня тюремное...» Вот и «Книге не место уже в электронной среде». «Мокла у мусорки лирика Тютчева Фёдора, / Плакала фраза, что Русь не понять и умом...» Но эта русская душа не хочет, не может, не должна расставаться с надеждой: «Жить на земле — это всё-таки счастье и радость». Да и «Дел непочатых ещё ожидает нас много». Также в книге немало любовной лирики, стихов о природе, об уголках малой родины.

Льна-долгунца посевы,
Море ржаных полей...
Русские — домоседы
В общей массе своей.

В синий час предвечерья
Дышит свободно грудь.
Русской души кочевья —
Небо и Млечный путь.

Сборник дополняет поэма «Сергей Есенин. Последние встречи». Это рассказ о взаимоотношениях великого русского поэта с Августой Миклашевской, Зинаидой Райх и Галиной Бениславской в ноябре-декабре 1925 года — за считанные недели до трагической гибели. Впервые Борис Гучков предстаёт перед читателями и как переводчик, знакомя их с творчеством стихотворцев из Ирландии, Германии, США, Украины, Дагестана. Сборник издан в красивом нестандартном формате, тиражом в тысячу экземпляров. Волжане, конечно, могут приобрести книжку, а вот до дальних мест она не дойдёт. Как же быть заинтересо-

вавшимися книгоочем? Мы оставляем электронный адрес Бориса Гучкова: guchskovbp@yandex.ru.

Равиль Файзуллин. Вечность мгновения: стихотворения. Казань, 2012.— 287 с.

За полвека литературной деятельности народным поэтом Татарстана Равилем Файзуллиным написаны десятки книг. Его творческий труд высоко оценён почётными званиями и наградами Татарстана и Российской Федерации, а стихи, поэмы, публицистика переведены на языки многих народов мира. Почти четверть века он возглавляет самый популярный литературно-художественный журнал татарского народа «Огни Казани». Признанный лидер «поколения шестидесятников». Именно в эти годы он пришёл в татарскую литературу, и в 1966 году стал победителем фестиваля молодой поэзии, организованного ЦК ВЛКСМ. Уже первые сборники Р. Файзуллина привлекли внимание читателей и критиков своим новаторством, нетрадиционной свободной формой и необычной поэтикой. Эти характерные черты творчества поэта читатель увидит и в новом сборнике. Р. Файзуллин стремится к лаконичности. Его четверостишия и восьмистишия чёткие по выражению мысли произведения. Вот ведь что натворил герой стихотворения, но как сказано об этом!

На лугу нечаянно распоттал
неприметный цветок, розовато-красный.

... Чудится: радуги опоясок
на один оттенок беднее стал.

Новая книга поэта отличается от других тем, что она издана на двух языках — татарском и русском параллельно. Автор пишет: «Читатель, знающий оба языка, может сравнить оригинал с переводом. Труд автора и переводчика здесь как на ладони, и потому можно увидеть их мастерство или, возможно, недочёты. Издание сборника такого плана для меня впервые. Поэтому работал над книгой с особым трепетом...» Хочется думать, что в приведённом выше стихотворении переводчик сработал в унисон с автором. Может быть, русскоязычный читатель и не задумывается об этом: он читает татарского поэта так же, как и русского. Его пленяет поэтическая речь, образность, музыка стиха, глубина мысли. Всё это он найдёт под изысканно оформленной обложкой сборника Р. Файзуллина. Можно раскрыть книгу наугад — например, на стихотворении «Полощут девушки бельё...»:

Растут сугробины белья,
как песня — нота к ноте.
А я...
Завидую им я, весёлой их работе.

Ах, если б выпало и мне,
раскачиваясь гибко,
нести, как вёдра на плечах,
и радость,
и улыбки!

Чтоб песни, сложенные мной,
когда бы их запели,

дышали б речкой, чистотой
и на ветру звенели!

Вам, наверное, захотелось перевернуть страницу... Понятно.

Майя Валеева. Брожу по миру и наблюдаю: документальная проза. Казань, 2012. — 383 с.

С течением времени люди становятся всё мобильнее, всё быстрее и проще двигаются по миру. Книга М. Валеевой потому так и называется: она наблюдает мир. Людей, животных, природу, и как обозначено всё это во взаимосвязи. Не отстранённым наблюдателем, а — сопереживающим, умным и тонким. М. Валеева побывала на Сахалине, Чукотке, в Прибалтике, Чехии, Узбекистане, Болгарии, Крыму, Испании, Канаде, США... Из её очерков читатель узнает много не только интересного, но и полезного. Например, она развенчивает миф об «американском муже». Очерк с одноимённым названием хотелось бы порекомендовать невестам, разочаровавшимся в наших «домашних» женихах и мечтающих о заграничном счастье. Перед нами калейдоскоп женских судеб, чьи героини знакомятся с чудо-женихами по Интернету, но встречают не богатого красавца, а... «Дабы читатель не заподозрил меня в предвзятом отношении к американским женихам, — пишет Майя Валеева, — приведу отрывок из статьи московского психолога Ольги Маховской: «Периодический обзор сайтов, переписка с клиентами международных агентств и анализ историй жизни, а также громких бракоразводных процессов показывают, что американские женихи — это в основном люди, которых обобщённо можно назвать социальными и психологическими маргиналами. Они не «тянут» на западный стандарт успешного карьериста или не хотят следовать этому сильному предписанию американского общества. Но, вместе с тем, они хотели бы быть хотя бы семейными людьми, если уж не повезло с деньгами. Можно быть счастливой и с американцем, и с немцем... Надо сначала полюбить человека, мужчину, со всеми его недостатками и достоинствами, а не его страну, его штат, его виллу, бассейн, машину, должность... В браках с иностранцами, к сожалению, очень часто любовь развивается в обратном направлении».

Вот ещё информация, что называется, из первых рук — о крупнейшей в штате Аризона резервации индейцев навахо: «Все они, как представители коренного населения, получают от государства специальные пособия, позволяющие худо-бедно сводить концы с концами. И всё же индейская резервация как бы отсечена от всей остальной американской действительности: и эта стена — не граница, не колючая проволока. Эта стена — бедность. Я снова и снова не узнаю сытую и благополучную Америку! Вагончики и сараюшки, домики и лачуги, потрёпанные старые автомобили, пыль, неприбранность и запустение... две главные беды... — безработица и алкоголизм». Майе Валеевой интересно открывать чужую страну изнутри, сквозь призму жизни её рядовых граждан: «Какие они, американцы? Что это за невиданная народность, диктующая сегодня свои условия всей планете?!.. Работа, деньги, собственность — вот три ключевых слова, три мировоззренческих истины, которые пронизывают всё американское бытие, заполняют собой каждую клеточку жизни... Американцы обожают слово «свобода». Однако чем больше я наблюдала за ними, тем всё более приходила к убеждению, что внутренне свободны всё-таки мы, а не они!.. Несмотря на трагическую историю, главным внутренним вектором России по-прежнему остаётся Духовность, в то время как внутренний стержень Америки — Прагматизм».

А сколько интересного узнает читатель из других очерков — о Канаде и её обитателях; об ульчах (коренной народ в низовьях Амура), их древней культуре; о сыне Сталина Василии (не официальная пропаганда, а от людей, близко его знавших); о трагедии крымских

татар и т.д. Книга М. Валеевой — это новые открытия для читателя и расширение его кругозора. И очень важно, что это добрая книга. Чего стоит одно только отношение писательницы к животным! Она не только литератор, но ещё и художник. Не отсюда ли это умение быть столь внимательной к миру...

Борис Орлов. Звёздный свет: лирика. Санкт-Петербург, 2012.— 276 с.

Автор — родом из ярославской деревни — имеет за плечами солидный багаж: 16 поэтических сборников. Окончил Литературный институт им. М. Горького, но до этого было Ленинградское высшее военноморское инженерное училище им. Ф. Дзержинского. Капитан первого ранга Б. Орлов служил на Северном флоте на атомной подводной лодке. Армия была тогда ближе к народу. Распространённым явлением были дружественные связи воинских частей с комсомольскими организациями предприятий или учебных заведений. Так, Северный флот дружил с молодёжью Северной Магнитки (г. Череповец), даже обменивались делегациями. Ныне всё по-другому, и ни в одном сборнике не встретишь и строчки о подводниках, их труднейшей службе, полной риска и опасностей. И вот Борис Орлов. Книга обозначена: не просто сборник стихов, а — лирика. Значит, о самом близком, дорогом, родном — своей угасающей деревне, провожающей маме, поруганной стране, друзьях, любимых и, конечно же, о флоте, которому отданы годы жизни. Служба — почётна, флот — гордость страны. Так было. А сегодня строки каперанга полны горечи.

Умирал великий флот Союза —
Флаги со звездой срывал приказ.
Скатывались якоря из клюзов,
Словно слёзы из ослепших глаз.

Уходили с палуб офицеры
На причалы, как на эшафот...

Умирал великий флот, поскольку
Был не в силах пережить страну.

В другом стихотворении рефреном идёт строка: «Я — офицер, нарушивший присягу...», а вслед за ней: «Разворована страна. А за развал на мне лежит вина». «И гибнут корабли трагичней, чем в Цусиму...»; «О, флотские сыны, романтики морей! Здесь движет не любовь, а завить и нажива». Говоря о друзьях-сослуживцах, Б. Орлов отмечает их непривычность к многословию, им ближе точные слова приказа. Это же и в его стихах, они кратки по форме, но объёмны по внутреннему содержанию. Вот это — всего из нескольких слов, а сколь многое за ним стоит!

Чёрная подлодка.
Чёрная вода.
Чёрная пилотка.
Чёрная звезда.

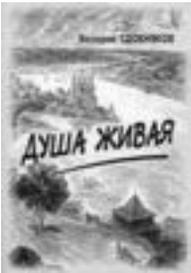
Поэт называет подлодку «стальной обителью». Здесь чёткий порядок и такой же ритм жизни. И всё же «... пахнет по ночам/ Реакторный отсек/ И рощю грибной,/ И спелой земляничкой». И всегда впереди берег и дом. «Конец походу — рюмки всклень полны./ В квар-

тирах наших – жёны, а не вдовы». А в родной деревне «Мама искренне молится Богу» и «меряет жизнь не годами, а моими приездами к ней». На большинстве стихотворений Б. Орлова хотелось бы остановиться. Но.. Впрочем, читатель уже, наверное, понял, что речь идёт о хорошей, умной и талантливой книге. Что ж, в завершение рассказа не помешают ещё несколько строк – из конца сборника:

Я рад, что женат. Мы снимаем
Квартиру в цветастой весне.
Друг друга без слов понимаем,
А вот на словах не вполне.

Сорокой весна пролетела.
Встречаем июнь у крыльца.
И счастьем не видно предела.
И жизни не видно конца.

Борис Александрович Орлов – академик Петровской академии наук и искусств. Награждён медалями. Лауреат литературных премий «Золотой кортик», им. К.М. Симонова, им. В.С. Пикуля, Большой литературной премии России. Главный редактор газеты «Литературный Петербург». Секретарь Союза писателей России, председатель правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России.

Валерий Сдобняков. Душа живая: очерки обретений и расставаний. Нижний Новгород, 2012.— 480 с.

Ранее мы представляли нашим читателям нижегородский литературно-художественный журнал «Вертикаль. XXI век». В последние годы он обогатился ещё и серией книг «Времена и мнения». Последняя из них – «Душа живая» – написана главным редактором журнала Валерием Сдобняковым. Это воспоминания о встречах и дружбе автора с известными писателями, художниками, скульпторами, учёными и политиками. Герой первого же очерка – выдающийся русский писатель современности В.Г. Распутин. Автор познакомился с ним на Всероссийском совещании молодых литераторов, он вспоминает, какое впечатление произвела на него личность писателя, и размышляет о главном – влиянии на него, тогда начинающего автора, произведений В.Г. Распутина. «Я думаю, ещё множество критиков разных поколений и направлений общественной мысли будут ломать голову над феноменом распутинской прозы, её проникновенностью вглубь человеческого характера, в некое запредельное бытие...» В 1985 году журналом «Наш современник» была опубликована повесть Распутина «Пожар». В. Сдобняков пишет: «Я и сейчас помню тот жаркий июль, когда, уйдя с работы, пошёл по газетным киоскам искать журнал с публикацией Распутина, а купив его, в тот же вечер прочитал повесть, и буквально был поражён нахлынувшим на меня чувством... Для меня «Пожар» – неслышанное предупреждение, повесть-предвидение, предчувствие, предсказание... И пусть за «Пожар» в 1986 году Валентину Григорьевичу была присуждена Государственная премия СССР, серьёзно к этому «крику души» так и не отнеслись. Повесть не восприняли как предупреждение государственника о возможности «Пожара» в нашей стране, во время которого разворуются её богатства нечестными, мерзкими людишками. И как немного будет тех, кто встанет на борьбу со стихией рукотворного «пожара» на защиту общего достояния».

А вот зачин другого очерка – «Просто жить...» Как это у нас водится, по хорошему поводу да за хорошим столом собрались для душевной беседы трое друзей. И пореши-

ли ближним летом съездить компанией в «деревенское убежище» каждого – уж больно хороши места на нижегородчине! И далее автор рассказывает об этой поездке и своих попутчиках – двух замечательных художниках – скульпторе Викторе Пурихове и живописце Владимире Заногe. С искренним уважением, тепло говорит он об этих ревнителях и соиздателях русской культуры.

Столь же ярки портреты героев других очерков – известного русского писателя-нижегородца Семёна Шуртакова; служителя православной церкви, писателя Владимира Чугунова; поэта и прозаика Олега Шестинского; поэтов Сергея Королёва и Ивана Борькина; писателя-вологжанина трагической судьбы Михаила Жаравина; академика Дмитрия Львова; певца Владимира Трошина; всемирно известного прозаика Виктора Астафьева на его нелёгком писательском пути и других. Эти люди оставили глубокий след в душе автора книги как яркие личности, находящиеся в духовном и творческом поиске. Одарённые талантом, могут ли они быть неинтересны и для нас, читателей?..

Светлана Попова. Зеркало мира: стихи. Елабуга, 2013.— 118 с.

Первый авторский сборник молодой поэтессы. В предисловии к нему известный елабужский поэт, лауреат Цветаевской премии Евгений Пospelов пишет: «Быть молодым – это значит любить самозабвенно и ненавидеть до тошноты, громко и без оглядки декларировать свои принципы, презирать врагов и восторгаться друзьями. И – сочинять стихи... Светлана Попова в «Зеркале мира» показывает читателю отражение того, что ей открылось, без чего она чувствует себя одиноко, с чем её сердце резонирует: природа, любовь, поэзия». Её лирической героине хочется необычного движения, антуража, ощущения, по осени она любит летать

И наступать босой ногой
На спины мягким облакам.

А после с каплями дождя
Стучать в раскрытые зонты!
И ощущать внутри себя
Восторг осенней наготы.

И в других стихотворениях Светланы наблюдается та же тенденция – в мысли и чувства вмешивается поэзия и сплав получается однородным.

Всё бегут километры слов –
От меня до тебя стихи,
На листке из-под дней трухи
Прорастает созвездье строф.

В упоении героини жизнью ещё есть что-то от сказки: «Я имя дам себе – Луна,/ Тебе же имя – Небосвод».

Зашепчут что-то тополя,
Ты наиграешь, я спою,
И звонкой каплей хрусталя
Вдруг упаду в ладонь твою.

Но выбор сделан, уверен Е. Поспелов. Это выбор дороги, где есть только «кропотливый труд над каждым словом, над каждой строчкой... выбор серьёзный и ответственный».

Александр Аввакумов. Поверженный король: роман. Казань, 2012. 324 с.

В 80–90-е годы и позднее, когда уже осознали и осмыслили это социальное зло — молодёжные преступные группировки, информация шла по нарастающей: сначала оперативная, затем и аналитическая, наконец, на её основе стали выходить литературные произведения. Казанский литератор Александр Аввакумов более 15 лет проработал в милиции — от рядового оперативника до заместителя начальника Управления уголовного розыска Министерства внутренних дел Татарстана. Ему, как говорится, и карты в руки. Материалов, наблюдений хоть отбавляй, поэтому новая книга — не первая (и, надеюсь, не последняя) в череде его детективов. Криминальную сре-

ду, её законы автор знает досконально. Он не романтизирует героев, как это не раз бывало у иных авторов (а уж в песенном творчестве так и вовсе стало обычным явлением, перекосив отечественный шансон в «муркину» сторону). Автора же сама жизнь убедила, что бандит, даже отдающий детскому дому столько-то из своих несправедливых, чаще кровавых доходов, всё равно остаётся бандитом, и справедливо преследуется законом. Как и Анатолий Лобов, один из главных героев романа, тоже был осуждён и получил своё. Освободившись, он поселился с семьёй в заброшенной деревне. «Раза три он приезжает в родной город. Друзей у него в городе не осталось, многие из его верных ребят уже давно сложили головы на полях криминальных боёв. Он проходил по улицам и его, некогда могущественного в городе человека, никто не узнавал. «Как же так? — подумал он. — Неужели мне понадобится двенадцать с лишним лет, чтобы снова оказаться в исходной точке своей жизни? От этой горькой мысли ему стало не по себе». Это из последних строк романа. Таков итог прожитых лет криминального авторитета. Эти годы и описаны в детективе А. Аввакумовым. Кровавые разборки, разбойные нападения, шантаж, отъём собственности — всё это и составило «трудовые» будни Анатолия Лобова. По законам жанра антигерою противопоставит герой — заместитель начальника уголовного розыска Виктор Абрамов. Дальновидный стратег, думающий психолог и терпеливый тактик, он побеждает в схватке добра и зла. Детектив легко читается, захватывает и, без сомнения, будет востребован читателем.

Р.С. Уважаемые авторы, присылающие в «Аргамак» новые книги! Сообщайте, пожалуйста, свои электронные адреса. Мы будем указывать их в своих рецензиях с надеждой помочь вам найти и читателей, и покупателей.

Наши авторы

стр. 167 АНИЩЕНКО Михаил Всеволодович (9.11.1950–24.12. 2012) родился в г. Куйбышеве в семье служащих. Окончил Литинститут (1988 г.). Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, транспортировщиком, журналистом. Был помощником главы администрации города Самары. Автор книг стихов «Что за горами» (1981); «Не ровён час» (1989); «Ласточкино поле» (1990). Печатал стихи в журнале «Наш современник» (1999, № 9; 2000, № 5, № 12). Член Союза писателей России. Лауреат конкурса им. Н. Островского (1980), премии журнала «НС» (2000). Скончался 24 ноября 2012 года в возрасте 62 лет от инфаркта.

стр. 225 АХУНОВА Наиля Гарифзяновна — поэт, сценарист, драматург. Родилась в Альметьевске. Живёт в Казани. Лауреат премии имени М. Горького (2008), член Союза писателей РТ. Закончила Казанский институт культуры (1986). Работала художником, библио-текарем, журналистом. Руководитель литературного объединения «Белая ворона» при Казанском медуниверситете. Автор девяти книг, составитель и редактор десяти альманахов поэзии ЛИТО КГМУ. Участник Международного Пушкинского фестиваля поэзии (2000), Форума молодых писателей России (2003), 3-го Международного кинофестиваля «Золотой минбар» (2007), Международного фестиваля современной культуры (2009), лауреат Международного конкурса хокку (1998), конкурса «Хокку русского Интернета» (2007), 2-го Татарстанского кинофорума «Кино без барьеров» (2008), Международного фестиваля «Мы живём на одной планете» (2009). Организатор открытых фестивалей поэзии и авторской песни «Галактика Любви». Стихи, сказки, публицистика и переводы с татарского языка Наили Ахуновой публиковались в местных и московских изданиях, а также в Интернете. Заслуженный работник культуры РТ.

стр. 31 ВАЛЕЕВА (Гатина) Раиса Каримовна родилась 25 июля 1925 года в деревне Старая Амзя в Татарстане в семье татарских крестьян. Смогла окончить всего четыре класса татарской школы, когда родители её, уже успевшие поработать на колхоз, приняли решение бежать от начавшегося голода в Азербайджан, где в те годы нашли приют многие татарские семьи. Здесь семью Гатиных, хотя и спасшихся от голода, ждали другие испытания. В азербайджанской земле

навсегда остались двое младших сестричек и братик Раисы.

В родную деревню семья Гатиных вернулась в конце тридцатых. И грянула Великая Отечественная война. Раиса, которой едва исполнилось 16 лет, была мобилизована на оборонные работы: военкомат четырежды призывал её в ряды труженников тыла. Русскую грамоту Раиса Каримовна осваивала самостоятельно. После войны жила и работала в родной деревне и в Краснотурьинске Свердловской области, где вышла замуж. Затем судьба занесла её с мужем и двумя детьми в Казахстан, на целину.

Здесь Раиса Каримовна прожила большой отрезок своей жизни. Она много лет трудилась телятницей в совхозе «Железинский», и за свою честную и добросовестную работу была награждена медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Ветеран труда». Кроме того, награждена рядом юбилейных медалей как ветеран Великой Отечественной войны. Вырастила четверых детей.

Скончалась, немного не дожив до своего 85-летия, в Хабаровском крае.

стр. 160 ЗАВИЛЯНСКАЯ Лора Израилевна родилась в Киеве в 1934 году. Окончила Киевский медицинский институт, работала психиатром, защитила кандидатскую диссертацию.

Заслуженный врач Украины, член Союза писателей Москвы. Автор 23 поэтических сборников. С 1999 года живёт в Бостоне (США).

стр. 62 КОЖЕВНИКОВ Лев Афанасьевич родился 5 марта 1947 г. Работал заведующим отделом сельского хозяйства в газете «Прикамская новь», корреспондентом газеты «Вечерняя Казань», инспектором русских театров при Министерстве культуры ТАССР. Окончил Кировский педагогический институт им. Ленина, Литературный институт им. Горького, Высшие театральные курсы при ГИТИСе им. Луначарского. Член Союза писателей РФ и РТ, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат всероссийских и республиканских литературных премий, автор книг для детей и взрослых, множества публикаций. Пьесы Л. Кожевникова в разное время были поставлены во многих театрах страны, звучали по республиканскому радио, шли на телевидении. Дополнительные сведения об

авторе можно найти в Интернете, а также на сайте Проза.ру.

стр. 3 КОЛИНА Светлана Закировна родилась 22 апреля 1949 года в Казани. Окончила химико-технологический техникум, институт культуры. Работала директором студклуба КИСИ, искусствоведом в выставочном зале Союза художников РТ, бригадиром огородной бригады колхоза «Новая жизнь» в селе Буртасы Камско-Устьинского района, корреспондентом газеты «Женщина», редактором отдела журнала «Казань». Там в 2001 году опубликовала «Буртасские рассказы», по которым Сергей Свинцов в 2008 году снял художественный фильм «Голубка», посвящённый памяти художника Геннадия Архиреева. В 2012 году журнал «Казань» опубликовал роман Светланы Колиной «Богема и нувориши».

стр. 235 КРЫЛОВА Елена Ивановна — выпускница Ленинградского библиотечного института, 15 лет заведовала библиотекой в Пятигорском Дворце пионеров. Там же руководила кружком юнкоров. Естественно, хорошо знает детскую аудиторию.

Её первая книга вышла в 1972 г. большим тиражом и была быстро раскуплена. Ныне Елена Крылова — автор 14 сборников стихов для детей. Для их автора характерны изобретательность, неизменно добрый юмор, прекрасное знание психологии и интересов детей. Неудивительно, что во время её выступлений в детской аудитории слушатели произносят её стихи совместно с автором. А таких встреч у Елены Ивановны за 30 лет набралось свыше 400 — в школах и детских садах не только Пятигорска, но и других городов Кавминвод.

В 1998 году Е. Крылова принята в Союз российских писателей. Она автор 15 песен для взрослых и детей, обладатель диплома за гимн города Пятигорска, сочинённый к его 200-летию.

стр. 196 МИГАЧЁВА Ирина Константиновна родилась 10 февраля 1990 года в Набережных Челнах. В 2012 году окончила филологический факультет Набережночелнинского института педагогических технологий и ресурсов и переехала в Санкт-Петербург. Обучалась на краткосрочных редакторских курсах в Институте Культурных Программ. В настоящее время работает IT-инженером, продолжает писать стихи и черпает вдохновение в городе на Неве.

стр. 155 МИНГАЗОВА Светлана Васильевна родилась в 1946 году в селе Сурское Ульяновской области. Окончила Красноярский строительный институт (1968г). Жила и работала в Железногорске, Нижневартовске.

С 1969 года живёт в Казани, работает инженером проектного отдела научно-производственного предприятия. Автор единственной книги стихов «Капля синей росы» (2011 г.). Обладатель 1-й премии городского конкурса поэзии и бардовской песни (2009 г.). Лауреат международного конкурса поэзии «Золотая строфа». Печаталась в журнале «Казань», альманахе «Золотая строфа». Член казанского литературного объединения им. Марка Зарецкого.

стр. 228 МУРАТОВ Газинур Васикович (Газинур Мурат) родился в 1959 году в деревне Большой Сардык Кукморского района Республики Татарстан. В 1976 году, закончив среднюю школу, поступил в Казанский университет. После окончания университета по специальности «татарский язык и литература» Газинур Мурат начал журналистскую деятельность: в 1981–1984 — редактор отдела редакции молодёжной газеты «Татарстан яшьләре», в 1984–1988 — заведующий отделом редакции детского журнала «Ялкын», в 1989–1991 — руководитель литературного объединения при обкоме ВЛКСМ, в 1991–1993 — заведующий отделом редакции молодёжного журнала «Идел», в 1991–1995 — главный редактор газеты «Татар иле». С 1995 года он — заместитель главного редактора газеты «Мәдәни җомга».

Газинур Мурат — один из талантливых татарских поэтов, пришедших в литературу в начале восьмидесятих годов прошлого века. Первый поэтический сборник «Память земли» («Жир хәтерә») появился в 1985 году. В настоящее время он — автор десяти книг.

За сборник стихов и поэм под названием «Кров» («Туба», 1998) Г. Мурату в 2000 году была присуждена литературная премия имени Гаяза Исхаки. А в 2007 году он стал лауреатом республиканской премии имени Мусы Джалиля.

Газинур Мурат удостоен почётного звания «Заслуженный деятель искусств Республики Татарстан» (2001). С 1988 года он — член Союза писателей, с 1994 года член правления Союза писателей Татарстана.

стр. 243 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1939 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем — на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпу-

щенный Татарстанским отделением Союза российских писателей. Член Союза российских писателей.

стр. 74 ПЕРМИНОВ Юрий Петрович – известный русский поэт, член Союза писателей России. Родился в 1961 году в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. Горького. В течение многих лет возглавлял ведущую общественно-политическую и литературно-публицистическую газету Сибири «Омское время». В настоящее время – главный редактор историко-культурологического, литературно-художественного альманаха «Тобольск и вся Сибирь». Редактор-составитель антологии сибирской поэзии «Слово о Матери». Автор восьми книг стихотворений, книги эссе и многих публикаций в центральных и региональных литературных изданиях – журналах «Наш современник», «Подъём» и т.д. Лауреат всероссийских литературных премий. Живёт в Омске.

стр. 200 ПЕТРОВ Александр Александрович родился в деревне Ямаш Альметьевского района Татарстана в 1951 году. Окончил отделение промышленной графики в Рязанском художественном училище. Потом учился в Московском художественно-промышленном институте им. С.Г. Строганова по специальности «художественная обработка металла». Член Союза художников России и Республики Татарстан, Заслуженный деятель искусств. Состоялись персональные выставки в Набережных Челнах, Нижнекамске, Елабуге, Альметьевске, постоянно участвует во всероссийской выставке «Большая Волга», показывает свои работы и в московских залах. Преподаёт на кафедре дизайна в Инженерно-экономической академии Набережных Челнов (бывшем КамПИ).

стр. 28 ПОЛИТОВ Виктор Иванович (1935–2004) родился в станице Хрустальной в Донбассе, но почти всю свою жизнь прожил на Дону и на Волге.

Первую книжку стихов «Моя река» издал в Волгограде в 1968 году. В 1970 году в журнале «Москва» были напечатаны два ранних рассказа – «Свет звёзд» и «Мой маленький остров». В 1976 году в воронежском журнале «Подъём» выходит первая большая повесть «У затахующих костров» с предисловием Е.И. Носова – о Доне, о рыбаках. В последующие годы в том же журнале выходят повести «По открытой воде», «Следы на песке», «Река и звезды». В 1978 году после длительного общения в письмах был в гостях у Виктора Петровича Астафьева, который жил тогда в Вологде.

В 1981 году стал членом Союза писателей СССР.

В 1983 году в московском издательстве «Современник» вышла первая книга прозы Виктора Политова «У затахующих костров» тиражом 100 тысяч экземпляров. С 1988 года безвыездно, вплоть до безвременной кончины, жил в хуторе Берёзки Серафимовичского района Волгоградской области.

стр. 201 СПЕРАНСКИЙ Виталий Владимирович родился в 1946 году в городе Комсомольске-на-Амуре. Учился в Уфимском энергетическом техникуме. Служил в Группе советских войск в Германии. Участвовал в Чехословацких событиях 1968 года, за что был награждён благодарственным письмом от Министра обороны СССР. В 1970 году приехал на строительство КамАЗа. Работал электромонтёром, водителем самосвала, инкассатором, водителем-перегонщиком автомобилей КамАЗ, инструктором служебного собаководства, заместителем директора средней школы и водителем школьного автобуса. Женат. Есть дети и внуки. В настоящее время на пенсии.

стр. 230 СТЕПАНОВА Елена Анатольевна 1974 года рождения – автор, пишущий для детей. Живёт в городе Набережные Челны Республики Татарстан. Закончила с красным дипломом Набережночелнинский государственный педагогический институт. Работает учителем начальных классов.

стр. 176 ХАЙРУЛЛИН Камиль Хасанович родился в 1946 году в Казани. Окончил физический факультет и аспирантуру Казанского университета. Кандидат философских наук. В течение 35-ти лет преподавал в вузах Казани. Был заведующим и профессором кафедры философии Казанского педагогического университета (1987–2010). Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Специалист в области русского космизма и космической философии. Автор более 70-ти научных работ. Пишет стихи, песни и очерки о поэтах, писателях и художниках. Публиковался в поэтических сборниках и периодической печати.

стр. 87 ЧВАНОВ Михаил Андреевич родился 25 июля 1944 года в Башкирии, на реке Юрюзани в деревне Старо-Михайловка Салаватского района в семье инвалида Великой Отечественной войны. В 1967 году окончил филологический факультет Башкирского университета. Преподавал математику и черчение в сельской школе, был разнорабочим на стройке, работал в молодёжной газете, в Башкирском книжном издательстве, в правлении Союза писателей Башкортостана. Автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, в Воронеже, в Москве. Известен также как исследователь

и популяризатор жизни и творчества великого русского писателя С.Т. Аксакова и его сыновей: И.С. Аксакова и К.С. Аксакова. Автор двух книг об Аксаковых и целого ряда статей и эссе, которые помимо России публиковались в периодике Сербии и Болгарии. Возглавляет Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова в Уфе, в своё время созданный при его активном участии. В короткое время при помощи созданного им же Аксаковского фонда музей превратился в известный не только в России общественно-культурный центр, активно проводящий в жизнь евразийскую идею славяно-тюркского и православно-мусульманского согласия.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и премии им. К. Симонова Международной ассоциации писателей баталистов и маринистов. В июле 2006 года награждён Большой литературной премией первой степени Союза писателей России за книгу «Мы – русские? Всего мира

Надеждо и Утешение». С 2009 г. – почётный гражданин г. Уфы.

стр.
81

ЧИСТЯКОВ Геннадий Александрович – поэт, член Союза писателей России. Родился 3 февраля 1939 года в Новгородской области на станции Песь. Окончил Ленинградский техникум промышленной теплотехники, работал монтажником, наладчиком котельных. С 1989 по 2006 годы крестьянствовал. С 70-х годов прошлого века – член ЛИТО «Тосненская сторонка», которым руководит поэт Николай Рачков. В 1989-м году у Чистякова в Лениздате вышла книжка прозы «Спящие на том берегу», а в 2007-м книжка стихов «Круговорот» в издательстве «Вести». Публиковался в «Литературной России», в журналах «Нева», «Аврора», «Роман-журнал XXI век», «Невский альманах» и др.

Лауреат литературной премии им. А.А. Прокофьева «Ладога» за 2009 год.

Проживает в селе Ушаки Тосненского района Ленинградской области.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

СВЕТЛАНА КОЛИНА

БУЛГАР, ВОССТАЮЩИЙ ИЗ ПЕПЛА 3

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ВЕСНЫ

ГУЛЬНАЗ ДАНИЛОВА, УФА

АКСАКОВСКИЕ МАРШРУТЫ ПОВОЛЖЬЯ 8

ОЛЬГА СМОЛЬКОВА

ПРИКАМЬЕ ПОМНИТ ПАСТЕРНАКА 11

КАЗАНСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

ГАЛАКТИКА ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ.....13

ДИНА САДЫКОВА

И В ПОЭЗИИ ЕСТЬ ИГРА 14

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА

ПИСЬМА ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ 17

P.S. К ЮБИЛЕЮ

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ,

ЗА ВСЮ ЛЮБОВЬ РАСПЛАТИМСЯ ЛЮБОВЬЮ.....21

КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ К НАМ!.....25

1941–1945: ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИКТОР ПОЛИТОВ

«Я, МОЖЕТ БЫТЬ, ЖИВУ НА СВЕТЕ С ДУШОЙ, РАССТРЕЛЯННОЙ С ТЕХ ПОР...» 28

РАИСА ВАЛЕЕВА

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.....31

ЛЕВ КОЖЕВНИКОВ

ГЛУХАРЬ.....62

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

ПЕСНИ РУССКОЙ ОКРАИНЫ 74

ГЕННАДИЙ ЧИСТЯКОВ

НЕ ГЛУМИТЕСЬ, ИДУЩИЕ ВСЛЕД.....81

РЕКВИЕМ

МИХАИЛ ЧВАНОВ

СЕРЕБРИСТЫЕ ОБЛАКА.....87

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА МИНГАЗОВА

ПО НЕБЕСНОЙ РЕКЕ 155

ЛОРА ЗАВИЛЯНСКАЯ

НЕУМОЛКАЮЩИЙ МОТИВ 160

ПОЭТЫ УХОДЯТ, СТИХИ ОСТАЮТСЯ**МИХАИЛ АНИЩЕНКО**

ПРИ ПОПЫТКЕ К БЕГСТВУ 167

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН

«СТИХИ ДИКТУЮТСЯ БОГАМИ...» 176

ПОЭЗИЯ ДВАДЦАТИЛЕТНИХ**ИРИНА МИГАЧЁВА**

ДРУГАЯ ДОРОГА.....196

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ**РАУЗА СУЛТАНОВА**

ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ! 200

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ**ВИТАЛИЙ СПЕРАНСКИЙ**

ЧАС СОБАКИ 201

НЕФОРМАТ**НАИЛЯ АХУНОВА**

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ЧЁРНЫХ КОШЕК.....225

МАМА, ПОЧИТАЙ!**ГАЗИНУР МУРАТ**

ДЕТСКИЕ СТИХИ 228

ЕЛЕНА СТЕПАНОВА

ДЕТСКИЕ СТИХИ 230

ЕЛЕНА КРЫЛОВА

ДЕТСКИЕ СТИХИ 235

2014 — ГОД ЛЕРМОНТОВА**ИАНА КАН****НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА**

ВЗГЛЯД ПОЭТА НА ЖИЗНЬ ПОЭТА 240

ИЗДАНО В РОССИИ**НАТАЛЬЯ ПЕРВОВА**

РЕЦЕНЗИИ 243

НАШИ АВТОРЫ .....250**ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ****ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: КАЗАНЬ НАКАНУНЕ УНИВЕРСИАДЫ****ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: ЗНАКОМЬТЕСЬ, АЛЕКСАНДР ПЕТРОВ!****ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: А. ПЕТРОВ. «ОКНО ПОЭТА» Х. М. 60X80. 2006 Г.**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

Татарстанское отделение

Союза российских писателей

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 16.05.2013 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.

Заказ С1080

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу:
423809, Татарстан, г. Набережные Челны,
а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Жела-
телен диск с набором, фотография, краткая
биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвра-
щаются. Читательские письма и предложе-
ния могут быть опубликованы в альманахе.
Ответственность за достоверность инфор-
мации несут авторы материалов. Мнения
авторов могут не совпадать с мнением
редакции. При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан»
обязательна.

Для приобретения номера и размеще-
ния рекламы социальной направленно-
сти обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru,
тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

А. Петров. «Окно поэта» х. м. 60x80. 2006 г.

ЗВАННЫЕ ГОСТИ

НАТАЛЬЯ КОЖЕВНИКОВА

Как нетленна любовь, так и вечен народ –
В безоглядной дали и в тюремном бараке.
Вот и холм посредине села от невзгод
Уцелел и поёт, и сияет во мраке.
А над ним, не спеша, без незначащих слов
Поднимается церковь из золота сосен,
Упираясь свечами своих куполов
В осиянное небо, в пресветлую осень...

* * *

Я. УДИН

Когда я писал свою малую родину, своё село, своих земляков, свой народ, который почти целиком жил в одном селе, писал родню свою, находил в них и доброе, и злое, а теперь, когда жизнь так страшно изменилась, когда кругом, как порою кажется, одно только зло, и мой народ так безвинно пострадал, рассеялся по свету и находится на грани исчезновения, и я уже не бываю там, на малой родине, – теперь моё село, моё старое, древнее, ветхозаветное село превратилось для меня в сплошной рай, а мои земляки – в ангелов...

Цикл стихотворений Натальи Кожевниковой «Лестница в сад» (Оренбург) и и прозу Я. Удина «Оранжевый клюв дрозда» читайте в сентябрьском номере литературного журнала «Аргмак. Татарстан».